

МАКІАВЕЛЛИ,
КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

МАКІАВЕЛЛИ

КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

Credo che il maggiore bene, che si faccia e il più grato a Dio è quello, che si fa alla sua patria.

Machiavelli.

А. С. АЛЕКСѢЕВА.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Л. ВАСИЛЬЕВА.

1880.

По опредѣленію Юридическаго Факультета, Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется. 1879 года, Ноября 29 дня.

За декана Юрид. Факульт. орд. проф. *А. Павловъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Das beste, was der Mensch zu leisten vermag, besteht nicht in dem, was er thut, sondern in dem, was er in edlen und tüchtigen Geistern anregt.

A. Feuerbach.

Въ 1877 г. появилось новое изслѣдованіе о Макиавелли: «Machiavelli e il suo tempo» Виллари. Если прежніе ученые, писавшіе о флорентинскомъ секретарѣ, ограничивались толкованіемъ и критической оцѣнкой воззрѣній Макиавелли и не изслѣдовали тѣхъ историческихъ условій, которыя опредѣляли эти воззрѣнія, то Виллари все свое вниманіе сосредоточиваетъ на изученіи жизни автора «Князя» и той исторической эпохи, которая связана съ именемъ Макиавелли. Онъ не подвергаетъ анализу воззрѣній Макиавелли, а считаетъ эти воззрѣнія вполне выясненными прежними критиками и лишь задается вопросомъ: какъ и при какихъ условіяхъ сложилась политическая доктрина флорентинскаго секретаря?

Задача и метода книги Виллари заслуживали бы полнаго сочувствія, если было бы вѣрно то предположеніе, изъ котораго выходитъ италіанскій историкъ, т.-е, если бы сочиненія Макиавелли не пуждались болѣе въ изученіи и въ истолкованіи.

На самомъ же дѣлѣ это не такъ: политическая доктрина флорентинскаго секретаря, несмотря на ту богатую литературу, которую она вызвала, еще далеко не созрѣла для исторической критики. Изученіе сочиненій автора

«Князя» и знакомство съ литературой о Макиавелли убѣдили насъ, что приписываемыя флорентинскому секретарю воззрѣнія далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительному смыслу его ученія, и что цѣлый рядъ мыслей Макиавелли, всего ярче освѣщающихъ его политическія убѣжденія и философскую подкладку его ученія, или оставались по сіе время незамѣченными или ложно истолковывались. А пока воззрѣнія извѣстнаго писателя еще не изучены и не истолкованы съ достаточной основательностью и полнотою, до тѣхъ поръ и объясненіе этихъ воззрѣній условіями времени, можетъ повести лишь къ ложнымъ и совершенно произвольнымъ выводамъ, какъ то и доказываетъ книга Виллари *)).

Выходя изъ этого убѣжденія, мы, приступивъ къ нашему труду, поставили себѣ прежде всего задачею—изучить сочиненія Макиавелли, и на основаніи такого изученія, возстановить міросозерцаніе флорентинскаго секретаря, проникнуть глубже въ его философскія воззрѣнія и свести въ цѣльную и законченную систему его

*) Виллари, очевидно, не взялъ на себя труда самостоятельно изучить сочиненія Макиавелли и не сумѣлъ освободиться изъ подъ вліянія господствующихъ въ современной литературѣ воззрѣній на нравственное достоинство политическихъ правилъ Макиавелли: онъ примыкаетъ къ воззрѣніямъ, высказаннымъ Маттеромъ и Франкомъ (См. ниже стр. 238 и 239) и старается объяснить, какъ сложилось у Макиавелли воззрѣніе на политику, какъ на область, въ которой нравственныя правила неприменимы. Наше изслѣдованіе покажетъ, что Макиавелли никогда не помышлялъ о такомъ отдѣленіи политики отъ морали: весь трудъ Виллари, вся его эрудиція, весь его ученый аппаратъ, потрачены, такимъ образомъ, на объясненіе доктрины, которую на самомъ дѣлѣ никогда не проповѣдывалъ авторъ „Князя“ и которую Виллари не приписалъ бы Макиавелли; если бы изучилъ безпристрастно творенія флорентинскаго секретаря и не довѣрился бы авторитету вышеупомянутыхъ ученыхъ.

отдѣльныя положенія. Большинство писателей ограничивается выпиской нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сочиненій Макиавелли, наиболѣе выдающихся по своей рѣзкости и оригинальности *); другіе передаютъ вкратцѣ содержаніе его политическихъ трактатовъ, не упоминая объ его поэтическихъ произведеніяхъ и историческихъ трудахъ, и не обращая никакого вниманія на его философскія воззрѣнія **); третьи наконецъ стараются выяснитъ себѣ и тѣ основныя начала, на которыхъ покоится ученіе Макиавелли, но не берутъ на себя труда прослѣдить развитіе этихъ началъ и примѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ вопросамъ практической политики ***).

Первая часть нашего труда представляетъ собою попытку пополнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ о Макиавелли. Цѣль ея—выяснитъ міросозерцаніе Макиавелли и развернуть передъ читателемъ цѣльную картину политическаго ученія автора «Князя».

Такое систематическое изложеніе воззрѣній Макиавелли—задача не легкая. Макиавелли нигдѣ не излагаетъ своего міросозерцанія и не развиваетъ своихъ воззрѣній

*) Писатели старой школы, въ особенности: Gentillet Discours sur les moyens de bien gouverner et maintenir en paix un royaume où autre principauté.... Contre N. Machiavel 1579. Mazeris, De Machiavel et de l'influence de sa doctrine sur les opinions, les mœurs et la politique de la France pendant la révolution. 1816. Machiavel où morceaux choisis et pensées de cet écrivain par Mr. L. H***; Hoffmann Œuvres T. VIII; Critique T. V 1831; изъ новѣйшихъ писателей—Paul Janet, Histoire de la science politique des trois derniers siècles 1872. T. II.

**) Bluntschli, Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik 1867. Члечерпизъ, Исторія политическихъ ученій T. I.

***) Ad. Franck, Reformateurs et publicistes de l'Europe 1864.; Ferrari, "Machiavel, juge des révolutions de notre temps 1849.; Vorländer, Geschichte der philosophischen Moral-Rechts und Staats-Lehren 1855.

на мораль, религію и государство, а выставляет лишь отдѣльныя положенія и практическія правила. Эти правила и положенія разбросаны по его многочисленнымъ сочиненіямъ и, лишь сопоставляя ихъ между собою, видя въ ихъ внутреннюю связь и стараясь раскрыть ту логическую нить, которая объединяетъ ихъ, можно возстановить основныя философскія воззрѣнія, на которыхъ покоится все ученіе Макиавелли.

Изложивъ въ первой части нашей книги ученіе Макиавелли, какъ систематическое цѣлое, мы во второй части дѣлаемъ попытку прослѣдить генезисъ этого ученія и задаемся вопросомъ: какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія воззрѣнія Макиавелли?

Этимъ вопросомъ задается и Виллари въ своей исторической монографіи: «Machiavelli e il suo tempo». Онъ развертываетъ передъ нами картину культурнаго быта Италіи въ эпоху возрожденія, затѣмъ излагаетъ біографію Макиавелли въ связи съ исторіей его времени и старается показать, какъ постепенно слагались его политическія воззрѣнія подъ вліяніемъ пережитыхъ имъ событій и впечатлѣній, испытанныхъ имъ на пути его служебной дѣятельности. Такова же была первоначально и программа второй части нашего изслѣдованія, по вѣншія обстоятельства, не позволившія намъ воспользоваться матеріаломъ, необходимымъ для выполненія этой программы и желаніе не откладывать выхода нашего труда, знакомящаго читателя съ результатами нашего изученія сочиненій Макиавелли, побудили насъ измѣнить этотъ первоначальный планъ и ограничиться изслѣдованіемъ тѣхъ сторонъ затронутого нами во второй части вопроса, которыя не нашли себѣ должнаго освѣщенія въ книгѣ Виллари. Италіанскій историкъ, какъ намъ кажется, не воспользовался тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который заключается въ самыхъ сочиненіяхъ Макиавелли и въ

особенности въ его посольскихъ донесеніяхъ и письмахъ. Его біографія Макиавелли не столько говоритъ о Макиавелли, сколько о тѣхъ событіяхъ, которыя разыгрались на его глазахъ; онъ нерѣдко пускается въ очень подробное и крайне обстоятельное изложеніе историческихъ эпизодовъ, не оставившихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ на политической доктринѣ Макиавелли. Съ другой же стороны онъ упускаетъ изъ виду цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ посольскихъ донесеніяхъ Макиавелли, прямо указывающихъ на то, какъ и когда зародились зачатки тѣхъ воззрѣній Макиавелли, которыя подробно развиты и обоснованы имъ въ его политическихъ трактатахъ. Ограничиваясь во второй части нашего труда изученіемъ посольскихъ донесеній и писемъ Макиавелли въ связи съ позднѣйшими трактатами, мы стараемся пополнить эти недостатки и пробѣлы въ трудѣ Виллари и доказываемъ, что политическое ученіе Макиавелли не что иное, какъ отвѣтъ на вопросъ, какъ должно быть устроено государство, чтобы оно не страдало тѣми недугами, которыми была заражена современная ему Флоренція; что всѣ основныя положенія Макиавелли, выясняющія намъ его воззрѣнія на происхожденіе и сущность морали, на воспитательную задачу государства и на тѣ условія, которыя благопріятствуютъ развитію гражданскихъ добродѣтелей, суть, во-первыхъ, послѣдствія его взгляда на природу человѣка, сложившагося въ теченіи его долгомѣтной общественной дѣятельности, во-вторыхъ, результатъ его наблюденій надъ испорченностію италіанскаго народа и его размышленій, надъ причинами этой испорченности.

Изложивъ въ первой части нашего труда ученіе Макиавелли, объяснивъ во-второй, какъ и при какихъ условіяхъ сложилось это ученіе, мы въ третьей и послѣдней части нашего изслѣдованія подвергаемъ это

ученіе критической оцѣнкѣ и стараемся опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ Макиавелли въ исторіи политическихъ ученій. Эта часть въ свою очередь распадается на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ мы указываемъ на отношеніе ученія Макиавелли къ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ. Такъ какъ никакой преемственной связи между воззрѣніями средневѣковыхъ писателей и ученіемъ Макиавелли не существуетъ, то мы указываемъ лишь вкратцѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ на ту рѣзкую грань, которая отдѣляетъ міросозерцаніе Макиавелли и его ученіе о государствѣ отъ тѣхъ воззрѣній, которыя господствовали въ средніе вѣка. — Во второмъ отдѣлѣ мы опредѣляемъ то отношеніе, въ которомъ Макиавелли стоялъ къ политической доктринѣ своего времени и, дабы имѣть болѣе твердую точку опоры, останавливаемся на главномъ представителѣ этой доктрины и проводимъ параллель между воззрѣніями Гвичардини и Макиавелли. Въ третьемъ отдѣлѣ мы рассматриваемъ воззрѣнія Макиавелли, оказавшія вліяніе на дальнѣйшій ходъ политической мысли; останавливаемся подробно на той преемственной связи, которая, по нашему мнѣнію, существуетъ между ученіемъ Макиавелли и утилитарными теоріями XVIII и XIX вв. и заканчиваемъ нашъ трудъ изслѣдованіемъ вопроса: что могло побудить писателя, такъ горячо и искренно преданнаго политической свободѣ, написать трактатъ о тираніи?

Этотъ бѣглый обзоръ содержанія нашего труда долженъ былъ убѣдить читателя, что наша книга не представляетъ собою цѣльнаго и законченнаго изслѣдованія о Макиавелли, а является ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ этюдовъ о вопросахъ, которые или совсѣмъ упущены изъ виду или недостаточно обслѣдованы критиками и истолкователями политической доктрины флорентинскаго секретаря,

Цѣль этихъ этюдовъ, — доказать, наперекоръ господствующимъ въ современной литературѣ воззрѣніямъ, что Макиавелли разсматривалъ политическіе вопросы не съ односторонней точки зрѣнія практическаго политика, а изучалъ явленія государственной жизни въ связи со всѣми вліяющими на нихъ условіями, что онъ не только не отрицалъ морали, а напротивъ считалъ нравственныя требованія обязательными для политика и видѣлъ въ гражданскихъ добродѣтеляхъ главное основаніе общезжитія, что онъ съ неумолимой логикой доказывалъ развращающее вліяніе деспотизма на народныя нравы и видѣлъ въ республикѣ государственную форму, которая одна можетъ примирить противоположность общественныхъ интересовъ, обезпечить матеріальное благосостояніе народа, и раскрыть этому народу путь къ нравственному просвѣтлѣнію.

Мы думаемъ, что эти воззрѣнія Макиавелли имѣютъ интересъ не только для историка политической мысли, но и для всякаго, задумывающагося надъ основными проблемами политической науки. Вполнѣ сознавая недостатки и пробѣлы въ нашемъ трудѣ, мы утѣшаемся надеждою, что наше изслѣдованіе, впервые освѣтившее и развившее эти воззрѣнія Макиавелли, найдетъ среди русской публики внимательныхъ и благосклонныхъ читателей.

Москва.
18 Декабря 1879 г.

А. С. Алексѣевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.



	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	V—XI
Введеніе: Литература о Макиавелли	1—22

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Систематическое излож. политич. учен. Макиавелли.	23—106
I. Міросозерцаніе Макиавелли	25
II. Цѣль государства и перевоспитаніе человѣка въ государствѣ.	36
1. Племя, національность и государство.	36
2. Человѣческая природа.	41
3. Перевоспитаніе человѣка въ государствѣ	49
III. Условія, вліяющія на государственную жизнь.	63
1. Условія мѣстности.	63
2. Историческое прошедшее.	66
IV. Народъ.	69
V. Дворяне, вельможи, князь.	75
1. Дворяне и вельможи.	75
2. Князь.	76
VI. Республика.	78
1. Республика—наилучшая государствен. форма.	78
2. При какихъ условіяхъ и какими средствами вводится республика.	83
3. Какими средств. поддерживается республика.	86

VII. Княжество.	90
1. При какихъ условіяхъ и какими средствами вводится княжество.	90
2. Какими средствами поддерживается княжество	99

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія и политическія воззрѣнія Макиавелли.	107—168
I. Задача Макиавелли.	109
II. Какъ и при какихъ условіяхъ сложились политическія воззрѣнія Макиавелли.	124
III. Какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія воззрѣнія Макиавелли.	149

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мѣсто, занимаемое Макиавелли въ исторіи политическихъ ученій	169—336
I. Макиавелли и политическая доктрина среднихъ вѣковъ.	172
II. Макиавелли, Гвичардини и Боденъ.	179
1. Предварительныя замѣчанія.	79
2. Изложеніе политическаго ученія Гвичардинг.	183
3. Макиавелли и Гвичардини	193
4. Макиавелли и Боденъ.	202
III. Воззрѣнія Макиавелли, оказавшія вліяніе на дальнѣйшій ходъ политической мысли.	209
1. Метода Макиавелли.	209
2. Воззрѣніе Макиавелли на происхожденіе и сущность государства.	219
3. Ученіе Макиавелли о нравственности и утилитаризмъ.	228

I. Возрѣнія критиковъ Макиавелли на нравствен- ное достоинство его политическихъ совѣтовъ.	229
II. Ученіе Макиавелли о нравственности.	241
III. Разборъ мѣстъ изъ сочиненій Макиавелли, об- ратившихъ на себя особенное вниманіе кри- тиковъ	245
IV. Отношеніе политики къ нравственности, по возрѣнію Макиавелли.	256
V. Утилитаризмъ.	275
1. Гельвецій.	277
2. Гольбахъ.	284
3. Бентамъ.	290
4. Дж. Ст. Милль.	293
5. Клаверъ.	297
VI. Критическая оцѣнка ученія Макиавелли о нравственности.	306
IV. Макиавелли—защитникъ политической свободы.	316
Примѣчанія.	I—XXXVI



ВВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА О МАКИАВЕЛЛИ

On rencontrerait difficilement dans l'histoire de la philosophie et des lettres un nom tour à tour plus flétri et plus exalté, un génie plus deversément et plus mal compris, des écrits plus cités et moins lus, que le nom, le génie et les écrits de Machiavel.

Ad. Franck.

ЛИТЕРАТУРА О МАКИАВЕЛЛИ,



Литература о Макиавелли настолько обширна и поучительна, что вызвала целый ряд исследований, между которыми по полноте библиографических указаний, по добросовѣстному, спокойному и безпристрастному отношению къ разсматриваемымъ писателямъ, первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, труду Моля: *Die Machiavelli Litteratur*. Въ этомъ изслѣдованіи нѣмецкій ученый собралъ все, сколько нибудь замѣчательные отзывы и мнѣнія о Макиавелли, какъ о политическомъ писателѣ, изложилъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ и подвергнулъ ихъ критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія своего воззрѣнія на достоинство политическихъ трактатовъ флорентинскаго секретаря.

Въ предлагаемомъ обзорѣ главнѣйшихъ сочиненій, посвященныхъ Макиавелли, мы поставили себѣ такую задачу. Наша цѣль, во первыхъ, показать, какъ сложилась тѣ ложныя воззрѣнія на Макиавелли, которыя держатся еще по сіе время въ литературѣ и обществѣ, во вторыхъ, объяснить, въ силу какихъ причинъ возникли эти воззрѣнія; въ третьихъ, опредѣлить, что по

наше время сдѣлано для пониманія Макиавелли и что еще остается сдѣлать. Такой обзоръ укажетъ намъ на пробѣлы въ литературѣ о Макиавелли и выяснитъ намъ, какой методъ мы должны слѣдовать при изученіи твореній флорентинскаго секретаря, чтобы не впасть въ заблужденія и ошибки его прежнихъ критиковъ и комментаторовъ.

Трактаты Макиавелли вызвали въ Италіи богатую политическую литературу ²⁾, самымъ замѣчательнымъ представителемъ которой должно считать Гвичардини. Этотъ государственный мужъ, политическій писатель и историкъ написалъ непосредственно по появленіи въ печати политическихъ трактатовъ Макиавелли критическія замѣчанія на разсужденія о первыхъ десяти книгахъ Тита Ливія. Въ этихъ замѣчаніяхъ, свидѣтельствующихъ о добросовѣстномъ и основательномъ изученіи сочиненій флорентинскаго секретаря, Гвичардини подвергаетъ отдѣльныя положенія Макиавелли обстоятельной и безпристрастной критикѣ. Онъ не соглашается съ возрѣціемъ Макиавелли на преимущества національныхъ войскъ надъ наемными ³⁾, старается опровергнуть доводы, которыми авторъ «Князя» подкрѣпляетъ свой взглядъ на языческую религію, какъ на одну изъ причинъ римскаго величія ⁴⁾, отрицаетъ, чтобы борьба патриціевъ съ плебеями содѣйствовала упроченію свободы въ Римѣ ⁵⁾ и не раздѣляетъ возрѣнія Макиавелли на достоинства народнаго правленія ⁶⁾. Но эти возраженія не касаются тѣхъ сторонъ политическаго ученія Макиавелли, которыя вызвали такія страстныя нападки со стороны позднѣйшихъ критиковъ. Гвичардини не только не считаетъ политическіе совѣты

Макиавелли безнравственными, но находить ихъ, напротивъ, вполне разумными и цѣлесообразными ⁷⁾ и весь тонъ его воззрѣній свидѣтельствуешь о томъ уваженіи, съ которымъ онъ относится къ своему знаменитому предшественнику. И у другихъ политическихъ писателей Италіи XVI вѣка мы замѣчаемъ тоже самое отношеніе къ Макиавелли. Никто не обвиняетъ его въ безнравственности, а всѣ признають въ немъ глубокаго мыслителя, тонкаго наблюдателя, остроумнаго писателя. Мы будемъ имѣть ниже случай подробно разобрать политическія воззрѣнія Гвичардини и его полемику съ Макиавелли, здѣсь-же мы констатируемъ лишь тотъ важный и поучительный фактъ, - что первый критикъ Макиавелли, изучившій его трактаты безъ всякой предвзятой мысли и находившійся въ политическихъ условіяхъ, которыя служили ему ключемъ къ пониманію и вѣрной оцѣнкѣ Макиавелли, не обвиняетъ его въ безнравственности и не впадаетъ въ ошибки и заблужденія послѣдующихъ критиковъ, вѣрному сужденію которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, мѣшали религіозныя и политическія тенденціи.

Первыми обличителями Макиавелли выступаютъ богословы, іезуиты и монахи ⁸⁾. Извѣстно, что Макиавелли стоитъ на свѣтской почвѣ и относится индифферентно къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, что онъ приписывалъ религіозному воспитанію католической церкви развращающее вліяніе на общественныя нравы, что онъ видитъ въ языческой религіи одну изъ причинъ величія Рима, и что онъ объясняетъ разъединеніе и раздробленность

Италии политикою папъ. Противъ этихъ то воззрѣній, противорѣчащихъ христіанскому міросозерцанію и ученію католической церкви, и вооружаются первые порицатели Макиавелли. Они выхватываютъ ихъ изъ той общей цѣпи умозаключеній, выяснивъ которую только и можно понять ихъ настоящій смыслъ и значеніе, и доказываютъ ихъ ложность, основываясь на свидѣтельствахъ Св. Писанія, приводя примѣры изъ библейской исторіи и житія святыхъ и ссылаясь на авторитеты отцовъ церкви и средневѣковыхъ писателей ⁹⁾. Чтобы поколебать авторитетъ Макиавелли, они изобличаютъ его въ невѣжествѣ, утверждаютъ, что онъ ничего не смыслилъ въ политикѣ, и что онъ обязанъ своими ссылками на древнихъ писателей своимъ друзьямъ, снабдившимъ его необходимыми цитатами ¹⁰⁾. Желая придать большую убѣдительность своимъ доводамъ и подкрѣпить свой взглядъ на Макиавелли, какъ на атеиста и безбожника, они не только выставляютъ его писателемъ, лишеннымъ всякаго нравственнаго чутья, но и стараются заподозрить его личный характеръ и сочиняютъ про него небылицы съ цѣлью набросить тѣнь на его частную жизнь и общественную дѣятельность ¹¹⁾. Они не скупаются на сильныя выраженія и осыпаютъ безсовѣстнаго безбожника ругательствами, дѣлающими честь ихъ изобрѣтательности ¹²⁾. Самые хлесткіе и смѣлые обличительные трактаты были написаны людьми, вовсе не читавшими сочиненій Макиавелли и знакомыми съ его воззрѣніями лишь по наслышкѣ ¹³⁾. О серьезной критикѣ политическаго ученія Макиавелли у этихъ писателей не можетъ быть и рѣчи. Ихъ интересуеь

Макиавелли не какъ политическій писатель, а какъ врагъ свѣтскаго владычества папъ, какъ свободный мыслитель, не признававшій авторитета католической церкви. Если они и упоминають о нѣкоторыхъ политическихъ правилахъ, встрѣчающихся въ «*Il Principe*», то лишь для того, чтобы извратить ихъ смыслъ, изобличить Макиавелли въ безнравственности, унизить его въ глазахъ читателя и возбудить негодованіе противъ писателя, осмѣлившагося усомниться въ законности свѣтскихъ притязаній папъ ¹⁴). Остріе ихъ полемики направлено не столько противъ Макиавелли, сколько противъ свѣтскаго міросозерцанія вообще и противъ лжеученій, которыя были вызваны расколомъ въ западной церкви.

Если сочиненія этихъ писателей, впервые вооружившихся противъ Макиавелли, и лишены всякаго научнаго значенія, то они тѣмъ не менѣе важны для насъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, гдѣ должно искать настоящій источникъ тѣхъ ложныхъ воззрѣній, которыя выставляютъ Макиавелли безнравственнымъ писателемъ. Этотъ источникъ — невѣжество и беззастѣнчивость въ союзѣ съ религіозными предрасудками и фанатизмомъ учениковъ Лойолы.

Вслѣдъ за іезуитами и монахами выступили и свѣтскіе писатели, вооружившіеся противъ Макиавелли не во имя религіи, а изъ политическихъ мотивовъ. Къ этимъ писателямъ принадлежатъ Боденъ и Джентилье. О полемикѣ Бодена съ Макиавелли мы будемъ имѣть случай говорить ниже; здѣсь же ограничимся краткой характеристикой книги Джентилье ¹⁵). Мотивы, цѣль и

метода этой книги какъ нельзя яснѣе вытекаютъ изъ предисловія, которое Джентиле предпосылаетъ своему труду. Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «моя цѣль показать, что Макиавелли ничего или по крайней мѣрѣ очень мало смыслилъ въ политической наукѣ, и что онъ выставляетъ жестокія правила, на которыхъ и построилъ науку не политическую, а тираническую... Макиавелли былъ невѣжда въ политическихъ дѣлахъ. Да онъ и не соединялъ въ себѣ тѣхъ условій, которыя необходимы для пониманія политической науки. Онъ не обладалъ опытомъ; да и имѣть его не могъ, ибо ничего не видалъ на своемъ вѣку, кромѣ ссоръ и передрагъ нѣкоторыхъ мелкихъ тирановъ Италіи. Въ исторіи онъ также былъ круглый невѣжда. Основательныхъ и твердыхъ сужденій мы у него не замѣчаемъ, его аргументація поверхностна и свидѣтельствуется лишь объ его умственномъ безсиліи, Онъ обладалъ нѣкоторымъ остроуміемъ, но это остроуміе служитъ ему лишь для того, чтобы придать соблазнительную окраску злымъ и безправственнымъ совѣтамъ ¹⁶⁾... О жизни и смерти Макиавелли я ничего сказать не могу, да, по правдѣ сказать, и не старался наводить справокъ о жизни человѣка, память котораго заслуживаетъ вѣчнаго забвенія. Но я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь утверждать, что никогда не существовало человѣка, который до такой степени былъ бы погруженъ въ омутъ пороковъ, какъ этотъ флорентинецъ. Изъ его предисловія къ «Князю» видно, что онъ былъ изгнанъ изъ Флоренціи и жилъ въ ссылкѣ... И въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ онъ раз-

сказываетъ намъ, что онъ жилъ то во Франціи, то въ Римѣ, то въ другихъ городахъ, не въ качествѣ посланника (ибо въ такомъ случаѣ онъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ), а ссыльнымъ и бѣглецомъ ¹⁷⁾). Кромѣ книги о князѣ; онъ написалъ еще разсужденія о первыхъ десяти главахъ Тита Ливія. Здѣсь онъ выхватываетъ отдѣльныя мѣста изъ Ливія, пересыпая ихъ при мѣрами изъ исторіи мелкихъ италіанскихъ княжествъ. Онъ писалъ также о военномъ дѣлѣ, но тутъ приходится удивляться только той смѣлости, съ которой онъ говоритъ о предметѣ совершенно ему незнакомомъ ¹⁸⁾). Я свелъ отдѣльныя положенія Макиавелли къ общимъ правиламъ, которыя и раздѣлилъ на три группы. Я не могъ слѣдовать порядку изложенія Макиавелли, ибо мнѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ возвращаться къ одному и тому же вопросу по нѣскольکو разъ ¹⁹⁾... Если мнѣ скажутъ, что я выворачиваю лишь одну дурную сторону ученія Макиавелли, то я отвѣчу, что все что принадлежитъ Макиавелли, нигуда негодится. Если онъ, выставляетъ иногда и хорошія правила другихъ авторовъ, то лучше познакомиться съ этими правилами въ сочиненіяхъ самихъ авторовъ, гдѣ они гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ у Макиавелли» ²⁰⁾). Еще интереснѣе тѣ мѣста предисловія, въ которыхъ Джентиле говоритъ о мотивахъ, побудившихъ его написать свою книгу. «При Францискѣ I и Генрихѣ II сочиненія Макиавелли» говоритъ Джентиле «не читались, и Франціей управляли люди вѣрные древнимъ обычаямъ и предаціямъ старины. Со смертію же Генриха вторглась во Францію италіан-

ская или, лучше сказать, флорентинская система правленія, проповѣдуемая Макиавелли, такъ что съ этого времени имя этого флорентинца сдѣлалось знаменитымъ и уважаемымъ, какъ имя мудрѣйшаго во всемъ мѣрѣ человѣка. И этому нечего удивляться, ибо всѣ любятъ слѣдовать обычаямъ своей страны (намекъ на Екатерину Медичи) ²¹⁾. Дворъ кишитъ италіанцами, и если хочешь чего добиться, нужно умѣть объясниться на языкѣ этихъ иностранцевъ. Италіанцы управляютъ Франціей, издають законы, пишутъ предписанія, ведутъ вѣдущую и внутреннюю переписку, занимаютъ лучшія мѣста, завѣдуютъ королевскими доменами ²²⁾. Въ древнее время Франція управлялась законами, она наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, теперь же, когда во Франціи царствуетъ Макиавеллисты, законы попираются, внутренній миръ нарушенъ, торговля и промышленность въ упадкѣ ²³⁾. Если меня спросятъ изъ чего я заключаю, что современная Франція управляется Макиавелли, то я отвѣчу слѣдующее: извѣстный образъ дѣйствія вытекаетъ изъ общихъ правилъ, а если мы посмотримъ на образъ дѣйствій современныхъ правителей Франціи, то увидимъ, что оно вполне согласуется съ правилами, проповѣдуемыми Макиавелли» ²⁴⁾. Въ заключеніи Дженгилье обращается съ воззваніемъ къ правителямъ Франціи, умоляя ихъ покинуть путь атеизма, безбожія, вѣроломства, тираніи, жестокости, грабежа, вымогательствъ (atheisme, impiété, perfidie, tyranie, cruauté, pillieris, usures). «Неужели вы допустите», восклицаетъ онъ, «чтобы эти италіанцы сѣяли атеизмъ и безправственность въ вашей странѣ,

чтобы они воздвигали школы безбожія. Не забудьте, что Франція всегда свято хранила христіанскую религію, что наши древніе короли своимъ благочестіемъ и религіозностію заслужили столь почетный титулъ христіанскихъ королей ²⁵⁾». Изъ этого предисловія, какъ нельзя яснѣе, вытекаетъ, что цѣль книги Джентиліе — не изучить политическое учене Макиавелли, а изобличить въ безбожіи и безправственности людей, стоявшихъ во главѣ Франціи. Его нападки направлены не противъ Макиавелли, а противъ Катерины Медичи и ея соподвижниковъ. Вооружаясь не противъ настоящихъ виновниковъ возмущавшей его политической системы, а противъ писателя давно замолкнувшаго, Джентиліе могъ дать волю своему негодованію и свободнѣе разсуждать о тѣхъ недугахъ, которыми страдало его отечество. И, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ упоминаетъ лишь о тѣхъ мѣстахъ въ сочиненіяхъ Макиавелли, которыя могли напомнить читателю ту политическую систему, которая возмущала лучшихъ людей Франціи. По поводу этихъ мѣстъ Джентиліе пускается въ пространныя разсужденія о политическомъ состояніи Франціи, объ его недостаткахъ и о тѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ они могли бы быть устранены. Не находя у Макиавелли всѣхъ тѣхъ политическихъ правилъ, противъ которыхъ онъ считаетъ необходимымъ вооружаться, Джентиліе или извращаетъ смыслъ словъ Макиавелли или приписываетъ ему возрѣнія, которыя никогда не высказывалъ авторъ «Князя» ²⁶⁾. Чтобы вызвать въ читателѣ негодованіе противъ политической доктрины Макиавелли, Джен-

тилье, какъ и его предшественники іезуиты и монахи, выставляютъ его извергомъ рода человѣческаго. Мы привели выше слова Джентилье, изъ которыхъ видно, какимъ путемъ онъ приходитъ къ этому выводу.

Мы остановились по подробнѣе на книгѣ Джентилье, ибо книга эта имѣла большой успѣхъ: она выдержала нѣсколько изданій, была переведена на иностранные языки и вызвала цѣлый рядъ сочиненій, написанныхъ въ томъ же духѣ ²⁷). Джентилье первый пустилъ въ обращеніе слово макиавеллизмъ для обозначенія политики, которая пренебрегаетъ нравственными правилами и считаетъ всякое средство дозволеннымъ, какъ скоро оно ведетъ къ желанной цѣли. Съ его легкой руки это слово укоренилось въ литературѣ и обществѣ и установилось мнѣніе, будто Макиавелли въ своихъ сочиненіяхъ возвелъ въ теорію политику виновниковъ Ворфоломеевской ночи.

Возрѣнія, приписанныя Макиавелли разсмотрѣнными нами писателями, не могли не возбудить всеобщаго интереса и любопытства. Изученіе писателя, открыто проповѣдывавшаго безбожіе и политическое коварство, должно было казаться многимъ благодарной темой для ученыхъ диссертаций и разсужденій. И вотъ выступаетъ цѣлый рядъ писателей, для которыхъ политическія правила Макиавелли, собранныя и истолкованныя Джентилье, служатъ поводомъ для разсужденій о недозволительности безнравственныхъ средствъ въ политикѣ и о преимуществѣ добродѣтели надъ порокомъ. Перечислять эти сочиненія, а тѣмъ болѣе передавать ихъ содержаніе мы не будемъ, такъ какъ всѣ они свидѣтельствуютъ о не-

знакомствѣ авторовъ съ писателемъ, о которомъ разсуждаютъ и суть не что иное, какъ плоскія и безсодержательныя разсужденія съ точки зрѣнія прописной морали о нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ сочиненій Макиавелли, выхваченныхъ на удачу и нерѣдко искаженныхъ до неузнаваемости ²⁸).

Интереснѣе сочиненія тѣхъ писателей, которые взяли на себя трудъ прочитать если не всѣ сочиненія Макиавелли, то по крайней мѣрѣ его главнѣйшіе политическіе трактаты и замѣтившіе, что сужденія предшествующихъ критиковъ противорѣчатъ воззрѣніямъ Макиавелли и не согласуются съ общимъ смысломъ его политическаго ученія. Одни изъ нихъ обращаютъ особенное вниманіе на тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Макиавелли, которыя опровергаютъ главнѣйшія взводимыя на него обвиненія и противопоставляютъ эти мѣста приписываемымъ Макиавелли воззрѣніямъ. Такъ, напр., поступаетъ Амело-дела-Гуссе ²⁹). Мнѣніе, будто Макиавелли былъ атеистомъ, онъ опровергаетъ тѣмъ, что приводитъ 12 гл. I кн. и 1 гл. III кн., «Discorsi», въ которой Макиавелли говоритъ о важномъ значеніи религіи для государственной жизни; неосновательность воззрѣнія, будто Макиавелли былъ приверженцемъ тираніи, онъ доказываетъ тѣмъ, что обращаетъ вниманіе читателей на 10 гл. I кн. Discorsi, гдѣ Макиавелли хвалитъ основателей республики и порицаетъ основателей тираніи. Другіе писатели стараются объяснить жестокость и суровость политическихъ правилъ, встрѣчающихся въ «Il Principe» или тѣмъ, что задача Макиавелли указать на тѣ средства,

которыми вводятся и поддерживаются государственныя учрежденія и что эти средства не могутъ быть всегда гуманшыми, какъ не могутъ быть всегда пріятными болѣзному лекарству, прописываемыя врачомъ ³⁰⁾, или тѣмъ, что Макиавелли предлагалъ совѣты лишь новому князю ³¹⁾, или князю, завладѣвшему престоломъ незаконными средствами ³²⁾. Третьи, наконецъ, обращаютъ особенное вниманіе на тѣ страницы въ сочиненіяхъ флорентинскаго секретаря, въ которыхъ Макиавелли является открытымъ защитникомъ политической свободы и непримиримымъ врагомъ тираніи. Они задались вопросомъ: какъ могъ писатель, такъ горячо защищавшій республиканскій строй, написать книгу, въ которой онъ предлагалъ совѣты тирану? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ они пускаются въ различныя догадки, между которыми наиболѣе успѣхъ имѣла мысль, высказанная Джентилисомъ ³³⁾, повторенная Руссо ³⁴⁾ и подробнѣе развитая Альфіери ³⁵⁾. Эти писатели объясняютъ политическую тенденцію «*Il Principe*» тѣмъ, что Макиавелли хотѣлъ будто бы выставить въ этой книгѣ всю гнусность деспотизма и предостеречь народъ отъ сѣтей, разставляемыхъ тиранами.

Всѣ эти писатели не столько изучаютъ сочиненія Макиавелли, сколько стараются защитить Макиавелли отъ вводимыхъ на него обвиненій. И эта полемика увлекаетъ ихъ въ противоположную крайность, мѣшаетъ имъ спокойно и безпристрастно относиться къ разбираемому писателю и согласовать кажущіяся противорѣчія въ воззрѣніяхъ Макиавелли основательнымъ изученіемъ этихъ воззрѣній. Но это новое направленіе въ литературѣ о

Макиавелли имѣло то важное послѣдствіе, что воззрѣніе на автора «Князя», какъ на безнравственнаго писателя и приверженца тираніи перестало быть господствующимъ и что была освѣщена другая сторона въ ученіи Макиавелли, которая оставалась до того времени въ тѣни. Послѣдующіе писатели должны были считаться съ этими противоположными воззрѣніями и, стараясь примирить ихъ,—глубже вникнуть въ ученіе Макиавелли и обратить вниманіе на тѣ историческія условія, которыя опредѣлили его политическія убѣжденія и воззрѣнія.

Краткому обзору сочиненій этихъ новѣйшихъ критиковъ Макиавелли мы должны предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Критики XIX в. унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ воззрѣніе на Макиавелли, какъ на писателя, считавшаго всякое средство дозволеннымъ, какъ скоро оно ведетъ къ желанной цѣли. Кромѣ того литература предшествовавшихъ вѣковъ выставила на первый планъ вопросъ о томъ противорѣчій, которое будто бы существуетъ между «Discorsi» Макиавелли и его «Il Principe». Изслѣдованіе этихъ двухъ вопросовъ и составляетъ главное содержаніе критическихъ статей, посвященныхъ Макиавелли. Всѣ писавшіе о флорентинскомъ секретарѣ стараются прежде всего объяснить безнравственность политическихъ совѣтовъ Макиавелли и тотъ фактъ, что писатель, являющійся въ одномъ сочиненіи горячимъ и искреннимъ защитникомъ политической свободы, предлагаетъ въ другомъ совѣты тирану. И эти вопросы увлекаютъ ихъ до такой степени, что они не

обращаютъ должнаго вниманія на тѣ воззрѣнія Макиавелли, которыя не могутъ служить имъ матеріаломъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Стараясь объяснить индифферентное будтобы отношеніе Макиавелли къ предписаніямъ морали, они обращаются къ изученію его времени, рассуждаютъ объ общей распущенности нравовъ въ эпоху возрожденія и раздробленности Италіи и т. п., и эти историческія изслѣдованія заслоняютъ главную цѣль ихъ труда—объяснить политическія воззрѣнія Макиавелли. Другіе же, рассуждая о доктринѣ флорентинскаго секретаря, наталкиваются на вопросы объ отношеніи политики къ морали и отводятъ этому вопросу широкое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ. Третьи, наконецъ, разбирая мнѣнія ученыхъ, писавшихъ о Макиавелли, теряются въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній и отказываются отъ самостоятельнаго сужденія о значеніи Макиавелли, какъ политическомъ писателѣ ³⁶). Благодаря, такимъ образомъ, во-первыхъ разнорѣчію въ воззрѣніяхъ на Макиавелли, во-вторыхъ тому, что къ изученію Макиавелли приплетаются посторонніе вопросы, долженствующіе занять въ изслѣдованіяхъ Макиавелли лишь второстепенное мѣсто, въ третьихъ тому, что рассужденія о Макиавелли сводятся къ рассужденіямъ о причинахъ безнравственности его ученія и объ отношеніи «Il Principe» къ «Discorsi»—многія стороны въ ученіи Макиавелли остались и по наше время безъ должнаго освѣщенія и личность флорентинскаго секретаря, его ученіе и мѣсто, занимаемое имъ въ исторіи политическихъ ученій, не оцѣнены по достоинству.

Новѣйшихъ критиковъ Макіавелли можно раздѣлить на двѣ группы. Писатели первой группы, изучая политическія сочиненія Макіавелли, подвергаютъ ихъ подробному и тщательному анализу, и на основаніи такого изученія, не обращающаго вниманія на тѣ условія, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ флорентинскій секретарь, произносятъ свой приговоръ о Макіавелли. Другіе, наоборотъ, стараются объяснить ученіе Макіавелли не столько совокупностію его воззрѣній, его методою и его взглядомъ на задачи политической науки, сколько условіями его времени, въ которыхъ они видятъ ключъ къ пониманію воззрѣній Макіавелли.

Между писателями первой группы заслуживаютъ особеннаго вниманія Маттеръ ³⁷⁾, Форлендеръ ³⁸⁾ и Франкъ ³⁹⁾. Они добросовѣстно и основательно изучили главнѣйшіе политическіе трактаты Макіавелли, выяснили себѣ его воззрѣнія въ ихъ взаимной связи и излагаютъ ихъ наглядно, ясно и просто. Они видятъ въ немъ гениальнаго политическаго писателя, котораго ставятъ на ряду съ Аристотелемъ и Монтеस्कье. Они не сомнѣваются въ честности его личнаго характера, хвалятъ искренность его убѣжденій, его патріотизмъ и любовь къ свободѣ. Они не отрицаютъ, что Макіавелли выставлялъ правила, возмущающія нравственныя чувства современнаго чловека, но объясняютъ эти правила тѣмъ, что Макіавелли отдѣлялъ политику отъ морали и разсматривалъ политическіе вопросы исключительно съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Главный источникъ заблужденій этихъ писателей заключается въ томъ, что они не выясняютъ

себѣ практическихъ цѣлей сочиненій Макиавелли и не изслѣдуютъ ту обстановку, которая опредѣлила его воззрѣнія и политическія убѣжденія. Они, кромѣ того, не освѣщаютъ его философскаго міросозерцанія и не обращаютъ никакого вниманія на тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Макиавелли, которыя выявляютъ намъ его воззрѣнія на происхожденіе и сущность морали.

Для характеристики пріемовъ писателей, объясняющихъ политическую доктрину условіями времени, упомянемъ о критическихъ трудахъ Ранке ⁴⁰⁾, Гервинуса ⁴¹⁾ и Маколея ⁴²⁾. Ранке и Гервинусъ развиваютъ мысль, впервые высказанную Гироде ⁴³⁾, будто Макиавелли видѣлъ въ тираніи средство спасти Италію отъ иноземнаго владычества и вывести ее на путь политическаго обновленія.

Какъ «Discorsi» такъ и «Il Principe», по воззрѣнію Ранке, не теоретическія изслѣдованія, а практическія руководства, въ которыхъ Макиавелли предлагаетъ совѣты государственнымъ людямъ Италіи. Послѣдній выводъ «Разсужденій» можетъ быть сведенъ къ слѣдующему положенію: Италія въ корнѣ испорчена, политическая свобода въ ней невозможна, лишь неограниченный князь, который силою побороетъ бы всякое сопротивленіе, можетъ спасти ее отъ конечной гибели. И это дѣло обновленія Италіи Макиавелли возлагаетъ на Лаврентія Медичи, для котораго онъ и написалъ своего «Князя». Въ этой книгѣ онъ излагаетъ тѣ средства, съ помощію которыхъ Лаврентій можетъ завладѣть властію и, ставъ во главѣ Италіи, сдѣлаться ея спасителемъ. Макиавелли, заклю-

чаетъ Ранке, искалъ спасенія Италіи, но политическое состояніе ея казалось ему до такой степени отчаяннымъ, что у него достало смѣлости предписать ей ядъ ⁴⁴):

Воззрѣніе Гервинуса можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ: испорченность правовъ достигла въ Италіи крайнихъ предѣловъ и единственное средство спасти отечество отъ иностраннаго владычества Макіавелли видѣлъ въ неограниченной власти князя. Этотъ князь, по Макіавелли не тиранъ, а вооруженный реформаторъ. Власть его должна быть властью переходящей и продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока Италія не окрѣпнетъ и не созрѣетъ къ самостоятельной политической жизни. Но власть реформатора Италіи, ограниченная во времени, должна быть неограниченной по объему, ибо лишь человѣкъ, облеченный широкими полномочіями, способенъ организовать политическую жизнь Италіи на прочныхъ основаніяхъ. Онъ долженъ соединять въ себѣ всю мощь государства и сосредоточивать въ своихъ рукахъ всѣ функціи власти: онъ долженъ быть воплощеннымъ государствомъ, юридической личностію, къ которой не примѣнимы нравственныя требованія, точно также, какъ они не примѣнимы къ государству, какъ отвлеченному цѣлому ⁴⁵). Мы покажемъ ниже, что эти разсужденія Ранке и Гервинуса противорѣчатъ воззрѣніямъ Макіавелли на природу княжества, на тѣ недуги, которыми страдало его отечество и на тѣ средства, съ помощью которыхъ онъ считалъ возможнымъ устранить недостатки политическаго строя Флоренціи и освободить Италію отъ варваровъ. Здѣсь же мы укажемъ лишь на

источникъ заблужденій разсматриваемыхъ писателей. XVI вѣкъ былъ эпохою образованія большихъ государствъ съ сильной центральной властію во главѣ. Одна Италія представляла собою конгломератъ мелкихъ государствъ и эта ея раздробленность была одной изъ причинъ ея политическаго безсилія. Ранке и Гервинусъ, подмѣтивъ это явленіе и задумываясь надъ мотивами, побудившими Макиавелли написать «Il Principe», объяснили цѣль автора «Князя» желаніемъ натолкнуть Италію на тотъ путь, которымъ шло политическое движеніе остальныхъ европейскихъ государствъ. Они не задались вопросомъ, какъ понималъ Макиавелли потребности своего времени, а, изучая эпоху возрожденія, составили себѣ свой собственный взглядъ на эти потребности и затѣмъ приписали автору «Князя» тенденцію, вытекающую изъ условій времени, какъ они ихъ понимали.


Маколей въ живомъ и талантливомъ очеркѣ объясняетъ намъ причины и характеръ нравственной испорченности италіанцевъ въ эпоху возрожденія. Италія, говоритъ онъ, была обязана своимъ матеріальнымъ богатствомъ и своей культурой раннему развитію промышленности и торговли, она была населена купцами и банкирами и предоставляла защиту своихъ границъ наемнымъ войскамъ; вліятельные классы общества предпочитали рыцарскимъ играмъ и военнымъ упражненіямъ занятія искусствомъ и литературою. Этими особенностями италіанскаго быта объясняется то, что соотечественники Макиавелли дорожили болѣе всего тѣми качествами, которыя свидѣтельствуютъ о точности и изощренности ума, объ умѣньи сдерживать

свои страсти и влеченія, жить не столько чувствами, сколько разсудкомъ. Если сѣверные народы цѣнили рыцарскій духъ, мужество и отвагу, то-италианцы предпочитали имъ ловкость, притворство, хитрость и всѣ тѣ качества которыя обезпечиваютъ успѣхъ людямъ, воспитавшимся не на полѣ брани, а въ торговыхъ конторахъ, орудовавшихъ не мечемъ, а перомъ, изощрившихъ свои силы не на рыцарскихъ турнирахъ, а въ обществѣ ученыхъ и художниковъ, обязанныхъ своимъ положеніемъ не личному мужеству, а своей ловкости и расчетливости. Эти особенности національнаго характера италианцевъ отразились и на политической доктринѣ Макиавелли. И для него политическое коварство, обманъ и хитрость суть средства, которыми политикъ не можетъ пренебрегать при извѣстныхъ условіяхъ. Но этой стороной своего ученія Макиавелли былъ сыномъ своего вѣка и мы не можемъ винить его за то, что онъ выставлялъ въ своихъ сочиненіяхъ правила, которыя не только практиковались, но и одобрялись его современниками ⁴⁶). Эти замѣчанія Маколея совершенно вѣрны, но они освѣщаютъ и объясняютъ лишь одну сторону политическаго ученія Макиавелли и притомъ ту, которая отличается наименьшею оригинальностію. Маколей не обратилъ никакого вниманія на тѣ воззрѣнія Макиавелли, которыми онъ выступаетъ изъ своего вѣка и возвышается надъ нравственнымъ уровнемъ своей среды. А лишь освѣтивъ эти воззрѣнія Макиавелли, мы можемъ оцѣнить его значеніе по достоинству и объяснить то вліяніе, которое онъ оказалъ на послѣдующее развитіе политической мысли ⁴⁷).

Подводя итогъ предшествующему изложенію, мы приходимъ къ послѣдующимъ выводамъ.

Если новѣйшіе критики Макиавелли не даютъ намъ цѣльнаго и полнаго представленія о Макиавелли, какъ политическомъ мыслителѣ и не рѣдко при оцѣнкѣ его ученія впадаютъ въ явныя заблужденія, то объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что міросозерцаніе Макиавелли и его философскія воззрѣнія остались до сего времени безъ должнаго освѣщенія, во-вторыхъ тѣмъ, что писатели, подвергающіе тщательному анализу политическія сочиненія Макиавелли, не обращаютъ вниманія на тѣ условія, которыя опредѣлили его воззрѣнія, писатели же, обратившіе вниманіе на эти условія, не выясняютъ себѣ ученія Макиавелли въ цѣломъ, а задумываются лишь надъ той или другой стороною его ученія.

Дабы не впасть въ ошибки нашихъ предшественниковъ мы поставили себѣ задачею, во первыхъ, изучить политическое ученіе Макиавелли въ связи съ его философскими воззрѣніями, во вторыхъ, объяснить подъ вліяніемъ какихъ условій сложился не тотъ или другой взглядъ Макиавелли, а совокупность его философскихъ и политическихъ воззрѣній, въ третьихъ, на основаніи такого ученія опредѣлить мѣсто, занимаемое Макиавелли въ исторіи политическихъ ученій.



ЧАСТЬ I.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАГО УЧЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ.

Quale adunque può essere malattia maggiore a uno corpo d'una republica, che la servitù? Quale medicina è più da usare necessaria, che quella che da questa infermità la sollevi? Sono solamente quelle guerre giuste, che sono necessarie; e quelle armi sono pietose, dove non è alcuna speranza fuori di quelle. Io non so qual necessità sia maggiore che la nostra, o qual pietà possa superar quella, che tragga la patria sua di servitù.

Machiavelli.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИ

I.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ МАКИАВЕЛЛИ.

Миръ, по возрѣнію Макиавелли, не гармоническій порядокъ, созданный любящимъ Творцомъ, это—хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. И среди этого міра стоитъ одиноко человѣкъ, самая беспомощная тварь: плачемъ привѣтствуетъ онъ этотъ міръ страданій, отвратительнымъ хрипѣньемъ заканчиваетъ свое жалкое существованіе ¹⁾. Природа вооружила всѣхъ животныхъ орудіями борьбы, одинъ человѣкъ рождается беспомощнымъ ²⁾. И если онъ чѣмъ нибудь превосходитъ остальныхъ тварей, то это — своими непомѣрными желаніями, которыя даны ему лишь на то, чтобы страдать и мучиться. Звѣри своимъ чутьемъ умѣютъ отличать полезное отъ вреднаго: одни избѣгаютъ холода, другіе теплыхъ лучей солнца, третьи проводятъ холодную зиму на югѣ и укрываются лѣтомъ отъ знойныхъ лучей солнца на сѣверѣ ³⁾. Одинъ человѣкъ безцѣльно бродитъ и нигдѣ не находитъ себѣ убѣжища ⁴⁾; его страсти не даютъ ему покоя и гонятъ его въ смрадные и зараженные мѣста ⁵⁾. Животныя удовлетворяются немногимъ, люди же боятся бѣдности и ищутъ богатства, которое закрываетъ имъ путь къ

добрѣ. 6) Животныя удовлетворяютъ своимъ страстямъ лишь на столько, на сколько того требуетъ природа; человѣкъ же погрязаетъ въ сладострастіи и любитъ порокомъ 7). Звѣри питаются тѣмъ, что имъ посылаетъ небо, человѣкъ же посылаетъ гонцовъ во всѣ части свѣта и ныряетъ на дно океана, чтобы насытить свою утробу 8). Природа изощрила человѣческія способности, надѣлила человѣка гибкими членами и даромъ слова, но она же влила въ человѣка ядъ тщеславія и алчности 9). Судьба сулитъ человѣку много соблазнительныхъ благъ, но лишь для того, чтобы завлечь человѣка въ свои сѣти и обмануть его 10). Природа надѣлила человѣка потребностями и влеченіями; но лишила его средствъ удовлетворять имъ. Изощренныя способности человѣка — причина его страданій, богатство человѣка — источникъ его нищеты и безсилія 11). Если ты встрѣтишь, восклицаетъ Макиавелли, человѣка, который кажется счастливымъ и довольнымъ, то не вѣрь ему: боровъ, который роется въ грязи, въ стократъ счастливѣе его 12).

Человѣкъ, по воззрѣнію Макиавелли, не царь природы, а самая жалкая и безпомощная тварь.

Но онъ имѣетъ общее всѣмъ животнымъ чувство само-сохраненія; и это чувство заставляетъ его бороться съ природою и съ самимъ собою. И чѣмъ безпомощнѣе человѣкъ, чѣмъ необузданнѣе его страсти, чѣмъ враждебнѣе ему природа, тѣмъ отчаяннѣе его борьба за существованіе. И эта то борьба и породила все то, что составляетъ не физическую природу: она создала государство, нравственность, религію.

Сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ природою, человекъ сталъ искать союза съ себѣ подобными. Люди, жившіе первоначально разрозненно, стали сближаться между собою, дабы общими силами отражать общихъ враговъ. Такъ возникло государство ¹³).

Нашедши въ общежитіи средство отражать внѣшнихъ враговъ, человекъ обратился къ борьбѣ съ самимъ собою, съ своими страстями. Пока люди жили разрозненно, ничто не побуждало ихъ сдерживать свои страсти; соединившись же въ государство, люди поняли, что эти страсти враги всякаго общежитія и что внутренній миръ можетъ быть обезпеченъ лишь тогда, когда люди откажутся отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ эгоистическихъ стремленій и въ интересахъ мирнаго общежитія наложатъ узды на свои страсти. Изъ этой борьбы людей съ своими страстями возникли нравственность ¹⁴) и религія ¹⁵), обуздавшія человѣческія влеченія.

Зло—беспомощность человека среди враждебнаго ему міра и необузданность его страстей—породило добро: государство, нравственность, религію.

Но это добро порождаетъ новое зло. Люди, забывая уроки прошедшаго, разрушаютъ дѣла рукъ своихъ и легкомысленно стираютъ съ лица земли все то, что въ потѣ лица своего отвоевали ихъ предки ¹⁶). Люди не удовлетворяются завоеванными благами. Ихъ алчность ненасытна. Государства стремятся расширить свои границы и, поглощая чужія владѣнія, уготовляютъ себѣ гибель ¹⁷). Спарта и Аѳины, величіе которыхъ удивляло міръ, рушились, когда стали расширять свои гра-

ницы и подчинили себѣ сосѣднія государства. Было время, когда Флоренція отражала сильныхъ враговъ; теперь же, когда владычество ея обнимаетъ широкую область, она одряхлѣла и любой врагъ можетъ заставить ее трепетать ¹⁸). Сильные, побѣждая слабыхъ, изнуряютъ свои силы и въ свою очередь становятся добычею сильныхъ. Одно государство основываетъ свое величіе на развалинахъ другаго лишь для того, чтобы, обезсплѣвъ въ борьбѣ, уступить мѣсто другому. Такъ чередуются величіе съ слабостью и возвышеніе государства образуетъ причину его упадка ¹⁹).

Люди, которые выросли среди благоустроеннаго обществія и не испытали измѣнчивости судьбы, забываютъ, какою цѣною были куплены блага, которыми они наслаждаются ²⁰). И покой, наступающій въ государствѣ, въ которомъ процвѣтаетъ нравственность и уважается религія, порождаетъ праздность и довольство. А праздность и довольство—источники пороковъ. ²¹). Покой, который отвоевали себѣ люди, учредивъ религію и нравственность, является, такимъ образомъ, причиною новаго зла, разрушающаго государство. Такъ порождаетъ зло добро, а добро—зло и одно является причиною другаго ²²).

Но не только люди разрушаютъ созданное ими. Существуетъ еще другая сила, врывающаяся въ область, которую отвоевалъ себѣ человекъ. Эта сила—сила судьбы.

Судьба, по Макиавелли, не имманентная міру сила, которая управляла бы имъ по опредѣленнымъ, неизмѣннымъ законамъ,—это и не фатумъ, которому бы слѣпо подчинялись люди. Судьба, какъ ее понимаетъ Макиа-

вели, какая-то стихійная сила, вмѣшивающаяся въ дѣла людей лишь въ эпохи броженія, въ эпохи всеобщихъ переворотовъ. Макіавелли сравниваетъ ее съ рѣкою, которая, обратившись въ бурный потокъ, заливаетъ собою цѣлыя долины, срываетъ деревья и жилища, смываетъ землю съ одного мѣста и наноситъ ее на другое ²³). И какъ эта рѣка постепенно входитъ въ свои бѣрега, такъ и для людей снова наступаютъ времена, когда они не испытываютъ бушеванія судьбы и могутъ свободно направлять ея теченіе по своему произволу. По поводу нашествія Галловъ на Римъ Макіавелли замѣчаетъ, что въ исторіи встрѣчаются событія, которыя нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ судьбы. Читая у Ливія страницы, относящіяся до нашествія Галловъ и сравнивая ихъ съ другими, нельзя подумать, говоритъ Макіавелли, что идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ одного и того же народа. Очевидно, то была судьба, которая руководила Римлянами и заставляла ихъ дѣлать одну ошибку за другой, и измѣнять своему обыкновенному мужеству и предусмотрительности. Свой рассказъ о поведеніи Римлянъ за это время Макіавелли заканчиваетъ словами Ливія: «*adeo obsoecat animos fortuna, cum vim suam ingruentem refringi non vult*» и прибавляетъ, что ничего не можетъ быть вѣрнѣе такого заключенія ²⁴). Эти разсужденія и, въ особенности, заключительныя слова Ливія въ устахъ Макіавелли очень характеристичны и еще болѣе выясняютъ его взглядъ на роль судьбы въ исторіи. Событія текли своимъ естественнымъ теченіемъ и всѣ они могли быть объяснены

естественными причинами, всѣ они происходили съ необходимостью изъ качествъ римскаго народа и изъ дѣятельности отдѣльныхъ передовыхъ людей. Но вотъ наступаетъ нашествіе Галловъ, и судьба, преслѣдуя какія-то свои особенныя цѣли, ослѣпляетъ людей и руководитъ ими, совершенно независимо отъ ихъ свободной воли. Такимъ образомъ эта судьба не есть факторъ, постоянно присущій міровымъ явленіямъ, а лишь по временамъ нарушаетъ она естественное теченіе событій.

Но и тамъ, гдѣ двигательницей является судьба, человѣкъ не утрачиваетъ безусловно своего значенія. Макиавелли заставляетъ его тогда играть роль орудія судьбы, исполнителя ея предначертаній. Когда, говоритъ Макиавелли, судьба хочетъ совершить великія дѣла, то она избираетъ человѣка, имѣющаго достаточно ума и мужества, чтобы понять благопріятность условій и воспользоваться ими. Когда же судьба хочетъ совершить какой нибудь важный переворотъ, тогда она также выставляетъ передовыхъ людей, которые должны содѣйствовать ей произвести этотъ переворотъ ²⁵). Главу, изъ которой мы заимствовали только-что приведенное мѣсто, Макиавелли заканчиваетъ словами: «люди содѣйствуютъ судьбѣ, но не могутъ противустоять ей, прядутъ ея нити, но не въ силахъ разорвать ихъ. Они не должны рассчитывать на судьбу; и, такъ какъ они не знаютъ ея намѣреній и пути, которые она преслѣдуетъ, пути кривые и неисповѣдимые, то они и должны всегда надѣяться, и, надѣясь, никогда не полагаться на судьбу, каково бы ни было ихъ положеніе и въ какой нуждѣ

они не находились бы». Человѣкъ можетъ и долженъ вступать въ борьбу съ судьбою. Мы видѣли выше, что Макіавелли сравниваетъ дѣйствіе судьбы съ рѣкою, внезапно выступившей изъ береговъ. Этимъ же сравненіемъ онъ пользуется, дабы выяснить, что люди имѣютъ въ своемъ распоряженіи средства, могущія предупреждать вредныя послѣдствія вторженія судьбы. Какъ можно плотинами и каналами предупреждать разлитіе рѣки, такъ точно и судьба лишь тамъ проявляетъ свою власть, гдѣ нѣтъ силы, способной оказать ей сопротивленіе ²⁶).

Кромѣ судьбы, дѣйствующей порывами, Макіавелли признаетъ существованіе еще другой силы, которую онъ также иногда называетъ судьбой, но которая имѣетъ иное значеніе. Онъ называетъ ее также счастьемъ, когда она благопріятствуетъ людямъ,—несчастьемъ, когда она становится имъ поперекъ дороги. Эта сила есть не что иное, какъ стеченіе случайныхъ обстоятельствъ, слагающихся помимо воли людей. Хотя вездѣ у Макіавелли проглядываетъ возрѣніе, по которому все, что не физическая природа, есть созданіе человѣка, тѣмъ не менѣе, изучая исторію, онъ не могъ не замѣтить, что многое въ политической и общественной жизни народовъ не можетъ быть объяснено однимъ этимъ факторомъ. И вотъ, дабы выдти изъ затрудненія, онъ приписываетъ все то, что не можетъ быть объяснено свободной волею людей, вмѣшательству судьбы. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о личности, какъ о творцѣ извѣстныхъ учрежденій, какъ о двигателяхъ извѣстныхъ событій, тамъ Макіавелли чувствуетъ себя въ своей области и пускается въ

подробный анализ; тамъ же, гдѣ заявляютъ о себѣ другіе факторы, тамъ онъ, какъ бы сознавая свое безсиліе опредѣлить ихъ характеръ и значеніе, подводитъ ихъ подъ понятіе судьбы, счастья или несчастья, не разлагая эти, во всякомъ случаѣ сложныя, причины на ихъ составные элементы. Судьба, въ этомъ второмъ смыслѣ, составляетъ факторъ, съ которымъ, по мнѣнію Макиавелли, справиться не трудно. Сила его обратно пропорціональна силѣ людей. Тамъ, гдѣ человекъ свободно проявляетъ свои способности, тамъ область, въ которой хозяйничаетъ судьба, очень ограничена. Тамъ же, гдѣ люди слабосильны и вялы, тамъ судьба держитъ ихъ въ своихъ рукахъ ²⁷⁾). Великіе люди, говоритъ Макиавелли, остаются все тѣ же, какъ-бы счастье ни колебалось; и, когда судьба мѣняется, возвышая ихъ или унижая, они остаются вѣрны себѣ, сохраняютъ бодрость духа и обусловливаемый имъ образъ дѣйствія, такъ что всякій видитъ, что судьба не имѣетъ надъ ними власти. Иначе поступаютъ безсильные люди: они нѣнчатъ отъ счастья и дѣлаются тщеславными, приписывая всѣ доставшіяся имъ случайно блага добродѣтелямъ, которыхъ они никогда и не знавали ^{27 *)}). Такимъ образомъ счастье и несчастье не стѣсняють дѣятельности великихъ людей: они идутъ прямо къ своей цѣли, не рассчитывая на счастье и не смущаясь несчастьемъ. Счастливое стеченіе обстоятельствъ имѣетъ для нихъ значеніе лишь настолько, насколько оно представляетъ имъ удобный случай къ приложенію своихъ силъ и умѣнья ^{27 **)}). Но иногда внимательство судьбы обле-

кается въ форму, болѣе доступную человѣческому уму. Время отъ времени, говоритъ Макиавелли, происходятъ перевороты, производимые или людьми, или небомъ. Къ послѣднимъ должно причислить чуму, голодъ, наводненія. «Что такія явленія бываютъ, въ этомъ, я думаю», говоритъ Макиавелли, «сомнѣнія быть не можетъ, какъ потому, что разказами о нихъ наполнены историческія повѣствованія, такъ и потому, что дѣйствіе ихъ выразилось въ забвеніи прошедшаго, наконецъ и потому, что они лежатъ въ порядкѣ вещей, ибо, какъ простыя тѣла часто, когда въ нихъ накопилось много лишнихъ веществъ, самопроизвольно дѣлаютъ движеніе, послѣдствіемъ котораго является очищеніе, служащее имъ въ пользу, такъ точно и въ сложномъ тѣлѣ, какимъ является человѣческій родъ, случается, что когда всѣ страны до того переполнены жителями, что совмѣстная жизнь дѣлается невозможной и имъ некуда переселиться, ибо всѣ мѣста заняты, и когда хитрость и злоба людей достигла своихъ крайнихъ размѣровъ, міръ необходимо долженъ очиститься тремя вышеупомянутыми путями, дабы люди, уменьшившись въ числѣ и униженные, могли бы жить удобнѣе и сдѣлаться лучше» ²⁸). Хотя приведенное мѣсто и не отличается особенной ясностью и Макиавелли, съ одной стороны, говоритъ о небѣ, ниспосылающемъ на человѣчество голодъ и болѣзни, съ другой же стороны, проводитъ параллель между этими явленіями и процессомъ въ организмѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что тутъ не идетъ болѣе рѣчи о той слѣпой судьбѣ, мотивы, средства и цѣли вмѣшательства которой

остаются необъясненными человеку. *Primum movens* явлений и тутъ является судьба, но эта сверхъ-естественная сила дѣйствуетъ уже по извѣстнымъ законамъ, пользуется существующими естественными условіями и лишь комбинируетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они производили тотъ, а не другой результатъ. Ее можно сравнить съ естествоиспытателемъ, который пользуется своимъ знакомствомъ съ законами, управляющими физической природой, чтобы вызвать то или другое явленіе и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Вмѣшательствомъ судьбы Макиавелли объясняетъ и тѣ перевороты, которые, по его воззрѣнію наступаютъ въ извѣстные промежутки времени и разрушаютъ всѣ результаты предшествующаго историческаго развитія. Эти перевороты уничтожаютъ не только все выработанное человекомъ, но и изглаживаютъ самую память о прошедшемъ. Та горсть людей, которая остается въ живыхъ послѣ всеобщаго крушенія, не принадлежитъ къ носителямъ того порядка, который былъ выработанъ предшествующими поколѣніями. Эти люди и не могутъ поэтому служить посредствующимъ звеномъ между отжившимъ человечествомъ и долженствующимъ народиться вновь. Они даже не способны хранить память о прошедшемъ, ибо это прошедшее отошло въ вѣчность, не успѣвши даже задѣть ихъ. Такимъ образомъ перевороты, происходящіе черезъ извѣстный промежутокъ времени, разрушаютъ все безъ остатка и человечество стоитъ снова на своей первоначальной исходной точкѣ. Міръ представляетъ собою опять *tabula rasa*, и человекъ долженъ

снова начать свою работу—наполнять этотъ бѣлый листъ содержаніемъ. Эта работа выпадаетъ на долю тѣхъ людей, которые пережили всеобщее разрушеніе. Хотя они и не носятъ на себѣ слѣдовъ стертаго съ лица земли порядка, они тѣмъ не менѣе имѣютъ природу, общую всѣмъ людямъ. Если они и не унаслѣдовали созданнаго прежними поколѣніями, то они все же носятъ въ себѣ тотъ источникъ, изъ котораго вылился разрушенный строй. Несмотря на всеобщее разрушеніе, зло съ корнемъ не вырвано, ибо это зло лежитъ въ самомъ человѣкѣ, это зло — природа человѣка. И вотъ почему бѣлый листъ снова наполняется тѣмъ же содержаніемъ, которое только что было стерто съ него. Повторяется съизнова весь тотъ процессъ, который человѣчество только-что пережило. И этотъ процессъ порождаетъ тѣ же результаты и продолжается до тѣхъ поръ, пока міръ не наполняется вновь людскою злобой, которая влечетъ за собою новое разрушеніе. Отсюда вѣчное круговращеніе. Но человѣчество, описывая эти круги, не двигается впередъ, а постоянно возвращается къ своей первоначальной исходной точкѣ. Описавъ кругъ, оно ничему не научилось, никакихъ результатовъ не добыло и возвращается къ своему прежнему состоянію, дабы съизнова и съ роковой необходимостью вступить на прежній путь. Исторія человѣчества не есть, слѣдовательно, прогрессивное движеніе, разложеніе стараго, нарожденіе новыхъ силъ и ихъ развитіе. Люди неспособны къ усовершенствованію; они даже неспособны устоять на томъ уровнѣ, на которомъ застаютъ ихъ есте-

ственное состояніе. Люди живутъ лишь для того, чтобы спускаться все ниже со ступеньки на ступеньку, пока испорченность ихъ не достигнетъ крайнихъ размѣровъ и новый переворотъ не очиститъ міра отъ накопившейся людской злобы.

II.

Цѣль государства и перевоспитаніе человѣка въ государствахъ.

1. ПЛЕМЯ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО.

Макиавелли чуждо понятіе племени, какъ цѣлаго, связаннаго единствомъ происхожденія. То, что заставило соединиться людей въ общежитіе—не родство, а исключительно общность интересовъ. Государство не выросло изъ семьи и родственныя отношенія никогда не служили связующимъ началомъ общежитія. Люди жили первоначально разрозненно и единство происхожденія не сближало ихъ. Лишь когда необходимость защищаться общими силами была сознава людьми, они рѣшились сблизиться и основать государство. При этомъ сближеніи единство крови никакой роли не играло и люди различнаго происхожденія могли соединяться въ общежитіе. Не безсознательный мотивъ родства, а свободная воля людей, дѣйствовавшихъ въ сознаніи общности своихъ интересовъ, соединила людей въ государство ²⁹).

Соединившись въ отдѣльныя группы, люди остаются тѣ же. Ни совмѣстная жизнь въ государствахъ, ни оди-

наковыя историческія судьбы, ни единство языка и религіи не налагаютъ на людей особаго отпечатка и наклонности, возрѣнія и чувства людей остаются неизмѣнными, какое бы историческое прошедшее люди ни имѣли за собою, подѣ какимъ бы политическимъ строемъ они ни жили, на какомъ бы языкѣ ни говорили, какую бы религію ни исповѣдывали. Макиавелли чуждо понятіе національности, какъ культурнаго цѣлаго ^{29*}).

Для него существуетъ лишь политическое единство—народъ, который въ его глазахъ не что иное, какъ совокупность отдѣльныхъ гражданъ, связанныхъ своимъ сожительствомъ въ государствѣ.

Это государство, по возрѣнію Макиавелли, не объективный порядокъ, имѣющій свое основаніе въ самомъ себѣ и преслѣдующій свои цѣли независимо отъ воли людей; это и не организмъ, имѣющій свою особую природу и развивающійся по неизмѣннымъ законамъ; это наконецъ и не божественное установленіе, преслѣдующее пути, предначерченные ему провидѣніемъ. Государство создано людьми, держится и направляется свободною волею людей. Оно не имѣетъ никакого самостоятельнаго бытія: человѣкъ, которому оно обязано своимъ существованіемъ, держитъ его въ своей власти и можетъ по произволу видоизмѣнять его, разрушать и вновь созидать. Это положеніе не есть только послѣдствіе, логически вытекающее изъ возрѣнія Макиавелли на возникновеніе государства, но и находитъ себѣ подтвержденіе въ многочисленныхъ мѣстахъ *Discorsi* и *Il Principe*. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ 10 главѣ первой книги *Discorsi*

Макиавелли говоритъ, что между хваленными людьми заслуживаютъ наибольшей похвалы учредители религій, основатели республикъ и монархій; напротивъ позорна дѣятельность разрушителей религій, монархій и республикъ. Такимъ образомъ Макиавелли выходитъ тутъ изъ предположенія, что государства и религія искусственныя учрежденія, которыя создаются и разрушаются людьми. Устроители государствъ могутъ создать по своему произволу любую государственную форму и не связаны ни историческимъ прошедшимъ народа, ни естественными условіями страны. Кто хочетъ, напр., учредить республику, способную дѣлать обширныя завоеванія, тотъ долженъ устроить ее по образцу Рима; желающій же создать республику, которая удовлетворялась бы небольшою территоріей, долженъ ввести учрежденія Спарты и Венеціи ³⁰). Устроитель государства въ своей творческой дѣятельности ничѣмъ не стѣсненъ и связанъ лишь тѣмъ цѣлями, которыя по произволу ставятъ себѣ организуемое имъ общество. Человѣкъ не только способенъ изъ сырого матеріала создать любую государственную форму, но и, наперекоръ естественнымъ условіямъ, ввести въ странѣ, благопріятной монархіи—республику, а въ странѣ, благопріятной республикѣ, — монархію. Макиавелли требуетъ только, чтобы этотъ человѣкъ пользовался авторитетомъ и обладалъ способностями, выходящими изъ ряду обыкновенныхъ (*Discorsi* кн. I., гл. 55). Хотя Макиавелли и не отрицаетъ того вліянія, которое могутъ оказать на развитіе государственной жизни условія физической природы, тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ этого

вліянія неотразимымъ и думаетъ, что оно можетъ быть парализовано учрежденіями и законами. Человѣкъ въ состояніи бороться съ физической природой, устранять препятствія, созданныя ею, и замѣнять искусственными средствами недостатокъ благопріятныхъ естественныхъ условій. Богатство природы и плодородіе почвы, говоритъ Макиавелли, имѣютъ вредное вліяніе на государственную жизнь въ томъ отношеніи, что развиваютъ праздность, не понуждаютъ людей къ настойчивому труду и дѣлаютъ ихъ склонными къ раздорамъ. Тѣмъ не менѣе желательно, продолжаетъ Макиавелли, чтобы при основаніи городовъ выбирались эти именно плодородныя мѣстности, ибо въ такихъ мѣстностяхъ населеніе быстрѣе возрастаетъ и успешнѣе развиваетъ въ себѣ элементы силы; неблагопріятныя же послѣдствія плодородія и богатства страны могутъ быть устранены законами и учрежденіями. И въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ Римъ, который, благодаря законамъ, изданнымъ Ромуломъ, Нумою и другими, сумѣлъ преодолѣть неблагопріятныя условія своего естественнаго положенія^{30*}). Хотя устроитель государства тѣмъ легче достигаетъ своей цѣли, чѣмъ сырѣе и ближе къ природѣ тотъ матеріалъ, изъ котораго ему приходится создавать свое твореніе, тѣмъ не менѣе энергическая личность способна установить совершенно новыя условія государственной жизни и у народа, который уже долгое время жилъ подъ извѣстной формой—общекитія и привыкъ къ ней^{30**}). Даже народъ, въ корнѣ испорченный, можетъ быть воскрешенъ къ новой жизни дѣятельностью одного человѣка.

Если хорошіе законы, цѣлесообразныя учрежденія не въ силахъ спасти народъ отъ упадка, то отдѣльный чело-вѣкъ въ состоянн вывести его на путь обновленія. И если у этого челоуѣка достанетъ силы и настойчивости и смерть не оторветъ его отъ предпринятаго имъ дѣла, то онъ съумѣетъ излечить общежитіе отъ болѣзни, подтачивавшей его существованіе ^{30***}). Вліяніе челоуѣка въ дѣлѣ переустройства государства всего рѣзче выступаетъ въ томъ мѣстѣ Discorsi, въ которомъ Макиавелли сравниваетъ реформатора съ ваятелемъ. Какъ ваятель изъ сыраго мрамора скорѣе высѣчетъ прекрасную статую, чѣмъ изъ камня, который уже служилъ матеріаломъ другому художнику, такъ точно и реформатору, легче основать новый государственный порядокъ у горныхъ жителей, чуждыхъ всякой гражданственности, чѣмъ у жителей городовъ, которыхъ общежитіе уже испорчено. Что можетъ быть характеристичнѣе такого сравненія: организаторъ государства и ваятель! Какъ скульпторъ долженъ обладать лишь чувствомъ красоты и искусной опытной рукой, чтобы изъ куска мрамора создать прекрасный образъ, такъ точно и устроитель государства, по Макиавелли, долженъ обладать лишь политическимъ искусствомъ и крѣпкой волей, дабы облечь грубую форму общежитія въ совершенный государственный порядокъ. Какъ никакой мраморъ не въ силахъ устоять противъ твердаго рѣзца ваятеля, такъ и никакое общество, каково-бы его историческое прошедшее и условія его государственной жизни ни были, не въ состоянн по-

ставить реформатору непреодолимыхъ препятствій на пути его организаторской дѣятельности.

Государство само по себѣ цѣли не имѣетъ: оно не что иное, какъ средство, съ помощью котораго люди удовлетворяютъ потребностямъ, вложеннымъ въ нихъ природою. Не люди существуютъ для государства, а государство для людей. Потребность общими силами защищать общіе интересы, соединила людей въ общежитіе. Созданное всѣми и для всѣхъ государство должно и служить интересамъ всѣхъ: *Цель государства—общее благо* ³¹).

Но по силамъ-ли такая задача государству, какъ его понимаетъ Макиавелли?

Дабы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны познакомиться съ воззрѣніемъ Макиавелли на человѣческую природу.

2. ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ПРИРОДА.

Въ человѣкѣ живутъ самыя разнообразныя влеченія, которыя и управляютъ его дѣятельностію. Человѣкъ не имѣетъ врожденныхъ нравственныхъ понятій, онъ лишень всякой внутренней силы, которая сдерживала бы его влеченія и направляла бы ихъ въ ту или другую сторону. Человѣческія влеченія возбуждаются внѣшними впечатлѣніями и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувствительнѣе полученный ими извнѣ толчекъ. Человѣка, какъ его намъ рисуетъ Макиавелли, можно сравнить съ музыкальнымъ инструментомъ, который не дѣйствуетъ самопроизвольно, а издаетъ звуки лишь тогда, когда по

его клавишамъ ударяетъ какая-либо внѣшняя сила. Хотя люди, говоритъ Макиавелли, и хвалятъ заслуживающее похвалу и хулятъ заслуживающее хулу, тѣмъ не менѣе большая часть изъ нихъ, ослѣпленные ложнымъ счастьемъ или ложной славой, преднамѣренно или невольно вступаютъ на путь тѣхъ, которые болѣе заслуживаютъ порицанія, чѣмъ похвалы. Между тѣмъ какъ они могли бы основать республику или монархію и этимъ приобрести себѣ прочный почетъ, они вмѣсто того обращаются обыкновенно къ тиранин, не замѣчая, какой славы, какой безопасности, какого внутренняго удовлетворенія они себя этимъ лишаютъ и какому позору, какой хулѣ, какой опасности и какому безпокойству они себя подвергаютъ³²). Такимъ образомъ, по Макиавелли, люди могли бы, если бы только не поддавались напору внѣшнихъ впечатлѣній, отличать славное отъ безславнаго: спокойное созерцаніе послѣдствій извѣстныхъ дѣйствій помогло бы имъ отличать добрыя дѣйствія отъ дурныхъ; но такъ какъ въ нихъ нѣтъ внутренней нравственной силы, которая побуждала бы ихъ слѣдовать тому, что хорошо, избѣгать того, что дурно, то они поддаются внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя возбуждаютъ ихъ дурныя стороны и увлекаютъ ихъ на ложный путь.

Если дѣятельность людей направляется влеченіями, возбуждаемыми внѣшними случайными обстоятельствами, то эта дѣятельность не можетъ быть ни устойчивой, ни послѣдовательной. Если зашевелится въ людяхъ какое нибудь чувство подѣ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, то они поддаются ему; но вотъ они сталкиваются

съ явленіемъ, возбуждающимъ въ нихъ новое влеченіе, и они отдаются ему и, дѣйствуя подъ его напоромъ, парализируютъ результаты своей собственной дѣятельности, которыми они были обязаны преобладанію въ нихъ перваго чувства. Такъ именно поступилъ Паоло Боллопи, по поводу поведенія котораго Макиавелли замѣчаетъ, что люди не умѣютъ быть ни совершенно злыми, ни совершенно добрыми, ибо и для совершенія зла требуется извѣстное величіе и возвышенность чувствъ, на что однако люди неспособны. Въ войнѣ съ Юліаномъ II, Паоло руководило чувство вражды къ нему. Но вотъ этотъ врагъ вступаетъ къ нему въ городъ; вмѣсто того, чтобы остаться вѣрнымъ чувству вражды, въ немъ, подъ впечатлѣніемъ отважнаго поступка папы, зашевелилась новое чувство—трусость, и, отдаваясь ему, онъ не рѣшается убить папу и упускаетъ такимъ образомъ случай разъ навсегда покончить со своимъ врагомъ ³³). Такой неустойчивостью людей, ихъ постоянными колебаніями между различными чувствами, Макиавелли объясняетъ также поведеніе полководцевъ, неумѣющихъ избѣгать вредныхъ послѣдствій неблагодарности, которая выпадаетъ на ихъ долю, когда князья, воспользовавшись плодами ихъ побѣдъ; не нуждаются болѣе въ ихъ услугахъ. Полководцы, по мнѣнію Макиавелли, должны, послѣ одержанной ими побѣды; сдѣлать одно изъ двухъ: или немедленно же покинуть войско и, отказавшись отъ всякихъ тщеславныхъ плановъ, передать его въ руки князя, или же броситься въ противоположную сторону и предпринять всѣ мѣры, которыя необходимы для того,

чтобы обратить побѣду въ свою пользу. Другихъ путей не существуетъ. Но такъ какъ люди не умѣютъ быть ни совершенно добрыми, ни совершенно злыми, то они обыкновенно не дѣлаютъ ни того, ни другаго и гибнуть жертвою своего малодушія^{33*}).

Итакъ, дѣятельность людей неустойчива и непоследовательна. Люди, говоритъ Макиавелли, очень легко поддаются впечатлѣніямъ, но чувства ихъ, быстро воспламеняющіяся, такъ же быстро и остываютъ³⁴). Поэтому людей не трудно убѣдить въ чемъ либо, но не легко поддержать ихъ въ этомъ убѣжденіи³⁵). Люди непостоянны по самой природѣ своей и лишь законы въ состояніи обуздывать ихъ страсти. Напрасно говорятъ писатели, будто народъ непостояненъ; неустойчивость есть недостатокъ, общій всѣмъ людямъ, и князь, не сдержанный законами, еще измѣнчивѣе толпы³⁶).

Если же мы видимъ, что люди перестаютъ иногда колебаться между различными чувствами и стремительно преслѣдуютъ извѣстную цѣль, то это объясняется не настойчивостью и последовательностію а тѣмъ, что какой-либо виѣшній толчекъ вызвалъ въ нихъ съ особенной силою извѣстное влеченіе, которое всецѣло и овладѣваетъ ими. Если, напримѣръ, что-нибудь угрожаетъ людямъ опасностью, то ихъ охватываетъ чувство страха и, безотчетно отдаваясь ему, они направляютъ всю свою дѣятельность къ устраненію этой опасности. Чувство страха ослѣпляетъ ихъ до того, что они нерѣдко, сами того не подозрѣвая, идутъ на встрѣчу опасности, подкрадывающейся къ нимъ со стороны, съ которой они менѣе всего

ожидали ее. Люди поступаютъ, гсворить Макиавелли, повторяя слова короля Фердинанда, какъ мелкія хищныя птицы, которыя набрасываются на добычу съ такой жадностью, что не замѣчаютъ бѣльшей птицы, которая вьется надъ ними и готова наброситься на нихъ ³⁷).

Люди не имѣютъ власти надъ своими страстями и въ стремленіяхъ и желаніяхъ не умѣютъ соблюдать чувство мѣры. Такъ, напримѣръ, люди въ своемъ стремленіи завоевать себѣ свободу увлекаются до того, что угрожаютъ свободѣ другихъ, и ту же самую несправедливость, противъ которой они только что вооружились, причиняютъ другимъ, какъ будто, прибавляетъ Макиавелли, нужно обижать или быть обиженнымъ ³⁸). Это неумѣнье сдерживать свои страсти, дѣйствовать спокойно и обдуманно нерѣдко бываетъ причиною тому, что дѣятельность людей, направленная на извѣстную цѣль, остается безплодною, хотя эта цѣль, сама по себѣ, вполне достижима. Малѣйшій успѣхъ дѣлаетъ людей самонадѣянными, ими овладѣваютъ надежды, увлекающія ихъ за предѣлы осуществимаго. Люди поэтому, говоритъ Макиавелли, нерѣдко лишаются прочнаго и близкаго блага въ своемъ самонадѣянномъ стремленіи къ большому, но отдаленному благу ³⁹).

Между желаніями людей и ихъ силами не существуетъ соотвѣтствія. Природа людей, говоритъ Макиавелли такова, что они всего требуютъ, но достигнуть всего не въ состояніи, такъ что ихъ желанія всегда сильнѣе способности осуществить желаемое; отсюда и постоянное недовольство пріобрѣтеннымъ и постоянная неудовлетво-

ренность ⁴⁰). Желанія людей, говоритъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, ненасытны, такъ какъ природа дала имъ силу и влеченіе желать всего, а судьба надѣлила ихъ способностію лишь достигать немногаго; поэтому, продолжаетъ Макиавелли, въ умахъ людей возникаетъ постоянная неудовлетворенность и отвращеніе къ приобрѣтенному; этимъ же объясняется то, что люди хвалятъ настоящее, хвалятъ прошедшее, желаютъ будущаго, не руководясь при этомъ никакими разумными мотивами ⁴¹).

Эта ограниченность способностей человѣка, съ одной стороны, и неуемность его желаній, съ другой — порождаютъ неуверенность въ своихъ силахъ, которую проявляетъ человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Русская поговорка: блудливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ, вполне примѣнима къ человѣку, какъ его намъ рисуетъ Макиавелли.

Благодаря этой, прирожденной человѣку, трусости, въ немъ легко возбуждается и поддерживается чувство страха, которое является однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій ⁴²). Люди, благодаря трусости своей, говоритъ Макиавелли, мстятъ за мелкія обиды; когда же имъ наносятся чувствительныя обиды, то у нихъ не достаетъ мужества отомстить за нихъ. Отсюда Макиавелли выводитъ правило, что князь не долженъ раздражать народа мелкими обидами, а принимать такія радикальныя мѣры, которыя отняли бы у людей охоту мстить ему ⁴³). Сравнивая любовь со страхомъ, Макиавелли замѣчаетъ, что послѣднее чувство постояннѣе и

совѣтуетъ поэтому своему князю воздѣйствовать на людей не любовью, а страхомъ ⁴⁴).

Въ человѣкѣ, по возрѣнію Макиавелли, преобладаютъ дурныя влеченія. Люди, говоритъ онъ, болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру ⁴⁵). Про нихъ можно вообще сказать, что они неблагодарны, непостоянны, лицемерны, трусливы, корыстолюбивы ⁴⁶). Исторія множествомъ примѣровъ доказываетъ, что всякій, устраивающій общежитіе и вводящій въ немъ законы, долженъ выходить изъ того предположенія, что люди дурны и что они даютъ просторъ злобѣ своего сердца каждый разъ, какъ только имъ представляется случай безпрепятственно проявлять ее ⁴⁷).

Но какъ бы разнообразны эти влеченія ни были, они связаны однимъ общимъ мотивомъ. И этотъ мотивъ — эгоизмъ. Эгоизмъ — отличительная черта человѣческой природы; изъ него вытекаютъ всѣ человѣческія влеченія, между которыми Макиавелли отводитъ корыстолюбію ⁴⁸) и властолюбію ⁴⁹) первое мѣсто.

Страсть къ приобрѣтенію земныхъ благъ у имущихъ также сильна, какъ и у неимущихъ; и человѣкъ, имѣющій столько же, сколько и всякій другой, не владѣетъ спокойно и стремится приобрѣтать новыя блага, принадлежащія другимъ ⁵⁰). Человѣкъ такимъ образомъ до такой степени своекорыстенъ, что смотритъ даже съ завистью на тѣхъ; которые не имѣютъ надъ нимъ никакого преимущества и готовъ къ каждому обратиться съ приглашеніемъ: *êtes toi de là, que je m'y mette*. Зависть преслѣдуетъ человѣка повсюду и ищетъ такого

положенія, которое могло бы удовлетворить его. Макиавелли неоднократно указывает на зависть, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности ⁵¹).

Если люди до такой степени дорожатъ земными благами, что не могутъ смотрѣть на ближняго безъ того, чтобы въ нихъ не зародилось желаніе завладѣть тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ, то всякое дѣйствіе, лишшающее ихъ тѣхъ благъ, которыя принадлежатъ имъ лично, должны возбудить въ нихъ еще большія страсти. Человѣкъ, какъ намъ его рисуетъ Макиавелли, крайне чувствителенъ ко всякой наносимой ему обидѣ и никогда не помирится съ человѣкомъ, нарушившимъ его личные интересы. Чувство мести настолько сильно въ людяхъ, что, отдаваясь ему, они готовы жертвовать всѣмъ, даже тѣми благами, которыми они всего болѣе дорожатъ ⁵²).

И любовь, которая является однимъ изъ главныхъ двигателей человѣческой дѣятельности, по воззрѣнію Макиавелли, не что иное, какъ чувство, обусловленное эгоистической природой человѣка, не что иное, какъ плата за полученныя благодѣянія ⁵³). Любовь, говоритъ Макиавелли, есть связь, обусловленная чувствомъ благодарности; и эта связь можетъ быть порвана любымъ соображеніемъ личной пользы ⁵⁴.) Но какъ скоро любовь есть лишь плата за добро, лишь отраженіе впечатлѣній, полученныхъ извнѣ, то чувство это должно быть крайне непостояннымъ и держаться въ людяхъ, лишь пока они испытываютъ тѣ пріятныя ощущенія, которыми оно было вызвано. «Пока ты оказываешь людямъ добро, говоритъ

Макиавелли, они всецѣло преданы тебѣ, предлагаютъ тебѣ свой кровъ, свое имущество, свою жизнь, своихъ сыновей, но лишь пока ты въ этомъ не нуждаешься; но стоить тебѣ только потребовать этихъ благъ и они отворачиваются отъ тебя ⁵⁵).

3. ПЕРЕВОСПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Цѣль государства—общее благо; люди же, которыми только и держится это государство, узкіе эгоисты, умѣющіе дѣйствовать только подъ напоромъ своекорыстныхъ влеченій. Какъ же, спрашивается теперь, могутъ эти эгоисты, соединившись въ государство, отказаться отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ личныхъ интересовъ и сдѣлаться носителями общаго блага?

Макиавелли не избѣгаетъ этого вопроса. Напротивъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду несоотвѣтствіе между природою людей и обязанностями, которыя возлагаетъ на нихъ жизнь въ государствѣ. Все его политическое ученіе есть не что иное, какъ рядъ правилъ, имѣющихъ цѣлью указаніе тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ это несоотвѣтствіе можетъ быть сглажено. И средства эти заключаются въ обузданіи своекорыстныхъ влеченій людей и въ привитіи гражданамъ нравственныхъ качествъ, которыя сдѣлали бы ихъ способными служить общему благу. Но возможно-ли обуздать своекорыстныхъ влеченій людей и заставить ихъ дѣйствовать на благо общее?

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что влеченія людей возбуждаются вѣшними впечатлѣніями. Эти впечатлѣ-

нія, воздѣйствуя на человѣка, не встрѣчаютъ съ его стороны никакаго отпора. Кто знакомъ съ влеченіями человѣка и тѣми внѣшними мотивами, которыми они возбуждаются, тотъ можетъ заставить человѣка дѣйствовать такъ, а не иначе. Мы сравнили выше человѣческія влеченія съ клавишами музыкальнаго инструмента: посвященный въ устройство этихъ клавишей можетъ, ударяя по нимъ, издавать любые звуки. Когда люди предоставлены самимъ себѣ и мотивами ихъ дѣятельности служатъ влеченія, возбуждаемые случайными обстоятельствами, тогда дѣятельность ихъ лишена всякаго смысла: страсти людей, ничѣмъ не сдержанныя, бросаютъ ихъ изъ стороны въ сторону. Люди дѣйствуютъ хорошо лишь тогда, когда ихъ влеченія сдерживаются и направляются разумной силой; тамъ же, гдѣ влеченія людей ничѣмъ не обузданы, люди, безсильны и дѣятельность ихъ бесплодна. „Дѣла людей, говоритъ Макиавелли, никогда не достигли бы такой высоты, если бы люди не были принуждены къ тому необходимостью ⁵⁶.) Люди дѣйствуютъ въ силу необходимости, или по свободному выбору; и мы видимъ бѣольшую добродѣтель тамъ, гдѣ выборъ имѣетъ наименѣе мѣста ⁵⁷). Люди не иначе дѣлаютъ добро, какъ въ силу необходимости; тамъ, гдѣ имъ предоставленъ свободный выборъ и свобода ихъ ничѣмъ не стѣснена, тамъ возникаютъ замѣшательство и безпорядокъ ⁵⁸).

Этой стороной человѣческой природы и должны воспользоваться оскватели и организаторы государства, Они должны устроить государственную жизнь такимъ

образомъ, чтобы внѣшняя сила воздѣйствовала на людей и заставляла ихъ дѣйствовать лишь въ направленіи, полезномъ общежитію. Эта сила, въ виду крайней впечатлительности и неустойчивости человѣческой природы, должна быть, во первыхъ, силою принудительной, во вторыхъ, постоянно воздѣйствующей на людей. Она должна быть какъ бы мечемъ Дамоклеса, висящимъ надъ головами гражданъ и напоминающимъ имъ объ ихъ обязанностяхъ. Очевидно, что такой силой не обладаетъ ни школа, ни церковь. Какъ бы хороши ни были правила, которыя прививаетъ человѣку воспитаніе, они не въ состояніи развить въ человѣкѣ нравственной устойчивости: сталкиваясь съ соблазнами жизни, поддаваясь вліянію новой среды, человѣкъ измѣняетъ правиламъ, вложеннымъ въ него воспитаніемъ ⁵⁹). Но и религія, пока она дѣйствуетъ на людей путемъ проповѣди безсильна обуздать страсти людей. Лишь когда она является политическихъ орудіемъ въ рукахъ государства ⁶⁰), или когда она говоритъ устами вооруженнаго пророка ⁶¹), она перестаетъ быть гласомъ, вопіющихъ въ пустынѣ. Но вооруженные пророки и религія, опирающаяся на авторитетъ государства, сильны не своимъ словомъ, а тѣмъ мечемъ, которымъ надѣлило ихъ государство.

Сила, долженствующая обуздать страсти людей и воспитать въ нихъ гражданскія добродѣтели, можетъ заключаться, по воззрѣнію Макиавелли, лишь въ условіяхъ государственной жизни. Только эти условія, среди которыхъ постоянно вращается гражданинъ и которыя дѣйствуютъ на него съ неотразимой силой, могутъ заставить

его отказаться отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ личныхъ интересовъ. Только государство обладаетъ авторитетомъ, способнымъ сдержать страсти людей и направить ихъ влеченія на благоую цѣль.

Своекорыстныя влеченія людей коренятся въ самой природѣ человѣка, измѣнять которую не въ состояніи ни законы, ни учрежденія. Государство не въ силахъ вложить въ людей качества, которыя не дапы природой; оно бессильно переродить людей и обратить эгоистовъ въ безкорыстныхъ, самоотверженныхъ служителей общаго блага. Государству, нуждающемуся въ гражданахъ, способныхъ исполнять общественныя обязанности, ничего другаго не остается, какъ считаться съ этими влеченіями и воспользоваться ими въ своихъ интересахъ, т.-е. предупреждать и пресѣкать вредныя послѣдствія этихъ влеченій и направлять ихъ на благоую цѣль. Влеченія людей сами по себѣ не вредны: они дѣлаются таковыми лишь тогда, когда имъ дается полный просторъ и когда ихъ не направляетъ и не регулируетъ разумная сила, сознательно стремящаяся къ благой цѣли ⁶²). Одно и то же влеченіе является то рычагомъ для великихъ гражданскихъ подвиговъ, то источникомъ безразсудныхъ и гибельныхъ поступковъ. Задача государства въ борьбѣ съ человѣческими влеченіями—сдерживать эти влеченія, гдѣ они могутъ имѣть лишь вредныя послѣдствія и давать имъ волю тамъ, гдѣ они могутъ служить стимуломъ плодотворной дѣятельности.

Главные влеченія, съ которыми приходится бороться государству—корыстолюбіе и властолюбіе.

Корыстолобивыя влеченія людей вредны всякому обществу. Государство должно поэтому препятствовать развитію этихъ влеченій и съ этой цѣлью дѣлать ихъ безпредметными. И средство къ тому—законы, устанавливающіе равномерное распредѣленіе имуществъ и препятствующіе накопленію матеріальныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ ⁶³).

Властолюбіе, по воззрѣнію Макиавелли, главный источникъ тираніи, и нельзя назвать то государство благоустроеннымъ, которое даетъ широкій просторъ властолюбію отдѣльныхъ гражданъ. Съ другой стороны, величайшіе гражданскіе подвиги совершаются людьми не изъ безкорыстнаго служенія общему благу, а изъ жажды власти. Великіе основатели и реформаторы государствъ были и великими властолюбцами; и еслибы ихъ служеніе государству не сулило бы имъ земныхъ благъ, не удовлетворяло бы ихъ тщеславію, они никогда не совершили бы славныхъ дѣяній, которыя сдѣлали ихъ имена бессмертными. Считать властолюбцевъ безусловно вредными людьми, значитъ отрицать заслуги Моисея, Тезея, Кира, Александра. Мало того: ни одно государство не можетъ существовать безъ сильныхъ людей, обязанныхъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ своей жадѣ власти. «Республика, говоритъ Макиавелли, не можетъ существовать безъ сильныхъ людей и не можетъ быть управляема. Съ другой же стороны, авторитетъ отдѣльныхъ гражданъ источникъ тираніи. Необходимо поэтому надѣлать гражданъ лишь такимъ авторитетомъ, который былъ бы полезенъ, а не вреденъ городу и его свободѣ ⁶⁴).

Чей же авторитетъ полезенъ, и чей—вреденъ?

Люди стремятся къ власти не ради власти. То, что дѣлаетъ властолюбіе вреднымъ, это—тѣ своекорыстныя влеченія, ради которыхъ люди ищутъ власти. Поэтому вредны тѣ властолюбцы, которые живутъ въ обстановкѣ, благопріятствующей развитію этихъ влеченій. А въ такой обстановкѣ живутъ люди, обладающіе матеріальными богатствами. Богатство обезпечиваетъ людямъ досугъ, позволяющій имъ жить праздно. Праздность же разслабляетъ человѣка и даетъ перевѣсъ животной сторонѣ его природы. Не находя въ своей обстановкѣ принужденія къ труду, человѣкъ предается разгулу и находитъ удовольствіе лишь въ такой жизни, которая лелѣетъ его тѣло и не заставляетъ его напрягать умственные силы. Изнѣженное тѣло, отупѣвшій умъ лишаютъ человѣка способности подчинять разумку свои страсти и сдерживать ихъ силою воли. Живя въ довольствѣ, не зная лишеній, онъ не понимаетъ чужихъ страданій: служеніе на пользу другихъ ему не по силамъ. Если такой человѣкъ ищетъ власти, то лишь для того, чтобы дать бѣльшій просторъ своимъ страстямъ, жить на чужой счетъ, высасывать соки у своихъ подвластныхъ и ими насыщать свою утробу. Властолюбіе богатыхъ людей, имѣющее такіе мотивы, не можетъ быть полезно государству. Бѣдность, по Макиавелли, самое дѣйствительное воспитательное средство: она не даетъ развиваться тѣмъ дурнымъ страстямъ, ради которыхъ люди ищутъ власти. Уничтожить богатство отдѣльныхъ лицъ, значитъ уничтожить источникъ вредныхъ общезжитію властолюбивыхъ

влеченій. Средство противъ властолюбцевъ, говоритъ Макиавелли, содержать людей въ бѣдности, дабы они своимъ богатствомъ безъ добродѣтели не портили ни себя, ни другихъ ⁶⁵). Но не только матеріальное богатство, но и всякое другое благо, выпавшее случайно на долю челоука, а не добытое имъ собственными усиліями, развиваетъ въ немъ влеченія, вредныя общежитію. Человѣкъ, занимающій высокое общественное положеніе не по заслугамъ, а обязанный своимъ положеніемъ случайнымъ обстоятельствамъ, никогда не можетъ отправлять возложенныхъ на него обязанностей, какъ того требуютъ интересы цѣлаго. Человѣкъ, который пользуется властью, случайно перешедшей въ его руки, привыкаетъ смотрѣть на нее, какъ на благопріобрѣтенную собственность, которою онъ можетъ распоряжаться по произволу. Онъ видитъ въ ней цѣлый рядъ правъ, но не признаетъ связанныхъ съ нею обязанностей. Онъ смотритъ на себя, какъ на отмѣченнаго природою челоука: онъ становится надменнымъ и высокомернымъ. Достигнувъ власти безъ труда, онъ и не признаетъ необходимости трудиться на пользу другихъ. Онъ предается наслажденіямъ и страсть къ наслажденіямъ все растетъ въ немъ и вмѣстѣ съ нею стремленіе расширять свою власть, прочищать себѣ новые пути къ новымъ наслажденіямъ. Властолюбивыя влеченія такихъ людей, по воззрѣнію Макиавелли, безусловно вредны; и задача государства—устранять условія, которыя являются источникомъ такихъ влеченій ⁶⁶). Государство должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы общественныя власти покоились лишь въ рукахъ людей,

которые своими заслугами успѣли доказать свою способность къ государственному служенію. Власть, порученная имъ, не должна быть случайнымъ подаркомъ, но наградою за оказанныя государству услуги. И человѣкъ, который приобрѣлъ власть цѣною долговременнаго и добросовѣстнаго служенія, будетъ пользоваться ею не для удовлетворенія своекорыстныхъ цѣлей, а въ интересахъ того общества, которое поручило ему эту власть во вниманіе къ заслугамъ. Жизнь, посвященная общественному служенію, воспитала въ немъ любовь къ труду, обуздала похоти плоти, развила болѣе благородныя стремленія. Властолюбіе такого человѣка не вредно обществу: не удовлетворяясь своимъ положеніемъ, онъ не уступаетъ напору низкихъ страстей: имъ двигаетъ жажда дѣятельности, его соблазняютъ тотъ почетъ, тѣ награды, то всеобщее уваженіе, которые выпадаютъ на долю достойныхъ слугъ государства ⁶⁷).

Не всякій достигнувшій власти собственными усиленіями добился ея законными путями. Не мало встрѣчается общественныхъ дѣятелей, которые не пренебрегали никакими средствами, чтобы достигнуть почестей и вліянія. Незаконными путями достигаютъ власти, по Макиавелли, тѣ, которые не гнушаются давать взятки власть имущимъ, обѣщаніями и подарками вербуютъ себѣ приверженцевъ и составляютъ себѣ партію людей, которые изъ личныхъ мотивовъ помогаютъ своему вождю захватить въ свои руки власть, дабы впоследствии подѣлиться съ нимъ добычею. Средства, къ которымъ прибѣгаютъ эти властолюбцы уже указываютъ на цѣли, ради кото-

рыхъ они ищутъ власти. Боясь прямой дороги, тяготясь усиліями, которыя налагаетъ на челоуѣка честное общественное служеніе, они, разъ достигнувши власти, будутъ пользоваться ею такъ же беззастѣнчиво, какъ и доби- валась ея. Успѣхъ, выпавшій имъ на долю такъ легко, ободритъ ихъ идти по разъ избранному пути. И если они, стремясь къ власти, пренебрегали трудомъ и общественнымъ служеніемъ, то, завладѣвши желаннымъ благомъ, они будутъ имѣть еще менѣе побужденій къ пользованію своею властью въ интересахъ цѣлаго. Макиавелли неоднократно настаиваетъ на томъ, чтобы такимъ людямъ былъ закрытъ путь къ возвышенію. Это, по его мнѣнію, самое дѣйствительное средство уничтоженія властолюбивыхъ влеченій, вредныхъ обществу, ибо, какъ скоро люди, прибѣгающіе къ насилію и обману, будутъ знать, что ихъ усилія напрасны и что государство гнушается ихъ услугами, то они съумѣютъ заглушить въ себѣ стремленіе къ власти, сдѣлавшееся безпредметнымъ ⁶⁸).

Но и властолюбіе лицъ, достигнувшихъ власти, высокаго положенія въ обществѣ личными заслугами и могущихъ похвалиться всѣми качествами, которыя составляютъ украшеніе государственнаго дѣятеля, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться гибельнымъ для государства. Челоуѣку, вкусившему разъ всю сладость власти, всѣ тѣ выгоды и преимущества, съ которыми связано высокое положеніе въ обществѣ, привыкшему къ общественной дѣятельности и полюбившему ее, трудно возвратиться къ частной жизни. Если общество

устраиваетъ такого человѣка отъ всякаго участія въ политической дѣятельности, то оно само воспитываетъ себѣ въ немъ врага и наталкиваетъ его на опасный путь. Оскорбленное честолюбіе, неудовлетворенная жажда дѣятельности заставляютъ его добиваться кривыми путями положенія, на которое ему даютъ право его способности и заслуги. Видя законные пути къ такому положенію закрытыми, онъ станетъ искать незаконныхъ и не остановится ни передъ какимъ средствомъ, чтобы завладѣть силою тѣмъ, что общество не хотѣло ему дать добровольно. Изъ полезнаго общественнаго дѣятеля онъ превратится въ опаснаго врага государственнаго порядка и употребитъ свои силы и способности на дѣятельность, проникнутую желаніемъ отомстить своимъ неблагодарнымъ согражданамъ. Если государство хочетъ обезопасить себя со стороны властолюбивыхъ влеченій, имѣющихъ подобные мотивы, то оно должно раскрывать широкій просторъ всѣмъ даровитымъ и заслуженнымъ гражданамъ и вознаграждать ихъ заслуги по достоинству. Если всѣ сильные и достойные умы и таланты найдутъ себѣ законное приложеніе, то они не будутъ искать незаконныхъ путей и государственному порядку не будетъ грозить опасность ⁶⁹).

Воспитаніе людей къ гражданской жизни не можетъ заключаться въ одномъ пресѣченіи и обузданіи вредныхъ общежитію влеченій. Быть добродѣтельнымъ, по Макиавелли, значитъ не только воздерживаться отъ зла, но и творить благо ⁷⁰). Государство, сдерживающее властолюбивыя и корыстолюбивыя влеченія, лишь уготовляетъ

почву, на которой должны возрости положительныя добродѣтели. Макиавелли требуетъ отъ благоустроеннаго государства, чтобы оно не только заглушало въ людяхъ вредныя общежитію влеченія, но и воспитало въ нихъ добродѣтели, которыя надѣляли бы ихъ способностью быть достойными служителями общаго блага.

Въ чемъ же заключаются эти гражданскія добродѣтели? Мы знаемъ, что цѣль государства — общее благо. Всѣ нравственныя качества, которыми должны быть вооружены граждане, дабы быть носителями общаго блага, и являются, по воззрѣнію Макиавелли, тѣми гражданскими добродѣтелями, которыя составляютъ главную основу государства. И дѣятельная любовь общаго блага—первая изъ этихъ добродѣтелей, изъ которой вытекаютъ всѣ остальные ⁷¹⁾. Дабы эта добродѣтель могла развиться въ людяхъ, необходимъ цѣлый рядъ условій.

Человѣкъ Макиавелли крайній материалистъ. Ему недоступны абстрактныя идеи, онъ неспособенъ воодушевляться идеальными благами. То, чего онъ не видитъ и не осязаетъ, то для него и не существуетъ ⁷²⁾. Общее благо не можетъ быть поэтому для человѣка предметомъ служенія, пока оно идеальная цѣль, теряющаяся въ туманѣ грядущихъ временъ. Граждане государства, въ которомъ власть поконится въ рукахъ одного или немногихъ и правители эксплуатируютъ эту власть въ своихъ интересахъ, граждане такого государства способны лишь любить свой очагъ и свое добро; въ ближнемъ они видятъ или своего личнаго друга или своего личнаго врага, или своего соперника, или своего пособника въ

погонѣ за земными благами; понятіе общаго блага лежитъ за предѣлами ихъ умствешнаго и нравственнаго кругозора. Гражданскія добродѣтели могутъ, по воззрѣнію Макиавелли, развиться лишь въ свободномъ государствѣ, ибо лишь въ такомъ государствѣ общее благо не пустозвонная фраза, прикрывающая своекорыстныя влеченія правителей, не требованіе немногихъ избранныхъ умовъ, а та реальная цѣль, которой служатъ всѣ граждане, живущіе сознательной общественной жизнью. Общее благо воплощается здѣсь въ цѣломъ рядѣ учреждений. Граждане видятъ и осязаютъ его. Уже воспитаніе научаетъ ихъ помнить о гражданскихъ обязанностяхъ и свято соблюдать ихъ; каждый изъ гражданъ такъ или иначе участвуетъ въ общественной жизни и по мѣрѣ силъ и умѣнья служитъ своему отечеству: интересы общественные—вмѣстѣ съ тѣмъ и его личные интересы. Общественная площадь, на которой обсуждаются государственныя дѣла, общественныя зрѣлища, которыя выводятъ героевъ и восхваляютъ ихъ гражданскія добродѣтели, горячія и вдохновленныя рѣчи народныхъ вождей, дѣятельность правителей, которая у всѣхъ передъ глазами и служитъ предметомъ свободнаго обсужденія, все это—впечатлѣнія, которыя ежедневно испытываетъ гражданинъ свободнаго государства и которыя напоминаютъ ему, что кромѣ личнаго блага существуетъ еще другое, столь же реальное благо—благо цѣлаго. Въ такомъ государствѣ любовь общаго блага выражается въ привязанности къ родной почвѣ, къ тѣмъ учреждениямъ и людямъ, которые служатъ этому благу. А

лишь къ такимъ чувствамъ и привязанностямъ способны люди ⁷³).

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что любовь, по Макиавелли, есть не что иное, какъ привязанность, объясняющаяся личными мотивами, не что иное, какъ плата за полученныя благодѣянiя ⁷⁴). Любовь общаго блага можетъ поэтому развиться лишь подъ сѣнью такого государственнаго строя, который не ложится тяжелымъ бременемъ на народъ, не требуетъ отъ него однихъ жертвъ и услугъ, а надѣляетъ гражданъ видимыми и осязательными благами. Въ странѣ, въ которой государственная власть покоится въ рукахъ одного или немногихъ, въ которой неприкосновенность имущества и чести гражданъ не обезпечена, въ такой странѣ, по воззрѣнiю Макиавелли, люди не могутъ любить государство, которое представляется имъ враждебной силой, умѣющей лишь угнетать и притѣснять. Любовь общаго блага можетъ окрѣпнуть лишь въ государствѣ, которое является защитникомъ и покровителемъ гражданъ. Гражданинъ, который можетъ спокойно пользоваться плодами своихъ трудовъ, который довѣрчиво предоставляетъ защиту своего имущества и своей чести государству и видитъ въ немъ вѣрнаго стража своихъ интересовъ, такой гражданинъ не можетъ не дорожить благами общежитiя и не видѣть въ нихъ необходимаго условiя своего благосостоянiя. И проникаясь благодарностью къ учрежденiямъ, которыя охраняютъ его очагъ, его семью, его добро, къ тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые пекутся объ его интересахъ, онъ научается любить и уважать ихъ, какъ своихъ естествен-

ныхъ защитниковъ и покровителей. И эта любовь является здѣсь не безкорыстнымъ чувствомъ, а ничѣмъ инымъ, какъ платою за благодѣянiя, которыми надѣляетъ его государство ⁷⁵).

Любовь общаго блага не должна однако остаться на степени простаго благожеланiя: она становится добродѣтелью лишь тогда, когда выражается въ дѣятельномъ служенiи на пользу государства ⁷⁶). Эта дѣятельная любовь предполагаетъ въ людяхъ энергiю и мужество. Развитiю же этихъ качествъ, по возрѣнiю Макиавелли, всего болѣе способствуетъ экономическая обстановка. Богатство обезпечиваетъ людямъ досугъ, а досугъ приучаетъ людей къ праздности. Бѣдность же принуждаетъ людей къ труду и развиваетъ въ нихъ силу воли и любовь къ дѣятельной жизни ⁷⁷).

Развитiю въ людяхъ мужества и энергiи способствуетъ и религiозное воспитанiе. И если эти гражданскiя добродѣтели не процвѣтаютъ болѣе въ наше время, между тѣмъ, какъ въ античномъ мiрѣ онѣ украшали гражданъ и являлись источникомъ подвиговъ, удивлявшихъ мiръ, то эту переменъ, по возрѣнiю Макиавелли, должно приписать влiянiю католической церкви. Если современный человѣкъ ослабъ физически и утратилъ бодрость духа, то онъ обязанъ упадкомъ своихъ душевныхъ и физическихъ силъ религiозному воспитанiю новаго времени, которое научаетъ людей страдать и унижаться и видѣть въ презрѣнiи къ земнымъ благамъ — высшую добродѣтель ⁷⁸).

Мы видѣли, что любить государство можетъ заставить

гражданъ лишь личный интересъ. И только этотъ личный интересъ можетъ, по воззрѣнію Макиавелли, заставить людей служить государству. Государство должно поэтому вознаграждать услуги гражданъ и обставлятъ ихъ общественную дѣятельность такими условіями, которыя заставляли бы ихъ искать общественной службы въ своихъ личныхъ интересахъ. Гражданскія добродѣтели могутъ, по воззрѣнію Макиавелли, процвѣтать лишь въ государствѣ, которое умѣетъ цѣнить эти добродѣтели и вознаграждать ихъ по заслугамъ ⁷⁹⁾.

III.

Условія, вліяющія на государственную жизнь.

1. УСЛОВІЯ МѢСТНОСТИ.

Макиавелли считаетъ условія мѣстности важнымъ факторомъ государственной жизни. Они, по его мнѣнію, опредѣляютъ внѣшнюю политику государства, вліяютъ на его внутренній строй и воздѣйствуютъ на нравственный складъ народа. Государство, основанное въ защищенной природою мѣстности, можетъ развиваться успѣшнѣе, чѣмъ общежитіе, которому приходится тратить свои силы на отраженіе внѣшнихъ враговъ. Быстрое развитіе венеціанской республики Макиавелли объясняетъ ея географическимъ положеніемъ, которое защищало ее отъ нападенія варваровъ, опустошавшихъ остальную Италію ⁸⁰⁾. Но такое географическое положеніе, ставящее врагамъ естественныя преграды, имѣетъ и важныя неудобства:

необходимость не заставляетъ гражданъ упражняться въ военномъ искусствѣ, что развиваетъ въ нихъ праздность и лѣнность, т. е. качества, въ которыхъ Макиавелли видитъ источникъ вредныхъ обществу влеченій ⁸¹). Такое государство прочно лишь, пока остается въ своихъ естественныхъ границахъ, но стоить ему только переступить ихъ и всѣ преимущества его географическаго положенія исчезаютъ и обращаются въ невыгоды: распространившись за предѣлы защищенныхъ природою границъ, оно раскрываетъ врагамъ настежь двери въ свою территорію и, сравнившись въ этомъ отношеніи съ другими государствами, оно далеко отстаетъ отъ нихъ въ способности защищать свою территорію: оно не можетъ выставить надежной военной силы, ибо населеніе его не велико и испорчено праздною жизнью. Такое государство можетъ поэтому существовать лишь, пока остается въ своихъ естественныхъ границахъ. Но жизнь всего земнаго, по Макиавелли, заключается въ постоянномъ движеніи: оно растетъ или приближается къ упадку. И государство не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: стремленіе къ расширенію—естественное стремленіе, присущее всякому здоровому обществу; какъ скоро это стремленіе замерло и государство остановилось въ своемъ развитіи,—оно уже на пути къ упадку. Вотъ почему государство, которому самой природой указаны извѣстныя границы, несетъ въ себѣ зачатокъ смерти и рано или поздно должно пасть ⁸²).

Плодородіе почвы имѣетъ важное значеніе для государственной жизни. Оно, съ одной стороны, вліяетъ на

нравственный складъ народа, съ другой,—на ви́шнее могущество государства. Почва, которая вознаграждаетъ трудъ человѣка лишь цѣною продолжительныхъ и настойчивыхъ успій, развиваетъ въ людяхъ энергию и любовь къ труду ⁸³). Но бѣдность почвы—важное препятствіе къ размноженію населенія, а густота населенія является первымъ условіемъ ви́шняго могущества государства, ибо лишь государство съ густымъ населеніемъ можетъ выставить войско, способное отражать ви́шнія нападенія. Основатели государствъ должны поэтому избирать плодородныя мѣстности и устранять законами неудобства, протекающія изъ богатства природы ⁸⁴).

Если условія мѣстности являются такими важными факторами государственной жизни, то руководители государствъ должны принимать ихъ во вниманіе и согласовать съ ними цѣли и средства своей политики ⁸⁵). Но они, съ другой стороны, не должны безусловно подчиняться имъ, ибо предоставляютъ природѣ полный просторъ и безропотно признавать надъ собою ея господство значтъ заранѣе отказаться отъ всякой благоустроенной жизни. Мы знаемъ, что міръ физическій, по возрѣнію Макиавелли, не гармоническій порядокъ, а хаосъ силъ, враждующихъ съ чѣловѣкомъ ⁸⁶). Этотъ міръ ничего даромъ чловѣку не уступаетъ и каждая пядь земли, которую отвоевываетъ себѣ чловѣкъ, носитъ на себѣ слѣды его пота и крови. Нѣтъ, по миѣнію Макиавелли, на всемъ земномъ шарѣ уголка, который обезпечилъ бы чловѣку мирное существованіе. Чловѣкъ избѣгаетъ одного неудобства лишь для того, чтобы очутиться среди

обстановки, которая ставитъ ему новыя препятствія и человѣку ничего другаго не остается, какъ изъ двухъ золъ выбирать меньшее ⁸⁷). Люди должны отказаться отъ мысли найти страну, которая удовлетворяла бы всѣмъ требованіямъ общежитія, и трудомъ и энергіей создавать условія, которыя не уготовила имъ природа. Они должны избѣгать лишь такихъ мѣстностей, невыгоды которыхъ не могутъ быть устранены и вступать въ борьбу съ природою вездѣ, гдѣ эта борьба обѣщаетъ имъ успѣхъ ⁸⁸). Исторія Рима показываетъ, что энергія и мудрость людей въ силахъ побороть препятствія, которыя съ перваго взгляда кажутся непреодолимыми. Римляне жили въ странѣ, которая щедро вознаграждала трудъ человѣка, и тѣмъ не менѣе это богатство не избѣжило Римлянъ: они и среди счастливыхъ условій сумѣли развить въ себѣ тѣ гражданскія добродѣтели, которымъ Римъ обязанъ своимъ величіемъ ⁸⁹).

2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЕДШЕЕ.

Какъ бы различны ни были условія жизни, въ которыхъ вращается человѣкъ, на какой бы ступени историческаго развитія онъ ни стоялъ, всегда и вездѣ природа его остается неизмѣнной. «Люди», говоритъ Макиавелли «родятся, живутъ и умираютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ ⁹⁰). Кто наблюдаетъ прошедшія и настоящія событія, тому легко замѣтить, что во всѣхъ городахъ и у всѣхъ народовъ господствуютъ и всегда господствовали одни и тѣ же желанія и стремленія» ⁹¹). Мы знаемъ изъ предыдущаго, что главнымъ двигателемъ

историческихъ событій является человекъ ⁹²⁾. Если же природа этого человека остается всегда и вездѣ неизмѣнной, то и все то, что совершается въ исторіи должно носить на себѣ одинъ и тотъ же отпечатокъ. «Въ мірѣ», говоритъ Макиавелли, «происходитъ все одинаковымъ образомъ и въ немъ вездѣ существовало столько же добра, сколько и зла, но это добро и зло распределяются лишь неодинаковымъ образомъ по различнымъ странамъ» ⁹³⁾. Исторія, по Макиавелли, есть такимъ образомъ не что иное, какъ перестановка силъ, разъ навсегда въ мірѣ существующихъ. Матеріалъ, изъ котораго слагается общественная жизнь, остается все тотъ же. Если же онъ въ различное время даетъ различные результаты, то это объясняется тѣмъ, что онъ допускаетъ различныя комбинаціи. Политику не приходится поэтому считаться съ исторически-сложившимся: онъ можетъ во всякое время разрушить выработанное предшествующими поколѣніями и строить новое зданіе съ самаго основанія по стилю, произвольно избранному.

Государственный строй слагается изъ учрежденій, немѣющихся корней въ прошедшемъ, но держащихся исключительно тѣми потребностями, которыми они были вызваны. Обычай не имѣетъ мѣста въ образованіи формъ обществѣ; и нѣтъ такихъ условій, которыя съ естественной необходимостью и независимо отъ воли людей порождали бы извѣстныя неотразимыя послѣдствія. Макиавелли не знаетъ учрежденій, которыя нельзя было бы объяснить разумной причиною: всѣ явленія государственной жизни—искусственныя и цѣлесеобразныя учрежденія;

они созданы людьми въ вознаниі своихъ потребностей и держатся только этими потребностями. Если поэтому потребность, ради которой люди создали пзвѣстное учрежденіе, псчезла, то этимъ самымъ пересѣченъ тотъ корень, которымъ оно питалось и жило ⁹⁴).

Какъ люди неспособны стремиться къ идеальнымъ цѣлямъ ⁹⁵), такъ точно они не умѣютъ сохранять привязанность къ старымъ учрежденіямъ, теряющимся въ туманѣ отжившихъ вѣковъ. Прошедшее не освящаетъ для нихъ учрежденій и не вырабатываетъ преданій и историческихъ идеаловъ. Люди не умѣютъ уважать древнихъ учрежденій только потому, что съ ними связаны дорогія воспоминанія ⁹⁶).

Историческое прошедшее, по возрѣнію Макиавелли, имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько оно живо въ людяхъ въ формѣ пзвѣстныхъ привязанностей и привычекъ ума. Общественный строй, среди котораго люди прожили пзвѣстное время, вліяетъ на ихъ образъ жизни и на ихъ частную обстановку. Они привыкаютъ къ этой обстановкѣ, и если она не противорѣчитъ ихъ болѣе постояннымъ потребностямъ и обезпечиваетъ имъ мирное существованіе, то они привязываются къ ней и держатся ея. Вотъ эти то привычки и привязанности и являются, по возрѣнію Макиавелли, тѣми слѣдами историческаго прошедшаго, съ которыми приходится считаться политику ⁹⁷).

Но эти привязанности не пускаютъ глубокихъ корней въ челоуѣкъ и причина тому—крайняя впечатлительность и неустойчивость челоуѣческой природы. Какъ исторія

проходить для человѣчества безслѣдно, такъ и отдѣльный человѣкъ не имѣетъ прошедшаго. Онъ живетъ только настоящимъ: прошедшее не развиваетъ въ немъ склада мыслей и чувствъ, которыя могли бы устоять противъ испытываемыхъ имъ виѣшнихъ впечатлѣній и оставались бы неизмѣнными среди измѣчивости виѣшной обстановки. Привязанность къ учрежденіямъ держится въ людяхъ, пока существуютъ эти учрежденія, но стоитъ только разрушить эти учрежденія и привязанность къ нимъ исчезаетъ ⁹⁸).

Реформатору, замѣняющему старый строй новымъ, не приходится, слѣдовательно, смущаться древностью извѣстныхъ учрежденій, ибо эта древность, сама по себѣ, никакихъ связей не выработала. Онъ долженъ только обращать вниманіе на привычки и привязанности людей, сложившіяся подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, а главное, изслѣдовать, какіе интересы людей затрогиваются разрушеніемъ стараго строя ⁹⁹). Кроме того, такъ какъ люди дорожатъ болѣе виѣшностью, чѣмъ дѣйствительностью ¹⁰⁰), то реформаторъ долженъ сохранять виѣшнюю оболочку учрежденій и не разрушать виѣшнихъ формъ, къ которымъ приглядѣлись люди ¹⁰¹).

IV.

НАРОДЪ.

Хотя страсти и влеченія у всѣхъ людей и во все времена одинаковы ¹⁰²), они тѣмъ не мѣнѣе проявляются различно, по различію тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ люди вращаются. Дабы познакомиться съ при-

родою отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ недостаточно изучить природу человѣка вообще, а необходимо и прослѣдить, какое направленіе получаютъ страсти и влеченія людей, какъ скоро люди выступаютъ на поприще общественной дѣятельности и являются или самостоятельными государственными дѣятелями или членами той или другой общественной группы.

Начнемъ съ народа.

Подъ народомъ Макиавелли подразумѣваетъ трудящійся людъ, состоящій изъ гражданъ, которые ни богатствомъ, ни общественнымъ положеніемъ не возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Разсуждая о достоинствахъ и недостаткахъ народа, Макиавелли говоритъ о совокупности гражданъ, какъ о цѣломъ, играющемъ активную роль въ государственной жизни не иначе, какъ выступая замкнутой толпой.

Дурныя качества человѣческой природы—крайняя подвижность и неустойчивость—не могутъ такъ рѣзко выступать у народа, благодаря тому, что онъ — сложное цѣлое, движенія котораго тормозятъ его отдѣльныя составныя части,—люди, держащіеся различныхъ возрѣвій и имѣющіе неодинаковыя стремленія. Народъ, дѣйствуя въ совокупности, можетъ выставять лишь такія требованія, которыя общи всѣмъ гражданамъ: отдѣльныя противорѣчающія другъ другу возрѣвія и стремленія должны слиться въ общее желаніе, прежде чѣмъ сдѣлаться мотивомъ дѣятельности народа, какъ цѣлаго. Вотъ почему Макиавелли считаетъ народъ неспособнымъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ ¹⁰³),

Требованія, съ которыми выступаетъ народъ, обуславливаются не своекорыстными влеченіями и прихотями отдѣльныхъ гражданъ, которыя слишкомъ противорѣчатъ другъ другу и развитію которыхъ кромѣ того препятствуетъ экономическая обстановка народа, а лишь интересами, общими всѣмъ гражданамъ, составляющимъ народъ. Эти интересы — безопасность и неприкосновенность имущества и чести. Только ради защиты этихъ интересовъ народъ выходитъ изъ своей пассивной роли и его желанія удовлетворены, какъ скоро ему обезпечена неприкосновенность его имущества и чести ¹⁰⁴).

Этими двумя отличительными качествами народа—его неспособностью къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ, съ одной стороны, и скромностью и ограниченностью его желаній, съ другой,—Макиавелли объясняетъ всѣ его достоинства и недостатки.

Народъ, будучи неспособенъ къ быстрымъ рѣшеніямъ и движеніямъ, дорожа благами, которыя нуждаются прежде всего въ прочномъ государственномъ порядкѣ, народъ, по самой природѣ своей, отличается постоянствомъ и служитъ самымъ надежнымъ хранителемъ законнаго порядка. Этотъ порядокъ—необходимое условіе народнаго благосостоянія; и, гдѣ ему грозитъ опасность, тамъ грозитъ опасность и тѣмъ благамъ, которыми всего болѣе дорожитъ народъ.—Нарушеніе законнаго порядка, если онъ только охраняетъ имущество и честь гражданъ, никогда не можетъ быть дѣломъ народа, который желаетъ лишь одного—жить мирно и не быть угнетеннымъ. Народъ живетъ не столько разумомъ, сколько чувствами.

Онъ держится извѣстныхъ учрежденій не потому, что считаетъ ихъ цѣлесообразными, а скорѣе потому, что приглядѣлся и привыкъ къ нимъ. Народъ трудно убѣдить въ необходимости преобразованій: онъ не умѣетъ дорожить благами, которыя сулятъ ему выгоды лишь въ будущемъ, какъ бы соблазнительны эти выгоды ни были ¹⁰⁵). Народъ, по самой природѣ своей, консервативенъ ¹⁰⁶). Властолюбивыя влеченія, этотъ главный источникъ насильственныхъ переворотовъ, чужды народу, пбо влеченія эти для народа безпредметны: масса трудящагося люда за почестями не гоится и ничего другаго отъ государства не требуетъ, кромѣ мира и спокойствія ¹⁰⁷).

Народъ, какъ мы сказали выше, вмѣшивается въ активную политическую жизнь лишь ради защиты неприкосновенности имущества и чести, т. е. интересовъ, которые дороги всѣмъ гражданамъ въ одинаковой степени; другими словами, мотивами его политической дѣятельности служить не частное, а общее благо. Если народъ и не обладаетъ проицательностъю и дальновидностъю, то онъ можетъ похвалиться здоровымъ чутьемъ, которое позволяетъ ему отличать полезное отъ вреднаго, его сужденіе опредѣляется лишь интересами общаго блага и не затемняется тѣми своекорыстными стремленіями, которыя въ большинствѣ случаевъ опредѣляютъ сужденія сильныхъ людей ¹⁰⁸). Поэтому Макиавелли и считаетъ народъ всего болѣе способнымъ къ выбору должностныхъ лицъ. Народъ не доступенъ лести: льстить можно лишь отдѣльнымъ лицамъ, цѣлый же народъ лестью въ свою

пользу расположить нельзя. Тѣ личныя связи и привязанности, которыя играютъ такую важную роль при назначеніи должностныхъ лицъ княземъ, не имѣютъ мѣста при народныхъ выборахъ; между народомъ и служителями государства не могутъ установиться отношенія, обуславливающіяся частными интересами, личными симпатіями и антипатіями. Народъ, который не щетъ почестей, является самымъ безпристрастнымъ судьей при раздачѣ этихъ почестей и руководствуется при выборѣ должностныхъ лицъ лишь ихъ дѣйствительными заслугами и интересами цѣлаго ¹⁰⁹).

Но если неподвижностью народа и скромностью его желаній обуславливаются достоинства народа, то ими же объясняются и его недостатки.

Неподвижность народа лишаетъ его способности принимать быстрыя и энергическія рѣшенія. На народъ рассчитывать нельзя, гдѣ необходимо быстрой и энергической мѣрой устранить угрожающую государству опасность. Народъ не обладаетъ также проищательностью и дальновидностью и не видитъ опасности, пока она не наступила. Онъ неспособенъ обзрѣть положеніе вещей въ цѣломъ, спокойно обсудить обстоятельства и предвидѣть ихъ послѣдствія ¹¹⁰).

Отсутствіемъ проищательности объясняется и увлеченіе народа виѣшностью. Народъ неспособенъ проищать за виѣшнюю оболочку явленій и понимать ихъ настоящій смыслъ. Обсуждая то или другое явленіе онъ руководствуется лишь тѣмъ виѣшнимъ впечатлѣніемъ, которое они на него производятъ. Народу очень легко импони-

ровать красивымъ словомъ, если даже за этимъ словомъ не кроется никакого содержанія или оно служитъ лишь для того, чтобы скрыть настоящія намѣренія оратора. Предпріятіе, которое производитъ сильное впечатлѣніе своею отважностью, легко можетъ соблазнить толпу, если даже его послѣдствія гибельны для народа ¹¹¹).

Народъ, на котораго производитъ такое сильное впечатлѣніе внѣшность и который живетъ не столько разсудкомъ, сколько чувствами, по необходимости трусливъ. Его легко застрашать энергической и суровой мѣрой и онъ теряетъ голову, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ непредвидѣнной опасностью ¹¹²).

Народъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, цѣнитъ лишь блага, которыя видитъ и осязаетъ. Вотъ почему онъ дорожитъ общественными дѣятелями, лишь пока испытываетъ на себѣ ихъ благодѣянія, пока любитъ ихъ храбростью и отвагою, пока вкушаетъ плоды ихъ полезной дѣятельности. Но онъ забываетъ объ ихъ заслугахъ и честномъ служеніи, какъ скоро онъ въ нихъ болѣе не нуждается и платитъ неблагодарностью за оказанныя ему услуги ¹¹³).

Мы сказали выше, что желанія народа весьма ограничены. Но чѣмъ скромнѣе желанія народа, тѣмъ болѣе онъ дорожитъ ими и тѣмъ чувствительнѣе онъ ко всѣмъ нарушеніямъ неприкосновенности его чести и имущества ¹¹⁴). Онъ ревностно хранитъ эти блага и недовѣрчиво смотритъ на людей, которые своимъ поведеніемъ дали ему поводъ подозрѣвать ихъ въ намѣреніи стѣснить его свободу. Его подозрѣніе нерѣдко бываетъ неосно-

вательнымъ и поражаетъ людей, оказавшихъ ему дѣйствительныя услуги ¹¹⁵). Обыкновенно неподвижный и тяжелый на подъемъ, онъ способенъ на самыя отчаянныя поступки, какъ скоро задѣты его имущество и честь и страшно мститъ тѣмъ, которые лишаютъ его этихъ благъ ¹¹⁶).

V.

Дворяне, вельможи, князь.

1. ДВОРЯНЕ И ВЕЛЬМОЖИ.

Дворяне, по воззрѣнію Макиавелли, безусловно вредный элементъ для всякаго здороваго общежитія. Они обставлены условіями, которыя развиваютъ въ нихъ наиболѣе опасныя общежитію влеченія. Они пользуются богатствомъ безъ добродѣтели и занимаютъ высокое положеніе въ обществѣ не по заслугамъ ¹¹⁷). Они хитрые и ловкіе властолюбцы ¹¹⁸) и все ихъ стремленіе направлено къ одному: властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его ¹¹⁹).

Отъ дворянъ должно отличать вельможъ, т. - е. лучшихъ людей и именитыхъ гражданъ, обязанныхъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ своимъ заслугамъ и талантамъ и достигнувшихъ власти собственными усиліями. Ихъ властолюбіе не грозитъ опасностью государству, а напротивъ полезно общежитію, если только они обставлены надлежащими условіями и дѣятельность ихъ стоитъ подъ контролемъ общества ¹²⁰).

2. КНЯЗЬ.

Князь, по возрѣнію Макиавелли, необходимый элементъ во всякомъ государствѣ, не исключая и республики. Лишь князь, облеченный неограниченной властью и ничѣмъ не стѣсненный въ своей дѣятельности, способенъ организовать государство, вновь преобразовать старый государственный порядокъ, устранить рѣшительной и энергической мѣрой грозящую государству опасность. Вездѣ, гдѣ требуется быстрота и единство дѣйствія, власть князя необходима, столько же въ республикѣ, сколько и въ княжествѣ ¹²¹). Но дабы власть князя была дѣйствительно полезной обществу, необходимо, чтобы носитель ея былъ человекъ одаренный энергіею и силою воли. Этими же качествами можетъ обладать лишь человекъ, который возведенъ на княжескій престолъ волею народа или личной энергіей и ловкостью добился власти. Если князь и способенъ организовать государство и руководить имъ въ моменты опасности и общественныхъ кризисовъ, то ему не послѣдуетъ поддерживать установленный имъ строй и управлять обществомъ, когда государственная жизнь снова потекла своимъ нормальнымъ теченіемъ. И интересы общества требуютъ, чтобы онъ возвратилъ власть въ руки народа, когда дѣло переустройства государства окончено или опасность, грозившая государству, миновала ¹²²).

Если такимъ образомъ дѣятельность князя, обязаннаго высокимъ положеніемъ своимъ заслугамъ, и бываетъ иногда полезной государству, а въ извѣстныхъ случаяхъ

и безусловно необходима, то наследственный князь, по возрѣнію Макиавелли, не способенъ руководить здоровымъ государственнымъ строемъ ¹²³).

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что лишь личный интересъ можетъ заставитьъ человѣка любить общее благо и служить ему ¹²⁴). Положеніе же наследственнаго князя не побуждаетъ его дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго: онъ обязанъ своею властью не народу и управляетъ имъ помимо его воли, ему поэтому совершенно безразлично благодѣйствуетъ-ли этотъ народъ или ищечествуетъ. Прочность власти князя не зависитъ отъ благоденствія цѣлаго; напротивъ: угнетенный и извращенный народъ терпѣливѣе выноситъ ярмо княжеской власти. «То, что князь дѣлаетъ въ своихъ интересахъ, говоритъ Макиавелли, то оскорбляетъ народъ и наоборотъ то, что онъ дѣлаетъ въ интересахъ народа, то вредитъ ему» ¹²⁵).

Наследственный князь не обставленъ условіями, которыя сдерживали бы и дисциплинировали его влеченія; напротивъ: онъ выросъ и вращается въ обстановкѣ, которая даетъ перевѣсъ дурнымъ склонностямъ человеческой природы. Отсутствие труда, жизнь въ довольствѣ и роскоши развиваютъ въ немъ животныя страсти и похоти плоти, затемняютъ его умственные способности, разслабляютъ его тѣло, развращаютъ его вкусы. Онъ находитъ удовольствіе въ однихъ плотскихъ наслажденіяхъ, всякая умственная работа, всякій физическій трудъ ему въ тягость ¹²⁶).

Лишенный всякаго нравственнаго устоя, наследственный князь неспособенъ къ послѣдовательной дѣятель-

ности. Непостоянство—отличительная черта наследственного князя ¹²⁷). Князь, при назначеніи должностныхъ лицъ, руководится не дѣйствительными заслугами людей, а своими личными симпатіями и антипатіями. Людей съ талантомъ и воодушевленныхъ любовью къ общему благу онъ не допускаетъ до участія въ управленіи государствомъ; онъ видитъ въ нихъ опасныхъ враговъ своей неограниченной власти и боится ихъ. Если народъ недовѣрчиво относится къ именитымъ гражданамъ, достигнувшимъ высокаго положенія въ обществѣ, то изъ сличкомъ ревниваго охраненія своей свободы, подозрѣніе же князя имѣетъ своимъ мотивомъ боязнь за прочность своей власти ¹²⁸).

Расположеніе народа можно купить лишь цѣною дѣйствительныхъ услугъ; въ княжествѣ же льстивое слово, угожденіе вкусамъ князя, побряжки его прихотямъ—раскрываютъ всякому ловкому льстецу доступъ къ высшимъ почестямъ ¹²⁹).

VI.

Р е с п у б л и к а.

1. РЕСПУБЛИКА—НАИЛУЧШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА.

Познакомившись съ возрѣніемъ Макиавелли на цѣль государства ¹³⁰) и на природу отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ ¹³¹), рассмотрѣвши условія ¹³²), которыя вліяютъ на государственную жизнь, мы можемъ теперь приступить къ разрѣшенію вопроса: какую госу-

дарственную форму Макиавелли считаетъ наилучшей, т. е. какая, по его воззрѣнію, наибеспособнѣе осуществить цѣль государственнаго общежитія?

. Ни княжество, ни аристократія, ни демократія не удовлетворяютъ требованіямъ общежитія. И, — послѣ всего, изложеннаго нами выше, не трудно понять почему. Въ княжествѣ власть поконится исключительно въ рукахъ князя, въ аристократіи—въ рукахъ вельможъ, въ демократіи—въ рукахъ народа. Каждая изъ этихъ государственныхъ формъ основывается такимъ образомъ лишь на одномъ изъ трехъ общественныхъ элементовъ, между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли выше, не способенъ быть исключительнымъ носителемъ государственной власти. Кромѣ того всѣ эти три государственныхъ формы, сосредоточивая всю власть въ рукахъ или князя, или вельможъ, или народа, не обставляютъ правительствующій классъ условіями, которыя обуздывали бы страсти правителей. А мы знаемъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ условій, люди постепенно приближаются къ нравственному упадку, который не только лишаетъ ихъ тѣхъ добродѣтелей, безъ которыхъ правители не могутъ удерживать въ своихъ рукахъ власти, но и дѣлаютъ ихъ вообще неспособными ко всякой благоустроенной государственной жизни.

Если причины неудовлетворительности княжества, аристократіи и демократіи заключаются, во первыхъ, въ томъ, что онѣ основываются лишь на одномъ изъ общественныхъ элементовъ, во вторыхъ тѣмъ, что онѣ своимъ устройствомъ не предупреждаютъ нравственнаго упадка пра-

вителей, то наилучшей формой общежитія должно считать тотъ государственный строй, который основывается на всѣхъ общественныхъ элементахъ и обставляетъ правителей и гражданъ условіями, сдерживающими ихъ влеченія и обуздывающими ихъ страсти.

Такой государственной формой является, по воззрѣнію Макиавелли, республика. Подъ республикой Макиавелли подразумѣваетъ не народное правленіе, а смѣшанную государственную форму, въ которой власть покоится въ рукахъ выборнаго князя, вельможъ и представителей народа ¹³³).

Въ республикѣ отдѣльныя функціи государственной власти распредѣляются между общественными элементами сообразно ихъ наклонностямъ и способностямъ и эти отдѣльные общественные элементы, участвуя въ управленіи государствомъ, дополняютъ и контролируютъ другъ друга ¹³⁴).

Недостатки народа не выступаютъ такъ рѣзко въ республикѣ, ибо народъ участвуетъ въ управленіи лишь на столько, на сколько то позволяютъ ему его способности: онъ лишь выбираетъ главу государства и должностныхъ лицъ и контролируетъ ихъ дѣйствія; тамъ же, гдѣ требуется энергія и быстрота дѣйствія, онъ предоставляетъ кормило правленія своему выборному главѣ, гдѣ требуется разсудительность и осмотрительность, онъ поручаетъ именитымъ гражданамъ завѣдываніе государственными дѣлами. Неподвижность народа не задерживаетъ хода управленія; ибо орудіями народной воли являются лучшіе люди, одаренные тѣми качествами,

которыхъ не достаетъ народу. Слишкомъ ревнивое охраненіе народомъ своей свободы, его увлеченіе внѣшностью, его трусость въ моменты опасности не могутъ вызывать насильственныхъ переворотовъ въ республикѣ, ибо народомъ руководятъ умные и просвѣщенные граждане, замѣняющіе недостающее народу самообладаніе.

Но и недостатки единоличной власти смягчаются въ республикѣ тѣмъ, что народъ избираетъ главу государства лишь на короткій срокъ и обставляетъ ее условіями, предупреждающими злоупотребленія княземъ властію ¹³⁵).

Властолюбіе вельможъ не опасно республикѣ, если только народъ контролируетъ ихъ дѣятельность и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы она оставалась въ предѣлахъ законнаго порядка ¹³⁶).

Республика болѣе другихъ государственныхъ формъ удовлетворяетъ первому условію всякаго общежитія—прочности. Государственная власть обнимаетъ всѣ общественные элементы и нѣтъ въ республикѣ класса, который былъ бы исключенъ отъ участія въ управленіи и неудовольствіе котораго могло бы послужить причиною переворотовъ ¹³⁷). Всѣ законныя желанія находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ республикѣ. Тѣ блага, которыми всего болѣе дорожитъ народъ, обезпечены въ свободномъ государствѣ. Властолюбіе и честолюбіе сильныхъ людей находятъ себѣ законный исходъ: всѣмъ способнымъ и заслуженнымъ гражданамъ раскрытъ широкій путь къ почестямъ и отличіямъ. Всѣ здоровые и мощные элементы имѣютъ доступъ къ управленію ¹³⁸). Граждане могутъ

свободно расширять свое благосостояніе, мирно пользоваться плодами своей дѣятельности и, заботясь о своемъ частномъ благѣ, содѣйствовать благу цѣлаго. И благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго растетъ въ свободномъ государствѣ въ удивительныхъ размѣрахъ ¹³⁹).

Въ республикѣ осуществляется цѣль общежитія, ибо въ свободномъ государствѣ власть поконится въ рукахъ всѣхъ и служить не интересамъ немногихъ лицъ или одной партіи, а интересамъ цѣлаго. Республика кроме того основывается на народѣ, который, какъ мы видѣли выше, всего способнѣе понимать общее благо и охранять его ¹⁴⁰). Только въ республикѣ могутъ процвѣтать гражданскія добродѣтели ¹⁴¹). Свободное государство надѣляетъ людей тѣми благодѣянiями, которыя только и могутъ заставить ихъ любить свою родину, дорожить ея честью и благоденствіемъ ¹⁴²). Граждане республики участвуютъ въ управленіи государствомъ, имѣютъ не только частныя, но общественныя интересы. Услуги государству вознаграждаются въ республикѣ и граждане, побуждаемые личной выгодой, стремятся на поприще общественной службы, научаются служить общему благу, любить его и дорожить имъ ¹⁴³). Лестъ и низкопоклонство въ свободномъ государствѣ никому въ прокъ не идетъ, каждый чувствуетъ себя самостоятельнымъ и независимымъ и, если и получаетъ вознагражденіе за свои труды и заслуги, то никому не считаетъ себя обязаннымъ, кроме — какъ себя и государству: чувство собственнаго достоинства можетъ окрѣпнуть только въ республикѣ ¹⁴⁴).

Въ свободномъ государствѣ развивается все богатство и разнообразіе народныхъ силъ. Трудящійся людъ можетъ спокойно и мирно работать, увѣренный, что его трудъ не пропадетъ даромъ; таланты людей не остаются подъ спудомъ; имъ раскрытъ широкій путь развиваться и крѣпнуть. Ни бѣдность, ни происхождение не закрываютъ людямъ доступа къ почестямъ: республика отыскиваетъ добродѣтель, гдѣ бы она ни находилась. Жизнь народныхъ силъ течетъ въ свободномъ государствѣ широкимъ русломъ, и все, что способно жить, живетъ полной и цѣльной жизнью ¹⁴⁵).

2. ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ И КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ВВОДИТСЯ РЕСПУБЛИКА.

Основаніе государства есть творческій актъ свободной воли людей, дѣйствующихъ въ сознаніи своихъ интересовъ. Люди, соединяясь въ общежитіе, вполнѣ понимаютъ тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ государство и способны взвѣсить достоинства тѣхъ мѣръ, съ помощью которыхъ они намѣреваются осуществить эти цѣли. И тѣ потребности, которыя заставляютъ людей соединиться въ общежитіе, остаются всегда неизмѣнными и составляютъ главнѣйшее связующее звено и для грядущихъ поколѣній; государственная жизнь никакихъ новыхъ факторовъ не вырабатываетъ, которые не были бы налицо при самомъ возникновеніи государства. Основатели государствъ не только вполнѣ ясно сознаютъ цѣли общежитія, но и имѣютъ подъ руками весь тотъ матеріалъ, изъ котораго слагается государственная жизнь. Они та-

кимъ образомъ могутъ похвалиться свѣдѣніями и вооружены средствами, которыя ничѣмъ не уступаютъ тѣмъ, которыми обладаютъ государственные люди, имѣющіе за собою историческій опытъ. Но они имѣютъ передъ ними и важныя преимущества. При основаніи государства, дурныя влеченія человѣческой природы еще дремлютъ въ людяхъ, ибо они безпредметны: люди, живя разрозненно, не имѣютъ повода соперничать другъ съ другомъ въ погонѣ за земными благами, они не ищутъ власти и почестей, ибо ни того ни другаго въ до государственномъ быту не существуетъ. Страсти и влеченія не затмеваютъ поэтому разсудка людей при основаніи государства. Кромѣ того потребности общежитія никогда такъ ясно не сознаются, какъ при основаніи государства, ибо только эти потребности заставили людей сблизиться и всѣ въ одинаковой степени сознаютъ неудобства жизни въ разсыпную ¹⁴⁶).

Изъ такого взгляда на условія, при которыхъ возникаетъ государство, вытекаютъ послѣдствія, передъ которыми Макиавелли не останавливается и которыя онъ высказываетъ очень ясно и опредѣленно.

Во первыхъ. Если при основаніи государства людей еще не коснулась испорченность и они всего яснѣе сознаютъ потребности общежитія, то наиблаженнѣйшимъ должно считать то государство, которое сумѣло воспользоваться этими благопріятными условіями и при самомъ своемъ основаніи получило совершенное устройство, сдѣлавшее всякія дальнѣйшія преобразованія и улучшенія излишними ¹⁴⁷).

Во вторыхъ. Если государство при самомъ своемъ возникновеніи получаетъ устройство, регулирующее общественныя отношенія и для будущихъ поколѣній, то основаніе государства не можетъ быть дѣломъ народа, который не обладаетъ ни проницательностью, ни дальновидностью. Государство не можетъ быть основано иначе, какъ усиліями одного лица ¹⁴⁸).

Въ третьихъ. Если самое совершенное устройство то, которое получаетъ государство при своемъ возникновеніи, то всѣ дальнѣйшія преобразованія и улучшенія могутъ имѣть лишь одну цѣль—возвращать государство къ его первоначальной исходной точкѣ ¹⁴⁹).

Чѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе основатель республики въ своей организаторской дѣятельности, тѣмъ совершеннѣе созданное имъ дѣло. Зависимость отъ людей и обстоятельствъ стѣсняетъ его дѣятельность, заставляетъ его принимать во вниманіе не только интересы устраиваемаго имъ государства, но и чужія желанія и постороннія обстоятельства. Эта зависимость ставитъ ему цѣлый рядъ препятствій, которыя могутъ быть устранены лишь жестокими и суровыми мѣрами ¹⁵⁰).

Наибольшей самостоятельностью пользуется основатель республики, вводящій государственныя утвержденія у народа, до котораго еще не коснулась испорченность ¹⁵¹). Человѣку же, вводящему республиканскій строй у народа, не впервые вступающаго въ гражданскую жизнь, приходится бороться съ привязанностью народа къ старымъ учрежденіямъ и съ враждою людей, извлекавшихъ выгоду изъ разрушеннаго строя. И нѣтъ другаго средства ус-

тратить послѣднее препятствіе, какъ сдѣлать этихъ людей неспособными вредить дѣлу свободы ¹⁵²).

Еще труднѣе основать республику у народа, въ котораго проникла испорченность, обусловливающаяся экономическимъ и общественнымъ неравенствомъ ¹⁵³). Въ странѣ, въ которой существуетъ дворянство, республиканскій строй не можетъ упрочиться, ибо дворяне, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, желаютъ лишь одного—властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его ¹⁵⁴). Основатель республики, желающій ввести въ такой странѣ свободный строй, долженъ прежде всего устранить эти вредные всякому здоровому общежитію элементы ¹⁵⁵).

Ввести республику у народа, извращеннаго жизнью подъ властью князя, по силамъ лишь тирану. Народъ, который былъ устраненъ отъ всякаго участія въ общественной жизни, за котораго мыслилъ и дѣйствовалъ князь, такой народъ, стряхнувъ съ себя ярмо княжеской власти, превращается въ дикаго звѣря, укротить котораго можетъ лишь человекъ, облеченный неограниченной властью ¹⁵⁶).

3. КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ РЕСПУБЛИКА.

Республика держится добродѣтелью гражданъ; тамъ, гдѣ эта добродѣтель исчезла, свободный строй долженъ рушиться. Вотъ почему всѣ мудрые законодатели республикъ заботились прежде всего о созданіи и поддержаніи тѣхъ условій, которыя благоприятствуютъ развитію гражданскихъ добродѣтелей ¹⁵⁷). Мы знаемъ изъ предыдущаго, что эти условія заключаются главнымъ образомъ

въ равномѣрномъ распредѣленіи экономическихъ богатствъ и въ равенствѣ гражданъ передъ закономъ ¹⁵⁸).

Равномѣрное распредѣленіе имущества устанавливается законами, предупреждающими накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ. Образцами такихъ законовъ Макиавелли выставляетъ законы Ликурга ¹⁵⁹). Равенство гражданъ обезпечено тамъ, гдѣ ни бѣдность, ни происхождение не закрываютъ людямъ доступа къ должностямъ и почестямъ ¹⁶⁰).

Законъ, по выраженію Макиавелли, первъ политической свободы ¹⁶¹) и тотъ республиканскій строй проченъ, который кладетъ законъ въ основаніе государственной жизни и который обставляетъ дѣятельность правителей и гражданъ законными нормами, исключаящими всякій произволъ.

Государственныя учрежденія и законы должны предусматривать событія и на случай ихъ наступленія устанавливать правила, которыя сдѣлали бы личную дѣятельность гражданъ, не связанную законами, излишней. Государственные законы не должны оставлять ни одной лазейки, черезъ которую могъ бы проскользнуть властолюбивый человекъ и, подъ предлогомъ служить общему благу, воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ ради личныхъ интересовъ ¹⁶²).

Законы и учрежденія не должны раздражать народа и сдерживать страсти людей одной внѣшней силой. Граждане должны видѣть въ законѣ не пугало, а своего защитника и покровителя. Повиновеніе законамъ и уваженіе къ существующимъ учрежденіямъ поддерживаются не

репрессивными мѣрами, а вниманіемъ къ интересамъ народа. Не заглушать должно голосъ народа, а давать ему полный просторъ высказаться, прислушиваться къ нему и слѣдовать ему. Макиавелли требуетъ, чтобы народу было дано право обвинять общественныхъ дѣятелей, которые кажутся ему опасными. Это учрежденіе предупреждаетъ насильственные перевороты, которые наступаютъ тамъ, гдѣ народное неудовольствіе, не находя законнаго исхода, ищетъ незаконныхъ путей ¹⁶³).

Но законы, по воззрѣнію Макиавелли, лишь тогда достигаютъ своей цѣли, когда поспѣтелями и исполнителями ихъ являются граждане, проникнутые тѣмъ же самымъ духомъ, который вложенъ въ эти законы законодателемъ. «Какъ хорошіе нравы», говоритъ Макиавелли, «дабы удержаться, нуждаются въ хорошихъ законахъ, такъ и законы, дабы быть соблюдаемы, нуждаются въ хорошихъ правахъ» ¹⁶⁴). Сами по себѣ, законы не осчастливятъ народа. Если они не находятъ добросовѣстныхъ исполнителей и истолкователей, то они остаются мертвыми буквами. Дабы быть рычагами народнаго благоденствія законы нуждаются, какъ выражается Макиавелли, въ оживленіи добродѣтелью гражданъ ¹⁶⁵).

Кромѣ того, какъ бы совершенны эти законы ни были, они не способны обнять все разнообразіе общественныхъ явленій и всегда оставляютъ просторъ личной дѣятельности гражданъ. Тамъ, гдѣ эти граждане не проникнуты сознаніемъ своихъ обязанностей, они воспользуются во зло предоставленной имъ свободой. И то общезлитіе счаст-

ливѣе и прочнѣе, которое держится не столько законами, сколько добродѣтелью гражданъ ¹⁶⁶).

Макиавелли различаетъ три функціи государственной власти, власть исполнительную, власть совѣщательную и власть контролирующую ¹⁶⁷). Эти три функціи государственной власти должны быть распредѣлены между отдѣльными общественными элементами, сообразно ихъ наклонностямъ и способностямъ. Исполнительная власть покоится въ рукахъ одного лица, совѣщательная — въ рукахъ лучшихъ людей, контролирующая — въ рукахъ народа ¹⁶⁸).

Государственная власть должна, съ одной стороны, пользоваться авторитетомъ; съ другой стороны, носители ея должны быть обставлены условіями, которые не позволяли бы имъ злоупотреблять предоставленной имъ властью ¹⁶⁹).

Государственная власть пользуется авторитетомъ лишь тамъ, гдѣ носителями ея являются достойнѣйшіе граждане республики, облеченные широкими полномочіями. Достойнѣйшіе же граждане будутъ стоять во главѣ республики лишь въ томъ случаѣ, если занятіе высшихъ должностей предоставитъ имъ дѣйствительныя выгоды. Лишь личный интересъ можетъ заставить людей примѣнять частную жизнь на служеніе общественному дѣлу. Гдѣ это служеніе не представляетъ выгодъ, которыя могли бы соблазнить знатнѣйшихъ гражданъ, тамъ искать его будутъ лишь ничтожные люди, не сумѣвшіе создать себѣ положеніе въ обществѣ и видящіе въ государственной службѣ доходную статью. Вотъ почему

необходимо, во-первыхъ, чтобы носители государственной власти получали высокое вознагражденіе, во-вторыхъ, чтобы срокъ службы не былъ слишкомъ коротокъ, въ-третьихъ, чтобы они были надѣлены дѣйствительной властью ¹⁷⁰).

Такъ какъ государственный механизмъ республики очень сложенъ, то необходимо организовать его такимъ образомъ, чтобы ни одно учрежденіе не могло задерживать обыкновеннаго теченія государственныхъ дѣлъ ¹⁷¹).

Эта сложность затрудняетъ и быстроту рѣшеній, которая бываетъ необходимой въ моменты опасности и общественныхъ кризисовъ ¹⁷²). Въ этихъ случаяхъ необходимо облечь одно лицо широкими полномочіями, но обставить его условіями, которыя не позволили бы ему злоупотребить предоставленной ему властью ¹⁷³).

VII.

Княжество.

1. ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ И КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ВВОДИТСЯ КНЯЖЕСТВО.

Княжество держится исключительно властью князя и чѣмъ неограниченнѣе эта власть, тѣмъ прочнѣе княжество. Власть же князя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она обладаетъ средствами для удержанія народа въ повиновеніи. Этими средствами не могутъ быть законы, ибо законы соблюдаются лишь добродѣтельными гражданами, подданные же князя извращены политическимъ рабствомъ. Военная сила замѣняетъ собою въ княже-

ствѣ силу закона. Если республика есть царство законнаго порядка, то тиранія — господство личнаго произвола, основывающагося на военной силѣ ¹⁷⁴). Власть князя тѣмъ прочиѣ, чѣмъ она сосредоточеннѣе. Если князь нуждается въ помощникахъ при управленіи государствомъ, то эти помощники не должностныя лица, пользующіяся самостоятельностью въ предоставленной имъ сферѣ дѣятельности, а не что иное, какъ личные слуги князя ¹⁷⁵). Но эти помощники недостаточны. Если князь хочетъ упрочить свою власть, то онъ долженъ найти себѣ пособниковъ въ дѣлѣ угнетенія народа. А мы знаемъ, что дворяне стремятся лишь къ одному — властвовать надъ народомъ, дабы угнетать его ¹⁷⁶). Услугами дворянъ и долженъ по этому воспользоваться князь. Если республика управляется лучшими людьми, то княжество можетъ удержаться лишь съ помощью наиболѣе вредныхъ элементовъ общежитія ¹⁷⁷). Очевидно, что при такихъ условіяхъ государственной жизни благосостояніе народа не можетъ процвѣтать, но должно постепенно приближаться къ упадку ¹⁷⁸).

Макиавелли смотритъ, такимъ образомъ, на княжество, какъ на ненормальный государственный строй. Но эта государственная форма существуетъ и встрѣчается чаще, чѣмъ республика, и причина тому — природа людей, которые болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру ¹⁷⁹). Княжество есть фактъ, съ которымъ приходится считаться политику; и его несовершенство не можетъ освободить его отъ необходимости изслѣдовать природу княжества, изучать тѣ условія, при которыхъ оно воз-

ищетъ и тѣ средства, съ помощью которыхъ оно поддерживается.

Княжество является послѣдствіемъ или завоеванія, когда князь силою оружія подчиняетъ своей власти свободный городъ ¹⁸⁰), или борьбы партій, когда враждующіе между собою вельможи и народъ надѣляются властью одного человѣка, дабы съ его помощью задавить враждебную партію ¹⁸¹), или нравственной испорченности народа ¹⁸²). Въ послѣднемъ случаѣ тиранія является неизбежнымъ несчастьемъ. Испорченный народъ не способенъ жить подъ сѣнью республиканскаго строя: онъ утратилъ способность управляться и лишенъ тѣхъ добродѣтелей, которыми только и держится республика. Законы не въ состояніи обуздать страсти испорченнаго народа: лишь желѣзной рукѣ тирана по силамъ сдержать разнузданную толпу ¹⁸³). Для народа, въ который проникла испорченность, княжество—единственный исходъ изъ анархическаго состоянія. Если княжество и безсильно надѣлать его тѣми благами, которыя выпадаютъ лишь на долю свободнаго народа, то оно, по крайней мѣрѣ, обезпечитъ ему внѣшній порядокъ и этимъ спасетъ его отъ конечной гибели ¹⁸⁴).

Средства, съ помощью которыхъ вводится княжество, не могутъ быть иными, какъ крайне суровыми и жестокими, и добродѣтельному человѣку они не по силамъ ¹⁸⁵). Необходимость прибѣгать къ такимъ мѣрамъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ приводятъ въ исполненіе княземъ, съ природою котораго мы познакомились выше ¹⁸⁶), во-вторыхъ, тѣми условіями, ко-

торыми сопровождается основаніе княжества у свободного или испорченного народа.

Достоинства новаго князя заключаются исключительно въ силѣ и энергіи, средства же, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для упроченія своей власти—во внѣшнемъ могуществѣ, основывающемся на военной силѣ. Условія же, которыми сопровождается основаніе княжества, также не могутъ содѣйствовать смягченію образа дѣйствій новаго князя. Князь, завоевывающій свободный городъ, силою вещей принужденъ прибѣгать къ огню и мечу для упроченія своей власти ¹⁸⁷). Княжество, которое возникаетъ изъ борьбы партій, является послѣдствіемъ внутреннихъ смуть. Внутреннія же безурядицы разрушаютъ законный порядокъ въ государствѣ и диктаторъ, дѣлающійся тираномъ при такихъ условіяхъ, не можетъ уважать закона, ибо онъ неспровергнутъ, не можетъ уважать желаній борющихся партій, ибо одна партія надѣлила его властью, дабы обезоружить другую, не можетъ уважать свободы, ибо его цѣль—на развалинахъ этой свободы основать тиранію ¹⁸⁸). Княжество же которое выводитъ развращенный народъ изъ анархическаго состоянія, не можетъ быть введено иначе какъ, суровыми мѣрами, ибо такой народъ лишился свободы именно потому, что мягкія мѣры, на которыя только и способна республика, оказались недостаточными для поддержанія порядка и вызвали необходимость въ неограниченной власти князя, который замѣняетъ господство закона военной диктатурой ¹⁸⁹).

Итакъ средства, къ которымъ прибѣгаетъ новый князь,

дабы быть цѣлесообразными, должны по необходимости отличатся суровостью. Но князь долженъ помнить, что онѣ легко могутъ возбудить ярость народа. Князь не долженъ понапрасно раздражать народъ и, вынужденный прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, князь долженъ стараться быстро покончить съ ними и потомъ обратить ихъ на пользу народа ¹⁹⁰). Если же это невозможно, то суровость этихъ мѣръ должна быть на столько дѣйствительной, чтобы лишила народъ возможности мстить князю за нанесенныя ему оскорбленія ¹⁹¹). Князь долженъ избѣгать полумѣръ, ибо чѣмъ рѣшительнѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ меньше ему приходится опасаться народной ненависти. Дѣйствовать же энергически и рѣшительно можетъ лишь тотъ князь, который пользуется независимостью и свободою дѣйствій ¹⁹²).

Препятствія, которыя встрѣчаетъ князь, подчиняющій своей власти новую область и присоединяющій ее къ своему государству, лежатъ или въ правахъ и обычаяхъ завоеванной страны или въ ея государственномъ устройствѣ.

Всего легче завоевать страну, которая имѣетъ одинаковые права съ государствомъ завоевателя: князю не приходится здѣсь разрушать старыхъ учрежденій, онъ вынужденъ лишь устранить князя этой страны и уничтожить его династію. И народъ, оставаясь при своихъ обычаяхъ, спокойно переноситъ власть новаго владыки и забываетъ своего стараго князя, ибо привязанность къ нему сдѣлалась безпредметной, а мы знаемъ, что люди живутъ лишь настоящимъ и что прошедшее для

нихъ не существуетъ. Въ странѣ же, правы, языкъ и учрежденія которой отличаются отъ существующихъ въ государствѣ завоевателя, князь вынужденъ не только устранить прежняго владыку и его династію, но и разрушить весь старый строй и замѣнить его новымъ. Самое лучшее средство упрочить свою власть въ такой странѣ—это самому поселиться въ ней ¹⁹³). Князь, поселившійся въ завоеванной странѣ, увидитъ возникающіе беспорядки въ самомъ зачаткѣ и съумѣетъ предупредить ихъ своевременно; чиновники не будутъ грабить жителей, и народъ, имѣя убѣжденіе въ князѣ, будетъ чувствовать успокоеніе. Другимъ средствомъ къ упроченію власти въ завоеванной странѣ является основаніе въ ней военныхъ колоній ¹⁹⁴). Военныя колоніи обходятся дешевле содержанія большаго войска и оскорбляютъ меньшее число жителей, а именно лишь тѣхъ, у которыхъ отняты дома и пашни и переданы колонистамъ; да и эти немногіе не опасны: они живутъ въ бѣдности и разрозненно. Остальная же, бѣльшая часть жителей пользуется неприкосновенностью своего имущества и живетъ спокойно, опасаясь участи, постигшей ограбленныхъ жителей ¹⁹⁵).

Что же касается до препятствій, которыя встрѣчаетъ князь въ государственномъ устройствѣ завоеванной страны, то они зависятъ отъ того, кто управляетъ завоеванной страной, неограниченный-ли властитель и его слуги, какъ въ Турціи, или князь и дворяне, какъ во Франціи. Страну, какъ Турцію, труднѣе завоевать, но легче удержать въ своей власти, ибо завоеватель не

находить себѣ союзниковъ въ странѣ, населенной рабами, слѣпо преданными своему владыкѣ. Завоевавъ же разъ такую страну, легко удержать ее въ своей власти—стоитъ только уничтожить властителя и его династію и занять его мѣсто: рабское населеніе будетъ такъ же крѣпко держаться новаго властителя, какъ оно рабски повиновалось своему прежнему владыкѣ. Государство же которое управляется княземъ и вельможами, не трудно завоевать, ибо среди дворянъ всегда найдутся недовольные. Удержаться же въ такой странѣ не легко, ибо тѣ же самые дворяне, которые раскрыли завоевателю двери въ свое отечество, легко могутъ сдѣлаться орудіями погибели новаго князя, какъ только представится къ тому удобный случай ¹⁹⁶).

Трудная задача выпадаетъ на долю князя, дѣлающагося тираномъ свободного города. Такому князю приходится бороться не только съ привязанностями народа къ старымъ учрежденіямъ, но и съ любовью народа къ свободѣ. А мы знаемъ, что если народъ дорожить чѣмъ нибудь, то это—своей свободой, и если что можетъ разжечь его страсти, то это—лишеніе свободы ¹⁹⁷). Князю, который хочетъ основать тиранію въ свободномъ городѣ, ничего другаго не остается, какъ или разрушить его, или самому поселиться въ немъ ¹²⁸).

Частное лицо, которое дѣлается тираномъ города, обязано своимъ возвышеніемъ или степенію счастливыхъ обстоятельствъ, или своей собственной энергіи. Тому, кто ничѣмъ не обязанъ счастью, труднѣе достигнуть власти, но легче удержать ее. Труднѣе стать ему во

главѣ княжества, потому что не счастье, а онъ самъ расчищаетъ себѣ путь къ власти. А нѣтъ ничего труднѣе, какъ замѣнять старый строй новымъ, ибо вводящій новые порядки имѣетъ своими врагами всѣхъ тѣхъ, которые извлекали выгоду изъ стараго порядка, и вялыми защитниками тѣхъ, которые надѣются извлечь выгоду изъ новаго порядка; вялость же эта проистекаетъ, во-первыхъ, изъ боязни противниковъ, на сторонѣ которыхъ законъ, во-вторыхъ, изъ невѣрія людей, которые не довѣряютъ пововеденіямъ, пока опытъ не доказалъ имъ ихъ пригодность. Легче же удержать такому князю власть потому, что онъ обязанъ своимъ положеніемъ не слѣпому случаю, а собственнымъ успіямъ: не имъ руководятъ обстоятельства, а онъ управляетъ ими; такой князь кромѣ того не избалованъ счастьемъ и прошелъ школу, которая закалила его силы. И положеніе такого князя тѣмъ прочнѣе, чѣмъ онъ самостоятельнѣе, чѣмъ менѣе ему приходится принимать во вниманіе чужіе интересы и желанія, чѣмъ свободнѣе онъ можетъ распоряжаться своими средствами и чѣмъ эти средства способнѣе подчинять его волѣ обстоятельства и людей.—Князь же, который обязанъ своимъ положеніемъ счастливому стеченію обстоятельствъ и чужой помощи, долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы стать самостоятельнымъ и сдѣлать чужую помощь излишней ¹⁹⁹). Такъ именно поступилъ Цезарь Борджіа. Онъ достигъ власти благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ и сдѣлался княземъ Романьи съ помощью французскаго короля, Орсини и Колонна. Но онъ зналъ, что французскій король

непадежнѣйшій союзникъ и что Орсини и Колонна его скрытые враги. Вотъ почему всѣ его стремленія были направлены къ одному: сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ. Съ этой цѣлью онъ прежде всего позаботился о хорошемъ войскѣ. Потомъ онъ заручился союзомъ съ Испанцами, врагами Французовъ, ослабилъ партію Орсини въ Римѣ и, завлекши ихъ хитростью въ Синцигалію, уничтожилъ тѣхъ, которые искали лишь удобнаго случая, чтобы погубить его. Зная, что власть князя крѣпка лишь привязанностью къ нему народа, Цезарь поспѣшилъ надѣлать Романью хорошимъ управленіемъ. Но это была задача не легкая, такъ какъ въ Романьѣ господствовала полнѣйшая анархія. Нельзя было иначе внести порядокъ въ эту страну, какъ цѣною жестокихъ мѣръ. Дабы не сдѣлаться жертвою народнаго недовольства, онъ велѣлъ казнить одного изъ своихъ слугъ и выставить его изуродованное тѣло на поруганье народа.

Тотъ, кто съ помощью преступленій сдѣлался тираномъ свободнаго города, долженъ, рѣшившись разъ вступить на этотъ путь, не останавливаться на полдорогѣ, а рѣшительными и быстрыми ударами устранить своихъ враговъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ раздражилъ своими жестокостями или которые, такъ или иначе, могутъ сдѣлаться ему опасными. Такъ именно поступилъ Агаоокль, и если онъ достигъ цѣли, то былъ обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что стумѣлъ покончить съ жестокостями сразу, и обезопасивъ себя со стороны своихъ враговъ, не имѣлъ болѣе повода жестокими мѣрами возбуждать народное недовольство ²⁰¹).

Князю, который дѣлается тираномъ города, пользуясь смутами, возбужденными борьбою партій, не приходится прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, къ огню и мечу: его сила заключается въ хитрости, въ умѣньи пользоваться слабостями партій. Такой князь обязанъ своимъ положеніемъ или вельможамъ, которые надѣляютъ авторитетомъ одного изъ своей среды, когда чувствуютъ свое безпліе совладать съ народомъ, или народу, который облакаетъ властью одного человѣка, дабы имѣть вождя и защитника въ борьбѣ съ дворянами. Князю, достигнувшему власти съ помощью дворянъ, трудно удержаться, ибо онъ окруженъ людьми, считающими себя ему равными и которыми поэтому труднѣе повелѣвать; кромѣ того нельзя удовлетворять желаніямъ дворянъ, не нарушая интересовъ другихъ, ибо они не только стремятся властвовать и угнетать, но, обладая дальновидностью и хитростью, умѣютъ и настаивать на своихъ требованіяхъ. Власть же князя, основывающагося на народѣ, прочнѣе. Стремленія народа, желающаго лишь одного — не быть угнетеннымъ, честнѣе и ихъ легче удовлетворить. Кромѣ того князь никогда не можетъ обезопасить себя со стороны враждебнаго народа, который своею многочисленностью всегда опасенъ князю; вельможъ же немного и ихъ не трудно обезоружить ²⁰¹).

2. КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ КНЯЖЕСТВО.

Княжество есть господство личнаго пропзвола. Оно управляется не законами, а личною волею князя, который сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту

государственной власти. Такъ какъ княжество основывается исключительно на власти князя и держится только ею, то вся задача управленія въ княжествѣ заключается въ поддержаніи и упроченіи княжеской власти. Вопросъ: какими средствами поддерживается княжество? сводится къ вопросу: какими средствами поддерживается власть князя?

О справедливости и законности въ княжествѣ рѣчи быть не можетъ, ибо справедливость и законность предполагаютъ существованіе законнаго порядка и уваженіе къ нему, а ни того, ни другаго въ княжествѣ не существуетъ. Князь управляетъ среди беззаконнаго порядка необузданнымъ и недисциплинированнымъ народомъ, въ которомъ непрощенныя человѣку страсти не сдержаны условіями государственной жизни, а проявляются во всей своей отвратительной наготѣ; на людей же, въ которыхъ государственная жизнь не воспитала гражданскихъ добродѣтелей и для которыхъ не существуетъ различія между добромъ и зломъ, нельзя воздѣйствовать иначе, какъ грубой силой ²⁰²).

Этими условіями государственной жизни обусловливается характеръ тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ князь для поддержанія своей власти.

Власть князя, во первыхъ, тѣмъ прочнѣе, чѣмъ большими средствами она обладаетъ для удержанія народа въ повиновеніи. Этими средствами можетъ быть лишь внѣшняя сила—сила войска. «Власть того князя прочна», говоритъ Макиавелли, «который своимъ богатствомъ или деньгами или людьми можетъ выставить многочисленное

и хорошо организованное войско» ²⁰³). «Князь не долженъ имѣть другаго занятія, другой мысли, другаго искусства, кромѣ войны. Ибо только военное искусство приличествуетъ тому, кто повелѣваетъ» ²⁰⁴).

Управляя развращеннымъ народомъ, князь можетъ удержатъ его въ повиновеніи лишь страхомъ наказанія и не долженъ смущаться прозваніемъ грознаго. «Ибо, прибѣгая къ немогимъ устрашительнымъ примѣрамъ, онъ окажется милосердіе тѣхъ, которые изъ излишняго мягкосердечія даютъ волю беспорядкамъ, порождающимъ грабежи и убійства: эти беспорядки поражаютъ все общество, наказанія же, исходящія отъ князя, лишь немногихъ» ²⁰⁵).

Власть князя, воторыхъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она сосредоточеннѣе. Князь долженъ держать всѣ нити управленія въ своихъ рукахъ и не терять въ государствѣ самостоятельныхъ властей. Его помощники при управленіи государствомъ должны быть его личными слугами и въ своей дѣятельности руководствоваться исключительно волею своего повелителя ²⁰⁶). Князь долженъ щедро вознаграждать своихъ слугъ и обставлять условіями, которыя заставляли бы ихъ изъ личной выгоды вѣрно и преданно служить своему владыкѣ. Князь долженъ связать ихъ судьбу съ своей судьбою, долженъ дѣлиться съ ними почестями и упреками, выгодами и невыгодами своего положенія, дабы его интересы были бы ихъ интересами ²⁰⁷). Князь, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, легко доступенъ лести. Лесть же ловкихъ придворныхъ можетъ сдѣлаться очень опасной князю: она

можетъ лишить его самостоятельности. Князь долженъ поэтому остерегаться льстецовъ и самое дѣйствительное средство обезоружить ихъ это—окружить себя мудрыми совѣтниками и позволить имъ говорить князю правду въ лицо. Но князь долженъ лишь принимать во вниманіе мудрые совѣты и, выслушавъ ихъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію ²⁰⁸).

Княжеская власть, втретыхъ, тѣмъ прочиѣ, чѣмъ безропотнѣе и охотнѣе народъ подчиняется ей. Ядро княжеской власти должно, съ одной стороны, держать народъ въ повиновеніи, съ другой, оно должно быть наложено осторожной и предусмотрительной рукой. Одна виѣшняя сила не можетъ удержать народа въ повиновеніи. Какъ республика держится не одними законами, а и добродѣтелью гражданъ, такъ и княжество нуждается въ подданныхъ, которые повиновались бы не только изъ страха наказанія, но изъ уваженія и привязанности къ князю.—Въ республикѣ гражданская добродѣтель—любовь общаго блага—возбуждается тѣмъ, что государство надѣляетъ гражданъ благодѣяніями и, привлекая ихъ къ участию въ политической жизни, заставляя ихъ принимать близко къ сердцу общественные интересы. Князь къ такимъ средствамъ прибѣгать не можетъ, ибо тѣ качества, которыя онъ долженъ привить своимъ подданнымъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми добродѣтелями, въ которыхъ нуждается республика. Качества эти—не любовь общаго блага, а привязанность къ князю. Въ республикѣ граждане должны любить государство, въ княжествѣ—князя.

Первое условіе привязанности—отсутствіе ненависти. А ничто такъ не возбуждаетъ народной ненависти, какъ нарушеніе неприкосновенности имущества и чести гражданъ. Князь, который хочетъ пріобрѣсти расположеніе народа, долженъ прежде всего не касаться тѣхъ благъ, которыми всего болѣе дорожатъ люди ²⁰⁹).

Князь долженъ не только не раздражать народа, но и стараться заслужить его расположеніе.

Онъ не можетъ пріобрѣсти расположеніе народа дѣйствительными добродѣтелями. Добродѣтели цѣнятся лишь добродѣтельными людьми, народъ же, которымъ управляетъ князь, развращенъ политическимъ рабствомъ, а, какими бы добродѣтелями князь разукрашенъ ни былъ, онъ этими добродѣтелями на испорченный народъ никакого впечатлѣнія не произведетъ ²¹⁰). Живя среди волковъ, князь долженъ умѣть и быть по волчьему. «Человѣкъ», говоритъ Макиавелли, «который при всѣхъ обстоятельствахъ видитъ въ добродѣтельныхъ поступкахъ свое назначеніе, долженъ необходимо погибнуть среди злыхъ людей. Поэтому князь, который хочетъ удержаться, долженъ научиться быть злымъ, дабы въ случаѣ необходимости воспользоваться этимъ умѣньемъ» ²¹¹). «Какъ похвально», говоритъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, «соблюдать вѣрность слову и жить честно—очевидно всякому. Тѣмъ не менѣе опытъ нашего времени доказываетъ, что тѣ князья совершали великія дѣла, которые не дорожили этой честностью и вѣроломствомъ завлекали людей въ свои сѣти и въ концѣ концовъ брали верхъ надъ тѣми, которые полагались на свою честность. Умный

властитель не долженъ поэтому соблюдать вѣрности слову, если эта вѣрность можетъ ему принести вредъ и если исчезли причины, побудившія его связать себя словомъ. Если бы всѣ люди были хороши, то это правило было бы не хорошо, но такъ какъ люди злы и не держатъ слова, то и князя ничто не обязываетъ считать себя связаннымъ даннымъ обѣщаніемъ» ²¹²).

Итакъ, князь не можетъ заслужить уваженія народа, воздѣйствуя на хорошую сторону челоѣческой природы, такъ какъ эту хорошую сторону заглушило политическое рабство. Князю ничего другаго не остается, какъ воспользоваться слабостями людей. Мы знаемъ, что народъ увлекается виѣшностью, что на него производятъ сильное впечатлѣніе блестящія предпріятія, красивыя рѣчи, отважные подвиги, все то, что имѣетъ оболочку, ослѣпляющую его чувства ²¹³). Этой-то стороною челоѣческой природы и долженъ воспользоваться князь. «Князь», говоритъ Макиавелли, «долженъ производить на людей впечатлѣніе великаго, изъ ряду вонъ выходящаго челоѣка ²¹⁴). Ничто такъ не возвеличиваетъ авторитета князя, какъ блестящіе подвиги и личные примѣры мужества. Князь долженъ казаться поощрителемъ заслугъ и чтить всѣхъ, отличающихся въ своей области.... Онъ долженъ въ извѣстные промежутки времени устраивать для народа празднества и зрѣлища» ²¹⁵).

Князь долженъ отличаться лишь такими качествами, которыя умѣетъ цѣнить испорченный народъ. Но такой народъ не въ состояніи отличать дѣйствительно полезное отъ вреднаго. Что же, спрашивается, опредѣляетъ его

сужденіе? Ходячая, уличная мораль, отвѣчаетъ Макиавелли. «Людямъ», говоритъ Макиавелли, «приписываютъ извѣстныя качества, ради которыхъ ихъ или хвалятъ или хулятъ: одного считаютъ щедрымъ, другаго скупымъ, одного жестокимъ, другаго милосерднымъ, одного вѣроломнымъ, другаго честнымъ, одного женоподобнымъ и трусливымъ, другаго мужественнымъ и отважнымъ, одного сладострастнымъ, другаго воздержнымъ и тому подобное» ²¹⁶). Вотъ съ этими ходячими воззрѣніями и долженъ считаться князь и производить своимъ поведеніемъ впечатлѣніе челоуѣка, обладающаго всѣми тѣми качествами, которымъ рукоплещетъ толпа, въ своихъ же дѣйствіяхъ руководствоваться исключительно тѣмъ, что содѣйствуетъ упроченію власти и помнить, что успѣхъ въ глазахъ толпы оправдываетъ всякое средство. «Всякій скажетъ», говоритъ Макиавелли «что было бы похвально, если бы князь былъ разукрашенъ добродѣтелями, но такъ какъ обладать ими и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться неприкосновеннымъ—не допускаютъ людскія отношенія, то князь долженъ умѣть избѣгать упрековъ въ недостаткахъ, которые лишаютъ его власти» ²¹⁷). «Князю необходимо не обладать всѣми добродѣтелями, а производить на людей впечатлѣніе челоуѣка, обладающаго ими. Да, я рѣшаюсь утверждать, что если онъ въ дѣйствительности обладаетъ ими, то онъ опасенъ, если же онъ лишь кажущіяся добродѣтели, то онъ полезенъ. Князь, въ особенности новый, не можетъ соблюдать всего того, что люди называютъ хорошимъ, такъ какъ онъ часто для удержанія власти вынужденъ дѣйствовать

наперекоръ благочестію, честности, любви къ ближнему, человѣчности. Поэтому онъ долженъ обладать гибкостью и умѣть сообразоваться съ обстоятельствами и колебаніями судьбы. Онъ не долженъ покидать пути добра, если этотъ путь лежитъ въ предѣлахъ возможнаго, но и умѣть дѣлать зло, кога его къ тому вынуждаютъ обстоятельства. Князь долженъ крайне остерегаться проронить слово, которое противорѣчило бы выше-перечисленнымъ качествамъ. Въ особености же князь долженъ казаться благочестивымъ, ибо люди судятъ болѣе по глазамъ, чѣмъ по рукамъ: видѣть могутъ всѣ, проникать же въ глубь—удѣлять немногихъ» ²¹⁸).

Итакъ, если въ республикѣ добродѣтель служить основаніемъ общежитія, то въ княжествѣ ей нѣтъ мѣста, и князь долженъ обладать лишь призрачными добродѣтелями, вводящими въ заблужденіе народъ, извращенный политическимъ рабствомъ и утратившій способность отличать дѣйствительное добро отъ дѣйствительнаго зла. Эти «добродѣтели» князя должны служить лишь блестящей вывѣскою, ослѣпляющей толпу и прикрывающей нравственную наготу тирана.



ЧАСТЬ II.

КАКЪ И ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ СЛОЖИЛИСЬ ФИЛОСОФСКІЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗРѢНІЯ МАКИАВЕЛЛИ.

Wer auch nur einen Augenblick lang wahrhaft einer hohen Idee ins Antlitz schaute, der ist ihr für immer verfallen mit seinem ganzem Leben, seiner Kraft und seinen Hoffnungen. Rücksichtlos erfasst sie ihn und schreitet über ihn hinweg ihrer Vollendung entgegen. Ob er es vermag ihre Last zu tragen, oder nicht, ob er leidet oder siegt, ob er untergeht, sie achtet es nicht, denn sie muss sich erfüllen.

L. Stein.

КАКЪ И ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ СЛОЖИЛИСЬ ВОЗЗРѢНІЯ МАКІАВЕЛЛИ.

I.

ЗАДАЧА МАКІАВЕЛЛИ.

Макиавелли провелъ лучшую пору своей жизни на государственной службѣ. И когда возвращеніе Медичи во Флоренцію заставило его покинуть общественную дѣятельность, онъ не пересталъ трудиться на пользу своего отечества: его помыслы по прежнему вращаются въ области, къ которой онъ приросъ душою, судьба роднаго города по прежнему волнуетъ его и составляетъ предметъ его постоянныхъ думъ и заботъ. Уединившись въ кругъ своей семьи, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за теченіемъ государственныхъ дѣлъ въ своемъ отечествѣ, переписывается съ друзьями, надѣляетъ ихъ совѣтами, дѣлится съ ними своимъ опытомъ и глубокимъ знаніемъ политическихъ отношеній. Но эта переписка съ друзьями не удовлетворяетъ его. Привыкши къ общественной дѣятельности и полюбивши ее, онъ тяготеетъ досугомъ. «Долго такъ продолжаться не можетъ», восклицаетъ онъ, «такая бездѣятельная жизнь подтачиваетъ мое существованіе, и если Богъ не скажется надо мною, то я въ одинъ прекрасный день покину мой домъ и сдѣлаюсь репетиторомъ или писаремъ»

у какого нибудь вельможи»¹⁾). Онъ неоднократно выражаетъ желаніе покинуть свое убогое убѣжище, возвратиться во Флоренцію и снова вступить на службу. «Я былъ бы счастливъ, пишетъ онъ къ Ветторп если бы Медичи воспользовались моими услугами и дали бы мнѣ какое нибудь порученіе во Флоренціи или внѣ города»²⁾). Его желанію не суждено было исполниться. Но и вдали отъ государственныхъ дѣлъ, его помыслы постоянно заняты ими. Вотъ какъ онъ намъ описываетъ свою жизнь въ деревнѣ: «Я встаю съ восходомъ солнца и иду въ рощу присмотрѣть за работою дровосѣковъ, вырубаяющихъ мой лѣсъ, и изъ рощи я направляюсь къ ручью, а оттуда къ птицеловному току съ книгою въ карманѣ или съ Данте и Петраркою или съ Тибулломъ и Овидіемъ. Я читаю ихъ любовныя интриги и похождения, вспоминаю пережитое мною и нѣкоторое время наслаждаюсь этими думами. Потомъ захожу въ харчевню, что на большой дорогѣ, говорю съ проѣзжающими, спрашиваю о новостяхъ съ родины, прислушиваюсь къ ихъ разговорамъ и присматриваюсь къ различнымъ вкусамъ и фантазіямъ людей. Къ тому времени наступаетъ обѣденный часъ и я сажусь съ своею семьею за скромную трапезу.... Послѣ обѣда я возвращаюсь снова въ харчевню, тамъ обыкновенно уже возсѣдаютъ хозяинъ, мясникъ, мельникъ и два кирпичника. И съ ними я провожу остальную часть дня, играя въ карты.... Когда наступаетъ вечеръ я возвращаюсь домой и иду въ свою рабочую комнату. На порогѣ я сбрасываю свое крестьянское платье, все въ грязи, облачаюсь въ роскошную

придворную одежду и отправляюсь къ дворамъ великихъ мужей древности. Привѣтливо ими встрѣченный, я питаюсь пищею, которая одна мнѣ приличествуетъ и для которой я рожденъ. И тогда стыдъ меня не удерживаетъ разговаривать съ ними, спрашивать о причинахъ ихъ поступковъ и они охотно отвѣчаютъ мнѣ. И четыре часа я не чувствую усталости, забываю всѣ страданія, не боюсь бѣдности, меня не пугаетъ смерть и я весь погружаюсь въ этотъ забытый міръ»³). И вотъ въ эти вечерніе часы Макиавелли пишетъ свои сочиненія, сдѣлавшія его имя бессмертнымъ, и этотъ простой рассказъ о томъ, какъ онъ писалъ ихъ, какъ нельзя лучше характеризуетъ мотивы и цѣли его литературной дѣятельности. Потребность его души—заниматься государственными дѣлами, мыслить и думать о нихъ, натолкнула его на путь теоретическихъ размышленій о государствѣ. Его перомъ руководитъ не тщеславіе, не жажда славы, не склонность къ теоретическимъ изслѣдованіямъ, а желаніе надѣлать соотечественниковъ полезными совѣтами, подѣлиться своимъ опытомъ, воодушевить подростящее поколѣніе любовью къ родинѣ и научить его дорожить общественной дѣятельностію. Въ своемъ введеніи къ *Discorsi* онъ въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ намъ цѣли своихъ разсужденій о первыхъ десяти книгахъ *Тита Ливія*. «Я не могу не удивляться и не скорбѣть когда вижу, какимъ уваженіемъ пользуется древность, и какъ часто (оставляя въ сторонѣ многіе другіе примѣры) обломки древней статуи покупаются за большую цѣну, для того чтобъ имѣть его при себѣ, украшать имъ свой

домъ, дать возможность подражать ему тѣмъ, которые посвятили себя искусству, и какъ потомъ эти послѣдніе стараются всѣми силами воспользоваться имъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и когда я вижу, съ другой стороны, какъ самые доблестные подвиги, которые, какъ показываетъ намъ исторія, совершены государствами и древними республиками, царями, предводителями, гражданами, законодателями и другими людьми, понесшими много трудовъ на пользу своего отечества, — служатъ болѣе предметомъ удивленія чѣмъ подражанія, и что даже всякій избѣгаетъ ихъ, такъ какъ отъ древней доблести не осталось никакого слѣда. Особенно же становится это прискорбнымъ, когда я вижу что въ тяжбахъ, которыя происходятъ между гражданами, и въ болѣзняхъ, которымъ подвергаются люди, постоянно прибѣгаютъ къ тѣмъ рѣшеніямъ и къ тѣмъ лекарствамъ, которыя уже опредѣлены и указаны древними; во всемъ же что касается до устройства республикъ, до поддержанія государства или управленія его, что касается до устройства войска, до образа веденія войны, до суда и расправы надъ подданными, до средствъ увеличить государственную власть, — нѣтъ ни государя, ни республики, ни предводителя, ни гражданина, которые брали бы примѣръ съ древнихъ. И я думаю, что это происходитъ не столько отъ слабости, въ которую повергъ міръ теперешній способъ воспитанія, и отъ того зла, которое причинила честолюбивая праздность многимъ странамъ и городамъ христіанскимъ, сколько отъ того что ни укого нѣтъ истиннаго пониманія исторіи, чтобы при чтеніи ея по-

стигать смыслъ и духъ историческихъ событій, *gustare quel sapore delle istorie, che le hanno in se*. Отсюда происходитъ, что большинство читателей находятъ удовольствіе въ разнообразіи тѣхъ случаевъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія и не думаютъ о подражаніи имъ считая подражаніе не только труднымъ, но и невозможнымъ, какъ будто небо, солнце, стихіи, люди, измѣнились съ своимъ движеніемъ, въ своей природѣ и въ своемъ могуществѣ, противъ того чѣмъ они были прежде. Желая сколько-нибудь извлечь людей изъ этого заблужденія, я рѣшился написать о книгахъ Тита Ливія все что, по характеру событій древняго и новаго времени, я сочту нужнымъ для лучшаго уразумѣнія ихъ, такъ что тѣ, которые будутъ читать мои *Разсужденія*, могли бы извлечь изъ нихъ ту пользу, изъ-за которой слѣдуетъ стремиться къ знанію исторіи» ⁴). «Я выскажу прямо и смѣло все то, что я знаю о новыхъ и древнихъ временахъ, дабы сердца юношей, которые прочтутъ мою книгу, отвернулись бы отъ первыхъ и научились бы подражать послѣднимъ. На каждомъ честномъ человѣкѣ лежитъ обязанность учить другихъ тому добру, которое ему не удалось примѣнить къ жизни, въ надеждѣ, что между ними найдутся люди, которые воспользуются даннымъ урокомъ» ⁵). Въ своей исторіи Флоренціи Макиавелли не только хочетъ изслѣдовать историческія событія, но и извлечь изъ нихъ практическія правила и совѣты. Онъ въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ намъ тенденцію своей книги: «Если при описаніи событій въ этомъ непорченномъ мѣрѣ намъ

не придется повѣствовать о храбрости солдатъ, о мужествѣ полководцевъ, о любви къ отечеству гражданъ, то мы за то увидимъ къ какому обману, къ какой хитрости, къ какимъ уловкамъ прибѣгали князья, полководцы и правители республикъ, чтобы завладѣть властію и вліяніемъ, которыя не соотвѣтствовали ни ихъ заслугамъ, ни ихъ способностямъ. И знакомство съ этими явленіями окажется можетъ быть не менѣе полезнымъ изученія древней исторіи, ибо если эта послѣдняя воспламеняетъ благородные умы къ подражанію, то исторія Флоренціи удержитъ ихъ отъ тѣхъ ложныхъ путей, которыми слѣдовали наши предки»⁶).

Макиавелли сойдя съ поприща практической дѣятельности, не превращается, такимъ образомъ, въ отвлеченнаго мыслителя, а остается государственнымъ мужемъ, принимающимъ близко къ сердцу судьбы своего отечества. Макиавелли, секретарь флорентинской республики и государственный дѣятель, и Макиавелли историкъ и политическій мыслитель — воодушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ — любовью къ своему отечеству, проникнуты однимъ и тѣмъ же сознаниемъ — сознаниемъ своихъ гражданскихъ обязанностей, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль — служеніе своему отечеству.

Макиавелли не является въ своихъ политическихъ трактатахъ ученымъ, изучающимъ политическую жизнь независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ задачъ: онъ выступаетъ въ нихъ гражданиномъ и патриотомъ, пишущимъ свои трактаты въ виду тѣхъ вопросовъ, которые волновали современную ему политическую жизнь Италіи;

потребность его ума—думать и писать о государственных дѣлахъ натолкнула его на путь политическихъ изслѣдованій, цѣль же этихъ изслѣдованій выяснитъ причины тѣхъ недуговъ, которыми страдало его отечество и отыскать тѣ средства, съ помощью которыхъ они могли бы быть устранены. Потребности политической жизни Италіи вообще и Флоренціи въ особенности были для Макиавелли исходными точками его теоретическихъ изслѣдованій и эти потребности опредѣляютъ задачу его политическихъ трактатовъ.

Чѣмъ спрашивается теперь, страдала современная ему Италія и въ чемъ заключались тѣ недуги, которые нуждались во врачеваніи?

Причина всѣхъ золъ, преслѣдующихъ Италію, по возрѣнію Макиавелли,—ея безсиліе. Италія раздроблена на мелкія государства, ея правители не имѣютъ собственнаго оружія и не въ состояніи оказывать сопротивленія тѣмъ иноземнымъ полчищамъ, которыя то и дѣло врываються въ ея предѣлы. Раздробленность Италіи и ея военное безсиліе—вотъ, по возрѣнію Макиавелли, причина тому, что она перестала быть хозяйномъ у себя дома, что ея судьбы въ рукахъ алчныхъ иноземцевъ и что отдѣльныя италіанскія государства, находящіяся подъ страхомъ иноземнаго нашествія, не могутъ свободно расти и развиваться и занять подобающаго имъ мѣста въ системѣ европейскихъ государствъ ⁷⁾. Но разъединеніе Италіи интересуетъ Макиавелли лишь на столько, на сколько оно отражается на отношеніяхъ ея къ «варварамъ». Онъ нигдѣ не указываетъ намъ на раздроблен-

ность Италіи, какъ на причипу ея внутреннихъ безурядицъ, нигдѣ не требуетъ, чтобы отдѣльныя италіанскія государства отказались отъ своей самостоятельности, слились въ одно политическое тѣло и образовали государство на подобіе Франціи и Испаніи. *Внутреннее государственное устройство Италіи—вопросъ, котораго Макиавелли не касается вовсе.*

Но Макиавелли былъ не только Италіанцемъ, но и Флорентинцемъ и мы утверждаемъ, наперекоръ господствующему мнѣнію, что онъ принималъ ближе къ сердцу интересы Флоренціи, чѣмъ интересы Италіи. Макиавелли провелъ лучшую пору своей жизни на службѣ флорентинской республики, тѣ пятнадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ состоялъ секретаремъ совѣта десяти, были не только самымъ счастливымъ, но и самымъ плодотворнымъ временемъ его жизни. Онъ былъ въ это время поглощенъ государственными дѣлами, которыя по его собственному сознанію были той областію, которая всего болѣе соотвѣтствовала его наклонностямъ и, вращаясь въ которой, онъ только и чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. И эта то его дѣятельность, посвященная флорентинской республикѣ, и опредѣлила образъ его мыслей и его политическія убѣжденія, которымъ онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Не удивительно по этому, что онъ разсуждалъ о политическихъ вопросахъ не столько, какъ италіанскій патріотъ, сколько какъ гражданинъ свободной Флоренціи.

Флоренція, по Макиавелли, страдаетъ общимъ всѣмъ италіанскимъ государствамъ, недугомъ: она не имѣетъ

собственного оружія. Другой источникъ постигшихъ ее несчастій—борьба партій: «Естественная вражда между народомъ и дворянствомъ, говоритъ Макиавелли, причина которой заключается въ томъ, что послѣднее хочетъ повелѣвать, а первый не хочетъ повиноваться,—источникъ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя возникаютъ въ городахъ. Изъ этой борьбы происходитъ все то, что расшатываетъ республики. Вражда между народомъ и дворянами была причиною раздоровъ въ Римѣ и она же разъединяла Флоренцію. Послѣдствія этихъ раздоровъ были тамъ и здѣсь не одинаковы. Вражда между народомъ и дворянами была улажена въ Римѣ словами, во Флоренціи—мечемъ. Въ Римѣ она закончилась взаимнымъ соглашеніемъ, получившимъ форму закона, во Флоренціи же ссылками и убійствами. Въ Римѣ она лишь изощрила военное мужество, во Флоренціи она окончателью убила его. Въ Римѣ она породила неравенство, во Флоренціи же она привела къ полнѣйшему равенству. Это различіе въ послѣдствіяхъ можно объяснить лишь различіемъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдовали эти два народа. Римскій народъ хотѣлъ лишь одинаковыхъ правъ съ дворянами, флорентинскій же народъ стремился сосредоточить власть въ свои руки и исключить дворянъ отъ всякаго участія въ управленіи. Такъ какъ требованія римскаго народа были справедливы, то они и не могли раздражать дворянства въ такой степени, какъ требованія флорентинскаго народа, которыя были оскорбительны и несправедливы. Дворянство во Флоренціи кромѣ того вступило въ борьбу для защиты своихъ правъ

съ большимъ запасомъ силъ и это имѣло своимъ послѣд-
ствиемъ кровопролитія и ссылки. И законы, которые
издавались по окончаніи борьбы, издавались не въ ин-
тересахъ общаго блага, а въ интересахъ побѣдоносной
партіи ⁸⁾. Отсюда проистекаетъ все то зло, и всѣ тѣ
беспорядки, которыми страдаетъ наше отечество. Мы не
находимъ между гражданами ни согласія, ни дружбы,
развѣ только среди тѣхъ, которые соединяются для со-
вершенія какого нибудь преступленія противъ отечества
или противъ частныхъ лицъ. Религія и страхъ Божій
исчезли; клятва и обѣщанія соблюдаются лишь до тѣхъ
поръ, пока того требуетъ личная выгода. Люди прибѣ-
гаютъ къ клятвѣ лишь для того, чтобы нарушить ее;
она служитъ имъ средствомъ обмана, и чѣмъ обманъ
ловчѣе придуманъ, тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ по-
хвалы въ глазахъ людей. Все, что способно портиться—
испорчено... Юноши праздны, старцы распутны и нѣтъ
пола, нѣтъ возраста, который не былъ бы зараженъ
дурными правилами. Законы бессильны положить конецъ
этой всеобщей испорченности, ибо они извращаются и
искажаются дурными нравами. Отсюда возникаютъ алч-
ность, стремленіе не къ истинной славѣ, а къ позор-
нымъ почестямъ, которое въ свою очередь порождаетъ
ненависть, вражду, несогласія, ссоры, кровопролитія,
ссылки, угнетеніе добра и возвелпченіе зла. Въ упованіи
на свою правоту, добродѣтельные граждане не окружаютъ
себя партіей приверженцевъ, которые бы защищали ихъ,
какъ то дѣлаютъ злые граждане, а, лишенные защиты,
они погибаютъ въ неравной борьбѣ со злыми. И такіе
примѣры воспитываютъ въ людяхъ любовь къ партіямъ;

злые примыкаютъ къ этимъ партіямъ изъ властолюбія и тщеславія, добродѣтельные же—уступая необходимости. Но что еще хуже, это то, что вожаки и передовые люди партій прикрываютъ свои настоящія намѣренія и цѣли привлекательной завѣсою. Хотя всѣ они враги истинной свободы, они тѣмъ не менѣе попираютъ республиканскій строй, подъ предлогомъ защиты свободы... И когда они вышли побѣдителями изъ борьбы, то наградою имъ служитъ не сознаніе того, что они упрочили свободу, а злорадство: они всего болѣе довольны тѣмъ, что преодолѣли своихъ враговъ и захватили власть въ свои руки. И разъ достигнувши власти, они не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ, какъ бы жестоко, какъ бы безнравственно, какъ бы не справедливо оно ни было. Вотъ почему законы, которые издаются такой побѣдоносной партіей, имѣютъ въ виду не общее благо, а личную выгоду вожаковъ этой партіи. Вотъ почему ведутся войны, заключаются договоры не для славы отечества, а ради удовлетворенія тщеславія немощныхъ»⁹⁾. Исторія Флоренціи, по воззрѣнію Макиавелли, не что иное, какъ исторія борьбы партій. Эта борьба, по его мнѣнію, не есть зло само по себѣ, и дѣлается пагубной для государства лишь тогда, когда кончается побѣдой партіи, и порабощеніемъ другой, когда послѣдствіемъ ея является не законный порядокъ, примиряющій требованія борющихся партій, а устройство, имѣющее въ виду лишь интересы побѣдоносной партіи. Такое устройство не можетъ быть прочно: порабощенная партія ждетъ лишь удобнаго случая, чтобы испровергнуть государственный строй, пренебрегающій

ея интересами; господствующій классъ, опьяненный побѣдой, снѣшить воспользоваться плодами этой побѣды, эксплуатируетъ власть исключительно въ своихъ интересахъ и цѣлымъ рядомъ несправедливыхъ, насильственныхъ и жестокихъ мѣръ пытается обезоружить своихъ противниковъ. Эти несправедливыя мѣры не уничтожаютъ побѣжденной партіи, а лишь раздражаютъ ее. Всѣ недовольные элементы въ государствѣ соединяются съ цѣлью опрокинуть существующій строй: господствующій классъ забываетъ, какою цѣною была куплена побѣда, засыпаетъ на своихъ лаврахъ, и тратитъ свои силы на мелкія интриги и раздоры. И тогда поработенная партія подымаетъ знамя возстанія и начинается снова борьба, которая имѣетъ тоже послѣдствіе: господство одной партіи и поработеніе другой. И эта постоянная смѣна правительства, эта неустойчивость государственнаго строя, это отсутствіе преемственности въ развитіи государственныхъ учрежденій подрываетъ уваженіе къ законному порядку, разжигаетъ политическія страсти и даетъ широкій просторъ тщеславію и властолюбію отдѣльныхъ гражданъ. Любовь общаго блага, эта главнѣйшая гражданская добродѣтель, не можетъ развиваться въ государствѣ, которое защищаетъ интересы одной партіи, а не имѣетъ въ виду блага цѣлаго.

Все ученіе Макиавелли о государствѣ есть не что иное, какъ отвѣтъ на вопросъ, какъ должно быть устроено и управляемо государство, чтобы оно не впало въ тѣ ошибки, которыя погубили Флоренцію. Зная теперь, чѣмъ Макиавелли объясняетъ эти ошибки, мы можемъ предъ-

угадать его отвѣтъ: Лишь то государство стоитъ на высотѣ своей задачи, которое обладаетъ внѣшнимъ могуществомъ и внутреннею устойчивостью. Главнѣйшее условіе внѣшняго могущества—сильное и хорошо организованное войско, важнѣйшее условіе внутренней устойчивости—законный порядокъ, привлекающій къ участию въ управленіи всѣ общественные элементы и стоящій на стражѣ общаго блага.

Лишь то войско можетъ служить надежной опорой внѣшняго могущества государства, которое состоитъ изъ гражданъ, сплоченныхъ преданностію своему отечеству. Этому условію не удовлетворяютъ ни наемныя, ни союзническія войска. Всего опаснѣе послѣднія. Государство не можетъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и не имѣетъ надъ ними власти, которая въ рукахъ союзника, преслѣдующаго свои собственные интересы. Въ случаѣ пораженія, государство, опиравшееся на союзническія войска, пропало, въ случаѣ побѣды оно дѣлается плѣнникомъ своего союзника ¹⁰⁾. Но и наемныя войска имѣютъ важныя неудобства. Ничто не связываетъ ихъ съ государствомъ кромѣ денежной выгоды: стоитъ имъ только пойти болѣе щедрого владыку и они покидаютъ знамя, которому служили. Наемныя войска подчинены не государству, которое имъ платитъ жалованье, а своему предводителю, который ведетъ ихъ туда, куда его влечетъ жажда славы и наживы. Они состоятъ изъ людей, которые избрали войну своимъ ремесломъ. Такіе люди не могутъ быть хорошими солдатами, ибо ихъ ремесло выгодно для нихъ лишь въ томъ случаѣ, если они гра-

бить и разбойничаютъ. Они или должны желать безпрерывной войны или такъ воспользоваться военнымъ временемъ, чтобы имъ было чѣмъ жить въ мирное время. Наемныя войска кромѣ того самый безпокойный элементъ въ государствѣ, которымъ легко можетъ воспользоваться ловкій честолюбецъ для осуществленія своихъ замысловъ, направленныхъ противъ существующаго порядка. Какъ лишь то государство прочно, въ которомъ процвѣтають гражданскія добродѣтели, такъ и лишь то войско надежно, которое состоитъ изъ гражданъ, воодушевленныхъ любовью къ своему отечеству и преданностью государству. Граждане, вступившіе въ ряды войска не должны видѣть въ военномъ занятіи ремесло и доходную статью, и обязанность, лежащую на всѣхъ гражданахъ въ равной степени.

Войско, состоящее изъ людей вышедшихъ изъ среды народа, будетъ связано съ этимъ народомъ общностью своихъ интересовъ и такое войско не будетъ пугаломъ для мирныхъ жителей, а ихъ защитникомъ и покровителемъ ¹¹⁾. Главное условіе внѣшняго могущества государства заключается, такимъ образомъ, по Макиавелли, въ томъ, чтобы государство имѣло собственное войско, чтобы это войско состояло не изъ наемныхъ ратниковъ, а изъ гражданъ, отправляющихъ военную повинность по зову правительства; это войско должно быть кромѣ того въ полнѣйшей и безусловной зависимости отъ государства, которое одно имѣетъ право распоряжаться военными силами страны.

Макиавелли объясняетъ внутреннія безурядицы, исто-

щившія Флоренцію, какъ мы показали выше, тѣмъ, что государственныя устройства, то и дѣло смѣнявшія другъ друга, были правительствами партій, эксплуатировавшихъ власть въ своихъ интересахъ и пренебрегавшихъ интересами остальнаго населенія. Исходя изъ этого наблюденія Макиавелли требуетъ, чтобы государственная власть не находилась въ рукахъ того или другаго класса, а обнимала всѣ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ слагается государство. Такое государственное устройство во-первыхъ прочно, ибо принимаетъ во вниманіе интересы отдѣльныхъ партій, старается примирить ихъ между собою и не дастъ повода къ недовольству, являющемуся причиною переворотовъ; оно во-вторыхъ, справедливо, ибо предоставляетъ каждому общественному классу подобающее ему участіе въ государственномъ управленіи; оно въ третьихъ имѣетъ самое благотворное вліяніе на народныя нравы, ибо развиваетъ въ народѣ уваженіе къ законному порядку, любовь общаго блага и преданность государству.

Изъ этимъ основнымъ изложеніямъ сводится ученіе Макиавелли о государственномъ устройствѣ. Мы видимъ, что они были навѣены политическимъ бытомъ Флоренціи и служили лишь отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые долженъ былъ задавать себѣ Макиавелли, вдумываясь въ причины тѣхъ недуговъ, которыми страдало его отечество.

II.

КАКЪ И ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ СЛОЖИЛИСЬ ПОЛИТИЧЕСКІЯ
ВОЗРЪНІЯ МАКИАВЕЛЛИ.

Объяснивши цѣль литературной дѣятельности Макиавелли и выяснивши тѣ вопросы, которыми онъ задавался въ своихъ политическихъ трактатахъ, мы должны теперь спросить себя, какъ сложились тѣ его положенія и возрѣнія, которыя служатъ отвѣтомъ на эти вопросы.

Не должно думать, что любовь Макиавелли къ теоретическимъ размышленіямъ, которая принесла такой богатый плодъ въ его политическихъ трактатахъ, зародилась лишь тогда, когда измѣнившіяся условія его внѣшней обстановки лишили его возможности служить государству на поприщѣ практической дѣятельности. Не досугъ натолкнулъ Макиавелли на теоретическія размышленія: этотъ досугъ былъ для него лишь удобнымъ случаемъ дать волю широкому полету его теоретической мысли. Макиавелли, еще находясь на государственной службѣ, задумывался надъ общими вопросами, старался выяснить себѣ природу социальныхъ отношеній и занять точку зрѣнія, которая позволила бы ему безпристрастно и спокойно относиться къ вопросамъ практической политики и разрѣшать ихъ въ связи съ общимъ ходомъ государственной жизни. Въ посольскихъ донесеніяхъ и письмахъ Макиавелли мы узнаемъ автора *Discorsi*, теоретика и мыслителя, въ его политическихъ трактатахъ—государственного мужа, закаленного долготѣннымъ опы-

томъ. *Въ своей практической дѣятельности, Макиавелли не теряетъ изъ виду теоретическихъ соображеній, въ своей литературной дѣятельности онъ не утрачиваетъ практическаго смысла и трезвато взгляда.*

До насъ дошелъ интересный документъ, изъ котораго видно, какъ Макиавелли понималъ обязанности посланника. Этотъ документъ — инструкція посланнику при дворѣ Императора Карла V (Рафаэло Джиролами), написанная Макиавелли. Въ этой инструкціи мы читаемъ: «Тотъ хорошо исполняетъ данное ему порученіе, кто знакомится съ природою князя и тѣхъ, которые руководятъ имъ. Прежде всего вы должны изучить характеръ Императора: самъ ли онъ управляетъ, или предоставляетъ управленіе другимъ, скупъ ли онъ или щедръ, любитъ ли онъ войну или дорожить миромъ, руководитъ ли имъ саволобіе или другая страсть, любимъ ли онъ народомъ, какими онъ окруженъ совѣтниками, чего они хотятъ, подстрекаютъ ли они его къ новымъ войнамъ или совѣтуютъ ему пользоваться его настоящимъ выгоднымъ положеніемъ. Вы должны также присмотрѣться къ настроенію вельможъ и бароновъ, живущихъ вдали отъ Императора, узнать, велико ли ихъ могущество и вліяніе, довольны ли они Императоромъ, и если они недовольны, то какими путями они могутъ вредить ему и можетъ ли Франція подкупить ихъ и завлечь за свою сторону». Эта инструкція является какъ бы программой, по которой Макиавелли собиралъ наблюденія, послужившія ему матеріаломъ для его «Князя». Изъ нея видно, что всѣ тѣ вопросы, о которыхъ онъ разсуждаетъ въ

«Il Principe» интересовали его уже тогда, когда онъ при-
 сматривался къ политической жизни не въ качествѣ тео-
 ретика, а въ качествѣ практическаго политика. Вчиты-
 ваясь внимательно въ его дипломатическую переписку,
 намъ не трудно замѣтить, что Макиавелли въ своей по-
 сольской дѣятельности держался тѣхъ именно правилъ
 и приемовъ наблюденія, которымъ онъ совѣтуетъ слѣдо-
 вать Рафаэлю Джиролами. Находясь при дворахъ Алек-
 сандра VI и Юлія II, Людовика XII и Императора
 Максимилиана, слѣдя за дѣятельностію Цезаря Борджіа
 въ Романьѣ, Макиавелли не только собираетъ свѣдѣнія,
 необходимыя для добросовѣстнаго исполненія даннаго
 ему порученія, но и обращаетъ особенное вниманіе на
 характеръ правителя и его приближенныхъ, на воору-
 женныя силы страны, на экономическую обстановку,
 нравы и обычаи народа. Въ этомъ отношеніи особенно
 замѣчательны его: *Rapporto delle cose della Magna; Dis-*
corso sopra le cose dell'Alemagna; Rittratti delle cose
della Francia, Della Natura de' Francesi. Въ этихъ до-
 несеніяхъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ наблюденія и замѣча-
 нія о государственномъ устройствѣ Германской имперіи
 и Французскаго королевства, объ экономическомъ состоя-
 ніи и нравственномъ складѣ французовъ и нѣмцевъ,
 которыя Макиавелли изложилъ затѣмъ въ своихъ *Discorsi*
 и на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свои выводы о
 вліяніи нравовъ на политическій бытъ народовъ, выводы,
 опредѣлившіе между прочимъ его воззрѣнія на проис-
 хожденіе и сущность морали.

Описывая въ своемъ *Rapporto delle cose della Magna*

политическое состояніе Германіи, Макиавелли подробно описываетъ намъ характеръ Максимилиана. «Императоръ» говоритъ онъ, «ни у кого совѣта не спрашиваетъ, а между тѣмъ всякій навязывается ему совѣтами. Онъ всегда хочетъ настоять на своемъ, на самомъ же дѣлѣ онъ находится въ полнѣйшей зависимости отъ своихъ приближенныхъ. Хотя онъ добровольно никому своихъ намѣреній не довѣряетъ, тѣмъ не менѣе, когда его планъ сдѣлался извѣстнымъ, его умѣютъ настроить такъ, что онъ отказывается отъ нихъ. Онъ получаетъ громадныя доходы, а между тѣмъ никогда не имѣетъ гроша въ карманѣ, и что всего хуже, не знаетъ, куда онъ дѣваетъ деньги» ¹²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о Максимилианѣ слѣдующее: «Императоръ до такой степени безхарактеренъ, что всякій можетъ провести его и настроить по своему.... Онъ обладаетъ многими добродѣтелями, и онъ былъ бы совершеннымъ человѣкомъ, если бы не имѣлъ указанныхъ недостатковъ. Онъ отличный полководецъ и умѣетъ поддерживать правосудіе въ своей странѣ, онъ привѣтливъ и любезенъ на аудіенціяхъ и обладаетъ многими другими качествами лучшихъ правителей» ¹³⁾. «Его расточительность превосходитъ всякое вѣроятіе: онъ всегда нуждается въ деньгахъ и никакая сумма его удовлетворить не можетъ, какъ бы выгодно его положеніе въ данное время ни было. Онъ не постояненъ: пылче онъ хочетъ одного, завтра другаго, онъ желаетъ невозможнаго, а то, что осуществимо, не манитъ его; онъ принимаетъ поэтому рѣшенія вкривъ и вкось. Съ другой же стороны онъ великій полководецъ и под-

держиваетъ въ своемъ войскѣ справедливость и порядокъ. Онъ очень выносливъ и храбръ и въ этомъ отношеніи никому не уступить. Его умъ и его тѣло въ постоянномъ движеніи, но очень часто вечеръ разстраиваетъ то, что рѣшило утро» ¹⁴). Эта характеристика Максимилиана показываетъ, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ Макиавелли изучалъ людей и вникалъ во внутреннія пружины ихъ дѣйствій и поступковъ. И каждый разъ, когда онъ на пути своей служебной дѣятельности встрѣчается съ изъ ряда вонъ выходящей личностью, онъ изучалъ ея характеръ и тщательно анализировалъ его. Такой личностью былъ для него и Цезарь Борджія, съ которымъ онъ велъ переговоры отъ имени Флорентинскаго правительства съ октября 1502 г. по январь 1503 г. Если неудачи Максимилиана, Макиавелли объясняетъ его безхарактерностью и нерѣшительностью, то въ Цезарѣ его поразили противоположныя качества и онъ видитъ причину его успѣховъ въ его силѣ воли, желѣзной энергіи и послѣдовательности. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ Макиавелли, показывающихъ, какое впечатлѣніе на него произвелъ герой Спингаліи. «Трудно вывѣдать что-нибудь у герцога, ибо имѣешь дѣло съ княземъ, который правитъ самостоятельно ¹⁵).» «Онъ очень скрытенъ и совѣщается съ цемногими» ¹⁶). «Никто не говоритъ съ нимъ за исключеніемъ трехъ, четырехъ совѣтниковъ и время отъ времени онъ выслушиваетъ иностранца, который докладываетъ ему какое нибудь важное дѣло. Онъ никогда не покидаетъ своей рабочей комнаты за исключеніемъ 5 или 6 часовъ ночи.

Поэтому имѣешь случай говорить съ нимъ лишь на официальныхъ аудіенціяхъ. Но тотъ, кто не приходитъ къ нему за какимъ нибудь дѣломъ, того онъ не принимаетъ вовсе» ¹⁷). «Герцогъ очень скретенъ и я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь зналъ его настоящія намѣренія. Его приближенные неоднократно говорили мнѣ, что онъ лишь тогда раскрываетъ свои намѣренія, когда дѣлаетъ приказанія, а раздаетъ онъ приказанія лишь тогда, когда его принуждаетъ къ тому необходимость т.-е. непосредственно передъ исполненіемъ и никогда не раньше того» ¹⁸). «На сторонѣ этого князя необыкновенное счастье, мужество, сверхъестественная рѣшительность. Это—человѣкъ необыкновеннаго ума. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи значительное и хорошо организованное войско и стоитъ во главѣ государства, которымъ управляетъ съ большимъ авторитетомъ, и не имѣя ни близъ себя, ни вокругъ себя сколько нибудь опасныхъ враговъ, ибо онъ или уничтожилъ или обезоружилъ ихъ» ¹⁹). Въ этихъ послѣднихъ словахъ кроется вся программа «*Il Principe*» и стоитъ лишь подробнѣе развить скрывающуюся въ нихъ мысль, чтобы вывести изъ нея всѣ тѣ положенія, которыя Макиавелли выставляетъ въ «*Князь*».

Изученіе Макиавелли характера Максимилиана и Цезаря опредѣлило его воззрѣнія на тѣ качества, которыми долженъ обладать князь. Въ «*Il Principe*» Макиавелли предостерегаетъ князя отъ тѣхъ недостатковъ, на которые онъ указываетъ въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ, рассуждая о Максимилианѣ; требуя же отъ князя рѣшительности, энергіи, послѣдовательности, онъ ука-

зываетъ на черты, которыми обладалъ Цезарь, и которые предоставляли Максимилиану. Въ 16 главѣ «*Il Principe*» Макиавелли доказываетъ вредъ излишней щедрости тѣми же самыми доводами, которыми онъ въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ подкрѣпляетъ свой взглядъ на расточительность Максимилиана, какъ на одну изъ причинъ его постоянныхъ денежныхъ затрудненій, лишившихъ его свободы дѣйствія и парализировавшихъ все его начинанія. Въ «*Il Principe*» Макиавелли говоритъ, что щедрость Князя удовлетворяетъ лишь немногихъ, большинство же раздражаетъ. Въ письмѣ же изъ Мантуи онъ замѣчаетъ, что если Максимилиану и удастся облагодѣтельствовать сто тысячъ подданныхъ, то двѣсти тысячъ увидятъ себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ. Въ главѣ озаглавленной: «*Какъ нужно избѣгать льстецовъ*», Макиавелли говоритъ, что князь, долженъ быть разборчивымъ въ выборѣ приближенныхъ, прислушиваться къ мнѣніямъ мудрыхъ совѣтниковъ, пользоваться ихъ указаніями, но принявъ къ свѣдѣнію ихъ совѣты, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и быть настойчивымъ при исполненіи разъ принятаго рѣшенія. Что Макиавелли, выставляя эти правила, имѣлъ въ виду Максимилиана, видно изъ того, что онъ въ подтвержденіе ихъ приводитъ примѣръ Императора, и, указывая на послѣдствія его уступчивости, повторяетъ почти буквально то, что онъ говоритъ о немъ въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ. «Императоръ замѣчаетъ Макиавелли, очень скрытенъ, онъ никому не довѣряетъ своихъ плановъ и ни у кого не спрашиваетъ совѣта. Но когда эти планы обнару-

живаются, тогда его приближенные начинаютъ противорѣчить ему, и онъ, будучи человѣкомъ безхарактернымъ, уступаетъ ихъ настояніямъ». Въ этой же главѣ Макиавелли повторяетъ слова того же приближеннаго, на мнѣніе котораго онъ ссылается въ своемъ письмѣ къ Мантуи.

Все основныя правила политическаго искусства, представляемыя Макиавелли въ «*Il Principe*» и «*Discorsi*», мы уже встрѣчаемъ въ его посольскихъ дописаніяхъ. Въ письмахъ къ совѣту десяти, Макиавелли неоднократно повторяетъ, что государственный человѣкъ, который хочетъ достигнуть успѣха долженъ обладать независимостью и полной свободой дѣйствія ²⁰⁾, что онъ долженъ избѣгать среднихъ путей, не останавливаться на полдорогѣ ²¹⁾, уметь пользоваться благоприятной минутой и сообразовать свои поступки съ обстоятельствами ²²⁾.

Какъ въ «*Discorsi*» такъ и въ «*Il Principe*» Макиавелли совѣтуетъ князю не раздражать народа, а стараться приобрести и заслужить его расположеніе, ибо это расположеніе одно изъ главнѣйшихъ и надежнѣйшихъ опоръ его власти. На томъ же основаніи Макиавелли совѣтуетъ завоевателямъ упрочивать свою власть во вновь приобретенныхъ страхахъ не однѣми только устрашительными мѣрами, но вниманіемъ къ интересамъ населенія. Эти политическія правила сложились у Макиавелли еще тогда, когда онъ присматривался къ обращенію современныхъ ему правителей съ подданными и къ различнымъ способамъ веденія войны. Состоя посланникомъ при Императорѣ, онъ пишетъ письма совѣту Десяти, въ которыхъ

неоднократно указываетъ на политическую прозорливость Венеціанцевъ, умѣвшихъ возбуждать къ себѣ довѣріе населенія: «Венеціанцы очень хорошо обращаются съ жителями этого города, ибо этотъ городъ для нихъ важный стратегическій пунктъ» ²³). «Чѣмъ медленнѣе они будутъ вести войну, тѣмъ сильнѣе скажется желаніе народа возвратиться подъ власть прежнихъ владыкъ, ибо населеніе все болѣе раздражается постоянными военными постоями, грабежами и убійствами. Венеціанцы же поступаютъ наоборотъ, они берегутъ жителей городовъ и деревень болѣе, чѣмъ то можно было ожидать отъ войска, находящагося въ непріятельской странѣ» ²⁴). Въ одномъ изъ писемъ, написанныхъ Макиавелли изъ Рима, гдѣ онъ состоялъ посланникомъ при папскомъ дворѣ, мы читаемъ: «Своими вооруженіями папа скорѣе наживаетъ себѣ враговъ, чѣмъ друзей, ибо онъ принуждаетъ жителей вооружаться изъ собственныхъ средствъ и дѣлаетъ еще многое другое, чѣмъ наживаетъ себѣ враговъ, а не друзей» ²⁵). Макиавелли указываетъ тоже на Цезаря, какъ на правителя, умѣвшего дорожить привязанностію народа и пріобрѣтать его расположеніе. Говоря о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимы для умиротворенія возставшаго населенія Ареццо, Макиавелли замѣчаетъ, что вѣрностью мятежныхъ городовъ можно заручиться двоякимъ путемъ, или оказывая населенію благодѣянія, или же сдѣлавши его примѣрнымъ наказаніемъ разъ навсегда безвреднымъ ²⁶).

Лишь то государство наслаждается спокойствіемъ и благоденствіемъ, которое обладаетъ вышнимъ могуще-

ПРИ КАКИХЪ УСЛОВ. СЛОЖ. ПОЛИТИЧ. ВОЗЗРѢН. МАКИАВЕЛЛИ. 133

ствомъ и имѣть въ своемъ распоряженіи хорошо организованное войско. Это одно изъ основныхъ положеній политическаго ученія Макиавелли. И оно сложилось у флорентинскаго секретаря еще въ то время, когда онъ не помышлялъ о литературной дѣятельности и было результатомъ его наблюденій надъ политическимъ состояніемъ современныхъ ему государствъ, какъ то доказываютъ слѣдующія мѣста изъ его посольскихъ донесеній: «Въ борьбѣ государствъ за существованіе, смерть постигаетъ всегда слабѣйшія тѣла» ²⁷). «Я всегда говорилъ и снова повторяю, что слабыя государства должны скорѣе бояться, чѣмъ желать смуты» ²⁸). «Венеціанцы повсюду выставляютъ образъ Св. Марка, который держитъ въ рукахъ вмѣсто книги — мечъ. Они кажется уразумѣли, что государства не поддерживаются одною ученостью» ²⁹). «Герцогъ поступаетъ разумно, вооружаясь и вербуя друзей. Дружбы между князьями поддерживаются оружіемъ и только оно можетъ служить имъ прочнымъ основаніемъ» ³⁰). «Наилучшій способъ удерживать разъ приобретенную власть, это имѣть собственное оружіе, приобретать расположеніе народа и заручаться друзьями» ³¹). «Князь, хорошо вооруженный и имѣющій собственное оружіе, всегда можетъ рассчитывать на успѣхъ» ³²).

Прочность и благоустройство государства, по воззрѣнію Макиавелли, развиваемому въ «*Discorsi*», зависитъ въ гораздо большей степени отъ нравовъ народа, чѣмъ отъ законовъ и учрежденій. Читая посольскія донесенія флорентинскаго секретаря мы убѣждаемся, что Макиавелли еще будучи посланникомъ, пришелъ къ сознанию о томъ тѣс-

номъ взаимодѣйствіи, которое существуетъ между политическимъ бытомъ народа и его нравственнымъ складомъ. Этимъ только и можно объяснить, что онъ въ своихъ отчетахъ о политическомъ состояніи Германіи и Франціи такъ подробно останавливается на нравахъ и обычаяхъ народа, старается объяснить характеръ французовъ и нѣмцевъ политическими и экономическими условіями и съ особеннымъ интересомъ изучаетъ то вліяніе, которое оказываетъ нравственный складъ этихъ народовъ на ихъ матеріальное богатство и на особенности ихъ политическаго строя. Приведемъ тѣ мѣста изъ этихъ донесеній, въ которыхъ Макиавелли, описавъ политическое и военное устройство Германіи и Франціи и указавъ на достоинство и недостатки этого устройства, рисуетъ намъ бытъ и нравы французовъ и нѣмцевъ. «Французскій народъ униженъ и раболѣпенъ и отличается большой преданностью королю. Онъ живетъ доходами съ своей земли, которыхъ хватаетъ лишь на уплату податей и на удовлетвореніе насущныхъ потребностей. Излишки крестьянскаго хозяйства стекаются въ казну бароновъ, которая поэтому всегда полна. Если же крестьянинъ имѣетъ флоринъ въ карманѣ, то онъ уже считаетъ себя богачемъ»³³). «Французы не прочь воспользоваться чужимъ добромъ. Они воруютъ очень ловко и нерѣдко прокучиваютъ свою добычу въ компаніи тѣхъ, которыхъ только что обокрали. Французы болѣе вспыльчивы, чѣмъ смѣлы и ловки, и если ихъ первый натискъ отраженъ врагомъ, ихъ смѣлость обращается въ бабью трусость. Они скорѣе хитры, чѣмъ умны. Они дорожатъ лишь минутной

выгодой, о будущемъ не заботятся и скоро забываютъ, какъ пацесепныя имъ обиды, такъ и полученныя благодѣлія»³⁴). «Въ могуществѣ Германіи никто сомнѣваться не можетъ, ибо она имѣетъ излишекъ въ людяхъ, въ матеріальныхъ богатствахъ и въ военныхъ силахъ. Что касается до богатства, то нѣтъ города, который не имѣлъ бы общественной казны и всѣ говорятъ, что одинъ Страсбургъ имѣетъ нѣсколько милліоновъ гульденовъ. Объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что деньги не уходятъ за границу и все необходимое для городского хозяйства производится городскими жителями, во-вторыхъ тѣмъ, что они не дѣлаютъ лишнихъ тратъ, а употребляютъ общественныя деньги лишь на покрытіе расходовъ по городскому хозяйству и по военной оборонѣ города. Въ ихъ запасныхъ магазинахъ всегда хранятся жизненные припасы, напитки и топлива на цѣлый годъ; у нихъ запасено и много сырья, обработка котораго въ случаѣ осады, можетъ прокормить весь трудящійся людъ безъ ущерба для города. Содержаніе войска имъ ничего не стоитъ, такъ какъ граждане вооружены и постоянно упражняются въ военномъ искусствѣ. Но если въ Германіи государство богато, то граждане бѣдны. И эта бѣдность гражданъ — причина богатства государства. Граждане тратятъ очень мало на свои личныя нужды, на постройку, на одежду, на домашнюю утварь. Каждый гражданинъ живетъ по своему состоянію, и ихъ потребности несравненно ограниченнѣе нашихъ. Послѣдствіемъ такихъ нравовъ является то, что деньги остаются въ странѣ и что жители удовлетворяются тѣмъ, что про-

136 при какихъ услов. сложились воззрѣнія Макиавелли.

изводить ихъ страна. И эта простая и свободная жизнь вполне удовлетворяетъ ихъ»³⁵).

Если Макиавелли, еще будучи секретаремъ республики, съ такимъ вниманіемъ изучалъ нравы народовъ и характеръ политическихъ дѣятелей, то неудивительно, что мы уже въ его дипломатической перепискѣ встрѣчаемся съ тѣмъ пессимистическимъ взглядомъ на природу человѣка, который такъ рѣзко бросается въ глаза при чтеніи его политическихъ трактатовъ. Въ своихъ посольскихъ письмахъ Макиавелли постоянно повторяетъ, что люди не умѣютъ взвѣшивать послѣдствія своихъ поступковъ, что единственнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности являются личная выгода и соображенія пользы. Онъ предостерегаетъ правителей Флоренціи отъ излишней довѣрчивости, совѣтуетъ имъ не полагаться на обѣщанія, не забывать, что начало непріязни—оскорбленія, и начало дружбы—благодѣянія, и помнить, что лишь тѣ дружбы прочны, которыя основываются на взаимной выгодѣ.

Въ 1503 г. т.-е., въ началѣ своей служебной карьеры Макиавелли по поводу возстанія въ Ареццо написалъ небольшой трактатъ, озаглавленный: «*Del modo di trattare i Popoli della Valdichiana ribellati*». Если бы мы не знали, когда и при какихъ условіяхъ Макиавелли написалъ его, мы могли бы подумать, что передъ нами лежитъ глава изъ «*Discorsi*», почему либо не вошедшая въ его главный политическій трактатъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь же тѣ же ссылки на римскаго историка, тѣ же приемы изслѣдованія политическаго вопроса, ту же методу изложенія, которыя характеризуютъ его «*Разсужденія*

о первыхъ десяти главахъ *Тита Ливія*. Какъ отдѣльныя главы «*Discorsi*» обыкновенно начинаются разговоромъ изъ Тита Ливія, такъ и этотъ трактатъ Макиавелли начинается словами римскаго историка, передающаго рѣчи консула Фурія Камилла, который предлагалъ различныя мѣры для умиротворенія Лаціума. Разказавъ затѣмъ, на какія мѣропріятія рѣшился сенатъ, Макиавелли продолжаетъ: «Изъ этого постановленія видно, что, по мнѣнію Римлянъ, можно заручиться вѣрностью возмущающагося народа лишь двумя путями: или оказывая ему благодѣянія, или дѣлая его безвреднымъ. Средніе же пути они считали вредными. Когда дѣло дошло до исполненія приговора, то Римляне избрали и тотъ и другой путь. Тѣмъ, на покорность которыхъ они могли рассчитывать, они оказывали благодѣянія, съ остальными же они поступали такъ, что всякая опасность новаго возмущенія въ будущемъ исчезала. Дабы достигнуть послѣдняго результата, Римляне прибѣгали обыкновенно къ двумъ средствамъ. Первое заключалось въ томъ, что они разрушали непокорный городъ и переселяли жителей въ Римъ, другое въ томъ, что они или выселяли всѣхъ жителей и поселяли новыхъ, или же оставляли часть жителей и переводили такое количество колонистовъ, что послѣдніе составляли большинство. Исторію называютъ руководительницею поступковъ и особенно поступковъ государственныхъ людей. И дѣйствительно міръ былъ всегда одинъ и тотъ же и былъ населенъ людьми, имѣющими всегда однѣ и тѣ же страсти.... Тотъ кто этому не вѣритъ, тотъ пусть обратитъ вни-

маніе на событія, разъигравшіяся въ Ареццо и сравнитъ ихъ съ событіями въ Лаціумѣ, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторія.... Если же исторія руководительница нашихъ поступковъ, то тѣ, въ рукахъ которыхъ лежала судьба возставшихъ городовъ долины Кіапы, должны бы послѣдовать примѣру Римлянъ, но они этого не сдѣлали».

Этотъ трактатъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ, во-первыхъ, что Макиавелли стоя еще въ самомъ круговоротѣ политической жизни, относился къ совершавшимся на его глазахъ событіямъ не какъ практическій политикъ, принимающій во вниманіе лишь то, что входитъ въ кругъ его служебной дѣятельности, но какъ мыслитель, старавшійся раскрыть внутреннія причины явленій, подвести ихъ подъ общія точки зрѣнія и извлечь изъ нихъ правила политической мудрости. Этотъ политическій трактатъ показываетъ, во вторыхъ, что Макиавелли, еще будучи весь поглощенъ практической дѣятельностію, обращался къ Римлянамъ за совѣтами и изучалъ древнихъ писателей съ цѣлью черпать у нихъ правила политическаго искусства. И тѣ воззрѣнія, которыя излагаетъ Макиавелли въ этомъ трактатѣ, написанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, совершившагося на его глазахъ, онъ впоследствии повторяетъ въ «*Discorsi*» и «*Il Principe*». 23 глава I кн. «*Разсужденій*» есть не что иное, какъ второе изданіе этого трактата. Въ этой главѣ Макиавелли приводитъ слова консула Фурія Камилла и рѣшеніе сената и затѣмъ дѣлаетъ выводы, съ которыми мы только что познакомились. Если бы мы не знали при какихъ условіяхъ и

по какому поводу Макиавелли написалъ этотъ трактатъ, мы могли бы подумать, что рассказъ Ливія навелъ его на тѣ размышленія, которыя онъ развиваетъ въ 23 гл. «*Discorsi*». На самомъ же дѣлѣ онъ излагалъ здѣсь воззрѣнія, которыя сложились у него подъ впечатлѣніемъ событія, въ которомъ онъ игралъ активную роль въ качествѣ комиссара флорентинскаго правительства ³⁶). Свои политическія правила Макиавелли извлекалъ не изъ римской жизни, а изъ изученія дѣйствительной жизни. Онъ обращался къ Римлянамъ лишь за совѣтами и изучалъ древнюю жизнь лишь для того, чтобы провѣрять воззрѣнія, которыя сложились подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ имъ событій. Исходной точкой политическихъ размышленій Макиавелли является не тотъ или другой рассказъ Ливія, а всегда та или другая проблема, съ которой онъ сталкивался на пути своей служебной дѣятельности.

Кругозоръ наблюденій Макиавелли очень ограниченъ: онъ не выходитъ за предѣлы италіанской жизни. Макиавелли путешествовалъ по Германіи и Франціи, но государственныи бытъ этихъ народовъ не имѣлъ рѣшающаго вліянія на его политическія воззрѣнія. Читая его донесенія о политическомъ состояніи Франціи и Германіи, не трудно замѣтить, что онъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на изученіи организаціи вооруженныхъ силъ, личнаго характера правителей, нравовъ народа; когда же онъ переходитъ къ изложенію государственнаго устройства, онъ ограничивается краткимъ и сухимъ перечнемъ должностей и учрежденій. Раздробленность Гер-

маціи, борьба князей съ городами, отношеніе ихъ къ Императору имѣютъ въ глазахъ Макиавелли много аналогичнаго съ раздробленностью и разъединеніемъ Италіи, и вотъ почему онъ пускается въ болѣе подробное объясненіе этихъ явленій. Что наблюденія Макиавелли надъ государственнымъ устройствомъ Германіи и Франціи остались безъ вліянія на его политическую доктрину всего яснѣе вытекаетъ изъ того, что онъ въ своихъ политическихъ трактатахъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о политическомъ строѣ этихъ странъ. Мы видѣли выше, что характеристика Императора Максимилиана, его наблюденія надъ нравами нѣмецкаго народа перешли цѣликомъ въ «*Il Principe*» и «*Discorsi*», все же то, что онъ въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ говоритъ о политическомъ строѣ Германіи и Франціи не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ въ его политическихъ трактатахъ. Онъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ о Франціи лишь для того, чтобы противопоставить господствующее въ ней единство разъединенію Италіи. Но онъ не объясняетъ намъ, чѣмъ это единство обуславливается и какими средствами оно поддерживается. Когда же онъ дѣлаетъ попытку объяснить значеніе французскаго парламента, то эта попытка служитъ только лишнимъ доказательствомъ тому, что онъ не понималъ государственнаго устройства Франціи: вездѣ ему мерещится борьба народа съ дворянами и этой борьбой онъ объясняетъ и назначеніе парламента, который, по его словамъ, былъ введенъ французскими королями для обузданія властолюбія дворянъ³⁷⁾.

Какъ пребываніе Макиавелли въ Германіи и Франціи

не расширяетъ кругозора его наблюдений, такъ и изученіе римской исторіи не могло его снабдить новымъ матеріаломъ для изслѣдованія политической жизни. Читая Ливія, Макиавелли не переносится въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ повѣствуетъ римскій историкъ, а остается въ политической атмосферѣ своего роднаго города. Въ «*Discorsi*» Макиавелли не изслѣдуетъ римской жизни, а лишь тѣ политическіе вопросы, которые имѣли для него, задумывавшагося надъ причинами безотрадной судьбы своего отечества, особенный интересъ. Какъ путешествуя по Франціи и Германіи, Макиавелли присматривался лишь къ военному устройству, къ личнымъ качествамъ правителей, къ правамъ народа, такъ точно и изучая римскую исторію, онъ съ особеннымъ тщаніемъ сопоставляетъ лишь тѣ мѣста изъ Ливія, которыя рисуютъ военное искусство Римлянъ, нравственный складъ римскаго народа и тѣ правила, которымъ слѣдовали государственные мужи древности въ своей политической дѣятельности. Государственныя учрежденія Рима стоятъ для него на второмъ планѣ. Онъ изучаетъ государственныи бытъ Рима лишь на столько, на сколько онъ представлялъ аналогіи съ государственнымъ бытомъ Флоренціи и останавливается лишь на тѣхъ римскихъ учрежденіяхъ, съ помощью которыхъ, по его мнѣнію, Римляне избѣгли тѣхъ ошибокъ, въ которыя впади его соотечественники. Мы привели выше мѣсто изъ «*Storie Florentine*», въ которомъ Макиавелли проводитъ параллель между борьбою партій во Флоренціи и въ Римѣ. Различіемъ въ характерѣ и исходѣ этой борьбы онъ обл-

ясняетъ и различіе, существующее въ государственномъ бытѣ этихъ двухъ государствъ. Уже изъ этого мѣста видно, что борьба плебеевъ съ патриціями заинтересовала Макиавелли своимъ сходствомъ съ борьбою партій во Флоренціи. И вотъ почему онъ въ своихъ *«Разсужденіяхъ о первыхъ десяти главахъ Тита Ливія»* обращаетъ вниманіе лишь на тѣ государственныя учрежденія, которыя стоятъ въ связи съ борьбою плебеевъ съ патриціями. Такими учрежденіями были въ глазахъ Макиавелли трибунатъ, децемвиратъ и диктатура. «Когда были изгнаны Тарквиніи», говоритъ Макиавелли, «страхъ передъ которыми сдерживалъ дворянъ, тогда нужно было придумать другое учрежденіе, которое производило бы такое же дѣйствіе, какъ Тарквиніи. И вотъ почему послѣ долгихъ волненій, мятежей и раздоровъ между дворянами и народомъ, былъ учрежденъ трибунатъ и вооруженъ такими полномочіями и такимъ сильнымъ авторитетомъ, что трибуны могли сдѣлаться впоследствии посредниками между сенатомъ и народомъ и сдерживать высокомеріе дворянъ» ³⁸). Трибунатъ, по Макиавелли, есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ учрежденіе, созданное для поддержанія равновѣсія между плебеями и патриціями и для защиты народа отъ властолюбивыхъ притязаній дворянъ ³⁹). И о децемвиратѣ Макиавелли рассказываетъ намъ только потому, что онъ даетъ ему случай выяснитъ своимъ читателямъ вредныя послѣдствія борьбы партій. «Послѣ долгихъ переговоровъ между народомъ и дворянами о тѣхъ законахъ, которые должны были установить свободу на болѣе прочныхъ основаніяхъ, было рѣшено

послать Спурія въ сопровожденіи двухъ другихъ гражданъ съ цѣлью достать списки законовъ Солона, которые должны были лечь въ основаніе новаго законодательства». Разказавъ затѣмъ исторію децемвирата, Макиавелли продолжаетъ: «Тиранія возпикла въ Римѣ вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, вслѣдствіе которыхъ тираніи вообще возникаютъ въ городахъ т. е., вслѣдствіе чрезмѣрнаго стремленія народа къ свободѣ и дворянъ къ власти. И когда они не могутъ согласиться относительно закона, который обезпечилъ бы имъ свободу, и одна партія возлагаетъ на одно лице защиту своихъ правъ, тогда возникаетъ тиранія. Народъ и дворяне согласились назначить децемвировъ и вооружить ихъ исключительными полномочіями, народъ — въ надеждѣ уничтожить консульскую власть, дворяне — въ надеждѣ сломить власть трибуновъ. Когда же послѣ избранія децемвировъ, народу показалось, что Аппій стоитъ на его сторонѣ и притѣсняетъ дворянъ, то довѣрился ему и сталъ покровительствовать ему. Но когда народъ впадаетъ въ подобное заблужденіе и надѣляется властью одно лице для того, чтобы оно притѣсняло тѣхъ, которыхъ онъ ненавидитъ, то всегда случится, что это лицо, если онъ только умный чловѣкъ, сдѣлается тираномъ города. Ибо благопріятствуя народу, онъ постарается сломить съ его помощью власть дворянъ, и никогда не станетъ угнетать народа, пока не расправится съ дворянами. И лишь покончивши съ послѣдними, онъ приступитъ къ угнетенію народа. И если тогда народъ спохватится и замѣтитъ свою ошибку, то уже будетъ поздно: ловушка захлопнулась»⁴⁰).

Макиавелли въ своихъ «*Discorsi*» разбираетъ еще другое учрежденіе диктатуру, которая стоитъ также въ связи съ борьбою партій, хотя и не непосредственно. Въ «*Storie Florentine*» Макиавелли говоритъ, что власть во Флоренціи переходила неоднократно въ руки одного лица, возстановлявшаго то единеніе, въ которомъ нуждался городъ и поддерживать которое было не въ силахъ республиканское правительство, раздѣляемое на партіи. Но не городъ облакалъ это лицо исключительными полномочіями, а оно само, пользуясь раздорами, захватывало власть въ свои руки. Макиавелли считаетъ диктатуру полезной и необходимой при извѣстныхъ условіяхъ: онъ въ своихъ сочиненіяхъ неоднократно выражаетъ мысль, что энергичному и мудрому законодателю, ничѣмъ нестѣсненному въ своей организаторской дѣятельности, не трудно было бы ввести во Флоренціи республику и упрочить въ ней свободный государственнѣй строй; онъ считалъ кромѣ того лишь князя, облеченнаго исключительной властію, способнымъ объединить вооруженныя силы италіанскихъ государствъ и изгнать варваровъ изъ Италіи. Но онъ требуетъ, чтобы этотъ диктаторъ былъ бы не узурпаторомъ, а возведенъ въ свой высокій санъ волею народа. И вотъ этому то условію не удовлетворяли владыки Флоренціи: они были обязаны своимъ исключительнымъ положеніемъ не народному избранію, а мелкимъ интригамъ и недостойнымъ ухищреніямъ: Медичи напр. своимъ богатствомъ и своею хитрою политикою сдѣлали проложить себѣ путь къ власти и сдѣлались фактически владыками Флоренціи, хотя и оста-

ПРИ КАКИХЪ УСЛОВ. СЛОЖ. ПОЛІТИЧ. ВОЗЗРѢН. МАКІАВЕЛЛИ. 145

вались частными людьми и никакого оффиціального положенія не занимали. Правленія Козьмы и Лаврентія сдѣлались пагубными для Флоренціи именно потому, что они съ одной стороны своимъ вліяніемъ парализировали республиканскія учрежденія, съ другой же, стоя вѣдѣ правительства и принужденные дѣйствовать черезъ посредство существовавшихъ правительственныхъ органовъ, были лишены свободы дѣйствія ⁴¹). Макіавелли, изучая политическую жизнь своего общества, натолкнулся, такимъ образомъ, на изслѣдованіе вопроса: при какихъ условіяхъ диктатура необходима и какими условіями должно быть обставлено лицо, облеченное исключительными полномочіями, дабы оно съ одной стороны выполняло успѣшно возложенное на него дѣло, съ другой же не злоупотребило предоставленной ему властью? И вотъ, дабы отвѣтить на этотъ вопросъ, Макіавелли обращается за совѣтомъ къ Римлянамъ и посвящаетъ нѣсколько главъ своихъ *«Разсужденій»* изслѣдованію римской диктатуры: «Когда значеніе, могущество и владычество римской республики стали возрастать, тогда сосѣди ея, которые первоначально не пошмали опасности, грозившей имъ съ этой стороны, уразумѣли, наконецъ, свою ошибку, соединились противъ Рима и заключили наступательный союзъ для отраженія этой опасности. Римляне учредили тогда диктатуру т. е. облекли одно лицо властью принимать и исполнять рѣшенія по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. И такъ какъ эта мѣра оказалась въ данномъ случаѣ полезной, и Римлянамъ, только благодаря ея,

удалось устранить грозившую имъ опасность, то они стали прибѣгать къ диктатурѣ во всѣхъ тѣхъ смутахъ и замѣшательствахъ, которыя обусловливались расширеніемъ внѣшняго могущества. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что при возникновеніи опасности, наступающей вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ и разрастающейся до такой степени, что она возбуждаетъ всеобщій страхъ, гораздо лучше выждать время, чѣмъ пытаться устранить ее. Ибо тѣ, которые хотятъ устранить ее, не давши ей созрѣть, вливаютъ лишь масло въ огонь и ускоряютъ зло. И подобныя замѣшательства возникаютъ въ республикахъ чаще изъ внутреннихъ, чѣмъ изъ внѣшнихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что республика предоставляетъ гражданину очень часто большую власть, чѣмъ ему приличествуетъ, искажаетъ этимъ законъ, жизненный нервъ свободы, и даетъ разростись злу до такихъ размѣровъ, что опаснѣе бороться противъ него, чѣмъ предоставлять его своему естественному теченію. И такія замѣшательства труднѣе распознаются при ихъ возникновеніи, благодаря присущей людямъ склонности благопріятствовать началу вещей. И эта склонность благопріятствовать новымъ начинаніямъ сказывается въ особенности тогда, когда эти начинанія соблазняютъ людей своей привлекательной внѣшностью и когда они исходятъ отъ молодыхъ людей. Ибо когда выступаетъ въ республикѣ благородный юноша, одаренный блестящими способностями, тогда взоры всѣхъ обращаются на него и всѣ соперничаютъ въ оказаніи ему почестей, такъ что онъ, если въ немъ есть хотя искра самолюбія, быстро завое-

вывааетъ себѣ высокое положеніе въ государствѣ. Когда же онъ разъ добрался до такой высоты, то граждане, уразумѣвъ свою ошибку, не имѣютъ болѣе средствъ исправить ее и своей враждой противъ вліятельнаго гражданина лишь содѣйствуютъ упроченію его могущества. Можно было бы въ подтвержденіе сказаннаго привести много примѣровъ, но я ограничусь примѣромъ изъ исторіи нашего города. Козьма Медичи, которому нашъ городъ обязанъ своимъ величіемъ, достигъ, благодаря своей мудрости и невѣжеству остальныхъ гражданъ, такого могущества, что съ одной стороны боялись оскорблять его, съ другой же стороны считали его исключительное положеніе въ республикѣ опаснымъ. Уцано, мудрый и опытный гражданинъ, понялъ, что была сдѣлана ошибка, т. е., что опасность, которой угрожало городу могущество Козьмы, не была признана во время, но онъ не хотѣлъ, чтобы была сдѣлана вторая ошибка, т. е. чтобы граждане вооружались открыто противъ Медичи, ибо онъ предвидѣлъ, что такая попытка должна повлечь за собою гибель государства. Пережившіе его граждане пренебрегли этимъ мудрымъ совѣтомъ: они прибѣгли къ насилію и изгнали Козьму изъ Флоренціи. Послѣдствіемъ этого поступка было то, что партія Козьмы, возмущенная нанесеннымъ ему позоромъ, скоро затѣмъ снова призвала его и сдѣлала его правителемъ Флоренціи т. е., возвела его на такую ступень, которой бы онъ никогда не достигъ, если бы ему не оказали открытаго сопротивленія. Тоже самое случилось въ Римѣ съ Цезаремъ» ⁴²). Послѣ этого введенія, Макиавелли обращается къ разсмотрѣнію

римской диктатуры и объясняетъ, почему диктатура въ эпоху республики никогда не угрожала опасностью Риму. Изъ приведеннаго нами мѣста видно, что Макиавелли, разсуждая о диктаторской власти въ Римѣ, имѣлъ въ виду одинъ изъ недуговъ политическаго быта Флоренціи и что онъ говоритъ объ этомъ римскомъ учрежденіи лишь для того, чтобы предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впали ихъ предки, расчисливъ Козьмѣ Медичи путь къ власти.

Если въ «*Discorsi*» Макиавелли указываетъ на тотъ путь, слѣдуя по которому Флоренція можетъ пріобрѣсти свою прежнюю силу и могущество, то въ «*Storie Florentine*» онъ объясняетъ намъ тотъ историческій процессъ, который довелъ ее до политическаго безсилія. «*Исторія Флоренціи*» Макиавелли не что иное, какъ исторія той болѣзни, которая истощила его отечество. Обо всемъ томъ, чему Флоренція была обязана своимъ величіемъ, что сдѣлало изъ нея центръ умственной жизни Италіи и носительницу италіанской культуры въ эпоху возрожденія, обо всемъ этомъ Макиавелли умалчиваетъ въ своей «*Исторіи Флоренціи*». Онъ нигдѣ не говоритъ объ экономической жизни своего роднаго города, объ его промышленности и торговлѣ, о процвѣтавшихъ въ ней наукахъ и искусствахъ. Все его вниманіе поглощено политической жизнью и вся его «*Исторія Флоренціи*» сводится къ исторіи ея военныхъ неудачъ и борьбы партій. И такъ, куда бы Макиавелли ни обращалъ свой пытливый взоръ, чтобы онъ ни изслѣдовалъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, всегда и вездѣ онъ преслѣдуетъ лишь

одну цѣль—раскрыть причины тѣхъ недуговъ, которыми страдалъ его родной городъ и изыскать тѣ средства, которыя могли бы излечить его отъ этихъ недуговъ. Къ изслѣдованію политической жизни не италіанскихъ государствъ онъ прилагаетъ мѣрило, которое сложилось у него подъ вліяніемъ той политической обстановки, среди которой онъ жилъ и дѣйствовалъ; и путешествуя по Германіи и Франціи и изучая Ливія кругозоръ его наблюдений не расширяется и онъ остается въ политической атмосферѣ своего роднаго города. Плебеи и патриціи для него не что иное, какъ *popolo minuto* и *popolo grosso* Флоренціи; французскій парламентъ не что иное, какъ учрежденіе, имѣющее цѣлью умѣрить властолюбіе дворянъ; въ Цезарѣ онъ узнаетъ Козьму Медичи, въ Аппіѣ Клавдіѣ—италіанскаго тирана.

III.

КАКЪ И ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ СЛОЖИЛИСЬ ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ МАКИАВЕЛЛИ.

Въ предшествующемъ отдѣлѣ мы показали, какъ сложилась политическая доктрина Макиавелли, на слѣдующихъ же страницахъ мы хотимъ объяснить генезисъ его философскихъ воззрѣній.

Разбирая посольскія донесенія флорентинскаго секретаря, мы уже имѣли случай замѣтить, что Макиавелли никогда не разсматриваетъ изслѣдуемыхъ имъ явленій въ связи съ окружающими ихъ условіями и всегда видитъ въ отдѣльномъ явленіи необходимое звено въ общей цѣпи причинъ и слѣдствій. Разсматривая частный

случай, онъ всегда восходитъ къ общимъ причинамъ и старается занять такую точку зрѣнія, которая позволила бы ему отнестись объективно къ этому частному случаю и приложить къ нему не случайное, а болѣе общее мѣрило. Благодаря такому способу разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ изъ практической жизни, теоретическая мысль Макиавелли изощрялась и у него постепенно складывались тѣ основныя философскія воззрѣнія, которыя являются необходимымъ предположеніемъ для разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ практической политики. Но эти философскіе вопросы не интересуютъ Макиавелли сами по себѣ, онъ задумывается надъ ними лишь по поводу подлежащихъ его разрѣшенію политическихъ проблемъ и они должны служить ему лишь точками опоры при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ политическаго искусства.

Одно изъ первыхъ, дошедшихъ до насъ писемъ Макиавелли ⁴³), написанное имъ еще до поступленія на государственную службу, свидѣтельствуетъ, что онъ, по самому складу своего ума, былъ скептикомъ и трезво и безпристрастно относился къ окружающимъ его явленіямъ. Въ этомъ письмѣ Макиавелли передаетъ содержаніе проповѣдей Савонаролы и рассказываетъ намъ, какъ этотъ ловкій доминиканецъ, дабы пагнать страхъ на своихъ противниковъ называлъ ихъ орудіями дьявола, себя же и своихъ приверженцевъ служителями Бога, сила и число которыхъ растутъ въ борьбѣ съ притѣснителями и гонителями. Въ заключеніе Макиавелли замѣчаетъ: «Когда синьорія заступилась за Савонаролу предъ папою и онъ замѣтилъ, что ему нечего болѣе бояться своихъ противниковъ, тогда онъ

перемѣнилъ свою тактику. И такъ какъ онъ не считалъ болѣе нужнымъ поддерживать единеніе въ своей партіи страхомъ передъ грозящимъ ей будто бы политическимъ рабствомъ, то онъ пересталъ говорить о тиранствѣ и порочности своихъ враговъ, и старался вооружить всѣхъ противъ папы и его посланниковъ. Онъ говорилъ о немъ все то, что только можно сказать о безбожномъ человѣкѣ и лгалъ, что ни есть мочи»⁴⁴). Макиавелли видитъ, такимъ образомъ, въ Савонаролѣ не убѣжденнаго проповѣдника, не боговдохновеннаго человѣка, а ловкаго и хитраго политика, морочащаго толпу и пользующагося своимъ вліяніемъ и даромъ слова для проведенія своихъ плановъ. Это замѣчательное письмо показываетъ, что Макиавелли вступилъ на поприще общественной дѣятельности трезвымъ наблюдателемъ, свободнымъ отъ всякихъ увлеченій и предвзятыхъ мнѣній. Его умъ былъ бѣлымъ листомъ бумаги, неисписаннымъ ни общественными, ни религіозными предразсудками: тѣ наблюденія и впечатлѣнія, которыя онъ испыталъ въ теченіи своей долготѣней служебной дѣятельности, могли отпечатлѣваться на этомъ неисписанномъ листѣ, не перемѣшиваясь никакими посторонними элементами. Макиавелли разсматривалъ наблюдаемыя имъ явленія такими, какими они представлялись ему въ дѣйствительности, между его пропитательнымъ окомъ и объектами его наблюденій не существовало никакой посредствующей среды, которая помрачала бы его взоръ и окрашивала бы ложнымъ цвѣтомъ предметы его изслѣдованія.

Его трезвый умъ былъ недоступенъ иллюзіямъ. Онъ

былъ врагъ всякой лжи и сторонился ея и тогда, когда она могла скрыть отъ него всю отвратительную наготу дѣйствительной жизни и хотя на время разсѣять его тяжелыя думы. Макиавелли не принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ натурамъ, которыя умѣютъ отвлекаться отъ окружающей ихъ обстановки, и создать себѣ мірокъ, до котораго бы не доносились стонъ и плачъ, оскорбляющіе ихъ нѣжный слухъ и нарушающіе ихъ душевное спокойствіе. Макиавелли не искалъ этого спокойствія, напротивъ: онъ боялся и избѣгалъ его. Когда обстоятельства принудили его покинуть общественную службу, онъ мучается своею бездѣятельностію и тишина деревенской жизни тяготитъ его. Онъ жаждетъ тѣхъ тревогъ и тревоженій, которыя пугаютъ другихъ. Страдать страданіями своего народа, радоваться его радостями было потребностію его души. То, что для другихъ душевное спокойствіе вдали отъ мірской суеты, то было для Макиавелли общественная жизнь; то, что для другихъ семейный очагъ, ублаживающій ихъ въ мирный и безмятежный сонъ, то была для Макиавелли общественная площадь. А человекъ, который смотритъ дѣйствительности прямо въ лицо, который стоитъ среди своего народа и не затыкаетъ ушей, когда онъ зоветъ о помощи, для такого человека иллюзій не существуетъ, для него эта жизнь тернистый путь и этотъ міръ не лучшій изъ міровъ, а мрачное поле брани, пропитанное потомъ и кровью несчастныхъ жертвъ, обезсилившихъ въ отчаянной борьбѣ за существованіе. Макиавелли не принадлежалъ къ тѣмъ убогимъ духомъ, которые въ сознаніи своего безсилія,

сторонятся борьбы съ жизнью, но онъ и не принадлежалъ и къ тѣмъ сильнымъ духомъ, для которыхъ эта сила источникъ духовныхъ наслажденій, отвлекающихъ ихъ отъ суеты мірской и скрывающихъ отъ ихъ взора людскія страданія. Макиавелли былъ поэтомъ, но не тѣмъ поэтомъ, который «рожденъ для вдохновенія, для пѣсенъ сладкихъ и молитвъ». Какъ его изслѣдующая мысль занята судьбами его отечества, такъ и источникъ его вдохновенія—бѣдствія, постигшія Италію. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ изливаетъ свое горе, оплакиваетъ несчастную судьбу своего роднаго города, воспѣваетъ геройскіе подвиги павшихъ за святое дѣло свободы и громитъ тирановъ и деспотовъ ⁴⁵).

Ни поэтическое вдохновеніе, ни философскія размышленія, ни историческія изслѣдованія не могли оторвать Макиавелли отъ той почвы, къ которой онъ приросъ душою. Макиавелли жилъ и мыслилъ въ самомъ круговоротѣ италіанской политики, онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ катастрофъ, которыя разразились надъ Италіей и сдѣлали изъ нея добычу варваровъ. Онъ пережилъ тѣ тяжелыя времена, когда правители Флоренціи извивались передъ высокомерной Франціей и завистливой, но бессильной Имперіей и деньгами и подарками задабривали Лудовика XII и Максимилиана; онъ былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ и самъ рассказываетъ намъ съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли на его отечество и какъ нагло издѣвались надъ ея безсиіемъ ⁴⁶); онъ игралъ активную роль въ той несчастной войнѣ съ Пизой, которая обнаружила всю безсовѣстность и продажность кондотъери, этой язвы совре-

менной ему Италіи⁴⁷⁾; онъ долженъ былъ отъ лица когда то могущественной Флоренціи вести переговоры съ мелкими тиранами, съ такими извергами рода человѣческаго, какъ Пандольфо Петруччи и Паоло Больони, увѣрять ихъ въ дружбѣ своего правительства, восхвалять ихъ мудрость, какъ мпlostыни испрашивать у нихъ помощи, унижаться и раболѣпствовать передъ ними⁴⁸⁾; онъ сопровождалъ Цезаря Борджіа въ его походѣ на Ромашью и могъ собственными глазами видѣть, къ какимъ средствамъ должны были прибѣгать государственные мужи Италіи, чтобы не сдѣлаться жертвою тѣхъ подпольныхъ интригъ и недостойныхъ ухищреній, къ которымъ сводилась вся политическая мудрость того времени⁴⁹⁾; онъ состоялъ посланникомъ при римскомъ дворѣ и рассказываетъ намъ о продажности кардиналовъ и о томъ золотѣ и тѣхъ обѣщаніяхъ, цѣною которыхъ Юлій II сдѣлался намѣстникомъ Христа⁵⁰⁾; онъ долженъ былъ терпѣть личные обиды и оскорбленія и сказать себѣ, что они пакосятся ему, не какъ частному лицу, а какъ представителю Флоренціи⁵¹⁾. Макиавелли, такимъ образомъ, пережилъ и перестрадалъ все то, что пережило и перестрадало его отечество. Чтожъ удивительнаго, если онъ, сынъ того вѣка, въ которомъ человѣческая мысль эманципируется отъ средневѣковыхъ предрасудковъ и въ которомъ зарождается духъ свободнаго изслѣдованія, сынъ той страны, которая воспитала Галилея, если онъ, говоримъ мы, своимъ трезвымъ умомъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы несчастія и бѣдствія, постигшія его отечество, были ниспосланы любящимъ Творцомъ? Чтожъ удивительнаго, если этотъ міръ не

представлялся ему цѣлесообразнымъ порядкомъ, которымъ управляетъ высшій разумъ или благое провидѣнье, а темнымъ царствомъ, въ которомъ хозяйничаетъ злая судьба?

Макиавелли пережилъ знаменательную эпоху въ исторіи своего роднаго города.

На его глазахъ рушилось владычество Медичи, онъ присутствовалъ при возстановленіи демократическаго строя, во главѣ котораго сталъ Савонарола, онъ былъ свидѣлемъ его смерти на кострѣ и видѣлъ, какъ созданное имъ дѣло погибло, онъ игралъ активную роль въ реорганизациіи республиканскихъ учрежденій и былъ достойнымъ соподвижникомъ Содерини; онъ съ болью въ сердцѣ долженъ былъ покинуть свой городъ, когда эти учрежденія пали и Медичи заняли свое прежнее мѣсто. На его глазахъ совершился цѣлый рядъ переворотовъ, которыя стерли съ лица земли старыя учрежденія и создали новыя. Демократія вытѣснила тиранію, умѣренная республика народное правленіе, пока наконецъ не восторжествовала снова тиранія. И всѣ эти перевороты были связаны съ именемъ той или другой выдающейся личности. И въ остальной Италіи Макиавелли могъ наблюдать ту же неустойчивость политическаго строя и слѣдить за дѣятельностію отдѣльныхъ государственныхъ мужей, уничтожавшихъ старыя учрежденія и вводившихъ новыя, разрушавшихъ государства и создававшихъ новыя. Карта Италіи на глазахъ Макиавелли нѣсколько разъ мѣняла свои очертанія. Всѣ мелкія государства Италіи были или республиками, также быстро мѣнявшими свое устрой-

ство, какъ Флоренція, или государствами, во главѣ которыхъ стояли тираны-узурпаторы. Большинство этихъ тирановъ были когда то кондотьеры и насиліемъ захватили государственную власть въ свои руки. Они могли удержаться, лишь прибѣгая къ тѣмъ средствамъ, которымъ они были обязаны своимъ возвышеніемъ. Они жили въ постоянномъ страхѣ за свой престолъ, за свою жизнь. Хитрость и преступленія были ихъ политическими орудіями, огонь и мечъ замѣняли имъ государственные законы и учрежденія. Эти тираніи держались властью одного лица: они покоились исключительно на плечахъ тирана. Чѣмъ онъ былъ хитрѣе, предусмотрительнѣе, рѣшительнѣе, энергичнѣе, тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе было его государство; малѣйшая ошибка, малѣйшій недосмотръ, неловкій расчетъ могли лишить его власти, а государство—единственной опоры. Личный произволъ замѣнялъ въ этихъ тираніяхъ государственное устройство, къ личной дѣятельности тирана и его слугъ сводилось все государственное управление. Макиавелли былъ неоднократно при дворѣ этихъ тирановъ. Онъ состоялъ посланникомъ при Цезарѣ Борджіа въ Романьѣ, Пандольфо Петруччи въ Сіенѣ, Паоло Больони въ Перуджіѣ, Екатеринѣ Сфорца въ Форли. А Цезарь, Пандольфо и Паоло были типами итальянскихъ тирановъ того времени, а ихъ государства тѣми тираніями, которыя создавались и поддерживались дѣятельностію одного лица. На его глазахъ Цезарь очистилъ Романью отъ мелкихъ тирановъ и объединилъ ее въ одно политическое тѣло. Но Макиавелли былъ свидѣлемъ и тому, какъ это вновь созданное государство про-

существовало лишь нѣсколько мѣсяцевъ и снова распалось на свои составныя части.

Мы сказали выше, что не изученіе исторіи и не знакомство съ политическимъ бытомъ другихъ государствъ опредѣлили возрѣнія Макиавелли, а исключительно наблюденія надъ политической жизнью Италіи. Эта же политическая жизнь, какъ мы сейчасъ показали, должна была поразить его своей неустойчивостію и тѣми постоянными переворотами, во главѣ которыхъ стояли отдѣльныя выдающіяся личности. Неудивительно поэтому, что онъ сводилъ всѣ явленія общественной жизни къ свободной дѣятельности людей т. е., къ такому фактору, который бросался ему всего рѣзче въ глаза и вліяніе котораго на государственную жизнь было для него всего яснѣе, всего осязательнѣе. И разсуждая объ отдаленныхъ эпохахъ, о возникновеніи государствъ и религій, Макиавелли объясняетъ всѣ эти явленія тѣми причинами, которыя на его глазахъ обуславливали собою перевороты въ государственной и религіозной жизни Италіи. Разсуждая о Нумѣ, въ которомъ онъ видитъ основателя римской религіи, ему рисуется Савопарола, говоря объ основателяхъ государствъ о Моисеѣ, Тезеѣ, Кирѣ, Ромулѣ, онъ думаетъ о Цезарѣ Борджіа, Франческо Сфорца. Онъ не замѣчаетъ различія въ историческихъ условіяхъ и убѣжденъ, что люди древности дѣйствовали точно также, какъ и тѣ государственные мужи, мотивы и цѣли дѣятельности которыхъ онъ изучилъ вблизи. Какъ миланское герцогство и княжество въ Романѣ были твореніями Франческо Сфорца и Цезаря, такъ и римское государство,

158 при какихъ услов. сложились возрѣнія Макиавелли.

по возрѣнію Макиавелли, не что иное, какъ искусственное учрежденіе, созданное личной дѣятельностію Ромула. Какъ Савонаролѣ удалось воодушевить Флорентинцевъ своею проповѣдью и сдѣлать ихъ послушными орудіями своихъ реформаторскихъ начинаній, такъ точно и Нума ввелъ религіозные обряды, дисциплинировавшіе Римлянъ и положившіе основаніе тѣмъ добрымъ нравамъ, которые послужили твердой опорой римскому государству. Все различіе между организаторскою дѣятельностію Ромула и Цезаря сводится лишь къ тому, что первый дѣйствовалъ самостоятельно, второй же былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ чужому оружію и счастливому стеченію обстоятельствъ. Различіе же между Нумою и Савонаролою заключается лишь въ томъ, что первый взялся за свое дѣло умнѣе и опирался на военную силу, созданную Ромуломъ, второй же выступилъ невооруженнымъ пророкомъ и хотѣлъ воздѣйствовать на людей не силою оружія, а силою убѣжденія.

И такъ, Макиавелли, разсуждая о государствѣ и религіи, имѣетъ въ виду политическія условія своего времени и объясняетъ происхожденіе государствъ тѣми же самыми причинами, которыя на его глазахъ обусловливали собою возникновеніе политическихъ тѣлъ т. е., дѣятельностію отдѣльныхъ передовыхъ людей. Такъ складывается основное положеніе его ученія, которое гласитъ: свободная дѣятельность людей создаетъ государства и религіи, ею держатся все государственныя и религіозныя учрежденія, она направляетъ общественную жизнь и является причиною всего того, что не физическая природа.

Если свободная дѣятельность людей, по Макиавелли, главный факторъ государственной жизни, то его взглядъ на природу человѣка, долженъ былъ имѣть рѣшающее вліяніе на его философскую доктрину. Мы показали выше, что этотъ взглядъ сложился у него еще тогда, когда онъ былъ всецѣло поглощенъ практической дѣятельностью. Въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ онъ неоднократно повторяетъ, что люди дѣйствуютъ не иначе, какъ подъ напоромъ своекорыстныхъ влеченій, что они лишены всякаго нравственнаго чутья, и что единственнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности служить личная выгода.

Если же такова, по возрѣнію Макиавелли, природа человѣка, то онъ и не могъ вѣрить въ самобытность нравственныхъ началъ и долженъ былъ объяснить возникновеніе нравственныхъ понятій и качествъ людей вліяніемъ вѣшной обстановки. Въ первомъ политическомъ трактатѣ, написанномъ имъ въ 1503 г., онъ выражаетъ мысль, что природа людей не мѣняется и что ихъ страсти и влеченія остаются тѣ же, на какой ступени историческаго развитія они бы ни стояли. Путешествуя же по Германіи и Франціи, онъ обратилъ особое вниманіе на народные нравы и, читая Ливія, съ особеннымъ тщаніемъ собиралъ свидѣтельства о гражданскихъ добродѣтеляхъ Римлянъ. Мы знаемъ также, что въ испорченности италіанскихъ нравовъ Макиавелли видитъ главный источникъ бѣдствій, постигшихъ его отечество. Сравнивая нравы италіанскаго народа съ нравами Французовъ, Нѣмцевъ и Римлянъ, Макиавелли замѣтилъ, что нравственный складъ этихъ народовъ далеко не одина-

160 ПРИ КАКИХЪ УСЛОВ. СЛОЖИЛИСЬ ВОЗЗРѢНІЯ МАКИАВЕЛЛИ.

ковъ. Если же природа людей не мѣняется и если страсти и влеченія людей были въ древности такими, какими мы ихъ наблюдаемъ въ наше время, если ни историческое прошедшее, ни климатическія условія, ни принадлежность къ тому или другому племени или національности не имѣютъ вліянія на нравственный складъ народа, то различіе въ нравахъ Италіанцевъ, Французовъ, Нѣмцевъ и Римлянъ, Макиавелли могъ отнести лишь на счетъ различія въ государственномъ бытѣ этихъ народовъ.

Какъ политическое ученіе Макиавелли есть не что иное, какъ отвѣтъ на вопросъ, какъ должно быть устроено государство, чтобы оно не страдало тѣми недугами, которыми зараженъ политическій строй Флоренціи, такъ и содержаніе его ученія о нравственности опредѣляется его воззрѣніемъ на причины нравственной испорченности италіанскаго народа.

Мы привели выше мѣсто изъ «*Storie Florentine*», въ которомъ Макиавелли рисуешь намъ растлѣніе италіанскихъ нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на причины этого явленія. Изъ этого мѣста видно, что Макиавелли объясняетъ испорченность нравовъ флорентинскаго народа условіями его политической жизни. Испорченность эта, по его воззрѣнію, обуславливается тѣмъ, что индивидуальныя интересы преобладаютъ надъ общественными, что эгоизму и личному произволу данъ слишкомъ широкій просторъ, что граждане руководятся не интересами общаго блага, а соображеніями личной пользы, что они не признаютъ надъ собою авто-

ПРИ КАКИХЪ УСЛОВ. СЛОЖ. ФИЛОСОФ. ВОЗРЪШ. МАКИАВЕЛЛИ. 161

ритета какихъ бы то нибыло нравственныхъ началъ, которыя сдерживали бы ихъ своекорыстныя страсти и влеченія. Мы знаемъ изъ исторіи, что въ этомъ дѣйствительно заключалась нравственная испорченность италянскаго народа въ эпоху возрожденія. Всѣ тѣ объективныя начала, передъ которыми склопился человѣкъ среднихъ вѣковъ, рушились и эманципировавшаяся личность, въ сознаніи своей силы, расправляетъ свои крылья и сбрасываетъ всѣ тѣ оковы, которыя сдерживали ея свободный полетъ. Въ средніе вѣка отдѣльный человѣкъ не выступалъ изъ предѣловъ общины или корпораціи; вся его жизнь и дѣятельность вращалась въ рамкахъ того союза, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію; его общественную дѣятельность регулировала корпорація; въ своей частной обстановкѣ онъ слѣдовалъ унаслѣдованнымъ традиціямъ и преданіямъ. Его семейныя права, его частная жизнь находились подъ контролемъ общества; субъективному сужденію, личному произволу, свободному почину мѣста не было; за человѣка мыслила и дѣйствовала корпорація, онъ мыслилъ ея мыслями, жилъ ея жизнью. Съ распаденіемъ же феодальнаго быта, съ развитіемъ торговли и промышленности, съ возникновеніемъ республикъ и тираній, установившихъ гражданское равенство, Италианецъ эпохи возрожденія освобождается отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которыя сдерживали его личное сужденіе и свободу дѣятельности. Традиціи и преданія не могли болѣе опредѣлять порядка его жизни и образа его мыслей, ибо исчезли тѣ союзы, которые опредѣляли ихъ и передавали отъ поколѣнія къ поко-

лѣнію. Опъ не находилъ болѣе опоры въ корпораціи, опъ стоялъ на собственныхъ ногахъ и долженъ былъ личной энергіей прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Общество расчленилось теперь не по сословіямъ, а по классамъ и по политическимъ партіямъ. Немущій могъ сдѣлаться имущимъ, приверженецъ побѣжденной нынѣ фракціи могъ сдѣлаться завтра главою господствующей партіи; гражданинъ, жившій въ скромной обстановкѣ, могъ подняться съ нисшей ступени общественной лѣстницы на высоту, которая обезпечила ему власть и вліяніе. Вождь шайки разбойниковъ могъ собрать вокругъ себя отважныхъ бойцовъ и, увеличивая число своихъ соподвижниковъ, стать во главѣ сильнаго войска и насиліемъ пробить себѣ путь къ власти. Положеніе лица въ обществѣ опредѣляютъ ни рожденіе, ни принадлежность къ тому или другому сословію, а исключительно, какъ выражается Макіавелли, счастіе и личныя способности. Кондотьери могъ сдѣлаться королемъ (Сфорца); монахъ, стать во главѣ правительства (Савонарола); богатый купецъ держать въ своихъ рукахъ судьбы одного изъ могущественнѣйшихъ городовъ Италіи (Медичи). И эти владыки сами вышедшіе изъ народа, окружаютъ себя государственными мужами, художниками, учеными, писателями, поэтами, которые были такого же темнаго происхожденія, какъ и они, но которые съумѣли своими талантами завоевать себѣ положеніе въ обществѣ. Тирани, который занималъ престолъ не по закону, положеніе котораго въ государствѣ было лишено всякихъ легальныхъ основъ, долженъ былъ прибѣгать къ хитрости, обману и насилію,

чтобы власть не ускользнула отъ него и чтобы какой нибудь ловкій соперникъ не перехитрилъ его. Но не только въ тираніяхъ, но и въ республикахъ государство держалось не столько законами и учрежденіями, сколько ловкостію той партіи, которая заправляла дѣлами республики, или, вѣрнѣе, того вождя, который стоялъ во главѣ этой партіи. И для этихъ вождей законы служили лишь ширмами, которыя должны были скрывать отъ народа ихъ настоящіе планы и намѣренія. Козьма Медичи, этотъ разбогатѣвшій купецъ, стоялъ вѣдѣ правительства, а на самомъ дѣлѣ былъ главой флорентинскаго правительства. И вокругъ этого солнца вращается цѣлый рядъ мелкихъ планетъ, людей, сѣумѣвшихъ завоевать себѣ положеніе въ обществѣ или своимъ богатствомъ или своими талантами. Всѣ они чувствуютъ, что стоятъ не на твердой почвѣ и что новый государственныи порядокъ можетъ вытѣснить ихъ въ ряды тѣхъ, которыхъ они теперь притѣсняютъ. Воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, жить пока живется, и держать ухо востро—вотъ тотъ кодексъ правилъ, который опредѣляетъ и направляетъ ихъ дѣятельность. А тѣ, которые стоятъ вѣдѣ правительства, точатъ кинжалы, заготовляютъ ядъ, интригуютъ, составляютъ заговоры и ждутъ лишь поваго взрыва, чтобы ворваться въ тѣ дворцы, въ которыхъ пируютъ ихъ враги ⁵²).

Эта неустойчивость государственнаго строя, лишеннаго всякихъ легальныхъ основъ, это отсутствіе объективныхъ началъ, которыя указали бы каждому свое мѣсто въ обществѣ, это неуваженіе къ существующему порядку,

этотъ произволъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, ихъ клеветовъ и соподвижниковъ, эта погоня за почестями и богатствами—все это вмѣстѣ взятое раскрываетъ съ одной стороны широкій просторъ развитію личности, придаетъ ей увѣренность въ свои силы, изощряетъ индивидуальныя способности, но съ другой стороны узаконяетъ эгоизмъ, разнуздываетъ страсти, порождаетъ въ людяхъ пренебреженіе чужими интересами и всѣми тѣми благами, которыя не служатъ наслажденіямъ минуты.

Для насъ эпоха возрожденія въ Италіи то богатое талантами время, когда впервые зарождается современный человѣкъ, когда свободное изслѣдованіе разсѣваетъ мракъ средневѣковаго невѣжества, когда писали и создавали свои бессмертныя творенія Петрарка, Буаналекки, Рафаель, Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Тиціанъ, Макиавелли, Гвичардини. И мы признаемъ во всестороннемъ развитіи личности источникъ той богатой и разнообразной культуры, плодами которой мы не перестаемъ наслаждаться. Темныя же стороны индивидуализма, которыя отразились на общественномъ и политическомъ бытѣ того времени, отступаютъ для насъ на второй планъ.—Макиавелли же относится къ послѣдствіямъ индивидуализма совершенно наоборотъ.

Наука и искусство процвѣтали при дворахъ тѣхъ тирановъ, въ которыхъ Макиавелли видѣлъ угнетателей италіанскаго народа; ихъ умѣли цѣнить кондотьеры, эти апостолы политическаго коварства; имъ покровительствовали Козьма и Лаврентій Медичи, виновники политиче-

скаго рабства Флоренціи; они служили утѣхою папамъ, которые внесли смуты и раздоры въ Италію; ими гордились тѣ богачи и вельможи, про которыхъ Макиавелли говоритъ, что въ нихъ не было и искры любви къ отечеству. И поэты и художники были плохими патріотами, равнодушными къ судьбамъ своего отечества; они льстили сильнымъ міра сего, потакали ихъ прихотямъ, развлекали ихъ въ часы досуга. Макиавелли, вниманіе котораго всецѣло поглощено политическими судьбами отечествъ, признавалъ добромъ лишь то, что содѣйствуетъ государственному благу и зломъ все то, что ему противорѣчитъ. Неудивительно поэтому, что наука и искусство въ его глазахъ высокой цѣны не имѣли. Говоря о людяхъ, заслуживающихъ похвалу, онъ ставитъ на первое мѣсто учредителей религіи, на второе основателей республикъ и королевствъ, на третье полководцевъ, последнее же мѣсто занимаютъ люди науки ⁵³). Въ своей *«Исторія Флоренціи»* Макиавелли говоритъ: «Мудрецы замѣтили, что науки слѣдуютъ за военными успѣхами, и что полководцы предшествуютъ философамъ. Когда хорошо организованное войско одержало побѣду, а побѣды обезпечили миръ и покой, тогда наступаетъ благородная праздность, и нѣтъ праздности, которая могла бы ослабить воинственный духъ подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ, какъ та праздность, которая состоитъ въ занятіяхъ науками. Это понялъ Катонъ, когда Афіняне отрядили въ Римъ въ качествѣ посланниковъ философовъ Діогена и Карнеада. Замѣтивъ, что римское юношество съ удивленіемъ стало прислушиваться къ ихъ рѣчамъ и понявъ

то зло, которое могло породить эта благородная праздность, Катонъ распорядился, чтобы ни одинъ философъ не имѣлъ доступа въ Римъ»⁵⁴). Выше же мы показали, что Макиавелли въ «*Storie Florentine*» не обращаетъ ни какого вниманія на развитіе наукъ и искусствъ и ни единымъ словомъ не упоминаетъ о тѣхъ именно сторонахъ культурной жизни Флоренціи, которыя имѣютъ для насъ такой высокій интересъ.—Если Макиавелли не умѣетъ цѣнить значеніе наукъ и искусствъ и если онъ разсматриваетъ вліяніе индивидуализма лишь на столько, на сколько онъ отразился на политическомъ и общественномъ бытѣ его отечества, то неудивительно, что онъ замѣтилъ лишь дурныя послѣдствія эманципаціи личности и видѣлъ въ отсутствіи всякихъ объективныхъ началъ, которыя сдерживали бы свободу сужденія и дѣйствія—источникъ всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые истоцили его отечество. Выходя изъ этого убѣжденія, онъ развиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ мысль, что лишь то государство прочно и счастливо, въ которомъ эгоизмъ и личный произволъ отдѣльныхъ гражданъ сдержаны условіями государственной жизни, воспитавшими въ людяхъ страхъ Божій, уваженіе къ законному порядку, преданность государству и любовь къ отечеству⁵⁵).

И такъ основныя положенія Макиавелли, выясняющія намъ его воззрѣнія на происхожденіе и сущность морали, на воспитательную задачу государства и на тѣ условія, которыя благопріятствуютъ развитію гражданскихъ добродѣтелей, суть, во-первыхъ, послѣдствія его взгляда на природу человека, сложившагося въ теченіи его

долготней общественной дѣятельности, во-вторыхъ, результатъ его наблюдений надъ испорченностью итальянскаго народа и его размышленій, надъ причинами этой испорченности.



ЧАСТЬ III.

МѢСТО, ЗАНИМАЕМОЕ МАКИАВЕЛЛИ ВЪ
ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Tanto nomini nullum par elogium.

Мѣсто, занимаемое Макиавелли въ исторіи политическихъ ученій.

Опредѣлить мѣсто извѣстнаго писателя въ исторіи политическихъ ученій значить показать, какой стороной своего ученія этотъ писатель выступаетъ изъ своего вѣка и въ чемъ заключаются его воззрѣнія, которыя представляютъ собою шагъ впередъ въ исторіи развитія политической мысли. Если мы хотимъ поэтому опредѣлить значеніе Макиавелли, какъ политическаго мыслителя, то мы должны во первыхъ, выяснить отношеніе его ученія къ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ, во вторыхъ показать насколько Макиавелли былъ сыномъ своего вѣка и насколько онъ является самостоятельнымъ мыслителемъ, въ третьихъ опредѣлить, какой стороной своего ученія онъ повліялъ на дальнѣйшее развитіе политической мысли. Настоящій отдѣлъ нашего труда распадается, такимъ образомъ, на три части. Въ первой части мы изслѣдуемъ отношеніе ученія Макиавелли къ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ, во второй проводимъ параллель между Макиавелли, Гвичардини и Боденомъ, въ третьей, наконецъ, разбираемъ тѣ воззрѣнія Макиавелли, которыми онъ выступаетъ изъ своего вѣка и идетъ на встрѣчу новому времени.

I.

Макиавелли и политическая доктрина среднихъ вѣковъ.

Политическое ученіе Макиавелли открываетъ собою новый фазисъ въ исторіи развитія политической мысли.

Въ средніе вѣка авторами политическихъ трактатовъ являются богословы и служители церкви. Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ они разсуждаютъ о политическихъ вопросахъ, въ своихъ политическихъ трактатахъ они остаются богословами, прилагающими къ изученію государственной жизни ту же методу и тѣ же приемы, которымъ они слѣдуютъ въ своихъ теологическихъ сочиненіяхъ. Макиавелли является первымъ политическимъ писателемъ, всецѣло поглощеннымъ свѣтскими интересами и обсуждающимъ политическіе вопросы съ точки зрѣнія этихъ интересовъ.

Политическіе писатели среднихъ вѣковъ стояли въ сторонѣ отъ мелкихъ заботъ и тревоженій, составляющихъ содержаніе политической жизни. Они посвящали свой трудъ и свое время лишь на разрѣшеніе тѣхъ общихъ вопросовъ, которые волновали христіанскій міръ. Они разсуждали о папѣ и императорѣ, объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, объ обязанностяхъ монарха, о повиновеніи подданныхъ властямъ и т. д., дѣйствительная же жизнь съ ея мелкими интересами, вопросы государственнаго устройства и управленія, политическое искусство во всѣхъ его разнообразныхъ про-

явленіяхъ—не входятъ въ кругъ ихъ наблюденія. Макіавелли же наоборотъ стоитъ въ самомъ круговоротѣ политической жизни, изслѣдуетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, отзывается на всѣ жгучіе вопросы дня и не столько разсуждаетъ объ общихъ началахъ государственной жизни, сколько о будничныхъ интересахъ практической политики.

Писатели среднихъ вѣковъ обращаются ко всему христіанскому міру: они не имѣютъ въ виду тотъ или другой народъ, то или другое государство; ихъ политическое ученіе носитъ на себѣ космополитическій характеръ, они разсуждаютъ о всемірной церкви и о всемірной монархіи, долженствующей обнять все человѣчество. Макіавелли же писалъ прежде всего для своихъ соотечественниковъ; исходной точкой его размышленій были тѣ недуги, которыми страдала современная ему Италія, его политическіе совѣты имѣютъ въ виду данныя отношенія и должны служить практическимъ руководствомъ государственнымъ людямъ его времени. Средневѣковые писатели не обращаются къ народу, а къ папамъ и императорамъ и къ сильнымъ міра сего; ихъ политическіе трактаты недоступны неносвященнымъ въ діалектическія тонкости схоластики и написаны на латинскомъ языкѣ, непонятномъ народу. Макіавелли же писалъ на языкѣ своего народа, и хотѣлъ, чтобы къ его голосу прислушивались всѣ, которымъ дороги интересы отечества.

Политическіе писатели среднихъ вѣковъ черпаютъ свою мудрость изъ Св. Писанія, изъ твореній Св. Отцевъ, изъ сочиненій древнихъ писателей. Источ-

174 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. никъ же политической мудрости Макиавелли—личный опытъ, исторія, наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Онъ не преклоняется слѣпо передъ авторитетомъ древнихъ писателей; онъ не дорожитъ столько ихъ политической доктриной, сколько ихъ историческими повѣствованіями, которыя знакомили его съ государственнымъ бытомъ древняго міра. Не философскія и политическія трактаты древнихъ, а античная жизнь—были для Макиавелли тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго онъ черпалъ правила политическаго искусства. Свободному и безпристрастному изученію древнихъ писателей въ средніе вѣка не было простора, они могли заимствовать у древнихъ лишь то, что не противорѣчило ученію церкви. Макиавелли же не былъ стѣсненъ подобными соображеніями, онъ не признавалъ авторитета Св. Писанія и отослался къ библейскимъ сказаніямъ точно также, какъ и къ рассказамъ Ливія.

Если средневѣковые писатели говорятъ о земныхъ царствахъ, то лишь для того, чтобы призывать всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви къ царству божьему, если они разсуждаютъ о земныхъ интересахъ, то лишь для того, чтобы противопоставить ихъ интересамъ духовнымъ, если они трактуютъ о свѣтской власти, то лишь для того, чтобы опредѣлить ея отношеніе къ власти духовной. Для Макиавелли же вопросы политической жизни имѣютъ не только самостоятельное значеніе, но и господствуютъ надъ всѣми остальными. Если онъ говоритъ о религіи и морали, то лишь для того, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ государству, если онъ разсуждаетъ о рели-

рѣзкихъ интересахъ, то лишь для того, чтобы выяснитъ ихъ служебную роль въ государствѣ. Религія въ его глазахъ не что иное, какъ политическое орудіе, должное служить цѣлямъ государственнаго общежитія. Откровенной религіи для него не существуетъ, онъ объясняетъ происхожденіе религій естественными причинами; опъ, по его воззрѣнію, были вызваны потребностями общежитія; устроители государствъ вводили религіозные обряды для того, чтобы поддерживать единеніе и дисциплину въ народѣ и уваженіе къ государственнымъ законамъ. Религія, какъ и государство, есть дѣло рукъ человѣческихъ и при ея установленіи дѣлались такія же ошибки, какъ и при введеніи государственныхъ учрежденій. Религіи, какъ и всѣ дѣла людей, не совершенны и не только могутъ, но и должны быть улучшаемы и преобразованы по мѣрѣ обветшанія старыхъ обрядовъ и возникновенія новыхъ потребностей. Макиавелли требуетъ, чтобы религіозные обряды, какъ и государственныя учрежденія, были возобновляемы черезъ извѣстныя промежутки и возвращаемы къ ихъ первоначальной исходной точкѣ. «Христіанская религія», говоритъ Макиавелли, «совершенно бы исчезла съ лица земли, если бы Св. Францискъ и Св. Доминикъ не возвратили бы ея къ ея началу тѣмъ, что подражая жизни Христа и живя въ бѣдности, не разжогли бы въ сердцахъ людей уже потухавшую религію... И это учрежденіе поддержало христіанство и поддерживаетъ его и по сіе время» ⁴⁰). Смѣна и развитіе религіи подлежатъ такимъ же неизмѣннымъ законамъ, какъ и развитіе языка. Макиавелли

подробно развиваетъ эту мысль въ 5 гл. II книги *Discorsi*. Въ этой же главѣ онъ говоритъ, что всѣ религіи въ своей борьбѣ за существованіе прибѣгали къ однимъ и тѣмъ же средствамъ и христіанская религія, стараясь изгладить всякую память о языческой религіи, поступала лишь такъ, какъ поступали ея предшественницы и какъ станутъ поступать религіи, имѣющія еще народиться.

Если средневѣковая доктрина учитъ, что церковь существуетъ для государства и что государство получаетъ свой мечъ отъ духовной власти, которая господствуетъ надъ свѣтской, то, по возрѣнію Макиавелли, религія возникаетъ лишь въ государствѣ и сильна лишь тѣмъ мечемъ, который вручаетъ ей государство. Если по возрѣніямъ, господствовавшимъ въ средніе вѣка, государство есть союзъ нищаго порядка и люди могутъ достигать своего назначенія лишь при содѣйствіи церкви, то, по возрѣнію Макиавелли, лишь государство создаетъ тѣ условія, которыя развиваютъ въ людяхъ нравственныя понятія, лишь государство вооружаетъ людей орудіями для борьбы противъ зла и лишь въ государствѣ это зло можетъ быть побѣждено. Если политическая доктрина среднихъ вѣковъ учитъ, что цѣль человѣка не на землѣ, а на небесахъ, и что человѣкъ тѣмъ вѣрнѣе можетъ достигнуть этой цѣли, чѣмъ болѣе онъ пренебрегаетъ земными интересами, то Макиавелли наоборотъ видитъ въ пренебреженіи земными интересами одну изъ причинъ тѣхъ золъ, которыя преслѣдуютъ современное человечество.

Политическая литература среднихъ вѣковъ имѣетъ для

насть исключительно историческій интересъ. Средневѣковые писатели не выяснили ни одного философскаго вопроса, не разрѣшили ни одной политической проблемы. Ихъ ученіе о морали ничего самостоятельнаго собою не представляетъ и оно не оказало никакого вліянія на нравственныя теоріи новаго времени. Въ области политики лишь одинъ вопросъ обслѣдованъ ими со всѣхъ сторонъ: это вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной. И въ изслѣдованіи и разрѣшеніи этого вопроса заключается оригинальная сторона средневѣковыхъ политическихъ ученій. Но вопросъ этотъ утратилъ для послѣдующихъ вѣковъ всякій интересъ. Волнующій современное общество вопросъ объ отношеніи государства къ церкви имѣетъ очень мало общаго съ той проблемой, которая занимала средневѣковыхъ богослововъ и политиковъ. Никто въ средніе вѣка не помышлялъ о секуляризаціи государства, никто не сомнѣвался въ томъ, что религія должна лежать въ основаніи всей политической жизни, что на государствѣ лежитъ обязанность защищать истинную религію, заботиться о чистотѣ догматовъ и преслѣдовать еретиковъ. Въ средніе вѣка шелъ лишь споръ о томъ, кому принадлежитъ главенство—духовной власти или власти свѣтской, кто долженъ властвовать надъ христіанскимъ міромъ, папа или императоръ. Римскіе первосвященники не добивались самостоятельности и свободы церкви, ибо никто не оспаривалъ ихъ, они хотѣли, чтобы церковный союзъ подчинилъ себѣ государство, чтобы свѣтскіе князья признали въ намѣстникѣ Христа своего владыку, они хотѣли основать теократію и стать

178 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
во главѣ ея. И противъ этихъ то притязаній и воору-
жались короли и императоры, отстаивая самостоятель-
ность свѣтской власти и ея независимость отъ Рима.
Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ исторіей въ пользу
свѣтской власти и если мы разсуждаемъ объ отношеніи
государства къ церкви, то уже не ссылаемся ни на Ио-
анна Салисберійскаго, Оому Аквинскаго, Эгидія Римскаго,
ни на Оккама, Данте и Марсилія Падуанскаго.—И какъ
споръ, который тянется черезъ всю политическую лите-
ратуру среднихъ вѣковъ, не интересуется насъ болѣе,
такъ онъ и не существуетъ и для Макиавелли.—Авторъ
«Князя» нигдѣ не говоритъ объ отношеніи свѣтской
власти къ духовной, свѣтской характеръ государства и
его самостоятельность и независимость для него внѣ вся-
каго сомнѣнія. Если онъ говоритъ о папѣ и императорѣ,
то лишь какъ о факторахъ, съ которыми приходится
считаться италіанской и общеевропейской политикѣ. Въ
нѣмецкомъ императорѣ онъ видитъ лишь сосѣда Италіи,
угрожающаго ея свободѣ и независимости, но сосѣда,
наименѣе опаснаго. О папской же власти онъ разсуж-
даетъ лишь для того, чтобы указать на одну изъ причинъ
разъединенія Италіи и ея нравственной испорченности.—
Но если Макиавелли не касается вопроса, изслѣдованіе
котораго составляетъ главное содержаніе средневѣковыхъ
политическихъ трактатовъ, то онъ беретъ за разрѣшеніе
проблемъ, надъ которыми его предшественники не за-
думывались и которыя опредѣляютъ содержаніе и на-
правленіе политической литературы новаго времени.
Закопомѣрность соціальныхъ явленій, объясненіе возник-

новенія государства потребностями челоѣческой природы, воззрѣнія на мораль, какъ на результатъ сожительства людей въ государствѣ, взглядъ на государство, какъ на учрежденіе, созданное людьми для защиты ихъ общихъ интересовъ, законъ соціальной борьбы и отношеніе государства къ этой борьбѣ, вліяніе климата, почвы, нравственнаго склада народа на его политическій строй— все это вопросы и воззрѣнія, которые чужды среднимъ вѣкамъ и которые были впервые выдвинуты Макиавелли.

II.

Макиавелли, Гвичардини и Бодень.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Критики Макиавелли ставятъ автору «*Князя*» въ особенную заслугу то, что онъ отдѣлилъ политику отъ религіозной морали, что у него достало смѣлости разрушить всѣ тѣ вѣрованія, смыть всѣ тѣ предрасудки, разбить всѣ тѣ кумиры, предъ которыми преклонялось средневѣковое общество. Но они спѣшаютъ прибавить, что онъ только разрушалъ, а не созидалъ. Эти писатели забываютъ, что религіозный индиферентизмъ былъ общимъ явленіемъ въ высшихъ слояхъ италіанскаго общества эпохи возрожденія; что духъ свободнаго изслѣдованія, пренебреженіе религіозной моралью, отрицательное отношеніе къ средневѣковымъ идеаламъ были отличительными чертами умственной жизни Италіи того времени.

Не Макиавелли разрушилъ средневѣковые вѣрованія и идеалы, а естественный ходъ историческихъ событій. Макиавелли же болѣе чѣмъ кто либо сознавалъ вредъ той анархіи въ умахъ и нравахъ, которая была послѣдствіемъ религіознаго индиферентизма и того отсутствія объективныхъ началъ, которыя въ средніе вѣка сдерживали свободу личнаго сужденія и необузданность эгоистическихъ стремленій. И размысленія Макиавелли надъ тѣми средствами, которыя могли бы положить конецъ этой анархіи и породили его ученія о нравственности и государствѣ. Этими средствами не могли быть для Макиавелли авторитетъ церкви; онъ понималъ, что религіозная мораль, проповѣдуемая церковью, во главѣ которой стоялъ Александръ Борджіа, потеряла всякій авторитетъ; онъ не могъ стать въ ряды бойцевъ за то ученіе, вліянію котораго онъ приписывалъ нравственную испорченность своего вѣка. Его умъ, свободный отъ всякихъ религіозныхъ предрасудковъ, созрѣвшій среди обстановки, не располагавшей къ мечтательности, просвѣтленный духомъ свободного изслѣдованія, закаленный изученіемъ дѣйствительной жизни, не могъ желать возрожденія средневѣковыхъ идеаловъ. И вотъ онъ провозглашаетъ новую свѣтскую мораль съ новыми идеалами и новыми цѣлями, съ идеалами, которые ждуть своего осуществленія не за гробомъ, а на землѣ, съ цѣлями, которыя научаютъ людей видѣть въ служеніи отечеству и государству свое призваніе и свое высшее назначеніе. *Макиавелли, такимъ образомъ, не только разрушаетъ, но и созидаетъ, не только ниспровергаетъ средневѣковые идеалы, но и за-*

мнѣяетъ ихъ новыми: отрицательной стороны своей доктрины онъ стоитъ на почвѣ своего времени, положительной же стороны своего ученія, которое провозглашаетъ новыя начала морали, онъ выступаетъ изъ своего вѣка, возвышается надъ своею средою и идетъ на встрѣчу новому времени.

Объясненіе безправственности политическихъ совѣтовъ автора князя условіями времени сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ новѣйшей литературѣ о Макиавелли. Но критики, утверждающіе, что флорентинскій секретарь былъ сыномъ своего вѣка, спѣшатъ оговориться: они замѣчаютъ, что безправственность среды объясняетъ, но не оправдываетъ безправственности его политическихъ совѣтовъ; дѣйствительно великій и благородный умъ, говорятъ они, съумѣлъ бы подняться надъ уровнемъ своего вѣка, и былъ бы не только сыномъ своего вѣка, но и сдѣлался бы и его руководителемъ. Если бы политическое ученіе Макиавелли было ничѣмъ инымъ, какъ возведеннымъ въ теорію политическимъ искусствомъ его времени, то нельзя было бы не согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но мы знаемъ, что Макиавелли не только выставялъ политическія правила, на которыхъ отразилась испорченность его вѣка, но что онъ и возмущается этой испорченностію и что онъ видитъ въ ней главный источникъ тѣхъ золъ, которыя преслѣдуютъ его отечество; мы знаемъ, что по его возрѣнію, одна изъ главнѣйшихъ задачъ государства — бороться противъ распущенности нравовъ и воспитать въ гражданахъ страхъ Божій, любовь общаго блага, уваженіе къ зако-

182 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.

тому порядку и преданность государству. Если бы Макиавелли обладалъ философскою невозмутимостію Спинозы, или пылкой фантазіей Руссо; если бы онъ могъ похвалиться способностію нѣмецкихъ философовъ—въ тиши своего кабинета, вдали отъ мірской суеты писать о наилучшемъ государственномъ устройствѣ,—то онъ не написалъ бы тѣхъ страницъ, которыя возмущаютъ его критиковъ. Но мы знаемъ, что онъ въ своихъ политическихъ трактатахъ преслѣдовалъ практическія задачи и хотѣлъ снабдить своихъ соотечественниковъ совѣтами, которыми они бы могли руководствоваться въ своей практической дѣятельности. Онъ не могъ поэтому указать лишь на тѣ цѣли, къ которымъ должны были стремиться его соотечественники, но и долженъ былъ указать и на тѣ средства, съ помощью которыхъ эти цѣли могли бы быть достигнуты. А если онъ хотѣлъ указать на эти средства, то онъ долженъ былъ стать по необходимости на почву существующихъ отношеній и считаться съ даннымъ политическимъ состояніемъ. *Если Макиавелли, развивая свое ученіе о нравственности и рассуждая о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, выставляетъ положенія, которыя то отличаются чистотою и возвышенностію убѣжденій, то говоря о политическихъ средствахъ, онъ по неволѣ спускается на тотъ общій уровень, на которомъ стояли его современники и предлагаетъ совѣты, на которые въ наше время не рѣшится политикъ, живущій въ совершенно иной нравственной атмосферѣ.* Разборъ политическихъ ученій Гвичардини и Бодена, къ которому мы теперь приступаемъ, подтвердитъ только

что выставленные нами положенія и покажетъ, что Макиавелли былъ не только сыномъ своего времени, но что онъ и съумѣлъ подняться надъ уровнемъ вѣка и эманципироваться, изъ подъ гнета окружавшей его среды.

2. ИЗЛОЖЕНІЕ УЧЕНІЯ ГВИЧАРДИНИ.

Что такое этотъ міръ, къмъ, для кого и для чего онъ созданъ—мы не знаемъ. Мы только чувствуемъ и имѣемъ случай убѣждаться въ томъ на каждомъ шагу, что онъ не созданъ любящимъ Творцемъ на благо человѣчества. Повсюду человѣкъ встрѣчается съ враждебными ему силами, загораживающими ему путь къ счастью. Какъ бы онъ ни выбивался изъ силъ, какъ бы онъ ни напрягалъ свой умъ, какой бы житейской мудростью онъ вооруженъ ни былъ, онъ нигдѣ не находитъ себѣ покоя и не можетъ завоевать себѣ положенія, которое обезпечило бы ему прочное счастье и удовлетворило бы всѣмъ его желаніямъ и стремленіямъ. Міръ, въ которомъ человѣку живетъ такъ плохо, въ которомъ честный трудъ остается безъ вознагражденія, въ которомъ мудрые и благородные умы должны нерѣдко уступать поле сраженія глупцамъ и злодѣямъ, въ которомъ побѣда остается не на сторонѣ праваго дѣла, а выпадаетъ на долю сильныхъ и ловкихъ, такой міръ не можетъ быть цѣлесообразнымъ порядкомъ, управляемымъ божественнымъ промысломъ. «Жестоко ошибаются тѣ» восклицаетъ Гвичардини, «которые вѣрятъ въ конечное торжество справедливости: не разумъ управляетъ міромъ, а ловкость, грубая сила и слѣпая

184 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ.
судьба» ¹⁾). И эта судьба, то и дѣло вмѣшивающаяся
въ дѣла людей, не есть тотъ справедливый судья, въ
котораго вѣрятъ иные мечтатели, судья, карающій зло
и вознаграждающій добро, споспѣшествующій благимъ
намѣреніямъ и тормозящій злыя начинанія. Эта судьба
не дѣйствуетъ по разумному плану и мы напрасно стали бы
ломать себѣ голову надъ мотивами и конечными цѣлями
ея вмѣшательства. Она бросаетъ человѣка изъ стороны
въ сторону, распредѣляетъ свои дары случайно и безъ
разбора; она то помогаетъ человѣку, то отворачивается
отъ него, то расчищаетъ путь къ добру, то содѣйствуетъ
злу. Она непостоянна и горе тому человѣку, который
соблазненный ея улыбкой, положится на нее и довѣрится
ей. Но горе и тѣмъ гордецамъ, которые въ своемъ высоко-
мѣріи, не хотятъ считаться съ этою темной силой, горе
тѣмъ мечтателямъ, которые, въ надеждѣ на свои силы
и въ сознаніи правоты своего дѣла, забываютъ, что пос-
лѣднее слово, во всѣхъ людскихъ начинаніяхъ принад-
лежитъ судьбѣ. Человѣкъ долженъ бороться съ судьбою,
долженъ по мѣрѣ силъ и умѣнья стараться съузить
область ея владычества, но онъ долженъ помнить, что
конечный исходъ всякаго дѣла, предпринятаго имъ, за-
виситъ не отъ него, и что всѣ его усилія окажутся на-
прасными, если судьба не сжадется надъ нимъ и не
выведетъ его на торную дорогу. Но чѣмъ ограниченнѣе
предоставленная человѣку свобода дѣятельности, тѣмъ
болѣе онъ долженъ дорожить ею, тѣмъ настойчивѣе
преслѣдовать свои цѣли ²⁾).

Человѣкъ, преслѣдуя эти цѣли, долженъ прежде всего

отказаться отъ всякихъ иллюзій, отрезвиться отъ всѣхъ праздныхъ мечтаній и стряхнуть всѣ предрассудки толпы. Онъ долженъ прямо и трезво смотрѣть на вещи, не предаваться напраснымъ и неосуществимымъ надеждамъ и помнить, что безмятежное счастье ему недоступно, что его силы ограничены, что на каждомъ шагу его ожидаютъ разочарованія, что онъ можетъ смягчить свои страданія, но не преодолѣть ихъ. Человѣкъ, вооружившись безпристрастнымъ взглядомъ на вещи, долженъ видѣть въ разумѣ, изощреннымъ опытомъ, своего вѣрнаго союзника и руководителя. Но и тутъ излишняя самоувѣренность опасна: кругъ наблюдений человѣка очень ограниченъ и его умъ легко извращается и слабѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь находится въ постоянномъ теченіи и человѣку трудно поспѣть за быстрымъ ходомъ событій. Люди, кромѣ того, не умѣютъ пользоваться своими ограниченными умственными силами и вмѣсто того, чтобы изощрять ихъ наблюденіями и изученіемъ дѣйствительной жизни, извращаютъ и разслабляютъ ихъ праздными философствованіями, безцѣльнымъ чтеніемъ книгъ, поклоненіемъ передъ авторитетами. Теоретическія знанія полезны лишь сильнымъ умамъ, умѣющимъ пользоваться этими знаніями и съ толкомъ примѣнять ихъ къ жизни: слабые же мозги теоретическаго образованія не перевариваютъ и оно скорѣе вредно, чѣмъ полезно людямъ, неодареннымъ природнымъ умомъ. Теорія до такой степени разнится отъ практики, что мы нерѣдко видимъ прекрасныхъ теоретиковъ ударяющихъ лицомъ въ грязь, какъ скоро дѣло доходитъ до примѣненія теоретическихъ знаній къ

186 мѣсто, занимаем. макиавелли въ истор. полит. ученій. жизни. Иначе и быть не можетъ: дѣйствительную жизнь нельзя втиснуть въ теоретическія формулы; ея текучесть и измѣнчивость не допускаетъ общихъ правилъ, которыя были бы примѣнимы вездѣ и всегда; политикъ долженъ поэтому принимать во вниманіе индивидуальную обстановку каждаго отдѣльнаго случая, каждый встрѣчающійся ему на практикѣ вопросъ разрѣшать особо и остерегаться примѣнять къ нему правило, оказавшееся цѣлесообразнымъ въ другомъ аналогичномъ случаѣ, ибо нѣтъ въ мірѣ двухъ вещей, которыя были бы во всемъ похожи другъ на друга. Но съ другой стороны опасно теряться въ мелочахъ и упускать изъ виду общія точки зрѣнія. Какъ въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, такъ и нѣтъ совершеннаго знанія, которое раскрыло бы намъ истину. Человѣку ничего другаго не остается, какъ изощрять свой умъ наблюденіями надъ дѣйствительной жизнью, накапливать свѣдѣнія, расширять личный опытъ; такимъ путемъ пріобрѣтается нѣкоторый навѣкъ съ помощью котораго удастся сильнымъ и проищательнымъ умамъ находить вѣрныя рѣшенія вопросовъ политики. Но и такіе умы, если они и вооружены богатыхъ опытомъ, нерѣдко впадаютъ въ ошибки и заблужденія. Они должны быть поэтому крайне осторожными во всѣхъ рѣшеніяхъ и сужденіяхъ. Лучшій судья нашихъ поступковъ—это время, только оно можетъ раскрыть послѣдствіе извѣстной мѣры и этимъ произнести надъ ней безошибочный приговоръ. Быстрота въ рѣшеніяхъ всегда опасна; политикъ долженъ выжидать время, дать созрѣть явленію и лишь тогда принимать свои мѣры,

когда сама жизнь указала то направленье, въ которомъ онъ долженъ дѣйствовать. Предвидѣть будущаго человѣкъ не можетъ: жизнь слишкомъ измѣнчива и разнообразна, кромѣ того, судьба то и дѣло разрушаетъ наши планы и надежды³). Находятся, правда, люди, которые увѣряютъ, будто можно поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ грядущія событія. Но предугадывать будущее съ помощью астрологій — праздная мечта; такой науки не существуетъ, ибо она трактуетъ о предметахъ, недоступнымъ человѣческому уму. Если тѣмъ не менѣе астрологи имѣютъ успѣхъ среди народа, то объясняется это невѣжествомъ толпы и присущимъ всѣмъ людямъ желаніемъ предугадывать будущее. Не могутъ удовлетворить этому желанію и духи умершихъ. Если они и существуютъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, то природа ихъ остается для насъ всегда непроницаемой тайной и былобы опасно довѣряться ихъ руководительству. Не должны мы и прислушиваться къ тому, что говорятъ намъ попы о божественномъ провидѣннн, ибо пути его неисповѣдимы; это — бездонная пропасть, въ которую человѣкъ не смѣетъ заглядывать⁴).

Гвичардини относится къ религіознымъ вѣрованіямъ или индифферентно или скептически. Религіозная точка зрѣнія, по его воззрѣнію, неумѣстна при изученіи политической жизни и Гвичардини держится того мнѣнія, что не слѣдуетъ примѣшивать религіозныхъ размышленій къ политическимъ изслѣдованіямъ⁵). Но онъ и не совѣтуетъ нападать на религію, ибо она пустила слишкомъ глубокіе корни въ умахъ людей⁶). Большинство чудесъ,

188 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ.
по его мнѣнію, можно объяснить естественными причинами. Но если допустить, что чудеса не плодъ болѣзненнаго воображенія, то на нихъ должно смотрѣть, какъ на тайны природы, недоступныя человѣческому уму⁷⁾. Гвичардини выражается еще рѣзче, когда заводитъ рѣчь о вліяніи религіи на нравы и папскаго владычества на судьбы Италіи. «Излишняя религіозность, говоритъ Гвичардини, развращаетъ міръ; разслабляетъ умы, вводитъ людей въ заблужденія, отвлекаетъ ихъ отъ благородныхъ и смѣлыхъ предпріятій⁸⁾». «Я всегда желалъ разрушенія папства, восклицаетъ Гвичардини въ другомъ мѣстѣ, и если судьба не сдѣлала бы меня служителемъ папъ, то я любилъ бы Мартина Лютера болѣе, чѣмъ самаго себя, ибо надѣялся бы, что расколъ его положитъ конецъ этому безсовѣстному тиранству поповъ»⁹⁾.

Какъ міромъ управляетъ темная сила, именуемая судьбою, такъ и человѣкъ—игрالیще слѣпыхъ страстей. Личный интересъ служитъ единственнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ; такой мотивъ самъ по себѣ не зло, напротивъ: если люди дѣйствовали бы всегда согласно разумно понятому интересу, то они могли бы достигнуть относительнаго счастья; но въ томъ то и бѣда, что не личный интересъ, руководимый разсудкомъ и опытомъ, опредѣляетъ сужденія и дѣйствія людей, а своекорыстныя страсти, затуманивающія разсудокъ людей и лишаяющія ихъ способности отличать полезное отъ вреднаго¹⁰⁾.

Люди корыстолюбивы, алчны, завистливы, мстительны,

трусливы. Они соперничаютъ другъ съ другомъ въ погонѣ за земными благами, но сколько бы они ни приобрѣтали, они никогда неудовлетворены. Ими руководить болѣе надежда на приобретеніе новыхъ благъ, чѣмъ страхъ потерять разъ приобретенное. Люди непостоянны въ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ; они неблагородны и злопамятны, оказанныя имъ благодѣянія забываютъ, за нанесенныя же ими обиды мстятъ ¹¹⁾. Живя среди злыхъ людей нужно умѣть и считаться съ слабостями людей. Нужно или отказаться отъ всякой дѣятельности или примириться съ мыслию, что честность и справедливость еще не обезпечиваютъ успѣха. «Нельзя, говоритъ Гвичардини, управлять подданными иначе какъ строгостію, ибо того требуетъ злоба людей» ¹²⁾. «Если бы всѣ люди, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, были честны и умны, то гуманность была бы умѣстнѣе жестокости, но такъ какъ большинство людей не честны и не умны, то и приходится прибѣгать къ строгости, а тѣ, которые думаютъ иначе, жестоко ошибаются» ¹³⁾. Недовѣрчивость людей, ихъ завистливость и пропырство требуютъ, чтобы политикъ умѣлъ притворствоваться и скрывать свои настоящія намѣренія. Гвичардини очень часто повторяетъ эту мысль и развиваетъ цѣлую теорію притворства ¹⁴⁾. Но если такое обращеніе съ людьми необходимо, то съ другой стороны не должно забывать, что открытый обманъ и грубое насиліе всегда производятъ на людей дурное впечатлѣніе и раздражаютъ ихъ. Политикъ долженъ поэтому казаться откровеннымъ и гуманнымъ, но эта выѣшность не должна мѣшать ему

190 мѣсто, занимаем. макиавелли въ истор. полит. ученій. принимать тѣ мѣры, которыя онъ считаетъ необходимыми для достиженія своей цѣли ¹⁵). Государство создано людьми и для людей, цѣль его — защищать интересы гражданъ, обезпечить имъ мирное существованіе, заботиться объ ихъ благосостояніи ¹⁶). Только жизнь въ государствѣ способна смягчить людскія страданія, вооружить людей орудіями для борьбы съ природой и привить имъ тѣ качества, которыя являются необходимыми условіями совмѣстной жизни въ государствѣ ¹⁷). И одна изъ важнѣйшихъ задачъ государства — перевоспитаніе человѣка.

Источникъ дурныхъ поступковъ, по воззрѣнію Гвичардини, не эгоизмъ, а ложное пониманіе личной пользы. Дурно поступаютъ не тѣ, которые руководствуются въ своей дѣятельности личнымъ интересомъ, а тѣ, для которыхъ этотъ интересъ заключается въ матеріальныхъ богатствахъ, которые не умѣютъ цѣнить духовныя блага и не дорожатъ тѣми почестями и наградами, которыя выпадаютъ на долю достойныхъ слугъ государства. Матеріальными же благами дорожатъ всего болѣе тѣ, которые не вкушали сладости духовныхъ наслажденій и всецѣло поглощены заботами о насущномъ хлѣбѣ. Государство должно придти на помощь людямъ и обставить ихъ такими условіями, которыя научили бы ихъ дорожить духовными интересами и предпочитать чувственнымъ удовольствіямъ духовныя наслажденія. Страсти сами по себѣ не зло, они дѣлаются зломъ лишь тогда, когда увлекаютъ людей на ложный путь. Только страстный человѣкъ способенъ на великіе подвиги, человѣкъ

же лишенный этого божественнаго огонька, дряблѣ и вялѣ и предпочитаетъ дѣятельной жизни праздность и покой. Но дабы людскія страсти служили источникомъ гражданскихъ подвиговъ, необходимо, чтобы возбужденная ими дѣятельность преслѣдовала благоую цѣль, избѣгала кривыхъ путей и вращалась въ предѣлахъ законнаго порядка. «Честолюбіе», говоритъ Гвичардини «не заслуживаетъ порицанія и не должно осуждать тѣхъ честолюбцевъ, которые честными и благородными средствами ищутъ славы, ибо отъ этихъ именно честолюбцевъ исходятъ великіе и блестящіе подвиги. И тотъ кто не воодушевленъ этимъ стремленіемъ, тотъ вообще неспособенъ воодушевляться и склоненъ болѣе къ праздной, чѣмъ къ дѣятельной жизни. Дорожащему почестями удастся всякое дѣло; онъ не знаетъ утомленія, не боится опасности, его не смущаютъ матеріальныя заботы, дѣла же людей, лишенныхъ этого стимула, безцвѣтны и бесплодны. Граждане, стремящіеся къ славѣ и почестямъ, полезны и заслуживаютъ похвалы, если только они стараются заслужить ихъ добродѣтелью и мудростію и дѣлами на благо отечества, а не добиваются ихъ кривыми путями, прибѣгая къ интригамъ партіи и пренебрегая законнымъ порядкомъ. Вредны тѣ честолюбцы, которые имѣютъ въ виду лишь свое собственное величіе: люди, поклоняющіеся этому идолу, не знаютъ никакихъ преградъ и для нихъ не существуетъ ни справедливости, ни честности¹⁸⁾. Государство, преслѣдуя свою воспитательную задачу, не должно поэтому противодѣйствовать природнымъ человѣку эгоистическимъ

стремленіямъ, оно должно лишь направлять ихъ на благоую цѣль, обставляя гражданъ условіями, которыя развили бы въ нихъ способность отличать полезное отъ вреднаго и которыя научили бы ихъ видѣть свою выгоду не въ преслѣдованіи матеріальныхъ интересовъ, а въ дѣятельности, посвященной общему благу ¹⁹).

Гвичардини различаетъ три государственныя формы: монархію, аристократію и демократію. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Достоинства монархіи сводятся къ тому, что все государственное управленіе сосредоточивается въ рукахъ одного лица; а государственныя дѣла разрѣшаются съ большимъ единствомъ, съ большей скоростью, съ большей настойчивостію, если зависятъ отъ одного лица, чѣмъ если ими заправляютъ многіе. Слабая же сторона монархіи заключается въ томъ, что власть можетъ перейти въ руки недостойнаго князя, и тогда всѣ выгоды единовластія обращаются въ недостатки, которые могутъ сдѣлаться источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій. Эта случайность можетъ наступить не только въ наследственной, но и въ избирательной монархіи, ибо выборъ можетъ пасть на человѣка, который не оправдаетъ возложенныхъ на него надеждъ: лице, которое до избранія обладало желательными для князя качествами, ставъ во главѣ государства, нерѣдко измѣняетъ свой характеръ: порученная ему власть развращаетъ его и онъ обнаруживаетъ качества, которыя онъ не имѣлъ повода проявлять, будучи частнымъ человекомъ. Избирательная монархія имѣетъ и тотъ важный недостатокъ, что выборный князь постарается обойти

законъ, который препятствуетъ его сыновьямъ занять отцовскій престолъ и это натолкнетъ его на путь, опасный государственному порядку. Нельзя ввести въ монархіи учрежденія, которыя устранили бы все ея слабыя стороны, нужно удовлетвориться порядкомъ, который бы по крайней мѣрѣ смягчилъ ея недостатки. Съ этой цѣлью должно ввести законъ, въ силу котораго монархъ не имѣлъ бы права разрѣшать ни одного важнаго дѣла, безъ участія контролирующихъ властей. Несмотря на указанныя недостатки избирательной монархіи, она во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе наследственной, необходимо только, чтобы глава государства избирался не на короткій срокъ, а пожизненно. Если же это почему либо неудобно, то должно продолжительный срокъ предпочитать краткому и имѣть при этомъ въ виду общее правило, что чѣмъ продолжительнѣе срокъ, на который избирается князь, тѣмъ ограниченнѣе должна быть его власть.—Аристократія имѣетъ ту хорошую сторону, что не такъ легко извращается въ тиранію, какъ единовластіе; она и не имѣетъ недостатковъ демократіи; ибо во главѣ ея стоятъ лучшіе люди, которые управляютъ государствомъ и съ бѣльшимъ умѣньемъ и съ бѣльшей мудростію, чѣмъ невѣжественная толпа. Недостатокъ же аристократіи заключается въ томъ, что вельможи, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю полноту власти, склонны эксплуатировать ее въ своихъ частныхъ интересахъ и пренебрегать интересами народа; кромѣ того властолюбіе и честолюбіе, которыя такъ легко могутъ развиваться въ средѣ правящаго класса, порождаютъ партіи и

раздоры, которыя въ свою очередь являются причиною государственныхъ переворотовъ и революцій. Недостатки этой государственной формы всего рѣзче выступаютъ въ аристократіяхъ, въ которыхъ власть наследственна въ извѣстныхъ семействахъ; въ такихъ аристократіяхъ легко можетъ случиться, что государствомъ будутъ управлять не благороднѣйшіе и мудрѣйшіе граждане, а бездарнѣйшіе и недостойнѣйшіе. Центръ тяжести государственнаго устройства аристократіи, которая желаетъ избѣгнуть указанныхъ недостатковъ, долженъ лежать въ сенатѣ, который состоялъ бы изъ мудрѣйшихъ, богатѣйшихъ и благороднѣйшихъ вельможъ, пазначаемыхъ изъ числа гражданъ, имѣющихъ доступъ къ государственнымъ должностямъ. Члены этого сената должны избираться не на короткій срокъ, и число ихъ должно быть настолько велико, чтобы всѣ достойнѣйшіе граждане могли надѣяться вступить современемъ въ ряды правителей. Народъ, кромѣ того, не долженъ быть исключенъ отъ участія въ управленіи. Вельможы должны завѣдывать тѣми отраслями государственнаго управленія, которыя требуютъ подготовки, спеціальныхъ знаній и опытности, въ дѣлахъ же, касающихся внѣшней политики, законодательства и выбора должностныхъ лицъ, должна быть предоставлена извѣстная доля участія народу. — Демократія имѣетъ то важное преимущество надъ остальными государственными формами, что она держится не столько людьми, сколько законами; кромѣ того нигдѣ интересы цѣлаго не соблюдаются такъ свято, какъ въ государствѣ, въ которомъ власть покоится въ рукахъ всего народа.

Слабыя же стороны демократіи объясняются тѣмъ, что государственными дѣлами завѣдуетъ народъ, т.-е., тотъ общественный элементъ, который наименѣе способенъ къ управленію. Народъ не обладаетъ ни опытностію, ни знаніями; онъ отличается непостоянствомъ и неустойчивостію; онъ любитъ новизну и легко поддается вліянію честолюбивыхъ и безпокойныхъ головъ; онъ легко доступенъ клеветѣ, лживымъ и злонамѣреннымъ наущеніямъ и не умѣетъ дорожить услугами просвѣщенныхъ и мудрыхъ гражданъ; онъ не умѣетъ соблюдать чувства мѣры: чѣмъ бѣльшей свободой онъ пользуется, тѣмъ неумѣреннѣе его требованія и нѣтъ такого состоянія, которымъ онъ бы могъ удовлетвориться; имъ руководятъ не доводы разсудка, а случайныя увлеченія ²⁰⁾. Демократія будетъ поэтому устроена тѣмъ лучше, чѣмъ мѣньшимъ вліяніемъ народъ будетъ пользоваться на тѣ государственныя дѣла, которыя требуютъ знаній и опытности: эти дѣла должны находиться въ рукахъ сената, и народъ долженъ лишь утверждать его рѣшенія. Изъ этихъ разсужденій ²¹⁾ Гвичардини дѣлаетъ тотъ общій выводъ, что наилучшая государственная форма — смѣшанное правленіе. Это смѣшанное правленіе можетъ упрочиться лишь при извѣстныхъ условіяхъ, и эти условія не встрѣчаются напр. во Флоренціи, въ которой любовь къ свободѣ настолько сильна, что въ ней можетъ установиться или демократія, которая удовлетворила бы стремленію народа къ свободѣ, или тиранія Медичи, съ которой связана память о величіи и блескѣ флорентинской республики. Но Гвичардини не скрываетъ

196 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ, своей антипатіи къ чисто народному правленію, онъ желалъ бы для Флоренціи республику съ аристократическимъ оттѣнкомъ, въ которомъ знатнѣйшіе и богатѣйшіе граждане имѣли бы преобладающее вліяніе на государственныя дѣла ²²).

Правители государствъ должны, по Гвичардини, опираться на элементы силы и возбуждать въ народѣ настроеніе, благопріятное существующему строю и соотвѣтствующее видамъ и цѣлямъ правительства. «Не должно забывать, говоритъ Гвичардини, что всѣ государства возникли и держатся насиліемъ» ²³). На сторонѣ сильныхъ всегда остается перевѣсъ, ибо не мудрость и не умѣренность обезпечиваютъ успѣхъ, а могущество ²⁴). Когда слабый сталкивается съ сильнымъ, то первый долженъ всегда уступать поле сраженія второму, если онъ и вступилъ въ борьбу въ сознаніи правоты своего дѣла и если онъ и превосходитъ своего противника мудростью, честностью и благородствомъ ²⁵). Правители должны поэтому искать лишь союза съ сильными державами, а внутри государства опираться на тѣ общественные элементы, которые могутъ служить надежнымъ основаніемъ власти. Должно принять за общее правило, что государственный строй не прочесть, пока не обезоружены враги стараго порядка или тѣ граждане, которые почему либо не хотятъ примириться съ существующимъ порядкомъ. Свобода города, сбросившаго его тирана, лишь тогда обезпечена, когда убитъ князь со всѣмъ своимъ потомствомъ. — Князь долженъ зорко слѣдить за тѣмъ,

чтобы въ средѣ его подданныхъ не было недовольныхъ и безпокойныхъ головъ. Смѣлыя головы не опасны, если только князь съумѣетъ примирить ихъ съ существующимъ порядкомъ: онъ долженъ остерегаться лишь тѣхъ изъ нихъ, которые склонны къ переворотамъ. Князь не долженъ бояться народнаго недовольствія, пока оно не приняло остраго характера; это недовольствіе угрожаетъ князю опасностію лишь тогда, когда доводитъ народъ до отчаянія. Князь долженъ поэтому стараться приобрѣтать расположеніе народа и не раздражать его понапрасно, безпокойные же и буйныя головы онъ долженъ безошадно уничтожать ²⁶). — Безъ пролитія крови тиранъ обойтись не можетъ. Но онъ долженъ прибѣгать къ жестокостямъ лишь въ крайнихъ случаяхъ и помнить, что возбужденное ими недовольствіе можетъ уничтожить ихъ благодѣтельныя послѣдствія ²⁷). Князь долженъ приобрѣтать расположеніе народа не щедростію, а возбужденіемъ надежды на награды, ибо оказанныя народу награды скоро забываются, надежда же на полученіе наградъ болѣе устойчивое чувство, которымъ князь и долженъ воспользоваться въ своихъ интересахъ. Князь долженъ быть скорѣе скупъ, чѣмъ щедръ; примѣръ одного одареннаго произведетъ большее впечатлѣніе, чѣмъ распредѣленіе наградъ между многими; какъ бы князь щедръ ни былъ, всегда останутся много обдѣленныхъ; кромѣ того, князь можетъ быть щедрымъ лишь на чужой счетъ, а неблаго-разумно отнимать у большинства, чтобы одарить меньшинство ²⁸).

3. МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧАРДИНИ.

Только что изложенныя нами воззрѣнія Гвичардини поучительны во многихъ отношеніяхъ. Мы видимъ, что Гвичардини былъ сторонникомъ того же міросозерцанія, которое исповѣдывалъ и Макиавелли, что онъ, какъ и флорентинскій секретарь, не вѣрилъ въ цѣлесообразность міроваго порядка, не признавалъ за человѣкомъ другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которые обуславливаются земными интересами, что онъ отрицалъ самобытность нравственныхъ началъ и видѣлъ въ человѣкѣ существо, обуреваемое эгоистическими страстями и лишешое всякаго прирожденнаго нравственнаго чутья.

Мы сказали выше, что Макиавелли, предлагая практическіе совѣты, имѣвшіе въ виду ближайшія цѣли италіанской политики, долженъ былъ считаться съ условіями времени и выставлять правила, которыя наше время осуждаетъ съ нравственной точки зрѣнія. Эти правила мы встрѣчаемъ и у Гвичардини, который прямо заявляетъ, что жестокость, притворство и обманъ сѣуть средства, которыми не долженъ пренебрегать политикъ. Убивать враговъ стараго порядка, безпощадно уничтожать мятежниковъ, льстить подданнымъ, держать народъ въ ежевыхъ рукавицахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ производить на него впечатлѣніе гуманнаго и любвеобильнаго князя,—все это совѣты, которые предлагаетъ тирану не только Макиавелли, но и Гвичардини.—Авторъ «*Storie d'Italia*» написалъ критическія замѣчанія на «*Rassuodeni*» Макиавелли:

«*Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio*». Мѣста въ «*Discorsi*», которыя обратили на себя особенное вниманіе критиковъ Макиавелли, обвиняющихъ автора «*Князя*» въ безнравственности, нисколько не смущаютъ Гвичардини и онъ или проходитъ ихъ молчаніемъ или прямо заявляетъ сочувствіе изложеннымъ въ нихъ правиламъ. Если онъ и дѣлаетъ нѣкоторыя оговорки и ограниченія, то они сущности дѣла не касаются и читатель выноситъ изъ знакомства съ «*Considerazioni*» то общее впечатлѣніе, что Гвичардини вполне одобряетъ политическія правила Макиавелли и нисколько не возмущается ими. Очевидно, что эти правила не только практиковались въ его время, но и одобрялись теоріей.

Макиавелли и Гвичардини считаютъ изученіе дѣйствительной жизни единственнымъ источникомъ познанія. Но это изученіе приводитъ Макиавелли къ раскрытію законовъ, управляющихъ политической жизнью. Гвичардини же извлекаетъ изъ него лишь практическія правила политическаго искусства. Прошедшее, говоритъ Гвичардини, пропадаетъ для насъ безвозвратно, внутренніе же мотивы современныхъ намъ событій и поступковъ остаются для насъ скрытыми; политическая жизнь, кромѣ того, такъ разнообразна и измѣнчива и подвержена столькимъ случайностямъ и колебаніямъ, что мы не въ состояніи извлечь изъ нея общія правила дѣятельности, раскрыть внутреннія причины явленій и подвести ихъ подъ общія точки зрѣнія. Гвичардини находитъ что Макиавелли выставляетъ слишкомъ абсолютныя правила²⁹); по его воззрѣнію, нѣтъ ничего

200 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ.
опаснѣе такихъ общихъ правилъ: политикъ долженъ жить изо дня въ день и для каждаго новаго случая придумывать новое правило. Макиавелли же вѣритъ въ силу знанія и думаетъ, что человѣкъ, вооруженный наукою, можетъ до извѣстной степени преодолѣть ограниченность своихъ способностей. Но это знаніе, которое дѣлаетъ человѣка владыкою міра, не заключается въ личномъ опытѣ, а въ знакомствѣ съ природою соціальныхъ явленій и тѣми законами, которые управляютъ общественной жизнію.

По Гвичардини, слѣпая судьба управляетъ міромъ и человѣкъ безсиленъ оказать ей сопротивленіе, она повсюду становится ему поперекъ дороги и парализируетъ всѣ его начинанія. Гвичардини, рассуждая о вліяніи судьбы на человѣческія дѣла, приходитъ къ тому безотрадному выводу, что человѣку ничего другаго не остается, какъ безропотно преклоняться передъ всемогуществомъ судьбы.—Макиавелли также вѣруетъ въ силу судьбы и этимъ воззрѣніемъ платитъ дань своему вѣку, но онъ думаетъ, что судьба бодрствуетъ лишь тогда, когда дремлетъ человѣкъ, что она лишь тамъ заявляетъ о себѣ, гдѣ человѣкъ не вооружается противъ нея и не вступаетъ съ ней въ открытую борьбу.

Гвичардини считаетъ людей эгоистами, обуреваемыми страстями, и думаетъ, что лишь государство можетъ воспитать въ нихъ качества, являющіяся необходимыми условіями благоустроеннаго общежитія. Но эти воззрѣнія остались безо всякаго вліянія на его политическое ученіе. Макиавелли же тѣ же самыя воззрѣнія

послужили исходной точкой для размышлений, плодомъ которыхъ явилось его ученіе о нравственности, опредѣлившее его взглядъ на республику, какъ на наилучшую государственную форму. Гвичардини выставляетъ правила, которыя свидѣтельствуютъ о безнравственности его вѣка; онъ этой безнравственности не возмущается и не говоритъ намъ, какъ должно быть устроено государство, въ которомъ жестокія и суровыя мѣры были бы неприменимы. Макиавелли же видитъ въ распущенности нравовъ италіанскаго народа главный источникъ постигшихъ его несчастій и, ратуя противъ безнравственности своего вѣка, указываетъ на республику, какъ на тотъ государственный строй, который держится не политическимъ коварствомъ, не огнемъ и мечемъ, а добродѣтелью гражданъ, ихъ любовью общаго блага, ихъ уваженіемъ къ законному порядку, ихъ преданностию государству и отечеству.

Нашъ разборъ политическаго ученія Гвичардини подтверждаетъ т. е., выставленныя нами выше положенія, и служитъ лишнимъ доказательствомъ тому, что *Макиавелли, отрицая целесообразность міроваго порядка, развивая свой пессимистическій взглядъ на природу человека, выставляя политическія правила, которыя возмущаютъ нравственное чувство современнаго человека, — стоитъ на почвѣ своего вѣка; ратуя же противъ безнравственности окружавшей его среды, указывая на республику, какъ на государственную форму, воспитывающую въ людяхъ гражданскія добродѣтели, развивая новый взглядъ на происхожденіе и*

202 МѢСТО, ЗАНИМАЕМ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
сущность морали и применяя къ изученію политической жизни положительную методу — выступаетъ изъ своего вѣка и является предвѣстникомъ новаго времени.

4. МАКИАВЕЛЛИ И БОДЕНЪ.

Различіе въ возрѣніяхъ Бодена и Макиавелли объясняется различіемъ тѣхъ политическихъ условій, среди которыхъ жили и дѣйствовали эти писатели. Первый писалъ въ первой половинѣ XVI вѣка и былъ гражданиномъ флорентинской республики, второй писалъ въ эпоху религиозныхъ войнъ и былъ подданнымъ французскаго короля. Италія временъ Макиавелли и Франція временъ Бодена—это два совершенно различныхъ міра. Италіанцы эпохи возрожденія имѣютъ передъ глазами образцы различныхъ конституцій: мы не знаемъ страны, которая, за исключеніемъ развѣ древней Греціи, обнимала бы на небольшомъ пространствѣ такое разнообразіе государственныхъ формъ. Каждый городъ имѣлъ свою конституцію, и нерѣдко одно и тоже государство, въ небольшой промежутокъ времени, нѣсколько разъ мѣняло свое устройство. Эта пестрая, подвижная картина должна была невольно наводить на размышленія о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ государственныхъ формъ, о причинахъ государственныхъ переворотовъ и о тѣхъ средствахъ, которыми вводятся и поддерживаются политическія учрежденія. Но это разнообразіе и измѣнчивость государственнаго быта должна была съ другой стороны поколебать вѣру въ устойчивость политическихъ формъ,

въ преимущество историческаго развитія, въ возможность найти государственное устройство, которое представляло бы собою гарантію прочности и долговѣчности и была бы примѣнима у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; оно должно было поколебать уваженіе къ существующему строю, породить беспокойство въ умахъ и тотъ духъ критики, который признаетъ за отдѣльными государственными формами лишь относительныя достоинства.—Политическій бытъ Италіи клонился къ упадку и не существовало государственной формы, съ которой были бы связаны историческія судьбы Италіи и въ которой италіанскіе патріоты могли бы видѣть исходъ изъ той общей безурядицы, которая охватила ихъ отечество: Италіанцы XVI вѣка не имѣютъ политическаго идеала.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ политической жизни находился Бодень. Онъ жилъ въ то время, когда борьба феодализма съ королевскою властію была уже рѣшена въ пользу послѣдней. Французская монархія покоилась на твердыхъ основаніяхъ, она имѣла глубокія корни въ прошедшемъ, съ нею были связаны славныя историческія воспоминанія и ея дальнѣйшій ростъ былъ неотразимымъ требованіемъ всего предшествующаго политическаго развитія; французскіе политики, не зараженные духомъ борющихся партій и неослѣпленные религіознымъ фанатизмомъ, уважали въ монархіи національное учрежденіе, съ которымъ связаны судьбы французскаго народа и видѣли въ усиленіи королевской власти и въ упроченіи монархическихъ учрежденій—единственное

средство положить конецъ междоусобіямъ, раздиравшимъ Францію, и возстановить въ странѣ порядокъ и покой. Цѣль ихъ политическихъ стремленій была имъ, такимъ образомъ, вполне ясна и они имѣли политическій идеалъ, который совпадалъ съ тѣмъ государственнымъ порядкомъ, дальнѣйшій ростъ котораго былъ на время прерванъ междоусобіями и религіозными смутами. Если они въ этомъ отношеніи имѣли важное преимущество надъ италіанскими политиками, то они не могли похвалиться тѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріала для сравнительныхъ наблюденій надъ политическимъ бытомъ различныхъ государствъ, которое изощрило политическое мышленіе Италіанцевъ: они имѣли передъ глазами лишь одну государственную форму и изученіе ея не могло развить въ нихъ способности относиться безпристрастно и объективно къ явленіямъ политической жизни, ибо они считали эту государственную форму наилучшей. Этимъ различіемъ въ политическихъ условіяхъ Италіи и Франціи объясняется и различіе въ воззрѣніяхъ Макиавелли и Бодена.

Макиавелли не столько говоритъ о государственныхъ учрежденіяхъ и законахъ, сколько о государственныхъ переворотахъ и о тѣхъ средствахъ, съ помощію которыхъ вводятся и поддерживаются государственныя учрежденія. Боденъ же обращаетъ по преимуществу вниманіе на государственное устройство, политическаго искусства не касается вовсе, и его ученіе о государственныхъ переворотахъ лишено всякой оригинальности. Макиавелли не знаетъ совершеннаго государственнаго устрой-

ства, годнаго для всѣхъ временъ и народовъ: онъ съ одинаковымъ интересомъ и вниманіемъ изслѣдуетъ тирапію, аристократію, демократію и умѣетъ цѣнить ихъ относительныя достоинства и недостатки. Бодень также разсматриваетъ достоинства и недостатки отдѣльныхъ государственныхъ формъ, но читая эти его разсужденія, чувствуешь, что онъ знакомъ съ государственнымими формами лишь по отзывамъ историковъ и политическихъ писателей. И его окончательный выводъ свидѣтельствуемъ, что онъ говоритъ о нихъ лишь для того, чтобы выполнить программу своего сочиненія, заимствованную у Аристотеля, и чтобы рельефнѣе выставить достоинства наследственной монархіи, которую онъ считаетъ наилучшей государственной формой. Что Бодень не умѣлъ, подобно Макиавелли, относиться безпристрастно къ отдѣльнымъ государственнымъ формамъ и взвѣшивать ихъ достоинства и недостатки видно, между прочимъ, изъ того мѣста его «*Методы*»³⁰), въ которомъ онъ упрекаетъ Макиавелли за то, что онъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій и что онъ хвалитъ то демократію, то аристократію, то тирапію. Бодень, очевидно, не сумѣлъ стать на точку зрѣнія Макиавелли и не понималъ, какъ можно быть приверженцемъ республики и вмѣстѣ съ тѣмъ разсуждать о преимуществахъ другихъ государственныхъ формъ. Благоговѣніемъ Бодена передъ исторически сложившимися формами государственнаго строя Франціи объясняется и его уваженіе къ преданіямъ, его нелюбовь къ переворотамъ и къ радикальнымъ преобразованіямъ. Онъ не врагъ реформъ, но онъ требуетъ, чтобы эти преобразо-

206 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. вація совершались медленно и постепенно, чтобы они не прерывали исторической преемственности, чтобы реформаторы не прибѣгали къ тѣмъ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ, о которыхъ говоритъ Макиавелли ³¹⁾).

Между эпохою Макиавелли и временемъ Бодена лежитъ реформація. Она снова выдвинула на первый планъ вопросы религіи и морали. Вѣра въ любящаго Творца, создавшаго міръ на благо человѣчества, получила новую пищу. Религіозный индифферентизмъ Макиавелли и его матеріалистическое міросозерцаніе потеряли подъ собою почву. Вѣра Бодена въ цѣлесообразность міроваго порядка, въ вѣчныя начала добра и справедливости объясняется во-первыхъ этимъ новымъ вѣяніемъ времени, во-вторыхъ тѣмъ, что авторъ «*Республики*», считая абсолютную монархію наилучшей государственной формой, преклоняясь передъ авторитетомъ исторически сложившагося, ратуя противъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ, нарушающихъ преемственность въ развитіи государственныхъ формъ, не могъ раздѣлять возрѣній Италіанцевъ, видѣвшихъ въ государствѣ и религіи дѣла рукъ человѣческихъ и признававшихъ въ потребностяхъ и интересахъ людей единственное мѣрило достоинствъ и недостатковъ отдѣльныхъ государственныхъ формъ. Боденъ нуждался для обоснованія своего ученія въ карающемъ Богѣ, который служилъ бы прототипомъ абсолютному монарху, онъ нуждался въ благоустроенной вселенной, въ которой бы правилъ Богъ на подобіе тому, какъ монархъ правитъ благоустроеннымъ государствомъ. И ученіе о правдѣ гармонической, Боденъ заимствуетъ

у древнихъ, лишь для того, чтобы дать философскую подкладку своему возрѣнію на монархію, какъ на наилучшую государственную форму: только въ монархіи господствуетъ, по его возрѣнію, правда гармоническая, считающая свободу и равенство, между тѣмъ какъ въ аристократіи существуетъ лишь правда распредѣляющая, въ демократіи же лишь правда уравнивающая. Міросозерцаніе Макиавелли есть плодъ самостоятельныхъ размышленій и наблюденій надъ природой человѣка и политической жизнью, онъ проводитъ его послѣдовательно черезъ все свое ученіе о государствѣ и не останавливается и передъ его крайними послѣдствіями. Бодень же, развивая философскія возрѣнія, является эклектикомъ, заимствующимъ у древнихъ возрѣнія, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ его политическимъ убѣжденіямъ. Онъ поэтому и не умѣлъ быть послѣдовательнымъ и эманципироваться отъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ. Онъ вѣритъ въ астрологию и посвящаетъ цѣлую главу «*Республики*» изслѣдованію вопроса, какъ можно по движенію свѣтилъ предугадывать грядущія событія? Но этого мало: онъ пишетъ цѣлую книгу въ опроверженіе доводовъ ученыхъ, отвергавшихъ колдовство и осуждавшихъ сожиганіе вѣдьмъ.

Макиавелли не обладаетъ эрудиціей Бодена; когда онъ началъ писать свои политическіе трактаты, его возрѣнія уже волицѣ сложились и онъ не считалъ нужнымъ рыться въ книгахъ и богатствомъ цитатъ придавать своимъ выводамъ болѣшую убѣдительность. И такъ какъ его цѣль— не написать систематическихъ изслѣдованій, а лишь по-

дѣлиться съ согражданами своими политическимъ опытомъ, то онъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ лишь о вопросахъ, надъ которыми онъ имѣлъ случай задумываться въ теченіи своей долголѣтней служебной дѣятельности, и которые, въ виду политическаго состоянія Италіи, имѣли для него особенный интересъ. Вотъ почему ученіе Макиавелли и не представляетъ собою систематическаго цѣлаго и онъ не касается многихъ вопросовъ, входящихъ въ программу политики, какъ ее начерталъ Аристотель. Боденъ же поставилъ себѣ цѣлью не только исчерпать эту программу, но, какъ онъ увѣряетъ насъ, и пополнить ее. Но такъ какъ область его наблюденій еще ограниченнѣе кругозора Макиавелли и онъ не имѣлъ передъ глазами того разнообразія государственныхъ формъ, сравнительному изслѣдованію которыхъ Макиавелли обязанъ своими важнѣйшими выводами, то и онъ долженъ былъ обратиться къ изученію историковъ и политическихъ писателей и ссылками на ихъ авторитетъ подкрѣплять свои выводы. Но такъ какъ Боденъ, сопоставляя историческіе факты и мнѣнія ученыхъ, слѣдовалъ далеко не научной методѣ и такъ какъ въ его время не существовало исторической науки, то его цитаты и примѣры представляютъ собою крайне пеструю и беспорядочную смѣсь историческихъ фактовъ съ вымыслами. Боденъ загромоздилъ свою книгу такою массою цитатовъ и примѣровъ, которые онъ заимствуетъ то изъ современной исторіи, то изъ библейскихъ сказаній, то изъ исторіи Римлянъ, Грековъ, Ассиріянъ, Египтянъ и т. д., что его мысль перѣдко теряется въ этой грудѣ

фактовъ, перемѣшанныхъ въ ужасающемъ современнаго читателя безпорядкѣ. Мы не хотимъ этимъ умалять значенія Бодена, но думаемъ, что его значеніе заключается не въ его эрудиціи, не въ его методѣ и не въ ширинѣ его возрѣній, какъ то утверждаетъ Бодрильяръ, ставящій Бодена выше Макиавелли и считающій его основателемъ современной науки о государствѣ. Послѣдующее изложеніе покажетъ, что Макиавелли, а не Боденъ, первый примѣнилъ къ изученію политической жизни сравнительно историческую методу и что его, а не автора «Республики», должно считать отцомъ того направленія въ положительной наукѣ о государствѣ, которое породило труды Монтескье и его послѣдователей.

III.

Возрѣнія Макиавелли, оказавшія вліяніе на дальнѣйшій ходъ политической мысли.

1. МЕТОДА МАКИАВЕЛЛИ.

Мы показали выше, что задача политическихъ трактатовъ Макиавелли — снабдить государственныхъ людей Италіи практическими совѣтами. Но не должно думать, что все богатое и разнообразное содержаніе трактатовъ Макиавелли исчерпывалось бы практическими правилами политическаго искусства и что онъ разсуждалъ бы лишь о вопросахъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ ближайшими задачами италіанской политики. Государственный бытъ Италіи служить флорентинскому секретарю лишь исходной точкой для размышленій, обнимаю-

щихъ всю область политической жизни, доступную его наблюденію. Макиавелли не хочетъ снабдить своихъ согражданъ правилами, непосредственно примѣнимыми къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ, а предлагаетъ совѣты, имѣющіе въ виду обобщенные случаи, у которыхъ отнята ихъ индивидуальная обстановка. Но цѣль Макиавелли не только надѣлать государственныхъ людей такими общими совѣтами, но и снабдить ихъ свѣдѣніями, которыя позволили бы имъ относиться самостоятельно къ встрѣчающимся имъ на практикѣ вопросамъ и разрѣшать ихъ собственнымъ умомъ. Преслѣдуя эту цѣль, онъ пускается въ разсужденія о природѣ и цѣли государствъ, объ общихъ условіяхъ, вліяющихъ на государственную жизнь, о природѣ общественныхъ элементовъ, о достоинствахъ и недостаткахъ государственныхъ формъ, о вліяніи ихъ на нравственный складъ народа и т. д.

Положенія, выставленныя Макиавелли въ его политическихъ трактатахъ, можно раздѣлить, такимъ образомъ, на двѣ группы: къ первой принадлежатъ его теоретическія положенія, къ которымъ онъ сводитъ результаты изслѣдованія соціальныхъ явленій вообще, ко второй правила политики. Эти правила въ свою очередь имѣютъ въ виду или индивидуальныя случаи, или случаи обобщенные. Теоретическія положенія и практическія правила распредѣлены неравномѣрно по сочиненіямъ Макиавелли. Въ однихъ преобладаютъ теоретическія начала и общія правила политики, въ другихъ практическія правила, имѣющія въ виду данный случай изъ политической жизни. Къ первой группѣ принадлежатъ: «*Discorsi sopra*

la prima Deca di Tito Livio»; «*Il Principe*» и «*Dell' Arte della Guerra*», ко второй: «*Discorso sopra il Riformar lo Stato di Firenze, fatto ad istanza di papa Leone X*», «*Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati*», «*Due provvisioni per istituire milizie nazionali nella Repubblica fiorentina*», «*Discorso alla Balìa di Firenze sopra il provvedere danari*»; «*Discorso fatto al Magistrato de' Dieci sopra le cose di Pisa*».

Политическіе трактаты, въ которыхъ Макиавелли представляетъ теоретическія пачала на ряду съ правилами политики, можно въ свою очередь раздѣлить на двѣ группы: къ первой принадлежатъ «*Discorsi*», въ которыхъ Макиавелли изучаетъ всѣ явленія политической жизни, доступныя его наблюденію, ко второй «*Il Principe*» и «*Dell' Arte della Guerra*», въ которыхъ онъ изслѣдуетъ лишь извѣстную категорію социальныхъ явленій.

Задача послѣдующаго изложенія—выяснить тѣ научныя приемы, которымъ слѣдовалъ Макиавелли, изучая явленія государственной жизни и выставляя правила политическаго искусства.

Макиавелли прямо заявляетъ намъ, что не хочетъ идти по стопамъ своихъ предшественниковъ, говорившихъ о воображаемомъ государствѣ; его задача — не конструировать идеальнаго обществѣ, а изучить дѣйствительную жизнь, и на основаніи этого изученія выставить правила, которыя могли бы быть примѣнены къ жизни ³²). И Макиавелли остается вѣренъ этой задачѣ. Онъ не переступаетъ границъ, указываемыхъ опытомъ, и изучаетъ социальные явленія лишь настолько, насколько они до-

ступны наблюдению; онъ не выставляетъ абсолютныхъ правилъ, примѣнимыхъ всегда и вездѣ, а, имѣя въ виду разнообразіе условій и цѣлей общежитія, предлагаетъ лишь правила относительныя, видоизмѣняющіяся сообразно индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ; онъ не пытается раскрыть послѣднихъ причинъ социальныхъ явленій и указать на конечную цѣль общественнаго развитія; онъ не мечтаетъ объ идеальномъ порядкѣ, годнымъ для всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ, а рассматриваетъ лишь историческія формы общежитія, разсуждаетъ объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ и объясняетъ намъ, при какихъ условіяхъ можетъ быть введенъ одинъ государственный строй и при какихъ другой.

Приемы изслѣдованія, которыми онъ пользуется при изученіи политической жизни, обусловливаются его воззрѣніемъ на природу социальныхъ отношеній.

Учрежденія и законы суть, по Макиавелли, результатъ дѣятельности людей, которая обусловливается съ одной стороны потребностями и влеченіями, присущими людямъ, съ другой — условіями окружающей ихъ среды. Вся государственная жизнь сводится къ взаимодействию этихъ двухъ факторовъ — человѣка и окружающей его обстановки. Условія же, опредѣляющія дѣятельность людей, или созданы людьми или даны физической природою. Условія, созданныя людьми, суть условія производныя, физическая же природа и человѣкъ съ его страстями и влеченіями суть факторы первоначальныя.

Человѣкъ, по Макиавелли, свободы воли не имѣетъ: имъ управляютъ страсти и влеченія, его дѣятельность

подчинена тѣмъ же вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, которые управляютъ физической природой³³⁾. «Люди говорятъ Макиавелли, жили и умирали всегда по однимъ и тѣмъ же законамъ³⁴⁾». «Тому, кто изучаетъ событія прошедшаго и настоящаго не трудно замѣтить, что во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ народовъ существовали и существуютъ одни и тѣ же желанія и стремленія³⁵⁾». Если же дѣятельность людей и окружающая ихъ природа подчинены неизмѣннымъ законамъ, то знакомый съ этими законами, можетъ предсказывать грядущія событія. «Чтобы предъугадывать будущее, говоритъ Макиавелли, нужно изучать прошедшее, ибо всѣ событія, совершающіяся въ мірѣ, суть необходимыя послѣдствія предшествующихъ событій. Объясняется это тѣмъ, что событія эти вызваны дѣятельностью людей, имѣвшихъ всегда однѣ и тѣ же страсти, а одинаковая причина можетъ имѣть лишь одинаковыя послѣдствія³⁶⁾». «Изучая прошедшее не трудно предусматривать будущее и прибѣгать къ тѣмъ же самымъ средствамъ, которыми пользовались древніе³⁷⁾». Макиавелли признаетъ, такимъ образомъ, законмѣрность соціальныхъ явленій и учитъ, что не произволъ управляетъ міромъ, а естественные и неизмѣнные законы. Законмѣрность соціальныхъ явленій выражается, по Макиавелли, во-первыхъ, въ томъ, что данное общественное состояніе есть всегда послѣдствіе предшествующаго ему состоянія, во-вторыхъ, въ томъ, что соціальныя явленія въ данную эпоху стоятъ въ тѣсной между собою связи и находятся въ необходимой другъ отъ друга зависимости.

Макиавелли, признавая солидарность социальныхъ явленій, изучаетъ государственныя учрежденія въ связи съ вліяющими на нихъ условіями. Разсуждая о цѣлесообразности того или другаго порядка, онъ прежде всего разсматриваетъ. удовлетворяетъ ли оно потребностямъ народа и соотвѣтствуетъ ли оно условіямъ климата и почвы, вяжется ли оно съ экономическимъ бытомъ народа и его нравственнымъ складомъ. Въ государствѣ, говоритъ Макиавелли, въ которомъ существуетъ гражданское равенство, власть князя недолговѣчна, и наоборотъ въ странѣ, гдѣ много дворянъ, республиканскій строй не можетъ упрочиться. Въ государствѣ, имѣющемъ географическое положеніе Венеціи, могутъ удержаться аристократическія учрежденія, государство же, обнимающее широкую область, не защищенную природою, должно покоиться и на широкихъ основаніяхъ народовластія. Если въ государствѣ, которое сохранило чистоту нравовъ, потворство низкимъ страстямъ толпы, не можетъ нарушить общественнаго порядка, то въ государствѣ, въ которое уже проникла нравственная испорченность, честолюбцы, льстящіе народу и умѣющіе возбуждать его дурныя инстинкты, всегда могутъ разсчитывать на успѣхъ.—Но не только учрежденія, пригодныя въ одной странѣ, не могутъ пустить корней въ государствѣ, въ которомъ господствуютъ иныя условія, но и учрежденія одного и того же государства должны видоизмѣняться по мѣрѣ того, какъ возникаютъ новыя потребности, возрѣнія и обычаи.

Государственныя учрежденія, говоритъ Макиавелли введенныя при возникновеніи республики, когда народъ

быль еще неспорченъ, оказываются непригодными при дальнѣйшемъ развитіи государственной жизни, когда нравственная испорченность уже проникла въ народъ. И если гражданскіе законы измѣняются согласно измѣнившимся условіямъ, то государственныя учрежденія никогда не измѣняются или по крайней мѣрѣ очень рѣдко и вотъ почему законы оказываются бессильными, ибо дѣйствіе ихъ парализируется учрежденіями, не претерпѣвшими соответствующихъ измѣненій»³⁸).

Макиавелли признаетъ, такимъ образомъ, законмѣрность въ послѣдовательномъ развитіи и сосуществованіи социальныхъ явленій. Спрашивается теперь, какіе онъ примѣняетъ приемы изслѣдованія къ раскрытію законовъ, управляющихъ политической жизнью?

Разборъ 55 гл. I кн. *Discorsi*, въ которой Макиавелли знакомитъ насъ съ однимъ изъ такихъ законовъ, всего лучше отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ. Въ этой главѣ мы читаемъ: «Другая причина чистоты нравовъ въ Германіи заключается въ томъ, что республики, въ которыхъ политическая жизнь осталась неспорченною, не терпятъ въ своей средѣ дворянъ и поддерживаютъ полнѣйшее гражданское равенство... И дабы выяснитъ, что такое дворяне, я говорю что дворянами называются тѣ, которые живутъ праздно доходами съ своихъ имѣній, не занимаясь ни обработкой полей, ни какимъ либо другимъ полезнымъ занятіемъ. Эти люди вредны во всякой республикѣ и во всякой странѣ, но наиболѣе вредны тѣ изъ нихъ, которые владѣютъ замками и имѣютъ подданныхъ. Этими двумя классами людей переполнены не-

аполитанское королевство, римская область, Ломбардія, Романья. Этимъ и объясняется, почему въ этихъ странахъ никогда не могла упрочиться республика и вообще какой бы то ни была здоровый государственный порядокъ, ибо дворяне—худшій врагъ всякой гражданственности.... И если кто ишбудъ захотѣлъ бы внести порядокъ въ эти государства, то ему бы ничего другаго не оставалось, какъ учредить въ нихъ королевство. Гдѣ населеніе до такой степени испорчено, что законы не въ силахъ поддерживать въ немъ порядка, тамъ должна быть учреждена королевская власть, которая обузда бы властолюбіе и распущенность дворянъ неограниченностью и абсолютностью своего могущества. Подтверждается это примѣромъ Тосканы, гдѣ на небольшомъ клочкѣ земли существовали три республики: Флоренція, Сіена и Лукка. Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ этой области нѣтъ владѣтелей замковъ и дворянъ или ихъ по крайней мѣрѣ очень мало, и что въ ней господствуетъ полнѣйшее равенство, такъ что мудрый человекъ, знакомый съ прежними учрежденіями, могъ бы ввести въ этой странѣ свободный государственный строй». Макиавелли, сравнивая государственный и общественный строй италіанскихъ государствъ, замѣтилъ, что въ странахъ, гдѣ существуетъ дворянство, республиканскія учрежденія не могли привиться и что свободный государственный строй упрочился лишь въ областяхъ, въ которыхъ существовало гражданское равенство. Но выставляя положеніе, что республиканскій строй не вяжется съ неравенствомъ состояній, Макиавелли не ограничился указаніемъ на под-

мѣченное имъ однообразіе, а старался выяснитъ себѣ ту внутреннюю причину, которой обуславливалось это явленіе. Главныя влеченія, управляющія дѣятельностью людей, по Макиавелли, властолюбіе и корыстолюбіе. Корыстолюбивыя влеченія безусловно вредны во всякомъ общежитіи. Властолюбіе же отдѣльныхъ граждавъ можетъ ужиться съ свободнымъ строемъ лишь въ томъ случаѣ, если эти граждане будутъ стремиться къ власти не для достиженія своекорыстныхъ цѣлей, а въ интересахъ того общежитія которое поручило ему власть во вниманіе къ ихъ заслугамъ. Дворяне же, по Макиавелли, живутъ въ такой обстановкѣ, которая развиваетъ въ нихъ корыстолюбіе и заставляетъ ихъ стремиться къ власти лишь для удовлетворенія низкихъ страстей и личныхъ интересовъ.—И вездѣ, гдѣ Макиавелли раскрываетъ какой нибудь законъ, онъ слѣдуетъ только что указанной нами методѣ: первымъ шагомъ при раскрытіи такого закона ему служитъ наведеніе, но дабы объяснить и провѣрить то однообразіе, которое онъ подмѣтилъ, идя путемъ индукціи, онъ прибѣгаетъ къ выводу, причемъ исходной точкой его дедукціи являются законы челоѳической природы.

Мы знаемъ, что Макиавелли не только изслѣдуетъ природу соціальныхъ явленій, но и выставляетъ въ своихъ сочиненіяхъ правила политическаго искусства. Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи стоятъ эти правила къ тѣмъ законамъ, которые, по Макиавелли, управляютъ общественной жизнью?

Макиавелли сравниваетъ политика съ врачомъ, который пользуется своимъ знакомствомъ съ законами, управляю-

щими физической природой, чтобы вызвать то или другое явление и воспользоваться имъ для своей цѣли. Такъ долженъ поступать и политикъ. Задавшись известной практической цѣлью и зная, какими причинами вызывается интересующее его явление и какія оно влечетъ за собою послѣдствія, онъ долженъ, познакомясь съ индивидуальной обстановкой даннаго случая, примѣнить къ нему такія средства, которыя вызвали бы послѣдствія, соотвѣтствующія его цѣли. — Макиавелли сравниваетъ дѣйствіе судьбы съ рѣкою, выступившей изъ береговъ, и говоритъ, что люди могутъ своею дѣятельностью направить развитіе политической жизни къ желательной цѣли точно также, какъ они плотинами и каналами регулируютъ теченіе рѣки и даютъ ей то и другое направление ³⁹⁾. Это сравненіе какъ нельзя лучше выясняетъ намъ воззрѣніе Макиавелли на задачи и предѣлы политической дѣятельности. Какъ строители плотинъ и каналовъ не въ силахъ остановить бурнаго потока рѣки, а могутъ лишь искусственными средствами предупредить вредныя послѣдствія наводненія, такъ точно и политикъ не господствуетъ надъ законами, управляющими социальными явленіями, а можетъ лишь воспользоваться своимъ знакомствомъ съ этими законами для достиженія той или другой цѣли. И Макиавелли, выставляя правила политическаго искусства, такъ именно и поступаетъ. Изслѣдовавъ напр. ослабляющее вліяніе богатой природы на физическія силы народа, онъ совѣтуетъ правителямъ государствъ, поставленныхъ въ счастливыя географическія условія, военными упражненіями воспитать въ гражда-

нахъ тѣ качества, которыя не привили имъ условія мѣстности ⁴⁰).

Предшествующее изложеніе показало, что Макиавелли въ своихъ сочиненіяхъ не только выставляетъ правила политическаго искусства, но и изслѣдуетъ природу государственной жизни вообще. Невѣрно поэтому мнѣніе ученыхъ, утверждающихъ, будто Макиавелли является въ своихъ сочиненіяхъ лишь практическимъ политикомъ и будто онъ разсматриваетъ политическія средства лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности.—Блунчли считаетъ Макиавелли основателемъ политики, какъ ее понимаютъ нѣмецкіе ученые, и ставитъ ему даже въ особенную заслугу то, что онъ отдѣлялъ политику отъ морали. *Мы же показали, что Макиавелли изучаетъ государственныя учрежденія не съ односторонней точки зрѣнія практическаго политика, а изучаетъ ихъ въ связи со всеми вліяющими на нихъ условіями и что онъ первый изъ писателей новаго времени примѣнилъ къ изученію государственной жизни положительную методу.*

2. ВОЗРЪНІЕ МАКИАВЕЛЛИ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА.

Если мы возьмемъ за исходную точку возрѣнія ученыхъ на происхожденіе и сущность государства, то мы можемъ раздѣлить политическихъ писателей новаго времени на двѣ группы.

По ученію писателей первой группы, государство есть созданіе свободной воли людей. Мотивъ, который опре-

220 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОРИИ ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.

дѣляетъ содержаніе и направленіе этой воли, создающей государство, понимается различными учеными различно. Для однихъ этотъ мотивъ—требованіе разума, для другихъ прирожденное человѣку стремленіе къ мирному обществу или потребность въ немъ, для третьихъ сознание необходимости обезпечить и гарантировать прирожденные человѣку права — свободу и равенство. Подъ напоромъ этого мотива люди соединяются въ государство, но онъ не есть бессознательный мотивъ, воздѣйствующій на людей съ неотразимой силой, а служитъ лишь толчкомъ къ тому свободному творческому акту, который создаетъ государство. Государство есть продуктъ свободнаго соглашенія и формою этого соглашенія является договоръ. Воля отдѣльныхъ лицъ, заключающихъ этотъ договоръ, и есть единственная причина государства и его единственное правомѣрное основаніе. Государство, само по себѣ, назначенія не имѣетъ, оно преслѣдуетъ лишь тѣ цѣли, ради которыхъ люди соединились въ государство. Государство есть искусственное учрежденіе, созданное свободной волею людей, всѣ государственныя учрежденія цѣлесообразны и вся жизнь государства сводится безъ остатка къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Писатели второй группы признаютъ въ государствѣ самобытный порядокъ, возникающій и развивающійся независимо отъ свободной воли людей и преслѣдующій свои самостоятельныя цѣли, не совпадающіе съ цѣлями отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ государство. Для однихъ этотъ самобытный порядокъ — огранизмъ, для другихъ — продуктъ естественныхъ силъ, имѣющихъ

свою самостоятельную природу, далеко неисчерпывающуюся понятіемъ организма.

Отправною точкою органическаго ученія о государствѣ служитъ понятіе объ организмѣ. Какъ въ организмѣ дѣйствуетъ особая сила, которая превращаетъ химическія и механическія процессы въ органическіе и обусловливаетъ собою жизнь организма, такъ точно и государствомъ управляетъ сила, которая производитъ всѣ тѣ явленія въ государственной жизни, которыя кажутся невооруженному глазу дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ. Складывая политическую дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, мы не получимъ того, что называемъ жизнью государства, складывая индивидуальныя воли, мы не получимъ той силы, которая оживотворяетъ государство. Человѣкъ можетъ дѣйствовать лишь по законамъ своей психической природы, но эти законы не суть тѣ, которые управляютъ государствомъ. Очевидно, что политическая дѣятельность отдѣльныхъ гражданъ получаетъ свое содержаніе и направленіе отъ одухотворяющей государства силы, и эта сила, лежащая внѣ человѣка, и создала государство и управляетъ его жизнью ⁴¹). Государство, подобно человѣку, есть фактъ первоначальный, не нуждающійся ни въ оправданіи ни въ объясненіи, и имѣющій свою послѣднюю причину въ воли Высшаго Существа, создавшаго вселенную ⁴²). Отличіе государства отъ человѣка заключается не въ томъ, что оно имѣетъ иную форму и иное содержаніе, а въ томъ, что оно есть организмъ высшаго порядка, и что въ немъ поэтому моменты личности, находящіеся у человѣка въ состояніи

зародыша неясными и неразвитыми, получаютъ самостоятельное бытіе и являются раздѣльными организмами, имѣющими особую форму и особое содержаніе и преслѣдующіе особыя цѣли ⁴³). Эти организмы и суть то, что мы называемъ учрежденіями. Эти учрежденія, будучи необходимыми составными частями организма, не могутъ быть поэтому продуктами сознательной дѣятельности людей, а возникаютъ и растутъ, подобно тому, какъ растутъ и развиваются члены человѣческаго тѣла, т.-е. съ естественной и неотразимой необходимостію и въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, который предначерченъ имъ природою. Государственный строй не есть поэтому порядокъ, выработанный умственной и нравственной дѣятельностію людей, а продуктъ естественнаго процесса, и въ этомъ процессѣ на долю людей выпадаетъ такая же роль, какую химическія и механическія силы играютъ въ организмѣ.

По ученію Франца, ратующаго противъ органическаго ученія, по дѣлу сущности приходящаго къ тѣмъ же результатамъ, государство есть продуктъ естественныхъ силъ: эти силы суть или силы индивидуальныя, коренящіяся въ человѣкѣ, или силы связующія, лежащія внѣ человѣка. Индивидуальныя силы людей, соединяющихся въ государство, претерпѣваютъ метаморфозу, которая производитъ продуктъ, отличный отъ его конститутивныхъ элементовъ. Эта метаморфоза и порождаетъ тѣ связующія силы, безъ которыхъ совокупность людей, составляющихъ государство, была бы стадомъ, а не политическимъ тѣломъ. И заблужденія прежнихъ теорій

заключаются именно въ томъ, что онѣ игнорировали или, по крайней мѣрѣ, не умѣли оцѣнить по достоинству значеніе этой метаморфозы и объясняли происхожденіе государства свободной волей людей. Уже простѣйшее человѣческое общеніе—семейство, обнаруживаетъ всю ошибочность такого взгляда, такъ какъ семья возникаетъ не изъ свободной воли людей, а изъ человѣческой природы. Семейную связь нельзя объяснить взаимными отношеніями между самостоятельными индивидами: семейство не есть сумма, слагающаяся изъ мужа, жены, дѣтей, а продуктъ, который имѣетъ качества, отличныя отъ качествъ его составныхъ частей, и производитъ послѣдствія, которыя члены семьи, взятые въ отдѣльности, произвести бы не могли. Тоже самое должно сказать и про экономическія отношенія. Если люди берутся за извѣстныя занятія по свободному выбору, то занявши разъ извѣстное положеніе, ихъ охватываетъ цѣлая сѣть отношеній, которыя ставятъ одного въ зависимость отъ другаго: производителя отъ потребителя, предпринимателя отъ работника, господина отъ слуги и обратно. Вездѣ мы видимъ, что экономическая дѣятельность связываетъ людей помимо ихъ воли и производитъ слѣдствія, черѣдко діаметрально противоположныя тѣмъ, которые имѣлись въ виду и желались людьми. Эти послѣдствія обуславливаются не индивидуальной дѣятельностію, а природою экономическихъ отношеній. А эти экономическія отношенія и являются одной изъ тѣхъ силъ, которыя связываютъ людей въ государство. Такими силами являются и общинная связь, отношеніе людей

224 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ въ ИСТОРИИ ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
къ землѣ и цѣлый рядъ другихъ факторовъ, объединяющихъ людей въ государство помимо ихъ воли. Когда завершился этотъ процессъ сплоченія, тогда происходитъ новая метаморфоза связующихъ силъ, которая сводится къ тому, что эти силы концентрируются въ единую волю. Тогда люди приходятъ къ сознанию своей принадлежности къ общему политическому союзу, и дальнѣйшее развитіе государственной жизни уже не обуславливается дѣйствіемъ однѣхъ слѣпыхъ силъ, но и дѣятельностію людей, сознательно преслѣдующихъ цѣли общежитія ⁴⁴).

Эти два противоположныхъ возрѣнія на происхождение и сущность государства были вызваны, между прочимъ, и противоположными политическими мотивами. Ученіе писателей, видѣвшихъ въ государствѣ искусственное учрежденіе, созданное людьми и для людей, было протестомъ противъ государственнаго порядка, разрушеннаго французской революціей. Раціоналисты хотѣли противопоставить исторически сложившемуся государству политическій идеалъ, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ разума. Вооружаясь противъ государственнаго порядка, который возмущалъ ихъ и представлялся имъ грубымъ насиліемъ, защищая прирожденную человѣку свободу и независимость отъ какого бы то ни было авторитета, которому бы люди подчинились не въ силу свободнаго рѣшенія, — раціоналисты не могли видѣть въ государствѣ самобытнаго порядка, независимаго отъ свободной воли людей и налагающаго на человѣка обязанности помимо его воли. Ихъ политическое ученіе, исходящее изъ начала индивидуальной свободы, нужда-

лось въ такомъ объясненіи происхожденія государства, которое бы предоставляло этой свободѣ наибольшій просторъ.

Когда же идеалы раціонализма разбились о дѣйствительную жизнь, когда жизнь и теорія помѣрялись силами и когда эта жизнь выяснила всю незрѣлость и односторонность политическихъ требованій, вызванныхъ отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, и обнаружила живучесть исторически сложившихся формъ общежитія, тогда, естественно, должно было возникнуть и новое направленіе въ политической литературѣ. Но это направленіе, вооружаясь противъ односторонностей прежнихъ теорій, впало въ противоположную крайность. Если раціоналистическія теоріи, ратуя противъ существующаго порядка, безусловно отрицали этотъ порядокъ и, выставляя свои требованія, игнорировали исторически сложившійся бытъ, то новое направленіе, проповѣдывавшее уваженіе къ существующему, примирялось съ данными порядками и видѣло въ нихъ необходимый продуктъ историческаго развитія. Если раціоналистическія теоріи, исходя изъ начала свободы, ставили государство въ зависимость отъ свободной воли людей, то направленіе, исходящее изъ начала власти, видѣло въ государствѣ объективный порядокъ, независимый отъ человѣка, и отрицало участіе психическаго труда въ образованіи и развитіи государства и его учреждений.

Указавши на политическіе мотивы, вызвавшіе эти два противоположныхъ возрѣнія на происхожденіе и сущность государства, намъ, знакомымъ съ тѣми условіями,

которыя опредѣлили направленіе политическихъ размышленій Макиавелли, не трудно будетъ понять, почему онъ не могъ впасть въ крайности изложенныхъ нами теорій. Задача политическаго ученія Макиавелли—начертить такое государственное устройство, которое съ одной стороны обезпечило бы политическую свободу, съ другой же упрочила бы авторитетъ государства. Преслѣдуя эту послѣднюю задачу, Макиавелли требуетъ, чтобы государство, созданное людьми, въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи перестало быть союзомъ, зависимымъ отъ свободной воли людей; а эта цѣль достигается тѣмъ, что вводятся учрежденія и создаются условія политической жизни, которыя воспитываютъ въ людяхъ страхъ Божій, любовь къ отечеству, уваженіе къ существующему порядку. Государство, въ которомъ процвѣтаютъ эти добродѣтели, перестаетъ быть союзомъ, держащимся волею людей, а дѣлается порядкомъ, который коренится въ устойчивыхъ чувствахъ и привычкахъ людей. И по ученію антиреволюціонныхъ теорій государство есть объективный порядокъ, но порядокъ изначала существующій и составляющій часть міроваго плана, предназначеннаго Творцомъ. По Макиавелли же этотъ порядокъ цѣлесобразное учрежденіе, продуктъ сознательной дѣятельности людей. Государство при своемъ возникновеніи не было объективнымъ порядкомъ, оно сдѣлалось такимъ лишь при дальнѣйшемъ развитіи политической жизни, которая требовала, чтобы государственныя учрежденія имѣли самостоятельныя основы, независимыя отъ случайныхъ желаній и прихотей гражданъ.

Макиавелли, какъ и рационалисты, видитъ въ государствѣ учрежденіе, созданное людьми. Но исходной точкой рационалистовъ является отвлеченный человѣкъ, мыслимый внѣ всѣхъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя видоизмѣняютъ его природу, вліяютъ на его образъ мыслей и опредѣляютъ направленіе его дѣятельности. Рационалисты, кромѣ того, говоря о происхожденіи государства, ставятъ человѣка въ такое состояніе, о которомъ исторія не даетъ намъ ни малѣйшихъ указаній. Исходной же точкой ученія Макиавелли служитъ человѣкъ, стоящій среди реальнаго міра, человѣкъ облеченный плотью и кровью, человѣкъ съ его страстями и потребностями. По ученію рационалистовъ, государство есть результатъ единичнаго акта свободной воли; эту волю опредѣлило прирожденное человѣку чувство; и люди, дѣйствуя подъ напоромъ этого мотива, создаютъ необходимый и единственно разумный государственный порядокъ. Государство, такимъ образомъ, при самомъ своемъ возникновеніи выступаетъ во всеоружіи всѣхъ тѣхъ учреждений, составляющихъ содержаніе политическаго строя; и этотъ строй долженъ существовать неизмѣнно у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; онъ не растетъ и не развивается, и тотъ мотивъ, который вызвалъ государство, поддерживаетъ общежитіе и въ его дальнѣйшемъ существованіи. По ученію же Макиавелли, чувство само-сохраненія является лишь первымъ толчкомъ къ той творческой дѣятельности, которая создаетъ государство. Эта дѣятельность обусловливается съ одной стороны потребностями людей, съ другой условіями окружающей

228 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ. ихъ среды. Потребность защиты отъ внѣшнихъ враговъ соединила людей въ государство; по мѣрѣ же усложненія общественной жизни и возникновенія новыхъ потребностей, возникаютъ и новыя учрежденія и первоначальное государственное устройство видоизмѣняется; разростается и усовершенствуется. Кромѣ того, такъ какъ потребности и внѣшнія условія не одинаковы у различныхъ народовъ и въ различныя времена, то Макиавелли признаетъ и различныя виды происхожденія государства и не знаетъ того совершеннаго государственнаго устройства, о которомъ мечтали рационалисты.

3. УЧЕНІЕ МАКИАВЕЛЛИ О НРАВСТВЕННОСТИ И УТИЛИТАРИЗМЪ.

Воззрѣніе на происхожденіе и сущность морали слагалось у Макиавелли по мѣрѣ того, какъ онъ изучалъ современную ему политическую жизнь, вникалъ въ условія окружавшихъ его явленій и старался выяснитъ себѣ ихъ причины и послѣдствія. Макиавелли не вноситъ въ свои разсужденія готовой моральной теоріи: его воззрѣнія на нравственность, какъ и вся его философія—плодъ практическихъ наблюденій и самостоятельныхъ размышленій, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній. Разсужденія Макиавелли не втиснуты въ узкія рамки школьной теоріи, не стѣснены искусственными построениями застывшей въ мертвыя формулы доктрины, а прямо вылились изъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнью. И, благодаря именно тому, что Макиавелли не облачаетъ своего воззрѣнія на мораль

въ мундиръ школьной теоріи, присяжные ученые и не признали въ немъ своего собрата и не обратили должнаго вниманія на тѣ мѣста въ его сочиненіяхъ, которыя выясняютъ его воззрѣнія на нравственность. Писатели, изучавшіе творенія флорентинскаго секретаря, имѣютъ въ виду лишь политика, историка, драматурга, поэта; Макіавелли же моралистъ неизвѣстенъ ученому міру. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы хотимъ пополнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ о Макіавелли и познакомить читателя съ воззрѣніемъ автора «*Князя*» на нравственность и на отношеніе политики къ морали. Цѣль этого отдѣла показать, что Макіавелли первый изъ писателей новаго времени развилъ то воззрѣніе на мораль, по которому нравственныя начала не прирождены человѣку, а являются послѣдствіемъ и необходимымъ условіемъ сожителства людей въ государствѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію воззрѣній Макіавелли на нравственность, мы должны разсмотрѣть мнѣнія ученыхъ, утверждающихъ, что авторъ «*Князя*» считалъ нравственныя правила необязательными для политика.

I. Воззрѣнія критиковъ Макіавелли на нравственное достоинство его политическихъ совѣтовъ.

Критиковъ Макіавелли можно раздѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ утверждаютъ, что авторъ «*Князя*» отрицаетъ нравственныя начала вообще, другіе же объясняютъ безнравственность его политическихъ совѣтовъ тѣмъ, что онъ считалъ нравственныя правила неприменимыми

230 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. къ политикѣ. Разсмотримъ же возрѣнія ученыхъ первой группы, къ которой принадлежатъ Жане, Феррари, Кине.

Предлагая государственнымъ людямъ политическіе совѣты, говоритъ Жане, Макиавелли имѣлъ въ виду исключительно точку зрѣнія цѣлесообразности. Какъ бы безнравственны политическія средства ни были, они всегда законны, какъ скоро ведутъ къ предположенной политикомъ цѣли. И религія, и нравственность имѣютъ для Макиавелли значеніе лишь настолько, насколько онѣ служатъ орудіями въ рукахъ политика. Добродѣтелью политикъ не долженъ пренебрегать, если она можетъ содѣйствовать достиженію задуманнаго имъ плана; но онъ долженъ отбросить ее, какъ ненужную ветошь, какъ скоро она становится ему поперекъ дороги ⁴⁵). Мораль Макиавелли есть не что иное, какъ мораль людей толпы.

Совѣсть подсказываетъ имъ, что существуетъ различіе между добромъ и зломъ, страсти же ихъ противятся этому различенію. Какъ же они поступаютъ? Они думаютъ одно, а дѣлаютъ другое; они сознаютъ, что поступаютъ не такъ, какъ имъ подсказываетъ совѣсть, но извиняютъ свой образъ дѣйствій тѣмъ, что и остальные люди поступаютъ не лучше ихъ и что дѣйствовать иначе значило бы сдѣлаться жертвою обмана. Всякое средство дозволено, какъ скоро оно ведетъ къ желанной цѣли; къ этому положенію сводится практическая філософія человѣка толпы. Перенесите эти разсужденія въ область политики и вы получите доктрину Макиавелли ⁴⁶). Напрасно говорятъ, будто Макиавелли предлагаетъ свои безнравственные совѣты лишь новому князю; жестокость

и коварство, по его возрѣнію, такъ же полезны въ наслѣдственной монархіи, какъ и во вновь пріобрѣтенномъ княжествѣ; они приложимы какъ при введеніи новаго княжества, такъ и при нормальномъ теченіи государственной жизни. Оговорки, которыми Макиавелли сопровождаетъ свои безнравственныя правила, суть не что иное, какъ уступки общественному мнѣнію. Если у Макиавелли иногда и прорывается нравственное чувство, то онъ спѣшитъ заглушить эти благородные порывы разсужденіями, которыми доказываетъ необходимость безнравственныхъ мѣръ съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. Макиавелли поступаетъ какъ врачъ, который осуждаетъ отравленіе и который тѣмъ не менѣе указываетъ наилучшія средства отравленія желающимъ воспользоваться ими ⁴⁷⁾. Мораль Макиавелли заключается въ отсутствіи всякой морали ⁴⁸⁾. Основное правило политическаго искусства Макиавелли, несмотря на всѣ оговорки и прикрасы, сводится къ пресловутому правилу: цѣль освящаетъ средства ⁴⁹⁾.

Жане обязанъ этими своими выводами той методъ, которой онъ слѣдовалъ, анализируя ученіе Макиавелли. Онъ очень тщательно собираетъ всѣ тѣ мѣста изъ сочиненій автора «Князя», въ которыхъ говорится о политическихъ преступленіяхъ и предлагаются правила, возмущающія нравственное чувство современнаго чело-вѣка, и на основаніи этихъ отрывочныхъ мѣстъ произносятъ свой жесткій приговоръ. Освѣтивъ яркимъ свѣтомъ одну сторону ученія Макиавелли, онъ оставляетъ въ тѣни все то, что Макиавелли говоритъ о доб-

232 мѣсто, занимаем. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ.
родѣтели, какъ объ основаніи политической жизни; онъ
ни единымъ словомъ не упоминаетъ о разсужденіяхъ
Макиавелли, посвященныхъ тлетворному вліянію тирани
на народную нравственность, и не излагаетъ воззрѣній
Макиавелли на республику, какъ на государственную
форму, всего болѣе содѣйствующую развитію граждан-
скихъ добродѣтелей. Жане старается увѣрить читателя,
что Макиавелли, совѣтуя государственнымъ людямъ при-
бѣгать къ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ, выставляетъ
общія правила, приложимыя вездѣ и всегда. Если бы
Жане задался вопросомъ, какія особенныя условія Ма-
киавелли имѣлъ въ виду, выставляя эти правила, то онъ
долженъ былъ бы убѣдиться, что авторъ «Князя» счи-
талъ жестокія мѣры приложимыми лишь при извѣстныхъ
условіяхъ, не допускающихъ другаго образа дѣйствій,
и что онъ видѣлъ въ необходимости прибѣгать къ та-
кимъ средствамъ несчастіе для народа, но несчастіе
неизбѣжное.

Если источникъ заблужденій Жане заключается въ томъ,
что онъ вырываетъ отрывочныя правила Макиавелли изъ
той общей цѣпи умозаключеній, которыя только и мо-
гутъ выяснитъ настоящій смыслъ этихъ правилъ, то
Феррари этого упрека сдѣлать нельзя: онъ напротивъ
обращаетъ главное вниманіе на основныя воззрѣнія раз-
бираемаго имъ автора. Онъ сводитъ міросозерцаніе Макиа-
велли къ слѣдующимъ положеніямъ:

Пока человекъ дѣйствуетъ подъ напоромъ инстинк-
товъ, имъ руководитъ слѣпая судьба ⁵⁰). Но онъ ода-
ренъ и разсудкомъ; и этотъ разсудокъ надѣляетъ его

ВОЗВРЪН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 233

способностью управлять событіями. Не нарушая міровыхъ законовъ, человѣкъ можетъ или задерживать, или ускорять естественный ходъ вещей, и въ предѣлахъ предоставленной ему сферы дѣятельности подчинять своей волѣ обстоятельства и направлять ихъ согласно своимъ цѣлямъ. Эти цѣли человѣкъ ставитъ себѣ совершенно произвольно; ни міровые законы, ни разумъ не налагаютъ на него какихъ бы то ни было обязанностей. Человѣкъ безгранично свободенъ, какъ въ выборѣ цѣлей, такъ и въ выборѣ средствъ ⁵¹). Всякая цѣль законна, какъ скоро она достижима, всякое средство дозволено, какъ скоро оно цѣлесообразно. Успѣхъ, — въ чемъ бы онъ ни выражался и чему бы онъ ни служилъ, — вотъ единственное мѣрило человѣческихъ поступковъ. Макіавелли одобряетъ всякій поступокъ, какъ скоро имъ достигается предположенная цѣль, и порицаетъ, наоборотъ, всякое неудавшееся начинаніе. Ни религія, ни мораль для него не существуютъ: интересъ, безусловно свободный, — вотъ его божество, холодный разумъ, руководимый эгоизмомъ, — вотъ его добродѣтель ⁵²). И какъ отдѣльные люди не преслѣдуютъ никакихъ опредѣленныхъ неизмѣнныхъ цѣлей, такъ и самъ Макіавелли въ своихъ сочиненіяхъ не поставилъ себѣ никакой опредѣленной задачи. Онъ не даетъ намъ систематическаго ученія, нигдѣ не выступаетъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ и излагаетъ свои правила на удачу. Онъ предлагаетъ совѣты какъ тиранамъ, такъ и республиканцамъ, является передъ нами то совѣтникомъ пророковъ и духовныхъ владыкъ, то опять менторомъ мелкихъ тирановъ и кондотьеры.

Заслуга Феррари заключается въ томъ, что онъ первый вникъ глубже въ ученіе Макиавелли и старался выяснить себѣ философскую подкладку его политическаго ученія. Если онъ тѣмъ не менѣе пришелъ къ ошибочнымъ выводамъ, то объясняется это тѣмъ, что нашъ авторъ смѣшиваетъ міросозерцаніе Макиавелли съ его положительнымъ ученіемъ. Феррари правъ, утверждая, что Макиавелли не вѣритъ въ нравственный порядокъ и не признаетъ самобытности нравственныхъ началъ; но онъ жестоко ошибается, думая, что Макиавелли отрицаетъ нравственность вообще. Феррари вѣрно опредѣляетъ воззрѣніе Макиавелли на природу человѣка, какъ существа, обуреваемого эгоистическими влеченіями; но онъ заблуждается, утверждая, что, по Макиавелли, человѣкъ долженъ всегда и вездѣ руководствоваться личнымъ интересомъ. Макиавелли, совершенно наоборотъ, видитъ въ эгоистическихъ влеченіяхъ главный источникъ зла и налагаетъ на государство обязанность — сдерживать страсти людей и направлять ихъ на благоую цѣль. Феррари имѣетъ въ виду лишь воззрѣніе Макиавелли на міръ и на человѣка, какимъ онъ представляется ему въ естественномъ состояніи, но не обращаетъ вниманія на ученіе Макиавелли, указывающее на тѣ средства, съ помощью которыхъ человѣкъ можетъ выдти изъ естественнаго состоянія и развить въ себѣ качества, которыми его обдѣлила природа.

Если Феррари утверждаетъ, что Макиавелли въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ не преслѣдуетъ никакой опредѣленной цѣли, то Кунце наоборотъ объясняетъ безъ-

нравственность политической доктрины Макиавелли ее практической задачей. Онъ старается оправдать автора «Князя» слѣдующими разсужденіями:

Макиавелли, слѣдившій въ своей молодости за реформаторской дѣятельностью Савонаролы, былъ и свидѣтелемъ его смерти на кострѣ. И этотъ костеръ поглотилъ для Макиавелли не только представителя идеи, но и самую идею. Онъ пересталъ вѣрить въ возможность обновленія Италіи на почвѣ христіанской морали. Онъ отказывается отъ политики ангеловъ и архангеловъ и отъ всего того, что составляло основаніе средневѣковаго общества. Церковь оказалась безсильной спасти Италію; необходимо было теперь спасти отечество паперекоръ ее ученію. Царство духа рушилось, наступило теперь царство грубой силы. Богъ покинулъ человѣка, и человѣкъ въ свою очередь покидаетъ своего Бога. И этотъ человѣкъ, безъ религіи, безъ морали, утратившій вѣру въ Бога и во все то, что было свято его предкамъ, взваливаетъ на свои плечи всю тяжесть мірозданія. Его воодушевляютъ ближайшія цѣли земнаго существованія, и онъ только и опредѣляютъ всѣ его дѣйствія и сужденія. Для него не существуетъ болѣе ни Бога, ни морали, ни добродѣтели, ни порока, онъ знаетъ лишь матеріальныя силы, которыми онъ пользуется для достиженія ближайшихъ цѣлей⁵³). Воплощеніемъ этого поваго человѣка и является Макиавелли. Великая заслуга его заключается въ томъ, что у него достало смѣлости разрушить всѣ тѣ вѣрованія, смыть всѣ тѣ предрасудки, разбить всѣ тѣ идеалы, которыми жило средневѣковое общество. Но нужно

сознаться, что онъ не созидаль, а только разрушалъ и замѣнилъ средневѣковой бытъ господствомъ грубой силы ⁵⁴). И когда всѣ отчаявались спасти Италію, Макиавелли беретъ на себя дѣло обновленія своего отечества⁵⁵). Если его предшественники хотѣли возродить Италію преобразованіями въ области политической и религіозной, то Макиавелли мнитъся съ существующимъ порядкомъ, беретъ людей и обстоятельства такими, какими выработала ихъ дѣйствительность, и видитъ добро въ чрезмѣрности зла. Италія шла на встрѣчу деспотизму. Въмѣсто того, чтобы остановить ее на этомъ пути, онъ видитъ во всеобщемъ рабствѣ—преддверіе свободы. Деспотизмъ долженъ совершить чудо: Италія должна обратиться въ бездыханный трупъ, чтобы воскреснуть къ новой жизни. Эти мысли и надежды руководили Макиавелли, когда онъ писалъ свою книгу о князѣ. Макиавелли дѣлаетъ тирану всевозможныя уступки, онъ падѣляетъ его всѣми орудіями зла, ложью и обманомъ, всѣми полезными преступленіями, приноситъ ему въ жертву и небо и адъ, и требуетъ отъ него лишь силы и неустрашимости ⁵⁶). И, окруживъ князя этими адскими силами, онъ раздражается наконецъ въ послѣдней главѣ этимъ восхитительнымъ воззваніемъ, этой марсельезой XVI вѣка, этимъ трубнымъ гласомъ, зовущимъ князя на поле брани противъ враговъ Италіи. Тутъ, въ этой послѣдней главѣ, Макиавелли сбрасываетъ личину, искажавшую его прекрасный образъ, онъ выступаетъ передъ нами человѣкомъ, который даетъ наконецъ волю накопившейся въ немъ злобѣ и раскрываетъ передъ нами тайну своего сердца, задачу своей жизни,

цѣль своихъ страстныхъ стремленій. Тиранъ долженъ сдѣлаться спасителемъ Италіи, рабство должно породить свободу:

....et à la liberté
Il mène l'esclave épouvanté!

Макиавелли, по возрѣнію Кіиче, является, такимъ образомъ, не спокойнымъ изслѣдователемъ, изучающимъ политическую жизнь народовъ, и на основаніи этого изученія, предлагающаго свои политическіе совѣты, а страстнымъ патріотомъ, жертвующимъ своими убѣжденіями ради той практической задачи, которая его воодушевляетъ; совѣты, предлагаемые въ «*Il Principe*», имѣютъ цѣлью—вооружить князя лишь временными орудіями зла, орудіями, которыя вручаетъ Макиавелли своему князю лишь подъ условіемъ—изгнать иноземцевъ изъ Италіи. Источникъ заблужденій Кіиче заключается въ томъ, что онъ видитъ въ политическомъ трактатѣ Макиавелли не результатъ изслѣдованія политической жизни народовъ, а гражданскій подвигъ страстнаго патріота. Но выставлемыя Макиавелли положенія, какъ показало наше изложеніе его ученія, не уступки той практической задачѣ, которую приписываетъ ему Кіиче, а наоборотъ политическіе совѣты, заключающіеся въ «*Il Principe*», суть необходимыя послѣдствія міросозерцанія Макиавелли и его возрѣній на природу общественныхъ отношеній. При изученіи политической жизни народовъ, Макиавелли руководитъ лишь одна цѣль—раскрыть истину; онъ никогда не паслууетъ своихъ убѣжденій ради достиженія какой бы то ни было цѣли, какъ бы благородна эта цѣль ни была. Любовь къ несчастной Италіи натолкнула его

на путь политическихъ размышленій; но то была любовь не страстнаго патріота, а закаленнаго долготѣтнимъ опытомъ государственнаго мужа и мыслителя. Макиавелли не проповѣдывалъ только, а изслѣдовалъ и училъ.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію воззрѣній тѣхъ ученыхъ, которые объясняютъ безнравственность политическихъ совѣтовъ Макиавелли тѣмъ, что авторъ «*Principe*» считалъ будто бы нравственныя правила неприложимыми въ политикѣ.

Эту мысль впервые высказалъ Маттеръ. Его воззрѣніе на нравственное достоинство политическихъ совѣтовъ Макиавелли можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

Политика, по воззрѣнію Макиавелли, самостоятельная наука, не нуждающаяся въ какой бы то ни было высшей санкціи и черпающая свои правила изъ самой себя ⁵⁷⁾. Макиавелли не отрицаетъ морали, онъ умѣетъ цѣнить проповѣдуемая ею начала и знаетъ, что почетъ и слава ожидаютъ тѣхъ, которые въ своей дѣятельности руководятся правилами морали. Макиавелли признаетъ мораль, но считаетъ ее неприложимой въ той области, которую изслѣдуетъ. Онъ умѣетъ отличать добродѣтель отъ внѣшняго могущества; но тамъ, гдѣ ему приходится выбирать между этими двумя факторами, онъ даетъ предпочтеніе внѣшнему могуществу ⁵⁸⁾. Мораль и политика, по его воззрѣнію, двѣ различныя области: и политика должна стать независимой отъ морали и покоиться на самостоятельныхъ началахъ.

Ту же самую мысль высказываетъ Франкъ, принадлежащій къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые

безпристрастно и добросовѣстно изучили политическія сочиненія Макиавелли. Онъ приходитъ въ своей критической оцѣнкѣ политической доктрины автора «*Князя*» къ слѣдующимъ выводамъ:

Интересъ, по воззрѣнію Макиавелли, является единственнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ. Изученіе интереса государства въ связи съ внѣшними условіями политической жизни и составляетъ предметъ политики, науки, соблюденіе правилъ которой ведетъ къ успѣху и могуществу, пренебреженіе—къ слабости и разрушенію. Политика, такимъ образомъ, независима отъ законовъ морали, ей нечего обращать вниманіе на абсолютныя начала нравственности и справедливости, она должна имѣть ихъ въ виду лишь настолько, насколько онѣ служатъ интересу государства. Политика изучаетъ дѣйствительныя отношенія и дѣйствительныхъ людей, мораль же—идеальныя отношенія и идеальныхъ людей; политика изучаетъ то, что есть, мораль то, что должно быть ⁵⁹). Источникъ заблужденія Макиавелли заключается въ томъ, что онъ въ области политики не признаетъ за человѣкомъ ни абсолютныхъ правъ, ни абсолютныхъ обязанностей, что онъ подчиняетъ мораль политикѣ и священныя права человѣчества государственному интересу ⁶⁰).

Разсужденія Маттера и Франка повторяетъ и Блунчли въ своей критической статьѣ о Макиавелли ⁶¹).

По воззрѣнію Маттера, Франка и Блунчли, Макиавелли вѣритъ въ абсолютныя начала морали, вѣритъ, что нравственныя понятія прирождены человѣку, но считаетъ политику областью, въ которой эти абсолютныя начала

неприложимы. Но мы знаемъ, что міросозерцаніе Макиавелли исключаетъ вѣру въ какія бы то ни было абсолютныя начала ⁶²⁾; онъ не могъ поэтому отдѣлять политики отъ морали, которая для него не существовала.

Причина, почему разсмотрѣнные нами писатели приходятъ къ совершенно ошибочнымъ выводамъ, заключается не только въ томъ, что они не выясняютъ себѣ ученія Макиавелли въ цѣломъ и не обращаютъ должнаго вниманія на философскую подкладку его политической доктрины, но и въ томъ, что они прилагаютъ къ учению автора «Князя» совершенно неприложимый къ нему масштабъ: *они все выходятъ изъ того убѣжденія, что существуютъ абсолютныя начала морали и справедливости; не находя въ сочиненіяхъ Макиавелли и слѣдовъ такого воззрѣнія на мораль, они приходятъ къ выводу, что Макиавелли или отрицалъ мораль вообще или считалъ ее неприложимой въ политикѣ.* Но они забываютъ, что существуетъ философская доктрина, которая не раздѣляетъ ихъ взгляда на самобытность моральныхъ началъ и которая тѣмъ не менѣе признаетъ мораль и видитъ въ ней главное основаніе общежитія. Макиавелли исповѣдуетъ именно эту доктрину: онъ не вѣритъ въ прирожденность человѣку нравственныхъ понятій, а видитъ въ этихъ понятіяхъ послѣдствіе и необходимое условіе сожителства людей въ государствѣ.

Познакомить читателя съ этимъ воззрѣніемъ Макиавелли на нравственность—задача послѣдующаго изложенія.

II. Ученіе Макиавелли о нравственности.

Главная причина золь, преслѣдующихъ современное человѣчество, заключается, по Макиавелли, въ томъ, что человѣческимъ страстямъ данъ слишкомъ широкой просторъ, что вездѣ господствуетъ личный произволь, ничѣмъ не сдержанный эгоизмъ. Единственный исходъ изъ этого плачевнаго состоянія Макиавелли видитъ въ такомъ государственномъ порядкѣ, который наложилъ бы узду на человѣка. И этой цѣли должна служить нравственность, которая перевоспитываетъ человѣка и научаетъ его уважать въ общемъ благѣ высшее мѣрило своихъ поступковъ.

Общее благо, по возрѣнію Макиавелли, не есть совокупность частныхъ пользъ: онъ очень хорошо понимаетъ, что, складывая частные интересы, интереса общаго не получишь. Макиавелли, не считающій этотъ міръ лучшимъ изъ міровъ, и не вѣритъ въ возможность такого государственнаго порядка, который примирилъ бы противорѣчащія другъ другу интересы людей и согласовалъ бы общую пользу съ пользою отдѣльныхъ лицъ. Подъ общимъ благомъ Макиавелли и не понимаетъ блага государства, какъ такового, ибо государство, по его возрѣнію, никакого самостоятельнаго бытія не имѣетъ, и есть учрежденіе, созданное людьми и для людей. Общее благо, по Макиавелли, есть не что иное, какъ совокупность интересовъ, общихъ большинству гражданъ. И вездѣ, гдѣ частный интересъ противорѣчитъ интересу

общему, первый долженъ уступить мѣсто второму, но не потому, что общій интересъ есть интересъ непремѣнный и необходимый, какъ утверждаютъ идеологи, а по той простой причинѣ, что тамъ, гдѣ приходится выбирать между двумя благами, должно давать предпочтеніе бѣльшему, точно такъ же, какъ изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее ⁶³).

Нравственные правила и нравственные качества, которыя дѣлаютъ людей способными подчиняться этимъ правиламъ, развиваются, по Макиавелли, лишь въ государствѣ.

Пружинами человѣческой дѣятельности служатъ его эгоистическія влеченія, возбуждаемыя внѣшними впечатлѣніями. Человѣкъ, предоставленный самому себѣ, неспособенъ спокойно и хладнокровно взвѣшивать послѣдствія своихъ поступковъ и давать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые всего болѣе согласны съ личнымъ интересомъ. Не холодный разумъ руководитъ человѣкомъ, а его слѣпыя страсти. Не начало пользы опредѣляетъ сужденія и поступки человѣка, а его эгоистическія влеченія, затуманивающія его разумъ и лишаящія его способности отличать полезное отъ вреднаго ⁶⁴).

Лишь суровая необходимость можетъ заставить человѣка обуздать свои страсти и прислушиваться къ голосу разсудка.

Такая необходимость наступаетъ для людей тогда, когда они, соединившись въ государство, приходятъ къ сознанію, что мирное общежитіе невозможно, пока каждый изъ нихъ даетъ полную волю страстямъ и пре-

ВОЗРЪН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 243

слѣдуетъ лишь свои личные интересы. Потребность въ мирномъ общежитіи настолько сильна, что она преодо-
лѣваетъ необузданную игру страстей и заставляетъ лю-
дей наложить узды на свои влеченія. Этими уздами
являются законы, учрежденія, условія мѣстности, эконо-
мическая обстановка. Такимъ образомъ неотразимая
необходимость подчинять личные желанія и страсти
вышнимъ требованіямъ общежитія порождаетъ цѣлый
рядъ условій, заставляющихъ гражданъ сообразовать
свои поступки съ предписаніями общаго блага ⁶⁵). Но
дабы человѣкъ преклонялся передъ авторитетомъ прав-
ственного закона, необходимо, чтобы этотъ законъ не
былъ бы въ его глазахъ предписаніемъ свѣтскаго зако-
нодателя, а стоялъ бы подъ покровительствомъ божества.
Вотъ почему Макіавелли и придаетъ такое высокое зна-
ченіе религіи, освящающей правственный законъ и за-
ставляющей людей признавать въ немъ повелѣніе, не-
зависимое отъ людскаго произвола. «Изучая римскую
исторію», говоритъ Макіавелли, «нельзя не замѣтить,
что религія содѣйствовала поддержанію дисциплины въ
войскѣ, единенію въ народѣ, развитію добродѣтели,
возбужденію стыда въ злыхъ. И какъ богочитаніе
есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ величія государствъ,
такъ пренебреженіе имъ—причина ихъ упадка.... И гдѣ
нѣтъ страха Божія, тамъ государство должно или ру-
шиться, или быть поддерживаемо властью князя, который
замѣняетъ страхъ Божій страхомъ наказанія» ⁶⁶). «Кня-
жества и республики, которыя дорожатъ чистотою нра-
вовъ, должны соблюдать религіозные обряды и поддер-

244 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій.

живать уваженіе къ нимъ. Ибо нѣтъ болѣе вѣрнаго признака упадка страны, какъ пренебреженіе религіи. Правители республикъ и королевствъ должны поэтому поддерживать основы религіи; и если эти основы будутъ твердыми, то въ ихъ государствахъ будетъ господствовать религіозность, а слѣдовательно и единеніе, и добродѣтель» ⁶⁷).

Нравственно поступаетъ, по Макиавелли, не тотъ, кто дѣйствуетъ по началу пользы, а тотъ, кто подчиняется нравственнымъ правиламъ, какъ таковымъ. Эти правила должны обуздывать и дисциплинировать своекорыстныя влеченія и быть тѣмъ божествомъ, передъ которымъ бы люди безропотно преклонялись. Въ Римѣ общее благо было для гражданъ такимъ именно божествомъ, и вотъ почему Макиавелли ставитъ ихъ въ примѣръ одряхлѣвшему человѣчеству новаго времени: онъ видитъ источникъ величія Рима не въ военномъ могуществѣ и не въ совершенствѣ государственнаго устройства, а въ добродѣтеляхъ Римлянъ. Изъ народовъ новаго времени Макиавелли можетъ указать лишь на жителей свободныхъ нѣмецкихъ городовъ, нравы которыхъ еще не заражены той испорченностью, которая является главной причиною политическаго безсилія современныхъ ему государствъ. И признакъ неиспорченности нѣмцевъ Макиавелли видитъ въ томъ, что они служатъ государству не по принужденію, а въ сознаніи своихъ обязанностей ⁶⁸).

Нравственность, по возрѣнію Макиавелли, есть такимъ образомъ совокупность правилъ, вытекающихъ изъ начала общаго блага и воплотившихся во всемъ строп

государственной жизни, правиль, сложившихся исторически независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ. Правственность подобно праву, государству, религии, есть явленіе историческое, обуславливающееся потребностями общежитія; она вызвана недостатками человеческой природы и имѣетъ цѣлью сгладить эти недостатки и вооружить человека качествами, которыя необходимы для совместной жизни въ государство и которыми природа обдѣлила человека.

III. Разборъ мѣстъ изъ сочиненій Макиавелли, обратившихъ на себя особенное вниманіе критиковъ.

Но если Макиавелли не отрицаетъ нравственныхъ началъ, а напротивъ видитъ въ гражданскихъ добродѣтеляхъ главное основаніе общежитія, то какъ объяснить тѣ мѣста въ его сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ, рассуждая о жестокихъ и коварныхъ политическихъ средствахъ, не осуждаетъ этихъ средствъ?

Разборъ мѣстъ изъ сочиненій Макиавелли, обратившихъ на себя особенное вниманіе его критиковъ, отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ.

Начнемъ нашъ разборъ съ 27 гл. кн. «*Discorsi*». Въ этой главѣ Макиавелли рассказываетъ намъ, какъ папа Юлій II, предпринявшій походъ противъ мелкихъ тирановъ Романьи, вступилъ лишь съ небольшимъ количествомъ тѣлохранителей въ Перуджію, принадлежавшую одному изъ этихъ мелкихъ тирановъ — Джіовано Паоло Болъони. Паоло, стоявшій во главѣ значительнаго войска,

246 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. не осмѣлился положить рукъ на папу; своего врага, хотя Юлія, вступившій въ Перуджію безъ войска, находился совершенно въ его власти. Разказавъ этотъ случай, Макиавелли замѣчаетъ: «Джіовано Паоло, который считалъ ни во что быть кровосмѣшителемъ, явнымъ убійцею своихъ ближайшихъ родственниковъ, недостало такимъ образомъ умѣнья или, лучше сказать, смѣлости совершить поступокъ, который возбудилъ бы удивленіе своею храбростью и который увѣковѣчилъ бы его память». Эти слова возбудили негодованіе ученыхъ критиковъ, которые вывели изъ нихъ заключеніе, будто Макиавелли упрекаетъ Бьонни за то, что онъ не убилъ папу Юлія II, когда ему представлялся къ тому удобный случай. Это негодованіе здѣсь совершенно неумѣстно. Слова Макиавелли можно понять лишь въ общей цѣли тѣхъ умозаключеній, которыя тянутся черезъ 26 и 27 гл. I кн. «*Discorsi*». Первую изъ этихъ главъ Макиавелли заключаетъ словами: «Но люди избираютъ извѣстные средніе пути, которые наиболѣе опасны, ибо люди не умѣютъ быть ни совершенно добрыми, ни совершенно злыми». И вотъ, въ подтвержденіе этого своего воззрѣнія на человѣческую природу, Макиавелли приводитъ примѣръ Бьонни, который не умѣлъ быть послѣдовательнымъ въ твореніи зла. Макиавелли рисуется личность Бьонни въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и говоритъ, что его не могли удержать отъ убійства ни благородство души, ни голосъ совѣсти, ибо въ человѣкѣ, находившемся въ преступной связи съ своей сестрой, убившемъ своихъ двоюродныхъ братьевъ и племянниковъ, дабы захватить власть,—не могло

зашевельнуться чувство сожалѣнія: очевидно, что единственной причиною его образа дѣйствій была трусость, неумѣнье прямо и неуклонно идти по разъ избранному пути. Макиавелли такимъ образомъ не упрекаетъ здѣсь Бьончино за то, что онъ не совершилъ политическаго преступленія, которое могло имѣть для него полезныя послѣдствія: поступокъ Бьончино, разсматриваемый съ точки зрѣнія политической, въ данномъ случаѣ вовсе не интересуется Макиавелли; онъ рассказываетъ намъ поведеніе Бьончино въ подтвержденіе своего взгляда на природу человѣка, неумѣющаго быть послѣдовательнымъ ни въ твореніи зла, ни въ твореніи добра. Разсуждая о поведеніи Паоло, Макиавелли выступаетъ не моралистомъ и не политикомъ, а безпристрастнымъ наблюдателемъ, подмѣтившимъ интересный психологическій фактъ. И если бы въ подтвержденіе этого факта ему подвернулся другой примѣръ, въ которомъ вмѣсто трусливаго злодѣя фигурировалъ бы благонамѣренный трусъ, онъ сталъ бы такъ же рѣзко упрекать его за неумѣнье быть послѣдовательнымъ въ твореніи добра, какъ онъ упрекаетъ Бьончино за неумѣнье быть послѣдовательнымъ въ твореніи зла.

Что Макиавелли можетъ одобрять извѣстныя жестокия и коварныя средства въ политикѣ, которыя служатъ цѣлямъ, противорѣчащимъ его политическимъ убѣжденіямъ и которыя онъ не оправдываетъ съ точки зрѣнія нравственной, видно между прочимъ изъ 40 главы I кн. и 9 гл. III кн. «*Discorsi*».

Первую изъ этихъ главъ Макиавелли начинаетъ съ

замѣчанія, что исторія децемвирата раскрываетъ, съ одной стороны, цѣлый рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ народомъ и сенатомъ и послужившихъ во вредъ свободѣ, съ другой стороны — ошибокъ, сдѣланныхъ Аппіемъ Клавдіемъ и помѣшавшихъ ему захватить власть въ свои руки и сдѣлаться тираномъ Рима. «Сенатъ и народъ», продолжаетъ Макиавелли, «сдѣлали величайшія ошибки при учрежденіи децемвирата. Хотя мы и сказали выше, разсуждая о диктаторской власти, что лишь тѣ пачальственныя лица опасны, которыя самовольно захватываютъ власть, а не тѣ, которыя назначаются народомъ, тѣмъ не менѣе народъ, при назначеніи должностныхъ лицъ, долженъ обставлять ихъ такими условіями, которыя не позволяли бы имъ злоупотреблять властью. Римляне же вмѣсто того, чтобы назначить надъ децемвирами стражу, которая сдерживала бы ихъ въ предѣлахъ законности, устранили эту стражу и сдѣлали децемвировъ единственными носителями правительственной власти». Обращаясь потомъ къ разсмотрѣнію поведѣнія Аппія Клавдія, Макиавелли говоритъ слѣдующее: «Всякій, желающій сдѣлаться тираномъ города, долженъ стараться пріобрѣсти расположеніе народа, и, заручившись этимъ расположеніемъ, уничтожить дворянъ. Лишь устранивши дворянъ, тиранъ можетъ обнаружить свои настоящія намѣренія и приступить къ поработенію народа. Этотъ путь избрали всѣ тѣ, которые основали тиранію въ республикахъ; и если бы Аппій избралъ его, то его тиранія имѣла бы болѣе жизненной силы и была бы долговѣчнѣе. Хорошо придумана была та хитрость,

къ которой прибѣгъ Аппій, дабы, выдавая себя за друга народа, завлечь его въ свои сѣти; хорошо придуманы и тѣ мѣры, съ помощью которыхъ Аппій добился вторичнаго выбора децемвировъ, хорошо придумана и та смѣлость, съ которой онъ, наперекоръ дворянамъ, выбралъ себя самого децемвиромъ и назначилъ себѣ товарищей—единомышленниковъ. Но было неблагоприятно — сразу перемѣнить свое обращеніе съ народомъ и изъ друга народа обратиться въ его притѣснителя». Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Макиавелли такъ же безпристрастно разсматриваетъ поведеніе народа, какъ и образъ дѣйствія тирана, и, на ряду съ совѣтами, обращенными къ народу, выставляетъ правила, которыми долженъ руководствоваться тиранъ. Макиавелли не выступаетъ здѣсь ни руководителемъ народа, ни совѣтникомъ тирана: онъ не предлагаетъ здѣсь практическихъ совѣтовъ; цѣль его разсужденій—анализировать одно изъ явленій политической жизни Рима, указать на тѣ обстоятельства, которыя благопріятствуютъ возникновенію тираніи въ республикѣ, на тѣ причины, которыя вызываютъ борьбу дворянъ съ народомъ и на тѣ условія, которыя вліяютъ на исходъ этой борьбы.

Такимъ безпристрастнымъ изслѣдователемъ Макиавелли является и въ своей знаменитой главѣ о заговорахъ, въ которой онъ не только разсматриваетъ образъ дѣйствія заговорщиковъ, но и тѣхъ, противъ которыхъ эти заговоры были направлены.

Обращаемся теперь къ той главѣ «*De Principe*», которую должно считать главной виновницей тѣхъ напа-

250 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. докъ, которыя вотъ уже триста лѣтъ сыплются на Макиавелли. Можно, не боясь преувеличенія, утверждать, что, не паниши Макиавелли этой главы о Цезарѣ Борджіа, его имя не сдѣлалось бы для людей толпы синонимомъ политическаго коварства. Эта глава имѣла рѣшающее вліяніе на участь политическаго ученія Макиавелли; и ее можно въ этомъ отношеніи сравнить лишь съ 6 главой II книги «*Esprit des lois*». Какъ имя Монтеस्कье не приобрѣло бы такой популярности, если бы онъ не написалъ этой коротенькой главы своего многотомнаго сочиненія, такъ точно и имя Макиавелли не сдѣлалось бы столь извѣстнымъ, если бы въ его «*Князь*» не было VII главы. И какъ большинство панегиристовъ Монтеस्कье знакомы съ его сочиненіями лишь по главѣ объ англійской конституціи, такъ хулители и порицатели Макиавелли, не берущіе на себя труда ознакомиться съ сочиненіями флорентинскаго секретаря, видятъ въ авторѣ «*Князя*» лишь защитника политическихъ преступленій Цезаря Борджіа.

Макиавелли разсматриваетъ въ VII главѣ «*Il Principe*» тѣ политическія средства, къ которымъ долженъ прибѣгнуть новый князь, обязанный властью чужому оружію и счастливому стеченію обстоятельствъ. «Такой князь», говоритъ Макиавелли, «опирается на счастье и оружіе того, кому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, и не можетъ, и не умѣетъ упрочить своего положенія; не умѣетъ, ибо нельзя предположить, чтобы человѣкъ, привыкшій къ жизни честнаго лица, если онъ только не одаренъ необыкновенной доблестью, — умѣлъ бы упра-

влять; не можетъ, ибо не имѣетъ въ своемъ распоряженіи вѣрнаго и преданнаго войска. Кромѣ того новое государство, какъ и все быстро возникающее и растущее, не пустило еще глубокихъ корней и не имѣетъ подъ собою достаточно твердой почвы.... Такія новыя государства могутъ удержаться лишь въ томъ случаѣ, если князь ухватится желѣзными руками за счастье, случайно выпавшее ему на долю, воспользуется имъ для упроченія своего господства и, овладѣвши властью, быстрыми и рѣшительными мѣрами создастъ тѣ основы могущества, которыя другіе князья находятъ уже готовыми. Такъ именно поступилъ Цезарь Борджіа. И если ближе разсмотрѣть принятыя имъ мѣры, то нельзя не придти къ заключенію, что онъ положилъ важное основаніе своей власти, изслѣдовать которую я не считаю лишнимъ, ибо сомнѣваюсь, чтобы можно было выставить новому князю лучшій образецъ для подражанія». Послѣ этихъ вступительныхъ словъ, Макиавелли рассказываетъ намъ, къ какимъ средствамъ прибѣгъ Цезарь для упроченія своей власти въ Романѣхъ. Мы изложили въ другомъ мѣстѣ ⁶⁹⁾ эти мѣры, которыя сводятся къ тому, что Цезарь Борджіа организовалъ собственное войско, сталъ независимымъ отъ своихъ ненадежныхъ союзниковъ, устранилъ хитростью и обманомъ своихъ враговъ Орсини и Вителли и жестокими мѣрами ввелъ порядокъ въ своемъ новомъ княжествѣ. Макиавелли заключаетъ свой рассказъ слѣдующими словами: «Сопоставляя всѣ эти дѣйствія герцога, я не могу ему сдѣлать упрека; я напротивъ думаю, что его можно

252 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. поставить въ примѣръ всѣмъ тѣмъ, которые достигли власти и помощью чужаго оружія, и благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, ибо, одаренный крѣпкой волею и задавшись широкими планами, онъ не могъ править иначе. Кто считаетъ поэтому необходимымъ обезпечить себя въ своемъ новомъ княжествѣ со стороны враговъ, нанебовать себѣ друзей, *завоевать себѣ положеніе насиліемъ или обманомъ*, приобрести любовь народа и возбудить къ себѣ страхъ, заслужить вѣрность и преданность солдатъ, уничтожить тѣхъ, которые могутъ или вынуждены оскорблять его, который хочетъ замѣнить старыя порядки новыми учрежденіями, быть строгимъ и снисходительнымъ, великодушнымъ и щедрымъ, уничтожить измѣнническое войско и создать новое, заручиться дружбой королей и князей, такъ чтобы они охотно оказывали ему добро и лишь съ трепетомъ въ сердцѣ рѣшались оскорблять его, для того поступки Цезаря—лучшій образецъ для подражанія». Изъ приведенныхъ выше вступительныхъ словъ Макиавелли и изъ этого заключенія вытекаетъ, что авторъ «*Князя*» не выставляетъ герцога образцомъ для подражанія всѣмъ князьямъ вообще, а лишь тѣмъ тиранамъ, которые обязаны своимъ возвышеніемъ не собственнымъ заслугамъ и не заняли княжескаго престола по наслѣдству, а захватили власть случайно и притомъ съ помощью чужаго оружія. Такія исключительныя обстоятельства требуютъ, по мнѣнію Макиавелли, и исключительныхъ мѣръ; и заслуга Цезаря заключается именно въ томъ, что онъ не убоился этихъ мѣръ и смѣлыми и мѣткими ударами съумѣлъ

невыгодное положеніе обратить въ свою пользу. Но дабы сдѣлаться достойнымъ послѣдователемъ Цезаря Борджіа, недостаточно, по Макиавелли, быть въ исключительно-неблагопріятныхъ условіяхъ; необходимо кромѣ того принадлежать къ категоріи тѣхъ кондотъери, которые безъ зазрѣнія совѣсти, насиліемъ и обманомъ прокладываютъ себѣ путь къ власти и не останавливаются ни предъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли. Въ приведенномъ мѣстѣ Макиавелли прямо говоритъ, что совѣтуетъ слѣдовать примѣру герцога лишь тѣмъ, которые хотятъ завладѣть властью насиліемъ и обманомъ. Только для такихъ тирановъ Цезарь Борджіа герой достойный подражанія; Макиавелли не сочувствуетъ цѣли политическихъ стремленій Цезаря, а хвалитъ лишь ту желѣзную послѣдовательность, съ которой герцогъ преслѣдовалъ свой планъ. И эта послѣдовательность, хотя и утраченная на недостойное дѣло, возбуждаетъ удивленіе Макиавелли тѣмъ болѣе, что онъ не находитъ ея у своихъ современниковъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ немѣнны смѣло и прямо идти по разъ избранному пути. И какъ онъ упрекаетъ Джіовано Паоло Больони за его трусость, такъ онъ хвалитъ Цезаря Борджіа за его смѣлость и энергію. И тамъ, и здѣсь онъ воздерживается отъ оцѣнки ихъ политическихъ плановъ, а является лишь судьею ихъ способности—достигать разъ задуманной цѣли. Если же мы желаемъ познакомиться съ сужденіемъ Макиавелли о дѣятельности Цезаря Борджіа съ точки зрѣнія политической, то мы должны обратиться къ его «*Discorsi*», въ которыхъ онъ клеймитъ позоромъ ти-

рановъ и узурпаторовъ, насиліемъ и обманомъ захватывающихъ власть въ свои недостойныя руки.⁷⁰). Что Макиавелли и съ нравственной точки зрѣнія не одобряетъ образа дѣйствій Цезаря, какъ нельзя яснѣе вытекаетъ изъ 26 гл. I кн. «*Discorsi*». Въ этой главѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Всякій, кто дѣлается тираномъ города или государства, въ особенности когда основанія общежитія непрочны и когда онъ не хочетъ основать ни королевства, ни республики, не можетъ для упроченія тираниі избрать лучшаго средства, какъ, будучи самъ новымъ княземъ, все передѣлать съизнова, какъ то: ввести въ городахъ новое управленіе съ новыми названіями, съ новыми полномочіями, съ новыми людьми, сдѣлать бѣдныхъ богатыми по примѣру царя Давида, *qui esurientes implevit bonis et divites—dimis et inanes*; потомъ воздвигать новые города, разрушать старыя, переводить жителей съ одного мѣста на другое и вообще ничего не оставлять нетронутымъ въ странѣ, дабы не было въ ней ни чина, ни должности, ни положенія, ни богатства, владѣтели и носители которыхъ не были бы обязаны всѣмъ новому князю. *Такія средства очень жестоки и возмущаютъ не только всякое христіанское, но и всякое человѣческое чувство, и всякій долженъ стараться избѣгать ихъ и лучше остаться частнымъ человекомъ, чѣмъ сдѣлаться королемъ на погибель столькихъ людей; тѣмъ не менѣе тотъ, кто не хочетъ избрать этого пути добра, долженъ, если только хочетъ удержаться, прибѣгнуть къ этому злу*».

Нашъ разборъ VII главы «Князя» показалъ такимъ

образомъ, какъ неосновательно мнѣніе ученыхъ, утверждающихъ, будто Цезарь Борджіа былъ излюбленнымъ героемъ Макиавелли. Авторъ «Князя» нигдѣ не разсуждаетъ о политической дѣятельности Цезаря Борджіа въ ея совокупности, нигдѣ не выражаетъ симпатіи его политическимъ начинаніямъ, а освѣщаетъ лишь одну сторону этой личности, обнаружившую черты, которыя не могли не вызвать удивленія Макиавелли, возмущавшагося дряблостью своего вѣка.

Въ разсмотрѣнныхъ нами мѣстахъ Макиавелли или воздерживается отъ всякой оцѣнки разбираемыхъ имъ политическихъ средствъ, или прямо высказываетъ свое отвращеніе къ нимъ.

Но авторъ «Князя» выступаетъ въ своихъ политическихъ трактатахъ не только наблюдателемъ и изслѣдователемъ, но и политикомъ, предлагающимъ государственнымъ людямъ практическіе совѣты. И между этими совѣтами встрѣчаются такіе, предлагая которые, Макиавелли является приверженцемъ правила: цѣль освѣщаетъ средства.

Сопоставляя мѣста, въ которыхъ Макиавелли одобряетъ жестокія и суровыя политическія средства въ виду той полезной цѣли, которой они служатъ, мы приходимъ къ заключенію, что онъ считалъ необходимымъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ или въ тираніи ⁷¹⁾, или при основаніи и переустройствѣ государства ⁷²⁾, или для подавленія мятежей и возстаній, или наконецъ на войнѣ. Такимъ образомъ, только тамъ, гдѣ не существуетъ законнаго порядка, т.-е., гдѣ цѣль не можетъ быть

достигнута законными средствами или потому, что эти средства еще не успѣла выработать общественная жизнь, или потому, что они уже обветшали, а новыя не успѣли еще народиться, только тамъ Макиавелли совѣтуетъ политикамъ слѣдовать правилу: цѣль освящаетъ средства.

Ограничивая примѣненіе этого правила перечисленными случаями, Макиавелли этимъ самымъ выясняетъ намъ свое воззрѣніе на отношеніе политики къ нравственности, обосновать и развить которое—задача слѣдующаго отдѣла.

IV. Отношеніе политики къ нравственности по воззрѣнію Макиавелли.

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что міръ, по воззрѣнію Макиавелли, не цѣлесообразный порядокъ, а хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. Природа ничего человѣку даромъ не уступаетъ, и онъ вынужденъ отвоевывать каждую пядь земли, каждый кусокъ хлѣба, вести неустанную и отчаянную борьбу съ природой и съ себѣ подобными. Лишь цѣною такой борьбы онъ можетъ достигнуть цѣли своего существованія и удовлетворить своимъ потребностямъ. Въ догосударственномъ быту человѣкъ слѣдуетъ правилу: цѣль освящаетъ средства.

Но человѣкъ постепенно преодолеваетъ сопротивленіе, оказываемое ему природой, и заставляетъ ее служить своимъ интересамъ. За борьбою съ природою слѣдуетъ миръ, и тогда человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ вышней природѣ перестаетъ слѣдовать правилу: цѣль

освящаетъ средства. Онъ не проводитъ болѣе дней и ночей въ безпорядочной погонѣ за добычей, не топчетъ луговъ, не убиваетъ перваго попавшагося ему звѣря, не опустошаетъ лѣса и поля, а удобряетъ пашни, приручаетъ звѣрей, бережетъ лѣсъ, орошаетъ луга и собираетъ жатву: человекъ лелѣетъ природу, природа кормитъ человека.

Миръ съ природою научаетъ человека дорожить и миромъ съ себѣ подобными. Соединившись въ общежитіе, люди создаютъ средства, которыя позволяютъ имъ достигать цѣлей общежитія съ наименьшей тратой времени и труда, не прибѣгая къ дѣйствіямъ, противорѣчащимъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ союза. Они вводятъ законы и учрежденія, которыя освящаютъ эти средства, и грозятъ наказаніемъ всякому, пользующемуся иными средствами. Эти законы и учрежденія устанавливаютъ такой общественный порядокъ, который дѣлаетъ излишнимъ прибѣгать къ суровымъ и жестокимъ мѣрамъ, и позволяютъ каждому удовлетворять своимъ интересамъ, не мѣшая и другимъ достигать того-же.

Люди создаютъ такимъ образомъ среди внѣшняго нецѣлесообразнаго міра — искусственный цѣлесообразный.

Въ такомъ цѣлесообразномъ порядкѣ правило: цѣль освящаетъ средства неприложимо, ибо тутъ цѣлямъ общежитія соотвѣтствуютъ законныя средства.

Но съ теченіемъ времени это соотвѣтствіе между цѣлями и средствами нарушается. Потребности и вмѣстѣ съ ними цѣли общежитія измѣняются, средства же, воплотившись въ форму законовъ, учрежденій, нравственныхъ

258 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕШІЙ.
правиль, религиозныхъ вѣрованій, остаются безъ измѣ-
ненія. Общественный порядокъ перестаетъ быть цѣле-
сообразнымъ, и правители и граждане для удовлетворенія
вновь возникшихъ потребностей вынуждены нарушить
освященныя временемъ правила. Въ такія эпохи рево-
люцій безправственныя дѣйствія неизбѣжны, ибо лишь
цѣною суровыхъ и жестокихъ мѣръ, нарушающихъ инте-
ресы отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть введенъ новый
цѣлесообразный порядокъ. Въ такія эпохи обществен-
ныхъ кризисовъ, правило: цѣль освящаетъ средства,
снова вступаетъ въ силу.

Но нравы извѣстной страны могутъ быть до такой
степени испорчены, что исключаютъ возможность вве-
денія цѣлесообразнаго порядка, и тиранъ, поддержи-
вающий порядокъ въ такой странѣ, вынужденъ руко-
водствоваться правиломъ: цѣль освящаетъ средства.

Но и при такихъ исключительныхъ условіяхъ госу-
дарственной жизни это опасное правило неприменимо
безусловно. Не всякая цѣль освящаетъ всякое безнав-
ственное средство. Суровыя и жестокия мѣры можно
извинить лишь въ томъ случаѣ, если цѣль, безусловно
необходимая въ интересахъ общаго блага, можетъ быть
достигнута лишь цѣною этихъ мѣръ. Макиавелли порицаетъ
государственныхъ людей, пренебрегающихъ нравствен-
ными соображеніями для достиженія власти и славы, по
извиняетъ тѣхъ, которые, имѣя въ виду исключительно
общее благо, были вынуждены прибѣгать къ жестокимъ
мѣрамъ. Онъ противопоставляетъ Цезаря Ромулу: первый
своимъ пренебреженіемъ правами народа разрушилъ рим-

ВОЗЗРѢН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛІ. 259

скую свободу, второй своими суровыми мѣрами положилъ первое основаніе величію Рима. — Говоря о жестокихъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгъ Ромулъ при основаніи государства, Макиавелли оправдываетъ его образъ дѣйствій слѣдующими разсужденіями: «Мудрый организаторъ государства, имѣющій въ виду не свои личные интересы, а интересы общаго блага, не свое потомство, а общее отечество, долженъ стремиться къ сосредоточенію власти въ своихъ рукахъ. И благоразумные люди никогда не осудятъ его за исключительную мѣру, предпринятую имъ для установленія порядка въ королевствѣ и для основанія республики. И если его осудить поступокъ, то его оправдаетъ успѣхъ; и если послѣдній хорошъ, то онъ всегда оправдаетъ его, ибо достоинъ порицанія лишь тотъ жестокій человѣкъ, который разрушаетъ, а не тотъ, который создаетъ ⁷³). «Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи отечества», говоритъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, «нечего разсуждать о томъ, справедливо или несправедливо, гуманно или жестоко, похвально или достойно порицанія то или другое средство, а нужно, отложивъ всякое постороннее соображеніе, ухватиться за то средство, которое можетъ спасти отечество и свободу» ⁷⁴). Но и нравственная цѣль, по воззрѣнію Макиавелли, не оправдываетъ всякаго безнравственнаго средства. Жестокія мѣры могутъ быть оправданы лишь въ томъ случаѣ, если добро, купленное цѣною этихъ мѣръ, превышаетъ причиненное имъ зло. Если политику предстоитъ одно изъ двухъ: или рѣшиться на жестокую мѣру и этимъ причинить непосредственное зло меньшинству,

260 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ.
или же отказаться отъ этой мѣры, дать развиваться общественному недугу, могущему заразить все общество и погубить его, то политикъ долженъ принести въ жертву интересы меньшинства интересамъ большинства, слѣдуя правилу, что изъ двухъ золъ должно выбирать меньшее. «Князь», говоритъ Макиавелли, «не долженъ смущаться прозваніемъ грознаго: немногими устрашительными примѣрами, онъ окажется милосерднѣе тѣхъ, которые изъ излишняго мягкосердечія даютъ волю безпорядкамъ, поражающимъ грабежи и убійства: послѣдніе оскорбляютъ все общество, между тѣмъ какъ наказанія постигаютъ лишь непогихъ» ⁷⁵). Въ подтвержденіе правила, что для устраненія вновь пріобрѣтенной свободы, необходимо казнить сыновей Брута (т.-е. приверженцевъ стараго порядка) Макиавелли приводитъ примѣръ Пьеро Содерини, который надѣялся примирить сыновей Брута долготерпѣніемъ и добротой и этимъ ускорилъ паденіе флорентинской республики. «Хотя онъ», говоритъ Макиавелли, «какъ человѣкъ умный и сознавалъ необходимость устранять враговъ стараго порядка, и судьба и честолюбіе этихъ враговъ давали ему на то удобный случай, онъ тѣмъ не менѣе не могъ рѣшиться на такой шагъ, во первыхъ, потому, что надѣялся долготерпѣніемъ и добротой разсѣять ихъ злонамѣренные планы, во вторыхъ потому, что видѣлъ лишь въ исключительной власти, которая нарушила бы гражданское равенство,— средство, способное устранить этихъ враговъ. Такая же исключительная власть, по его мнѣнію, нагнала бы такой страхъ на толпу, что народъ не согласился бы по его

смерти избрать вновь пожизненнаго гонфоланьери, учрежденіе, содѣйствовать которому Содерини считалъ необходимымъ. Это было благоразумное и добродѣтельное намѣреніе, *но нельзя никогда давать простора злу изъ за какого-нибудь добра, если добро легко можетъ быть уничтожено зломъ.* Такъ какъ объ его дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ стали бы судить по ихъ успѣху, то онъ долженъ былъ бы предвидѣть, что, — если счастье ему не измѣнило бы и онъ сохранилъ бы жизнь, — ему бы удалось убѣдить всякаго, что мотивомъ его дѣйствія было не тщеславіе, а забота объ общемъ благѣ. И онъ могъ бы устроить такимъ образомъ, что его преемникъ не могъ бы воспользоваться во зло тѣмъ, что было предпринято имъ во имя хорошей цѣли. Но его ввело въ заблужденіе указанное выше мнѣніе, и онъ не хотѣлъ понять, что время не можетъ преодолѣть людской злобы и что никакія благодѣянія не въ состояніи изгладить ея» ⁷⁶).

Но если Макиавелли и считалъ дозволеннымъ въ эпохи общественныхъ кризисовъ прибѣгать къ жестокому мѣрамъ, то при нормальномъ теченіи общественной жизни онъ считалъ всякую внѣзаконную дѣятельность опасной и предостерегалъ государственныхъ дѣятелей при такихъ условіяхъ слѣдовать правилу: цѣль освящаетъ средства. Макиавелли въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ развиваетъ мысль, что въ благоустроенной и неиспорченной республикѣ правители не имѣютъ ни повода, ни возможности творить зла, что всѣ цѣли общежитія могутъ быть достигнуты законными средствами и что безнравственный

262 мѣсто, занимаем. Макиавелли въ истор. полит. ученій. поступокъ, могущій оказаться полезнымъ въ тираніи, самъ себя наказуетъ въ неспорченной республикѣ. Если въ тираніи злыя сѣмена быстро всходятъ на пропитанной испорченностью почвѣ, то въ республикѣ общественная совѣсть возмущается всякимъ безнравственнымъ поступкомъ. Въ 19 главѣ «Князя» Макиавелли говоритъ: «Князь, желающій удержаться, вынужденъ быть злымъ: если народная масса, будь то войско, народъ, или вельможи, испорчены, то князь долженъ умѣть приравливаться къ ихъ дурнымъ наклонностямъ, и при такихъ условіяхъ государственной жизни добрыя дѣла пагубны». Въ 6-й же главѣ III книги «*Discorsi*» Макиавелли говоритъ, что мысль объ измѣнѣ и не можетъ придти въ голову гражданамъ неспорченной республики, гдѣ безнравственныя правила вообще неприменимы. Мысль, что злыя поступки сами себя наказуютъ въ республикѣ, Макиавелли очень подробно развиваетъ въ IX гл. III книги *Discorsi*, гдѣ онъ подтверждаетъ эту мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ римской исторіи, «Злой гражданинъ», говоритъ онъ въ этой главѣ, «не можетъ творить зла въ неспорченной республикѣ.... И если бы Манлій жилъ во времена Марія и Суллы, когда общество было уже испорчено, могъ придать ему форму, наиболѣе соответствовавшую его тщеславію, то онъ достигъ бы тѣхъ же самыхъ результатовъ, какъ Марій и Сулла. И наоборотъ, если Марій и Сулла жили бы во времена Манлія, то ихъ замыслы въ самомъ зачаткѣ встрѣтили бы непреодолимыя препятствія». Въ неспорченной республикѣ нѣтъ такимъ образомъ не только повода при-

бѣгать къ безнравственнымъ средствамъ, но самая возможность ихъ исключена условіями общественной жизни. Правило: цѣль освящаетъ средства, неприменимо въ такомъ благоустроенномъ государствѣ; и политикъ, слѣдующій этому правилу, поступаетъ не только безнравственно, но и неблагоразумно. Если въ эпохи общественныхъ кризисовъ государственные люди вынуждены дѣйствовать по этому правилу, то при нормальномъ теченіи общественной жизни всякій внѣзаконный поступокъ, если онъ даже предпринимается во имя общаго блага, можетъ нанести неисцѣлимый вредъ государству. «Между установленіями республики», говоритъ Макиавелли, «должно быть и такое учрежденіе, которое слѣдило бы за тѣмъ, чтобы граждане подъ предлогомъ добра не могли бы творить зла и чтобы они пользовались лишь такою степенью авторитета, который былъ-бы полезенъ, а не вреденъ свободѣ⁷⁷⁾. «Республика», говоритъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, «должна быть устроена такимъ образомъ, что исключала бы необходимость въ исключительныхъ мѣрахъ. Если исключительная мѣра и принесла бы временную пользу, то примѣръ подѣйствовалъ бы дурно, ибо былъ бы введенъ обычай для хорошей цѣли нарушать учрежденія, которыя могли бы подъ тѣмъ же предлогомъ быть нарушены ради дурной цѣли»⁷⁸⁾.

Современные ученые, возмущающіеся безнравственностью политической доктрины Макиавелли, выставляютъ однако, разсуждая объ отношеніи политики къ морали, тѣ же самыя положенія, которыя излагаетъ и авторъ

«Князя», и съ которыми мы только что познакомились. И они учатъ, что цѣли политики не должны противорѣчить морали, но что государственные люди, преслѣдуя эти цѣли, вынуждены нерѣдко прибѣгать къ средствамъ, несогласнымъ съ предписаніями абсолютной морали.—

Но современные ученые не подкрѣпляютъ этихъ положеній тѣми доводами, которые приводитъ Макиавелли въ подтвержденіе своего воззрѣнія на отношеніе политики къ морали. И это различіе въ аргументаціи объясняется тѣмъ, что повѣйшіе ученые являются приверженцами телеологическаго міросозерцанія, между тѣмъ, какъ Макиавелли отрицаетъ цѣлесообразность міроваго порядка. Авторъ «Князя» оправдываетъ безнравственныя средства въ политикѣ несовершенствомъ общественнаго порядка, отсутствіемъ законныхъ средствъ къ достиженію необходимыхъ цѣлей общежитія. Современные же ученые, вѣрующіе въ цѣлесообразность всего существующаго, вынуждены прибѣгать къ самымъ отчаяннымъ уловкамъ, чтобы объяснить фактъ, не вяжущійся съ ихъ міросозерцаніемъ.

Міръ, по ученію телеологовъ, есть созданіе разумнаго существа, устроившаго вселенную въ виду извѣстной цѣли и согласно съ этою цѣлью. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, и каждое явленіе есть необходимая составная часть міроваго плана и предназначено служить конечной цѣли мірозданія. Но если въ мірѣ все разумно и цѣлесообразно и во всемъ проявляется разумность Творца, то и самое зло должно быть добромъ и содѣйствовать осуществленію предначерченнаго изначала пла-

ВОЗВРЪН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 265

на. Такое объясненіе зла есть необходимое послѣдствіе телеологическаго міросозерцапія, для котораго все, что существуетъ, разумно, и которое поэтому должно преклоняться передъ зломъ и видѣть въ немъ необходимый элементъ цѣлесообразнаго порядка. Если Макиавелли отрицаетъ разумность мірозданія и видитъ въ государствѣ учрежденіе, созданное людьми для борьбы противъ зла и способное до извѣстной степени смягчить людскія страданія, то политики—телеологи объясняютъ необходимость прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ служебною ролью зла въ міровомъ порядкѣ. Блунчли, напр., слѣдующими разсужденіями старается оправдать безнравственныя средства въ политикѣ: Зло, по его учепію, имѣетъ въ мірѣ лишь переходящее значеніе. Оно есть необходимая составная часть нравственнаго порядка и существуетъ лишь для того, чтобы содѣйствовать торжеству добродѣтели. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о дурныхъ средствахъ, служащихъ благимъ цѣлямъ. Проступокъ отдѣльнаго лица осуждается частной моралію; разсмотрѣнный же въ связи съ общимъ ходомъ политическаго развитія, онъ нерѣдко выступаетъ передъ нами необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи событій, содѣйствовавшихъ усовершенствованію государственной жизни. И разсмотрѣнный съ этой точки зрѣнія, онъ перестаетъ быть зломъ и становится добромъ. Какъ Творецъ, управляя міромъ, не можетъ обойтись безъ человѣческихъ страстей, такъ и руководители государствъ должны умѣть пользоваться ими въ интересахъ общечеловѣчества⁷⁹). Нельзя поэтому требовать отъ государствецъ

наго человѣка, чтобы онъ безусловно отказался отъ средствъ, осуждаемыхъ моралью. И такое объясненіе отношенія средствъ къ цѣлямъ оправдываетъ и общественное мнѣніе, которое возмущается убійствомъ Генриха IV и Линкольна и чтитъ память Юдиен и Шарлотты Корде. Къ этимъ гражданскимъ подвигамъ оно, очевидно, примѣняетъ изрѣченіе Спинозы, сказавшаго, что нужно убивать тирана, какъ бѣшеную собаку ⁸⁰).

Эти разсужденія Блунчли лишены всякаго научнаго обоснованія и суть не что иное, какъ философскія размышленія ad hoc. Онъ не развиваетъ ихъ ни въ своемъ ученіи о государствѣ, ни въ своей политикѣ, и они остаются безо всякихъ послѣдствій для разрѣшенія имъ отдѣльныхъ вопросовъ практической политики. Если Макиавелли точно опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ жестокія и суровыя мѣры необходимы, то туманныя разсужденія Блунчли, расплывающіяся въ общихъ фразахъ о злѣ, содѣйствующемъ торжеству добра, не въ состояніи служить политикѣ надежнымъ руководствомъ для разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ практической жизни и предоставляютъ широкій просторъ личному произволу. Служебнымъ значеніемъ зла можно оправдать любой безнравственный поступокъ, и ни одинъ политикъ не въ состояніи возвыситься на ту заоблачную точку зрѣнія, съ высоты которой онъ могъ бы окинуть взоромъ весь міровой порядокъ и опредѣлить, является-ли данная политическая мѣра необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи предусмотрѣннаго Творцемъ міроваго порядка. Блунчли какъ-бы самъ сознаетъ эту невозможность и предостав-

ляеть всемірної исторіи быть судьейо безнравственныхъ мѣръ въ политикѣ.—Блунчли не опредѣляетъ, въ чемъ заключается нравственный порядокъ, онъ и не развиваетъ намъ своего взгляда на сущность морали, и мы напрасно стали-бы искать въ его книгѣ отвѣта на вопросъ, въ чемъ заключается мѣрило нравственности. Онъ говоритъ намъ, что политическое преступленіе осуждается частной моралью, разсмотрѣнное же въ связи съ общимъ ходомъ народнаго развитія нерѣдко обнаруживается добромъ. Но если извѣстный поступокъ является необходимымъ требованіемъ нравственнаго порядка и содѣйствуетъ торжеству добра, то на какомъ основаніи лицо, совершивши этотъ поступокъ, заслуживаетъ порицанія, и кто даетъ намъ право дѣлать его отвѣтственнымъ за этотъ поступокъ? Одно изъ двухъ: или мѣрило нравственности «усовершенствованіе цѣлаго», и тогда нельзя считать поступокъ, содѣйствующій этому усовершенствованію, зломъ, или мѣриломъ нравственности является другое начало, и тогда поступокъ, не подходящий подъ это мѣрило, всегда останется зломъ, какія бы послѣдствія онъ ни имѣлъ.—Блунчли оправдываетъ политика, который не руководствуется правилами абсолютной морали, обязательными для частнаго человѣка, тѣмъ, что политикъ вынужденъ дѣйствовать черезъ людей и на людей и долженъ поэтому имѣть въ виду не идеальнаго человѣка, а считаться съ недостатками людей и умѣть стать на средній уровень народной нравственности, между тѣмъ какъ частный человѣкъ можетъ вести созерцательную жизнь, удалиться отъ соблазновъ суеты и углубиться

въ самага себя. Если, такимъ образомъ, по возрѣнію Блунчли, человѣкъ можетъ соблюдать строгія правила абсолютной морали лишь ведя жизнь отшельника, а дѣятельность среди людей вынуждаетъ политика принаравливаться къ нравственному уровню большинства, то непонятно, почему нельзя на томъ же основаніи оправдывать безправственныхъ поступковъ частныхъ лицъ, вынужденныхъ дѣйствовать на поприщѣ практической дѣятельности. Не одинъ только политикъ дѣйствуетъ на людей и чрезъ людей, но и всякій человѣкъ, неудовлетворяющійся жизнью отшельника. А если дѣятельность черезъ людей вынуждаетъ политика смягчать строгія правила морали, то такія же уступки должны быть дозволены и частному человѣку.

Иначе объясняетъ отношеніе политики къ нравственности Чичеринъ, который формолируетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: Политику невозможно подвести подъ точку зрѣнія безусловной нравственности, точно такъ же какъ нельзя приложить къ государству началъ абсолютнаго права. Надъ тѣмъ и другимъ господствуетъ высшая цѣль политической жизни—общее благо. Эта цѣль сама по себѣ есть начало нравственное, но она не всегда можетъ быть достигнута безукоризненными средствами. Отъ частнаго человѣка можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цѣль, которую онъ себѣ полагаетъ, личное счастье, не есть непремѣнная и необходимая, она должна подчиняться высшимъ требованіямъ. Частный человѣкъ долженъ жертвовать своимъ счастьемъ

своему личному достоинству. Но благоденствіе народа нельзя приносить въ жертву абсолютной строгости нравственныхъ правилъ. Въ политикѣ верховный законъ есть общее благо (*salus populi suprema lex*); для спасенія отечества приходится иногда жертвовать всѣмъ. Правитель и не можетъ уклониться отъ дѣятельности; онъ обязанъ управлять государствомъ, избирая тотъ путь, который возможенъ. А такъ какъ цѣль необходимо должна быть достигнута, то дозволительно, въ случаѣ крайности, употреблять и такія средства, которыя не оправдываются нравственностью. Здѣсь является столкновеніе двухъ началъ, при которомъ нравственный законъ не можетъ имѣть притязанія на безусловное владычество ⁸¹⁾.

Основное положеніе этихъ разсужденій сводится къ тому, что благо государства есть цѣль непремѣнная и необходимая, передъ которой должны отступать нравственныя соображенія. Но благо государства не есть абсолютная цѣль, и правило: *salus populi suprema lex* есть лишь правило относительное. Государство имѣетъ право на существованіе лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Государство, лишенное жизненной силы и прозябающее лишь по милости своихъ сосѣдей, или препятствующее объединенію національности, способной образовать самостоятельное политическое тѣло,—такое государство служить ⁸²⁾ лишь помѣхою естественному ходу политическаго развитія. На нашихъ глазахъ рушился цѣлый рядъ государствъ, и никто не станетъ осуждать политическихъ движеній, которыя стерли съ лица земли мелкія италіанскія и пѣмецкія государства. Сохраненіе

270 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОРИИ ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
государства есть желательная цѣль лишь по столько, по сколько оно удовлетворяетъ интересамъ граждацъ, ради защиты которыхъ оно существуетъ, и по сколько оно является необходимымъ предположеніемъ ихъ благостоянія. Если же во имя общаго блага позволительно прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ, то не потому, что благо государства есть цѣль необходимая, а лишь въ виду того соображенія, что добро, достигаемое безнравственными средствами, перевѣшиваетъ зло, причиняемое ими. Тутъ примѣняется правило Макиавелли, что изъ двухъ золъ должно выбирать меньшее. Безнравственныя средства всегда зло и остаются зломъ и тогда, когда принимаются во имя общаго блага, но это зло не такъ велико, какъ гибельныя послѣдствія политики, не рѣшающейся въ виду нравственныхъ соображеній прибѣгать къ средствамъ, необходимымъ для спасенія государства, являющагося необходимымъ предположеніемъ наиболѣе жизненныхъ интересовъ народа.

Но если это такъ, если во имя общаго блага дозволено жертвовать нравственными соображеніями лишь потому, что цѣлью такой жертвы можетъ быть куплено благо народа, перевѣшивающее нарушеніе интересовъ отдѣльныхъ лицъ, то почему, спрашивается, это соображеніе пользы примѣнимо лишь въ области общественной жизни и неспособно оправдать безнравственныхъ поступковъ частныхъ лицъ? Если уже разъ стать на точку зрѣнія пользы, то не понятно, почему эта точка зрѣнія умѣстна лишь въ политикѣ. И въ области частной жизни существуютъ такія же необходимыя цѣли, какъ и въ политикѣ.

ради достиженія которыхъ, ставъ разъ на точку зрѣнія пользы, можно оправдать извѣстныя средства, несогласныя съ строгими правилами морали: то, что спасеніе государства для народа, то можетъ быть напр., для семьи сохраненіе жизни отца, который кормитъ и поитъ ее. Тутъ, очевидно, вопросъ о дозволительности безнравственныхъ средствъ сводится къ вопросу о степени важности тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ прибѣгають къ безнравственнымъ средствамъ, и непослѣдовательно утверждать, что такія цѣли существуютъ только въ политикѣ.

Эти разсужденія сглаживаютъ, такимъ образомъ, всякое различіе между частной и общественной моралью и узаконяють и въ области частной жизни опасное правило: цѣль освящаетъ средства.

Съ точки же зрѣнія ученія Макиавелли о нравственности это различіе имѣетъ другое обоснованіе, которое не только объясняетъ фактъ этого различія, но и вполне вяжется съ воззрѣніемъ автора «*Князя*» на происхожденіе и сущность морали.

Нравственность есть такое же историческое явленіе, какъ государство и религія. Она вызвана потребностями общежитія и слагается подъ вліяніемъ условій общественной жизни. А такъ какъ эти потребности и условія не остаются неизмѣнными вездѣ и всегда, то и содержаніе нравственныхъ правилъ не одинаково у всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Но и у одного и того же народа нравственныя понятія не

272 мѣсто, занимаемъ. Макіавелли въ исторіи полит. ученій, всегда совпадаютъ, и различныя общественныя группы исповѣдуютъ различныя правила морали.

Всѣ граждане должны служить общему благу, но они содѣйствуютъ ему неодинаковымъ образомъ и служатъ ему на различныхъ поприщахъ. На всѣхъ гражданахъ лежатъ поэтому общія всѣмъ обязанности, но они кромѣ того имѣютъ еще особенныя обязанности, обуславливающія ихъ особымъ положеніемъ въ государствѣ. Въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ слагаются особыя нравственныя правила и прививаются людямъ особенныя нравственныя качества, которыя являются необходимымъ предположеніемъ той дѣятельности, къ которой они призваны. Смѣлость и храбрость суть качества, которыя высоко цѣнятся въ военномъ сословіи, смиреніе же и милосердіе являются украшеніями служителей церкви. Хитрость въ сношеніяхъ съ товарищами возмущаетъ насъ, торговый же человѣкъ, прибѣгающій къ хитрости, не всегда, и не при всѣхъ обстоятельствахъ осуждается членами своего сословія. Безусловное послушаніе—правило, которому обязаны подчиняться какъ члены военного сословія, такъ и члены монастырской общины, но слѣпое послушаніе на другихъ поприщахъ общественной дѣятельности можетъ выродиться въ порокъ, осуждаемый общественнымъ мнѣніемъ. Цѣль нравственныхъ правилъ—регулировать отношенія между людьми согласно общему благу—видоизмѣняется, специализируется и получаетъ особое содержаніе въ отдѣльныхъ общественныхъ кругахъ. Для большинства людей высшее мѣрило нравственности поступковъ не представляется въ отвле-

ченной формулѣ общаго блага; это мѣрило получаетъ болѣе определенное, болѣе конкретное содержаніе, которое обуславливается той ближайшей обстановкой, среди которой вращается человѣкъ и той ближайшей цѣлью, которая направляетъ его дѣятельность. Лишь меньшинство сознаетъ высшее начало нравственности и умѣетъ прилагать его къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ, большинству же это начало представляется въ его частномъ примѣненіи къ той средѣ и къ той сферѣ дѣятельности, въ которую его поставило его общественное положеніе.

Этимъ различіемъ нравственныхъ правилъ и понятій въ различныхъ общественныхъ кругахъ и въ различныхъ сферахъ дѣятельности объясняется различіе между частной и общественной моралью. Какъ для частнаго человѣка, такъ и для политика мѣрило нравственности общее благо, но правила, вытекающія для государственнаго дѣятеля изъ этого начала, не совпадаютъ съ нравственными правилами, обязательными для частнаго человѣка, и это различіе объясняется тѣмъ, что цѣли и условія дѣятельности политика не совпадаютъ съ цѣлями и условіями дѣятельности частнаго человѣка.

Различіе въ образѣ дѣйствія частнаго человѣка и политика обуславливается и тѣмъ, что сфера частныхъ отношеній подчинена общимъ правиламъ, между тѣмъ какъ область политики еще ждетъ своего законодателя. Мы сказали выше, что нравственныя цѣли, по возрѣнію Макиавелли, могутъ быть достигнуты нравственными средствами лишь въ цѣлесообразномъ порядкѣ, т.-е. тамъ, гдѣ общественная жизнь устроена такимъ образомъ, что

каждый можетъ защищать свои интересы, не мѣшая и другимъ достигать того же, другими словами, гдѣ цѣлямъ общежитія соотвѣтствуютъ и законныя средства. Область политики далеко еще не является такимъ цѣлесообразнымъ порядкомъ, между тѣмъ, какъ въ частной жизни общественный порядокъ расчистилъ всякому путь къ достиженію законныхъ цѣлей существованія. И вотъ почему мы осуждаемъ частнаго человѣка, не избирающаго этихъ путей, и оправдываемъ политика, который, не находя протоптанныхъ путей, вынужденъ для достиженія своихъ цѣлей прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ.

Но Макиавелли, не осуждая политика, прибѣгающаго во имя общаго блага къ не безупречнымъ средствамъ, тѣмъ не менѣе не оправдываетъ его съ точки зрѣнія нравственной. Нравственно поступаетъ, по его воззрѣнію, не тотъ, кто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рассчитываетъ послѣдствія своихъ поступковъ и согласуетъ ихъ съ общимъ благомъ, а тотъ, кто подчиняется нравственному *правилу*; какъ таковому. Вотъ почему съ точки зрѣнія Макиавелли, убійство тирана, оправдываемое Блунчли требованіями нравственнаго порядка, остается всегда и при всѣхъ условіяхъ преступленіемъ, ибо такой самосудъ никогда не можетъ быть возведенъ въ общее правило; убійство же врага на полѣ битвы оправдывается нравственностью, ибо убійство при такихъ условіяхъ — общее правило, освященное между народными обычаями.

V. Утилитаризмъ.

Макиавелли первый изъ писателей новаго времени объяснилъ происхожденіе нравственныхъ понятій эгоистической природой человѣка и внѣшними условіями общественной жизни. Основныя положенія утилитаризма, прежде чѣмъ въ защиту ихъ выступили Гельвецій, Гольбахъ, Бентамъ, были провозглашены Макиавелли, котораго и должно считать отцомъ моральныхъ теорій, защищаемыхъ въ наше время послѣдователями Конта. Между ученіемъ Макиавелли, утилитаризмомъ XVIII в. и позитивизмомъ XIX в. существуетъ несомнѣнная преемственная связь.

Гельвецій, Гольбахъ, Бентамъ, Милль, Клавель отрицаютъ самобытность нравственныхъ началъ и учатъ, что моральныя понятія не врождены человѣку, а привиты ему жизнью въ обществѣ. Эти основныя положенія утилитаризма выставляетъ и Макиавелли, но и въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ положеній утилитаристы повторяютъ мысли, впервые высказанныя авторомъ «*Князя*».

Писатели XVIII и XIX вв., отрицающіе самобытность нравственныхъ понятій, видятъ въ эгоизмѣ отличительную черту человѣческой природы. По ихъ воззрѣніямъ, личный интересъ является исключительнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ; способность же сдерживать эгоистическія влеченія прививается людямъ лишь жизнью въ обществѣ. Этотъ взглядъ на природу человѣка впервые высказалъ Макиавелли, который объясняетъ эгоиз-

276 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій, томъ всё явленія нравственнаго и общественнаго порядка.

Утилитаристы приписываютъ условіямъ государственной жизни преобладающее вліяніе на нравственный складъ народа. Признавая въ нравственности совокупность правилъ, сдерживающихъ эгоистическія влеченія и регулирующихъ отношенія между людьми по началу общаго блага, они видятъ въ деспотизмъ главное препятствіе развитію здравыхъ нравственныхъ понятій и учатъ, что свободная форма правленія является условіемъ, наиболѣе содѣйствующимъ развитію въ людяхъ способности уважать чужіе интересы и сообразовать свои поступки съ интересами цѣлаго. Это положеніе утилитаризма лежитъ и въ основаніи политическаго ученія Макиавелли и опредѣляетъ его взглядъ на республику, какъ на наилучшую форму правленія. Эту излюбленную мысль Макиавелли особенно подробно развиваетъ Гельвецій, подкрѣпляющій свои разсужденія на эту тему тѣми же самыми доводами, которыми и Макиавелли подтверждаетъ свой взглядъ на республику, какъ на государственную форму, наиболѣе благопріятствующую развитію гражданскихъ добродѣтелей. Гольбахъ приписываетъ абсолютному образу правленія развращающее вліяніе на нравы и видитъ въ немъ главную причину того хаоса въ нравственныхъ понятіяхъ, который господствуетъ въ современномъ обществѣ. Милль высказываетъ тотъ же взглядъ; изъ современныхъ же ученыхъ Клавель особенно настойчиво повторяетъ мысли Макиавелли, такъ краснорѣчиво высказанныя имъ во II кн., 2 гл. Discorsi.

Положенія Макиавелли, что здравыя нравственныя понятія могутъ сложиться лишь тамъ, гдѣ государство богато, а граждане бѣдны, мы встрѣчаемъ и у Гельвеція, Милля и Клавеля.

Изложеніе утилитарныхъ теорій, къ которому мы теперь приступаемъ, еще нагляднѣе выяснитъ читателямъ ту преемственную связь, которая существуетъ между ученіемъ Макиавелли и нравственными теоріями утилитаризма, и дастъ намъ точки опоры для оцѣнки возрѣній Макиавелли на происхожденіе и сущность морали.

1. Г е л ь в е ц і й.

Единственными пружинами человѣческой дѣятельности служатъ страсти, имѣющія своимъ источникомъ физическія потребности. И пока человѣкъ жилъ внѣ общества, онъ не зналъ иныхъ страстей кромѣ тѣхъ, которыя были направлены на удовлетвореніе нуждъ и потребностей, данныхъ ему непосредственно природой. Голодъ, жажда, половое влеченіе были единственными пружинами его дѣятельности и онъ былъ счастливъ, когда эти его чувственныя наслажденія были удовлетворены, и страдалъ, когда его мучали жажда, голодъ и холодъ. Зломъ онъ называлъ все то, что лишало его чувственныхъ наслажденій и добромъ все то, что доставляло ему эти наслажденія ⁸³). Съ возникновеніемъ же общества возникаютъ въ человѣкѣ и новыя страсти.

Чувственныя наслажденія въ догосударственномъ быту были наслажденіями мимолетными, зависѣвшими отъ случайныхъ условій. Государственный же бытъ надѣляетъ

278 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОРИИ ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
человѣка средствами, съ помощью которыхъ онъ можетъ закрѣпить за собою блага, служащія удовлетворенію его физическихъ потребностей. Стремленіе къ завоеванію себѣ этихъ средствъ и порождаетъ въ человѣкѣ новыя страсти; онъ дѣлается корыстолюбивымъ, тщеславнымъ, властолюбивымъ. Но человѣкъ ищетъ богатства, не ради богатства, власти, не ради власти, а дорожитъ этими благами лишь какъ средствами, обезпечивающими ему удовлетвореніе физическихъ потребностей. Лишь въ послѣдствіи онъ перестаетъ видѣть въ нихъ средства къ цѣли, и власть и богатство дѣлаются для него благами, желательными сами по себѣ. Въ государствѣ, такимъ образомъ, предметы человѣческихъ желаній увеличиваются и усложняются, страсти изощряются и растутъ, источникъ же ихъ остается все тотъ же—потребности физической природы. Въ удовлетвореніи этихъ потребностей и нуждъ заключается личный интересъ, который и является единственнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ ⁸⁴).

Какъ физическій міръ подчиненъ закону движенія, такъ и въ мірѣ нравственномъ всѣ явленія и измѣненія сводятся къ одной причинѣ — личному интересу. Интересъ создалъ всю совокупность явленій, которыя мы сводимъ подъ понятіе нравственнаго міра, ему мы обязаны всѣми нашими моральными понятіями, онъ направляетъ нашу дѣятельность, создаетъ, поддерживааетъ и разрушаетъ общества и государства ⁸⁵).

Интересъ служитъ человѣку не только мотивомъ всѣхъ его поступковъ, но и опредѣляетъ всѣ его сужденія.

Человѣкъ называетъ честнымъ лишь дѣйствіе, изъ котораго онъ можетъ извлечь себѣ выгоду, нравственными лишь тѣхъ людей, дѣятельность которыхъ ему полезна⁸⁶). И какъ отдѣльный человѣкъ руководствуется лишь личнымъ интересомъ, такъ и общественные круги судятъ о поступкахъ людей лишь съ точки зрѣнія своихъ интересовъ. Они считаютъ честнымъ все то, что полезно имъ, и называютъ порокомъ все то, что наноситъ имъ вредъ⁸⁷). И государство восхваляетъ лишь тѣхъ людей, которые служатъ его интересамъ, и цѣнитъ лишь тѣ поступки, изъ которыхъ оно можетъ извлечь выгоду⁸⁸).

Понятно, что эти сужденія отдѣльныхъ лицъ, общественныхъ круговъ, государства, не могутъ совпадать другъ съ другомъ. Поступокъ, полезный отдѣльному человѣку, противорѣчитъ нерѣдко интересамъ общественнаго круга и наноситъ вредъ государству. И наоборотъ, подвигъ гражданина можетъ задѣть интересы того и другаго сословія; слава государственнаго человѣка, заслужившаго благодарность государства, куплена нерѣдко дорогою цѣною и стоитъ жертвъ, разрушившихъ благосостояніе и счастье немалаго количества людей.

Мѣрило пользы, такимъ образомъ, крайне измѣнчиво, одинъ и тотъ же поступокъ можетъ считаться честнымъ и безчестнымъ, смотря по тому, кто прилагаетъ къ нему свое мѣрило. Но и индивидуальный интерес не понимается всѣми одинаково. Все зависитъ тутъ отъ той обстановки, среди которой вращается человѣкъ. Воспитаніе, общественные предрасудки, случайныя впе-

чатлѣнія, индивидуальныя вкусы заставляютъ одного человѣка видѣть пользу въ томъ, въ чемъ другой, выросшій среди иной обстановки, видитъ вредъ ⁸⁹).

Мотивъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій одинъ и тотъ же—личный интересъ, но пониманіе этого интереса далеко неодинаково и зависитъ отъ внѣшнихъ условій, вліяющихъ на образъ мыслей людей. Какъ различны и измѣнчивы эти условія, такъ же различны и измѣнчивы сужденія о пользѣ и вредѣ поступковъ.

Если это такъ, то очевидно, что личный интересъ не можетъ служить мѣриломъ нравственности. Этимъ мѣриломъ является общая польза, обнимающая всѣ частныя интересы и примиряющая противорѣчивыя стремленія ⁹⁰).

Но большинство людей не руководствуется ни въ своихъ поступкахъ, ни въ своихъ сужденіяхъ началомъ общаго блага, а имѣетъ въ виду исключительно личный интересъ. Люди, въ большинствѣ случаевъ, замыкаются въ кругъ своихъ частныхъ интересовъ, ихъ нравственныя понятія заражены тѣми предвзятыми мнѣніями и взглядами, которыми пропитана ихъ ближайшая общественная среда, и они умѣютъ цѣнить лишь то, что доставляетъ имъ непосредственныя наслажденія. Они неспособны возвыситься надъ предразсудками своей среды и обнять всю совокупность общественныхъ отношеній, раскрывающихъ соотвѣтствіе между частными интересами и интересами цѣлаго.

Дабы люди признавали въ общей пользѣ мѣрило своихъ поступковъ, необходимо цѣлый рядъ условій, и задача законодательства—создать эти условія ⁹¹).

Лишь просвѣщенный разумъ, свободный отъ предрасудковъ, способенъ постигнуть соотвѣтствіе между частнымъ интересомъ и интересомъ общимъ и понять, какіе поступки служатъ общему благу. Человѣкъ невѣжественный и слабоумный можетъ быть воодушевленъ прекрасными намѣреніями, но онъ всегда окажется неспособнымъ осуществить свои намѣренія и изыскать путь къ добродѣтели. Просвѣщеніе есть поэтому одно изъ важнѣйшихъ условій, содѣйствующихъ развитію нравственности, и задача государства — бороться съ невѣжествомъ толпы, просвѣщать ее, проповѣдывать ей истинныя правила морали и устранять всѣ тѣ общественныя элементы, которые видятъ въ невѣжествѣ опору своей власти и своего вліянія ⁹²).

Но дабы человѣкъ слѣдовалъ правиламъ нравственности, недостаточно, чтобы онъ зналъ и цѣнилъ ихъ, необходимо также, чтобы онъ былъ вынужденъ слѣдовать имъ.

Мы знаемъ, что единственными пружинами человѣческихъ поступковъ служатъ страсти. Страсти — не зло, напротивъ, чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ страсть, тѣмъ онъ способнѣе бороться съ трудностями и препятствіями, тормозящими его дѣятельность, тѣмъ энергичнѣе и плодотворнѣе эта дѣятельность. Человѣкъ безстрастный, если онъ и умѣетъ отличать добро отъ зла, неспособенъ приносить дѣйствительную пользу государству, ибо служеніе государству предполагаетъ воодушевленіе и смѣлость, человѣкъ же безстрастный не имѣетъ ни того, ни другаго. Онъ избираетъ протоптанныя пути, мыслить

чужими мыслями и умѣть лишь плыть по теченію. Полетъ мысли, смѣлость и самостоятельность въ рѣшеніяхъ, отвага и неустрашимость въ дѣйствіяхъ, умѣнье безотчетно отдаваться идеѣ, пренебреженіе предразсудками — все это дается лишь человѣку, въ которомъ загорѣлась сильная страсть. Страсть — это тотъ рычагъ, который двигаетъ человѣкомъ и воодушевляетъ его къ великимъ подвигамъ. Не будь страстей — человѣчество остановилось бы въ своемъ развитіи ⁹³). Государство не должно поэтому заглушать страстей, а лишь направлять ихъ на благоую цѣль. Государство должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы необходимость заставляла людей быть добродѣтельными и чтобы они, побуждаемые личнымъ интересомъ, служили интересу цѣлаго ⁹⁴).

Очевидно, что въ деспотическомъ государствѣ это невозможно. Въ государствѣ, гдѣ власть покоится въ рукахъ абсолютнаго монарха, гдѣ государственными дѣлами завѣдуютъ его слуги и клевреты, гдѣ народъ исключенъ отъ всякаго участія въ политической жизни, гдѣ интересы властителя противорѣчатъ интересамъ цѣлаго, въ такомъ государствѣ ни угнетатели, ни угнетенные не имѣютъ понятія объ общемъ благѣ и о своихъ обязанностяхъ. Слуги деспота стараются лишь угодить капризамъ и вкусамъ своего повелителя, подданные преслѣдуютъ лишь свои частные интересы, и вся ихъ дѣятельность исчерпывается заботою о своихъ личныхъ нуждахъ: черствый, узкій эгоизмъ господствуетъ во всѣхъ слояхъ угнетеннаго народа. Дабы слѣдовать правиламъ нравственности, вытекающимъ изъ началъ

общаго блага, надо имѣть ясное представленіе объ этихъ правилахъ. Такое ясное представленіе доступно лишь людямъ просвѣщеннымъ. Деспотическое же государство не терпитъ просвѣщенія. Невѣжество народа самая надежная опора деспотизма: въ такой абсолютной монархіи мысль, ничѣмъ не возбуждаемая, глохнетъ, общая апатія и лѣнь расслабляетъ умственные силы, и сонъ, глубокій сонъ—удѣлъ народа, лишеннаго политической свободы.

Только въ свободномъ государствѣ, гдѣ граждане признаютъ надъ собою лишь одного владыку — законъ, гдѣ всѣ, по мѣрѣ силъ и способностей, принимаютъ участіе въ политической жизни, гдѣ общественная дѣятельность — не угожденіе вкусамъ и прихотямъ деспота, а служеніе государству, хранителю и защитнику интересовъ всѣхъ, лишь въ такомъ государствѣ граждане имѣютъ ясное представленіе о своихъ обязанностяхъ и признаютъ въ общемъ благѣ высшее мѣрило своихъ поступковъ. Если въ несвободномъ государствѣ—добродѣтельный человѣкъ предметъ насмѣшекъ или сожалѣнія, и честное служеніе общему благу павлекаетъ на него лишь подозрѣніе власть имущихъ, то въ свободномъ государствѣ путь добра открытъ всякому, и добродѣтель вознаграждается по заслугамъ ⁹⁵).

Но не только политическія условія, но и экономическая обстановка содѣйствуетъ развитію добродѣтели.

Въ государствѣ, въ которомъ законодательство не предупреждаетъ накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ, развивается алчность и пренебреженіе идеальными благами. Граждане, гонясь за матеріальными выгодами,

предпочитають непосредственныя чувственныя наслажденія тѣмъ отдаленнымъ благамъ, которыя сулитъ имъ честное общественное служеніе. Въ государствѣ же, гдѣ граждане бѣдны, потребности ихъ ограничены, а умеренность въ желаніяхъ дѣлаетъ ихъ недоступными подкупамъ, и никакія обѣщанія, какъ бы соблазнительны они ни были, не въ силахъ совратить ихъ съ пути добра, Общественныя интересы перевѣшиваютъ интересы частныя, и граждане воодушевлены лишь однимъ стремленіемъ — по мѣрѣ силъ и способностей служить своему отечеству и народу ⁹⁶).

2. Г о л ь б а ж ь.

Человѣкъ не имѣетъ врожденныхъ нравственныхъ понятій. Этими понятіями вооружаетъ его лишь опытъ: они являются съ одной стороны результатомъ размышленій человѣка надъ тѣмъ, что ему полезно и что ему вредно, съ другой прививаются ему воспитаніемъ и той общественной средой, въ которой онъ врацается. Эти понятія очень сложны и разнообразны и далеко неодинаковы у всѣхъ людей. Но это различіе обусловливается различіемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ рождаются и развиваются люди; источникъ же нравственныхъ понятій у всѣхъ людей одинъ и тотъ же—чувство самосохраненія. Это чувство заставляетъ человѣка обставлять себя условіями, содѣйствующими сохраненію и развитію его силъ и способностей и создать себѣ среду, обезпечивающую ему мирное существованіе. Чувству

самосохраненія челоуѣкъ обязанъ всѣми своими нравственными понятіями и всѣми тѣми учрежденіями, которыя сдѣлали изъ него существо высшаго порядка. Подъ напоромъ этого чувства челоуѣкъ избѣгаетъ все то, что можетъ сократить его жизнь, умалить его способности и силы и ищетъ все то, что содѣйствуетъ сохраненію и развитію его силъ. Всѣ предметы окружающаго его міра для него или предметы желанія, или предметы отвращенія. И эти чувства отвращенія и желанія опредѣляютъ всѣ его сужденія: онъ считаетъ добромъ то, что ему полезно, и зломъ то, что ему вредно. Постоянное искаженіе пользы и боязнь вреднаго развиваетъ въ челоуѣкѣ понятіе такого состоянія, которое отдалило бы отъ него всѣ предметы отвращенія и дало бы его чувству самосохраненія полное удовлетвореніе. Челоуѣкъ называетъ такое состояніе счастьемъ, и это счастье является цѣлью всѣхъ его желаній и стремленій. Стремленіе челоуѣка къ счастью такъ же законно и необходимо, какъ и то чувство самосохраненія, изъ котораго оно проистекаетъ; челоуѣкъ, стремясь къ счастью, подчиняется закону, который управляетъ міромъ, и передъ которымъ преклоняются всѣ твари ⁹⁷).

Счастье, какъ цѣль челоуѣческаго существованія, и является мѣриломъ нравственности. Нравственно все то, что содѣйствуетъ челоуѣческому счастью, безнравственно все то, что ему противорѣчитъ. Величайшія добродѣтели суть тѣ, которыя представляютъ челоуѣку наибольшія и наипрочнѣйшія выгоды, величайшіе же пороки тѣ, которые нарушаютъ челоуѣческое счастье и обществен-

286 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛІ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІИ. ный порядокъ, являющійся необходимымъ предположеніемъ этого счастья. Нравственныя же обязанности суть тѣ средства, которыя ведутъ къ цѣли нашего существованія, т.-е. содѣйствуютъ нашему счастью ⁹⁸).

Но въ чемъ заключается счастье?

Чувство самосохраненія заставляетъ насъ лишь инстинктивно избѣгать страданій и искать удовольствій, опытъ же, руководимый разумомъ, указываетъ намъ тѣ, правила, соблюдая которыя, мы можемъ достигать цѣли нашего существованія ⁹⁹).

Опытъ показываетъ намъ, что счастье заключается не въ мимолетныхъ и преходящихъ удовольствіяхъ, а въ такомъ состояніи, которое обезпечиваетъ человѣку прочное довольство, независимое отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ.

Нельзя назвать счастливымъ и того человѣка, всѣ желанія котораго удовлетворены. Насыщенность земными благами притупляетъ человѣческія чувства и лишаетъ ихъ воспримчивости. Апатія и равнодушіе—необходимыя послѣдствія обстановки, предупреждающей всѣ желанія и прихоти человѣка. Дабы обладаніе земными благами доставляло намъ удовольствіе, необходимо, чтобы они не переставали быть для насъ предметами желаній; воздержаніе и лишенія научаютъ насъ дорожить ими, для человѣка же избалованнаго судьбою земныя блага теряютъ свою привлекательность.

Мы цѣнимъ удовольствіе лишь тогда, когда завоевали его себѣ постояннымъ трудомъ, удовольствія же, которыми надѣляется насъ судьба, не требуя отъ насъ успія,

теряють свою привлекательность. Настойчивая дѣятельность для насъ такая же потребность, какъ и то удовольствіе, которое мы ею завоевали. Удовольствіе, которому не предшествуетъ трудъ, имѣетъ для насъ такую же цѣну, какъ и безплодный трудъ.

Чѣмъ сильнѣе испытываемыя нами удовольствія, тѣмъ они скоротечнѣе. Мы должны поэтому избѣгать сильныхъ ощущеній, которыя доставляютъ намъ лишь мимолетныя удовольствія.

И такъ, счастье заключается не въ насыщенности земными благами, не въ непрерывности удовольствій, а въ удовольствіяхъ, смѣняющихся лишеніями и воздержаніемъ, въ умѣнны трудиться и ограничивать свои желанія ¹⁰⁰).

Человѣкъ, сознавая свою немощь собственными усиліями обезпечить себѣ всѣ тѣ блага, которыя необходимы для его счастья, обращается за помощью къ своимъ ближнимъ. Но онъ знаетъ, что можетъ рассчитывать на чужую помощь лишь подъ условіемъ взаимности: стремленіе къ счастью обязываетъ, такимъ образомъ, человѣка заботиться о счастьи себѣ подобныхъ, имѣть въ виду не только свою выгоду, но и пользу своихъ согражданъ и пріобрѣтать ихъ расположеніе честнымъ служеніемъ ихъ интересамъ. Добродѣтель есть поэтому не что иное, какъ умѣнье быть счастливымъ счастьемъ другихъ. И добродѣтлень тотъ человѣкъ, который содѣйствуетъ счастью людей, способнымъ отплатить ему за услуги ¹⁰¹).

И такъ, цѣль человѣческаго существованія налагаетъ

на человѣка цѣлый рядъ обязанностей къ себѣ и къ своимъ ближнимъ, и лишь свято соблюдая эти обязанности, человѣкъ можетъ достигнуть счастья. Какъ цѣль человѣческаго существованія не есть произвольная цѣль, а коренится въ самой природѣ человѣка, обуславливаясь чувствомъ самосохраненія, такъ и нравственныя обязанности, какъ средства, ведущія къ этой цѣли, не зависятъ отъ свободной воли людей и отъ ихъ личнаго произвола: нравственность, какъ и вселенная, основана на необходимости и на вѣчныхъ отношеніяхъ вещей.

Если бы природа человѣка не была извращена воспитаніемъ, и общественная жизнь не прививала бы людямъ ложныхъ понятій о нравственныхъ обязанностяхъ—люди умѣли бы отличать добро отъ зла, и личный интересъ побуждалъ бы ихъ стремиться къ прочному, а не обманчивому счастью.

Но современное воспитаніе и политическія условія какъ бы насильно наталкиваютъ людей на ложный путь.

Религіозное воспитаніе не признаетъ законности врожденныхъ человѣку влеченій, искусственно убиваетъ ихъ и лишаетъ человѣка полноты силъ, которыми такъ щедро надѣлила насъ природа. Оно отвлекаетъ насъ отъ настоящей цѣли нашего существованія, указываетъ намъ отвлеченныя и воображаемыя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ нашими потребностями и съ требованіями общественной жизни.

Если люди испорчены и злы, то только потому, что ими управляютъ люди, игнорирующіе человѣческую природу и не внушающіе людямъ тѣхъ правилъ морали,

ВОЗРЪН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛІ. 289

которыя вытекають изъ естественнаго порядка вещей. Повсюду мы видимъ однихъ несправедливыхъ правителей, равнодушныхъ къ своимъ обязанностямъ, разслабленныхъ роскошью, испорченныхъ окружающими ихъ льстецами, извращенныхъ произволомъ и безнаказанностью. Все ихъ вниманіе поглощено бесплодными войнами или желаніемъ удовлетворить своей ненасытной жадности. Не имѣя понятія о своихъ обязанностяхъ, они не заботятся о благосостояніи и просвѣщеніи народа. Они награждаютъ пороки, которые имъ полезны и наказываютъ добродѣтели, которыя становятся имъ поперекъ дороги. Что же удивительнаго, если общество, руководимое такими правителями, имѣетъ ложное представленіе о добрѣ и злѣ? Современное общественное состояніе есть состояніе войны правителя противъ всѣхъ и борьба подданныхъ между собою. Сильные міра сего безнаказанно угнетаютъ бѣдныхъ и слабыхъ, послѣдніе же, въ свою очередь, открыто или тайно вооружаются противъ государства и отплачиваютъ зломъ за зло. Народъ повсюду рабствуетъ, и необходимое послѣдствіе такого порядка вещей—всеобщая апатія, приниженность, раболѣпіе ¹⁰²).

Но если при такихъ условіяхъ общественной жизни добродѣтель не цѣнится и порокъ торжествуетъ, то что можетъ побуждать человѣка поступать согласно съ предписаніями нравственности?

Добродѣтель и при такихъ условіяхъ не остается безъ вознагражденія, и этимъ вознагражденіемъ является любовь и уваженіе честныхъ людей, внутреннее доволь-

290 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ въ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ. ство, самоуваженіе. Добродѣтельный человѣкъ и не гонится за внѣшними наградами и похвалами, рассыпаемыми развращеннымъ обществомъ. Онъ чуждается этого общества и уединяется въ кружокъ людей, которые умѣютъ цѣнить и понимать его. И въ этой скромной области онъ дѣлаетъ добро, и любовь близкихъ ему людей, сознание исполненнаго долга, уваженіе къ собственному достоинству служатъ ему наградой, которую онъ не промѣняетъ на дешевыя и безсмысленныя рукоплесканія извращенной толпы. ¹⁰³).

3. В е н т а м ъ.

Человѣкъ находится подъ владычествомъ двухъ чувствъ: чувства удовольствія и чувства страданія: онъ избѣгаетъ все то, что причиняетъ ему страданія, и ищетъ удовольствія ¹⁰⁴). Языкъ обозначаетъ мотивы человѣческихъ поступковъ различными словами, но эти слова суть лишь различныя названія для одного и того же стремленія—стремленія къ счастью ¹⁰⁵). Нравственная обязанность—слово, придуманное праздными философами, она никогда не служитъ мотивомъ поступковъ людей, для которыхъ самое слово «обязанность» имѣетъ что-то непріятное и отталкивающее. Если человѣкъ и поступаетъ иногда согласно съ тѣмъ, что моралисты называютъ обязанностью, то лишь тогда, когда его побуждаетъ къ тому личный интересъ ¹⁰⁶). Счастье не есть идеальная, неосуществимая цѣль, а благо, доступное всѣмъ, и всякій сумѣетъ достигнуть его, если только будетъ разумно стремиться къ тому, на что паталкиваетъ его природа.

И въ самомъ дѣлѣ, почему счастье было бы недостижимо? Если даже животныя, созданныя для человѣка, имѣютъ притязаніе на его заботливость, то тѣмъ большее вниманіе люди обязаны оказывать другъ другу. И если только каждый будетъ заботиться о себѣ и другихъ, то нѣтъ основанія отрицать возможность такого состоянія, которое обезпечило бы каждому личное счастье. Уже и теперь, несмотря на недостатки въ общественномъ строѣ, въ мірѣ болѣе счастья, чѣмъ страданья, человѣкъ дорожитъ жизнью и неохотно расстаётся съ нею: самоубійство—явленіе исключительное ¹⁰⁷).

Мотивы всѣхъ человѣческихъ поступковъ одни и тѣ же: всѣ они сводятся къ личному интересу; ихъ нельзя ни одобрять, ни порицать: они необходимы. Эти мотивы и немогутъ поэтому служить мѣриломъ нравственности. Нравственность поступка зависитъ не отъ его мотива, а отъ его послѣдствій ¹⁰⁸). Нравственно поступаетъ лишь тотъ, кто вѣрно рассчитываетъ послѣдствія своихъ поступковъ и предпринимаетъ лишь такія дѣянія, которыя содѣйствуютъ его счастью, и воздерживается отъ тѣхъ, которыя причиняютъ ему болѣе страданія, чѣмъ удовольствія ¹⁰⁹). Счастье отдѣльнаго лица всегда содѣйствуетъ и счастью другихъ, ибо общій интересъ есть не что иное, какъ сумма частныхъ интересовъ. Въ общемъ счастья мы должны по этому признать высшее мѣрило нравственности ¹¹⁰).

Истинная добродѣтель заключается во первыхъ, въ содѣйствіи нашему личному счастью (личное благоразуміе), во вторыхъ, въ содѣйствіи счастью другихъ (дѣятельное

благожеланіе). Личное благоразуміе заключается въ умѣнны жертвовать ближайшими, по меньшими удовольствіями, ради большихъ, но болѣе отдаленныхъ удовольствій; дѣятельное же благожеланіе — въ умѣнны жертвовать личными интересами, ради интересовъ другихъ, если эти послѣдніе интересы важнѣе, и удовлетвореніе ихъ увеличиваетъ общій запасъ счастья. Добродѣтель поэтому связана съ извѣстнымъ усиленіемъ, съ устраненіемъ препятствія, которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перевѣсъ счастья ¹¹¹).

Но люди въ большинствѣ случаевъ, благодаря своей близорукости и неумѣнью предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ, предпринимаютъ лишь поступки, которые сулятъ имъ непосредственныя удовольствія, и не задаютъ себѣ вопроса, увеличатъ ли данный поступокъ общій запасъ счастья. Нравственныя правила нуждаются поэтому въ искусственныхъ санкціяхъ. Государственная и общественная жизнь должна обставлять людей условіями, которыя облегчали бы имъ дѣлать расчетъ послѣдствій своихъ поступковъ, и выяснили бы имъ связь между личнымъ и общимъ счастьемъ. Законы должны устанавливать награды за поступки, увеличивающіе общій запасъ счастья, и наказаніе за дѣянія, уменьшающія этотъ запасъ. Этому воспитанію въ людяхъ нравственныхъ понятій должно содѣйствовать и общественное мнѣніе, которое произноситъ строгій приговоръ надъ людьми, неумѣющими подчинять свои личные интересы общественной пользѣ, и ободряетъ тѣхъ, которые содѣйствуютъ увеличенію общаго запаса счастья ¹¹²).

4. Дж. Ст. Милль.

Конечная цѣль человѣческаго существованія—счастье. Подъ счастьемъ должно понимать удовольствіе и отсутствіе страданія, подъ несчастьемъ—страданіе и отсутствіе удовольствія.

Что люди желаютъ счастья—это фактъ очевидный и общепризнанный.

Но есть-ли счастье—единственная цѣль человѣческихъ стремленій? Очевидно, что нѣтъ. Мы видимъ, что предметами человѣческихъ стремленій являются нерѣдко добродѣтель, слава, власть, и что люди ищутъ этихъ благъ такъ же искренно и такъ же страстно, какъ они стремятся къ счастью. Но, всмариваясь ближе въ мотивы этихъ желаній, мы увидимъ, что источникъ ихъ не что иное, какъ стремленіе къ счастью.

Счастье не есть отвлеченное представленіе, а конкретное и многосложное цѣлое, слагающееся изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Эти элементы суть всѣ тѣ блага, которыя могутъ доставить намъ удовольствіе. Счастье, какъ отвлеченное нѣчто, никогда не является предметомъ нашихъ желаній, стремленіе къ счастью выражается въ исканіи отдѣльныхъ благъ, доставляющихъ намъ удовольствія. Но существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ предметовъ, которыхъ мы желаемъ, и которыхъ нельзя причислять къ благамъ, составляющимъ наше счастье. Къ такимъ предметамъ принадлежатъ напр. деньги. Деньги; сами по себѣ, не могутъ ни

увеличить, ни уменьшить нашего счастья, и люди первоначально дорожатъ ими лишь какъ средствами для достиженія другихъ желательныхъ благъ. Но постепенно представленіе о деньгахъ соединяется въ нашемъ разумѣ съ представленіемъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя мы доставляемъ себѣ съ помощью денегъ. Мы перестаемъ видѣть тогда въ деньгахъ средство къ цѣли, а дорожимъ ими какъ благомъ, желательнымъ само по себѣ. Подобной ассоціаціей идей объясняется и любовь добродѣтели ради добродѣтели, властолюбіе, тщеславіе и т. п.

Подъ удовольствіемъ не должно понимать одни чувственные наслажденія, а все то, что человѣкъ считаетъ для себя желательнымъ. Удовольствія очень разнообразны и понимаются людьми различно. Это различіе обусловливается различіемъ потребностей, и мы видимъ, что человѣкъ неразвитой имѣетъ желанія, не совпадающія съ потребностями просвѣщеннаго человѣка. Человѣкъ просвѣщенный предпочитаетъ чувственнымъ наслажденіямъ удовольствія, дорожить которыми его научили его просвѣщенный умъ и развитое нравственное чутье. Человѣкъ съ изощреннымъ нравственнымъ чутьемъ не завидуетъ судьбѣ узкаго эгоиста, если даже этотъ эгоистъ и наслаждается полнымъ довольствомъ. Человѣкъ съ болѣе развитыми способностями никогда не пожелаетъ возвратиться къ состоянію, на которое онъ смотритъ, какъ на низшую ступень человѣческаго существованія. Если его потребности многосложнѣе и изощреннѣе, и онъ долженъ отказаться отъ полнаго ихъ удовлетворе-

нія, опъ тѣмъ не менѣе предпочтетъ эту неудовлетворенность доволъству человѣка съ ограниченными желаніями. Отсюда вытекають два послѣдствія: во первыхъ, счастье зависитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества удовольствій; во вторыхъ, человѣкъ, способный сравнивать высшія удовольствія съ нисшими, всегда даетъ предпочтеніе первымъ. Мы нашли, такимъ образомъ, тотъ критерій, съ помощью котораго можно опредѣлить, въ чемъ заключается истинное счастье. Этотъ критерій заключается въ томъ преимуществѣ, которое даетъ человѣкъ, обладающій опытомъ и воспитавшій въ себѣ способность самопознанія и самонаблюденія, извѣстнымъ удовольствіямъ надъ другими, принимая во вниманіе какъ ихъ количество, такъ и ихъ качество.

Если счастье—единственная цѣль человѣческаго существованія, то только въ общемъ счастьи и можетъ заключаться высшее мѣрило нравственности.

Не личная выгода, не цѣлесообразность поступковъ, т.-е. ихъ пригодность служить той или другой цѣли, являющейся въ данное время предметомъ нашихъ желаній,—опредѣляютъ нравственное достоинство поступковъ: мы дѣйствуемъ нравственно лишь тогда, когда признаемъ въ общемъ счастьи высшее начало нравственности и согласуемъ свои поступки съ пользою общей.

Нравственные поступки людей не являются результатомъ расчета. Если человѣкъ воздерживается отъ воровства или убійства, то не потому, что взвѣсивъ возможные послѣдствія такихъ поступковъ, приходитъ къ убѣжденію, что они вредны обществу. Человѣкъ,

296 мѣсто, занимаемъ. Маклавелли въ истор. полит. ученій. получившій воспитаніе, вращающійся среди общества, находитъ уже готовый кодексъ правилъ, которыя указываютъ ему, какіе поступки содѣйствуютъ общей пользѣ и какіе противны ей. Человѣкъ вступаетъ въ жизнь съ очень опредѣленными понятіями добра и зла, привитыми ему воспитаніемъ, личный опытъ даетъ ему случай провѣрять эти понятія, дополнять и развивать ихъ. И встрѣчаясь съ практическимъ вопросомъ о вредѣ и пользѣ того или другаго поступка, онъ прилагаетъ къ нему уже готовый масштабъ.

Но что заставляетъ человѣка сообразовать свои поступки съ этими нравственными правилами, другими словами, въ чемъ заключается санкція нравственныхъ правилъ?

Внѣшняя санкція заключается въ надеждѣ пріобрѣсти расположеніе и въ боязни навлечь на себя гнѣвъ согражданъ или Бога. Эти побудительныя причины дѣйствуютъ тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ сильнѣе въ насъ чувство единенія съ себѣ подобными и чѣмъ живѣе въ насъ любовь къ Богу и благоговѣніе передъ нимъ.

Внутренняя санкція заключается въ томъ чувствѣ, которое мы называемъ совѣстью. Совѣсть не прирожденное, а пріобрѣтенное чувство, которое прививается воспитаніемъ и той средой, въ которой мы вращаемся, и тѣми общественными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ слагаются всѣ наши представленія. Это чувство никогда не уступитъ анализу разсудка, ибо коренится въ нашихъ соціальныхъ симпатіяхъ, въ томъ стремленіи къ единенію съ подобными себѣ, которое съ успѣхами

цивилизациі все болѣе крѣпнетъ въ насъ. Общественный союзъ охватываетъ все существо человѣка такими неразрывными узами, что онъ не можетъ мыслить себя иначе, какъ членомъ этого союза. И чѣмъ болѣе политическая жизнь сглаживаетъ экономическое и политическое неравенство, тѣмъ сильнѣе развивается въ людяхъ чувство единенія съ себѣ подобными. Развитію этихъ чувствъ должны съ своей стороны содѣйствовать религія, школа, семья, и если всѣ эти факторы соединятся въ стремленіи къ этой общей цѣли—тогда нравственныя правила получаютъ для человѣка обязательную силу, передъ которой склонятся притязанія его эгоизма ¹¹³).

Б. К л а в е л ь .

Все живое находится въ постоянномъ развитіи. Это развитіе заключается въ томъ, что органы, отправлявшіе свои функціи первоначально независимо другъ отъ друга, усложняются, переплетаются и постепенно переходятъ отъ изолированности и совмѣстничества къ взаимности и солидарности. Эту взаимность мы уже замѣчаемъ у растеній, у которыхъ корни, листья, цвѣты и другіе органы обмѣниваются, такъ сказать, услугами. Эта взаимность переходитъ въ солидарность у животныхъ, поврежденіе одного изъ органовъ которыхъ можетъ повлечь за собою смерть всего организма ¹¹⁴).

Этотъ законъ развитія примѣняется и къ различнымъ формамъ общежитія, которыя тѣмъ развитѣе, чѣмъ болѣе онѣ охватываютъ силу и чѣмъ въ болѣе большой степени онѣ организованы на началахъ взаимности и солидарности.

Пока человѣкъ живетъ изолированно, онъ ничѣмъ не отличается отъ дикаго звѣря ¹¹⁵). Лишь вступая въ общеніе съ себѣ подобными, онъ постепенно начинаетъ расширять свой умственный и нравственный кругозоръ. Первымъ побужденіемъ къ вступленію человѣка въ общеніе съ себѣ подобными служитъ половое влеченіе. Этотъ инстинктъ кладетъ основаніе семьѣ, въ которой впервые зарождается антиэгоистическое чувство—алтруизмъ, заставляющій человѣка пецись не только о себѣ, но и о другихъ. Съ возникновеніемъ семьи, образуются замкнутые кружки, въ которые не проникаетъ борьба за существованіе, и въ которыхъ взаимность интересовъ соединяетъ людей къ совмѣстному труду и къ совмѣстной борьбѣ за существованіе. Эгоистическіе инстинкты уравниваются въ предѣлахъ семьи чувствомъ симпатіи. Половое влеченіе развивается въ супружескую любовь, которая распространяется и на остальныхъ домочадцевъ, и порождаетъ любовь родителей къ дѣтямъ, привязанность брата къ сестрѣ, уваженіе дѣтей къ отцу, нѣжность къ матери и т. п., цѣлый рядъ антиэгоистическихъ чувствъ, недоступныхъ человѣку, живущему внѣ общества ¹¹⁶).

Но пока семья не является членомъ болѣе обширнаго союза, чувство альтруизма еще крайне не развито: оно распространяется лишь на членовъ семьи, связанныхъ единствомъ крови, совмѣстная дѣятельность направлена лишь на удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей; языкъ человѣка, этотъ главный факторъ интеллектуальнаго развитія, ограничивается немногими вос-

клицаніями, которыя мы встрѣчаемъ и у животныхъ; за предѣлами же семьи человѣкъ остается тѣмъ же дикимъ звѣремъ, который изо дня въ день гонится за добычей и ставитъ ни во что жизнь своего ближняго ¹¹⁷).

Лишь когда кочевой бытъ уступаетъ мѣсто осѣдлому, и семья, разросшаяся въ родъ, переходитъ въ общину земледѣльческую, на ряду съ которой возникаетъ впоследствии и община городская, — тогда только развиваются болѣе прочныя общественныя связи и вмѣстѣ съ ними и болѣе совершенныя нравственныя понятія,

Люди, соединившись въ общину, этимъ самымъ отказываются отъ исключительнаго преслѣдованія своихъ личныхъ интересовъ. Въ общинѣ беспорядочная погоня за добычей уступаетъ мѣсто организованному труду. Люди начинаютъ понимать значеніе раздѣленія труда, взаимнаго обмѣна услугъ, воздерживаются отъ произвольныхъ захватовъ чужаго добра и признаютъ другъ за другомъ извѣстную сферу, въ которую никто не имѣетъ права безнаказанно вмѣшиваться. Правильный трудъ позволяетъ трудящемуся человѣку имѣть запасы, онъ становится бережливымъ, предусмотрительнымъ, расчетливымъ, Онъ вноситъ порядокъ въ свою домашнюю обстановку, воздерживается, отъ излишествъ, требуетъ отъ своихъ домочадцевъ того же. Семейная жизнь дисциплинируется; бережливость, умѣренность, трудолюбіе считаются добродѣтелями; праздность, тунеядство, невоздержанность — пороками. Правильная организація труда отражается такимъ образомъ, на семейныхъ и обще-

ственныхъ правахъ: она смягчаетъ и облагораживаетъ ихъ. Жизнь человѣка въ общинѣ не поглощается одной заботой о насущномъ хлѣбѣ; онъ имѣетъ досугъ и этотъ досугъ наталкиваетъ его на занятія, которыя развиваютъ и изощряютъ его умственные способности; бесѣды въ кругу товарищей и друзей позволяютъ ему обмѣниваться мыслями и наблюденіями; человѣческая рѣчь становится богаче и воспринимаетъ отвлеченныя понятія. Опытъ не пропадаетъ даромъ и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: люди начинаютъ цѣнить лицъ, обладающихъ имъ, уважаютъ старость, окружаютъ заботами не способныхъ къ труду по дряхлости лѣтъ и видятъ въ нихъ свихъ естественныхъ наставниковъ и руководителей ¹¹⁸), Члены общины принимаютъ участіе въ общественной жизни, судятъ и рядятъ объ общинныхъ дѣлахъ. Они привыкаютъ пецись объ интересахъ съ которыми не связана непосредственно ихъ личная польза, общественная польза становится предметомъ ихъ заботъ. Алтруизмъ сказывается все сильнѣе и ограничиваетъ эгоизмъ. Люди, которые первоначально давали полную волю своимъ страстямъ и считали себѣ все дозволеннымъ, признаютъ теперь существованіе извѣстныхъ правилъ, уваженіе къ которымъ сдерживаетъ ихъ эгоистическія влеченія. Эти правила переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, освящаются преданіемъ и все глубже и глубже врѣзываются въ народную совѣсть. Ихъ прививаетъ семья, ихъ проповѣдуетъ школа, съ ними, встрѣчается человѣкъ на каждомъ шагу своей общественной и частной дѣятельности, И человѣкъ подчиняется имъ, какъ

объективнымъ нормамъ, независимымъ отъ людскаго произвола ¹¹⁹).

Община представляетъ собою однако ограниченную форму общенія и не можетъ обнять всѣхъ тѣхъ условій, которымъ современное общество обязано своимъ развитіемъ. Община, которая не является членомъ болѣе обширнаго союза, очень бѣдна внутренней жизнью. Она является организаціей для защиты извѣстнаго разряда матеріальныхъ интересовъ и обнимаетъ населеніе, ведущее одинаковый образъ жизни, говорящее однимъ языкомъ, исповѣдующее одну религію. Опекать правительства, обзрѣвающего небольшой кругъ своихъ подвластныхъ, тяготитъ надъ общиною; контроль общества вмѣшивается во всѣ мелочи частной жизни и не даетъ простора индивидуальному развитію. Свободному изслѣдованію и безпрепятственному обмѣну мыслей, которыя преуспѣваютъ лишь тамъ, гдѣ сталкиваются противоположные интересы и возрѣнія, нѣтъ мѣста въ общинѣ. Нигдѣ сила привычки, деспотизмъ обычая, гнетъ разъ установившихся формъ жизни не господствуютъ такъ тиранически, какъ въ общинѣ. Религіозная исключительность, политическій партикуляризмъ, контроль общества, опека правительства отражаются и на членахъ общины и развиваютъ въ нихъ узкость взглядовъ, религіозную истершимость, пренебреженіе интересами лицъ, не принадлежащихъ къ общинѣ ¹²⁰).

Національность, организовавшаяся въ государствѣ, устраняетъ эти преграды и объединяетъ лицъ съ различными, а перѣдко и противоположными интересами,

302 мѣсто, занимаемъ. МАКИАВЕЛЛИ ВЪ ИСТОР. ПОЛИТ. УЧЕНІЙ.
въ одно политическое цѣлое. И люди, не смотря на различіе своихъ частныхъ интересовъ, религіозныхъ убѣжденій, привычекъ и взглядовъ, чувствуютъ себя членами одного цѣлаго, гражданами одного государства. Разнообразіе и противоположность сталкивающихся и переплетающихся воззрѣній зараждаютъ духъ сомнѣнія, который заставляеть человѣка вдумываться въ окружающія его явленія; человѣческая мысль изощряется, наблюденія и запасъ свѣдѣній расширяются. Человѣкъ не преклоняется болѣе передъ авторитетомъ традицій и обычая, и слѣдуетъ пути, который ему указываетъ разумъ. Возникаетъ наука. Религіозная мораль теряетъ подъ собою почву. Моральные начала перестаютъ быть для просвѣщеннаго человѣка предписаніями божества, проповѣдники этихъ началъ — людьми, отмѣченными божествомъ, онъ не преклоняется болѣе передъ тѣмъ общественнымъ порядкомъ, который раздѣляетъ общество на безгласное стадо и на пастырей, на подчиненныхъ и властителей: политическій и религіозный деспотизмъ возмущаютъ его. Человѣкъ начинаетъ понимать, что нравственныя начала не лежатъ внѣ его, не парятъ надъ нимъ въ заоблачной выси, а коренятся въ немъ самомъ и составляютъ лучшую сторону его существа. Онъ сознаетъ себя нравственной личностью, его самоувѣренность, его чувство собственного достоинства крѣпнутъ; онъ и въ своемъ ближнемъ видитъ нравственную личность и уваженіе къ себѣ переноситъ и на своихъ согражданъ. — Какъ чувство добра, такъ и чувство прекраснаго зарождается въ человѣкѣ лишь въ общеніи съ

себѣ подобными. Но онъ можетъ сдѣлаться силою, воздѣйствующею на нравы лишь въ государствѣ. Чувство прекраснаго возбуждается въ насъ гармоніей формы. Тамъ, гдѣ такой гармоніи не существуетъ, не можетъ развиваться и чувство прекраснаго. Гармонія же предполагаетъ равновѣсіе и пропорціональность, а то и другое возможно лишь въ общежитіи, гдѣ грубость нравовъ уступила мѣсто болѣе мягкимъ и правильнымъ отношеніямъ, гдѣ рѣзкія общественныя противоположности сгладились, гдѣ люди, просвѣщенные наукою, способны обнять умственнымъ окомъ все разнообразіе общественной жизни и понять ту гармонію и то равновѣсіе силъ, которыя управляютъ міромъ. Искусство, какъ продуктъ общежитія, въ свою очередь является факторомъ, облагораживающимъ и смягчающимъ нравы, отвлекающимъ его отъ исключительнаго преслѣдованія матеріальныхъ интересовъ и научающимъ его дорожить идеальными благами. Человѣкъ, доступный чувству прекраснаго, возмущается проявленіемъ грубой силы, въ чемъ бы она ни выражалась, вноситъ порядокъ и благообразіе въ свою частную жизнь и дорожить ими и внѣ дома. Искусство— великій воспитатель человѣческаго рода и нерѣдко являлось источникомъ вдохновенія для людей, жертвовавшихъ собою ради истины и блага своего народа ¹²¹).

Государство не есть послѣдняя возможная форма общенія, и нравственныя понятія останутся несовершенными, пока государства не объединитъ союзъ, обнимающій все человѣчество. Пока будетъ существовать національный эгоизмъ и грубая сила рѣшать судьбы на-

родовъ, до тѣхъ поръ корысть, взаимное недовѣріе будутъ проникать и въ отношеніи гражданъ другъ къ другу, и человѣкъ не будетъ священецъ человѣку ¹²⁴).

Цѣль человѣка сохранять и развивать свои силы. Эта цѣль, указанная человѣку закономъ, управляющимъ міромъ, и есть высшее начало нравственности и то мѣрило, съ помощью котораго человѣкъ отличаетъ добро отъ зла.

Человѣкъ избѣгаетъ все то, что умаляетъ и ослабляетъ его силы, и стремится къ тому, что содѣйствуетъ сохраненію и росту его силъ, онъ боится болѣзней и желаетъ здоровья. Здоровье же и равновѣсіе — понятія соотносительныя. Здоровье наше страдаетъ или когда наши силы и способности бездѣйствуютъ и не находятъ себѣ должнаго примѣненія, или же когда усиленная работа или излишества изнуряютъ ихъ. Добро заключается, такимъ образомъ, въ гармоніи и равновѣсіи силъ, зло же — въ неумѣренности или излишней воздержанности, или въ развитіи одной силы въ ущербъ другой. Но это добро двоякаго рода: или благо индивида, или благо нравственной личности. Индивидуальное благо заключается въ полнотѣ равновѣсія силъ, которыми обладаетъ человѣкъ и внѣ общества, и развитіе которыхъ не зависитъ отъ соціальнаго общенія. Человѣкъ, заботясь о своемъ индивидуальномъ благѣ, дѣйствуетъ исключительно по инстинкту самосохраненія, и этого эгоистическаго чувства совершенно достаточно для обезпеченія ему индивидуальнаго блага.—Благо же личности заключается въ равновѣсіи силъ и способностей, которыя прививаются человѣку лишь жизнью въ обществѣ. Нрав-

ственная личность есть продукт общественной жизни и существо, дѣйствующее не только по инстинкту самосохраненія, но обязанное своимъ развитіемъ чувству алтруизма, привитому общественнымъ воспитаніемъ ¹²³).

Наше же предшествующее изложеніе показало, что эта личность тѣмъ развитѣе, чѣмъ въ бѣльшей степенн ея отношенія къ себѣ подобнымъ основываются на началахъ взаимности и солидарности. Мы можемъ поэтому опредѣлить нравственность, какъ совокупность правилъ, регулирующихъ дѣятельность людей на пачалахъ взаимности и солидарности. Какъ эти правила, такъ и нравственные чувства, прививаются намъ лишь жизнью въ обществѣ. И они тѣмъ развитѣе, чѣмъ совершеннѣе общественный союзъ, т.-е. чѣмъ болѣе онъ основывается на началахъ взаимности и солидарности.

Нравственные понятія не вытекаютъ изъ чувства эгоизма. Пока мы слѣдуемъ эгоистическимъ инстинктамъ, мы стоимъ на низшей ступени развитія и ничѣмъ не отличаемся отъ животнаго. Лишь съ возникновеніемъ въ насъ симпатіи къ себѣ подобнымъ, въ насъ зарождаются нравственные понятія, которыя становятся тѣмъ развитѣе, чѣмъ сильнѣе въ насъ сказывается чувство алтруизма. И это чувство въ свою очередь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ совершеннѣе та связь, которая сближаетъ насъ съ себѣ подобными ¹²⁴).

Понятія челоѣка о добрѣ и злѣ не суть результаты размышленія и расчета, а привиты ему общественнымъ воспитаніемъ. Каждаго челоѣка, вступающаго въ жизнь, охватываетъ атмосфера, пропитанная нравствен-

ными понятіями. Онъ проникается ими, и они заставляютъ его дѣйствовать такъ, а не иначе. Этотъ внутренній голосъ, предписывающій человѣку извѣстный образъ дѣйствія, укоряющій его, когда онъ измѣняетъ этому образу дѣйствія и заставляющій его чувствовать внутреннее довольство, когда онъ остается вѣренъ ему, — мы называемъ совѣстью. — Но совѣсть, какъ осадокъ чувствъ, привитыхъ намъ воспитаніемъ и средою, не можетъ и не должна служить человѣку единственнымъ руководителемъ. Это чувство слагается подъ вліяніемъ общественныхъ предразсудковъ, извращено нерѣдко одностороннимъ воспитаніемъ и не можетъ отвѣтить на всѣ тѣ вопросы, съ которыми приступаетъ къ намъ практическая жизнь. Просвѣщенный человѣкъ не долженъ вѣрить въ непогрѣшимость голоса совѣсти и безпрекословно слѣдовать безсознательному нравственному чутью, а сознательно стремиться къ нравственному усовершенствованію ¹²⁵).

V. Критическая оцѣнка ученія Макиавелли о нравственности.

Разсмотрѣнныя нами моральныя теоріи можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой группѣ должно причислить теоріи философовъ XVIII вѣка, ко второй теоріи позитивистовъ.

Различіе между тѣми и другими обусловливается тѣмъ, что философы XVIII в. не знаютъ историческаго развитія и строятъ свои теоріи, имѣя въ виду абстрактнаго человѣка, влеченія и чувства котораго остаются всегда и вездѣ неизмѣнными, между тѣмъ какъ позитивисты видятъ въ нравственномъ складѣ человѣка послѣдствіе

ВОЗЗРѢН. МАКИАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 307

историческаго развитія. Какъ тѣ, такъ и другіе отрицаютъ самобытность нравственныхъ началъ, но если, по ученію философовъ XVIII в., нравственныя правила суть результатъ личнаго расчета отдѣльныхъ лицъ, считающихъ нравственнымъ все то, что имъ полезно, а безнравственнымъ все то, что имъ вредно, то по ученію позитивистовъ, нравственныя правила развиваются постепенно и складываются подъ вліяніемъ потребностей общежитія и внѣшнихъ условій.

По ученію утилитаристовъ XVIII в., мѣриломъ нравственности является личный интересъ. Если они и признаютъ въ общемъ благѣ высшее начало морали, то только потому, что, по ихъ воззрѣнію, общій интересъ есть не что иное, какъ совокупность частныхъ интересовъ. Они не признаютъ возможности коалиціи между частнымъ интересомъ и интересомъ общимъ и учатъ, что противорѣчіе между общимъ и частнымъ интересомъ есть или послѣдствіе ложнаго пониманія частнаго интереса или неудовлетворительности общественнаго строя, искусственно создавашаго противоположность интересовъ. Общее благо, какъ оно понимается разсматриваемыми писателями, служитъ лишь для провѣрки той ариѳметической задачи, которая должна вычислить, въ чемъ заключается личный интересъ. Если въ итогѣ этого вычисленія получается интересъ, совпадающій съ интересомъ общимъ, то это служитъ доказательствомъ тому, что въ вычисленіе не вкралось ошибки, и что расчетъ личнаго интереса сдѣланъ вѣрно.

Но если мѣрило нравственности—личный интересъ, и

этотъ личный интересъ является исключительнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности, то всѣ поступки людей должны были бы быть нравственными. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объясняются безнравственные поступки? А тѣмъ, отвѣчаютъ намъ утилитаристы, что не всякій способенъ понимать свою личную пользу, и это ложное пониманіе личнаго интереса и есть источникъ безнравственности. Поступать нравственно—значитъ умѣть вѣрно рассчитывать послѣдствія своихъ поступковъ. А этотъ расчетъ не по силамъ отдѣльному человѣку, и государство должно придти ему на помощь. Государство должно обставлять людей такими условіями, которыя выяснили бы имъ, въ чемъ заключается вѣрно понятый личный интересъ, и побуждало бы ихъ дѣйствовать согласно съ этимъ интересомъ.

И такъ, утилитаристы XVIII в. отрицаютъ существованіе общихъ нравственныхъ правилъ, которымъ бы люди подчинялись, какъ объективнымъ началамъ; они отрицаютъ и существованіе того внутренняго нравственнаго чувства, которое заставляеть человѣка инстинктивно избѣгать зла и стремиться къ добру. Такіе выводы, игнорирующіе несомнѣнныя явленія психической жизни человѣка, живущаго въ обществѣ, объясняются тѣмъ, что эти писатели, не признавая съ одной стороны самобытности нравственныхъ началъ и отрицая съ другой историческое развитіе, вырабатывающее эти начала, были вынуждены отрицать явленія, которыхъ не могло объяснить ихъ возрѣніе на происхожденіе и сущность морали. Имѣя въ виду лишь абстрактнаго человѣка и

возрѣн. маклав., оказ. влиян. на дал. ходъ пол. мысли. 309

раздѣляя заблужденія философовъ XVIII в., не признававшихъ историческаго развитія, они должны были отрицать нравственность въ смыслѣ историческаго явленія, слагающагося постепенно, подобно праву и государству. И въ этомъ отношеніи ихъ теоріи совпадаютъ съ ученіями моралистовъ-стоиковъ, не признающихъ влияния внѣшнихъ условій на нравственный складъ человѣка: какъ по возрѣнію стоиковъ, такъ и по ученію эпикурейцевъ XVIII в., мѣрило нравственности остается всегда и вездѣ неизмѣннымъ. Различіе въ возрѣніяхъ тѣхъ и другихъ заключается только въ томъ, что по ученію независимой морали это мѣрило—внутреннее нравственное чувство, прирожденное человѣку, между тѣмъ какъ по ученію утилитаризма это мѣрило—личный интересъ. Общественная жизнь, по ученію утилитаристовъ, не вырабатываетъ общихъ нравственныхъ правилъ, не перевоспитываетъ эгоистическую природу человѣка, а имѣетъ значеніе лишь въ томъ отношеніи, что устраняетъ условія, которыя затрудняютъ вѣрное пониманіе личной пользы и облегчаютъ людямъ отличать полезное отъ вреднаго.

Этотъ абстрактный взглядъ на человѣка, какъ на существо, остающееся всегда и вездѣ неизмѣннымъ, это игнорированіе историческаго развитія и является источникомъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, въ которыя впадаетъ утилитаризмъ XVIII в.

Писатели же XIX в., не вѣрующіе въ самобытность нравственныхъ началъ, не отрицаютъ однако существованія того внутренняго нравственнаго чувства, которое

заставляетъ человѣка стремиться къ добру и избѣгать зла, не отрицаютъ и существованія общихъ нравственныхъ правилъ, которымъ бы люди подчинялись независимо отъ какихъ бы то нибыло личныхъ мотивовъ. Но эти правила и это чувство, по ихъ воззрѣнію, не прирождены человѣку, а суть послѣдствія сожительства людей въ государствѣ.—Природа, учатъ они, надѣлила человѣка лишь чувствомъ самосохраненія, но это чувство научаетъ людей, вступающихъ въ общеніе съ себѣ подобными, ограничивать свои желанія и стремленія: люди видятъ въ этомъ ограниченіи необходимое условіе общежитія, дорожить благами котораго заставляетъ ихъ личный интересъ. Въ обществѣ зарождается антитегонстическое чувство—алтруизмъ. Оно растетъ и крѣпнетъ въ человѣкѣ по мѣрѣ развитія общественныхъ связей и является источникомъ всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя перевоспитываютъ эгоистическую природу человѣка и заглушаютъ исключительное господство своекорыстныхъ влеченій. Въ обществѣ вырабатываются и извѣстныя общія правила, слагающіяся постепенно и воплощающіяся во всемъ строѣ общественной жизни. Они регулируютъ отношенія между людьми по началу общаго блага и дѣлаются для человѣка, выросшаго въ обществѣ, такими же неотразимыми мотивами, какими являются соображенія личной пользы для человѣка, незнающаго общественныхъ связей.

Эти положенія, къ которымъ сводится ученіе позитивистовъ о нравственности, обезоруживаютъ возраженія, которыя обыкновенно дѣлаются утилитаризму ¹²⁶); они

не имѣютъ силы и по отношенію къ возрѣніямъ Макиавелли на мораль, критической оцѣнкѣ которыхъ мы должны посвятить послѣднія страницы настоящаго очерка.

Критики утилитаризма утверждаютъ, что исходной точкой моральныхъ теорій, отрицающихъ самобытность нравственныхъ началъ, является не фактъ, добытый путемъ наведенія, а умозрительное начало. Это замѣчаніе совершенно справедливо по отношенію, напр., къ теоріи Бентама, который выставляетъ стремленіе людей къ счастью аксіомой, не требующей доказательствъ. Ученіе же Макиавелли о нравственности есть плодъ его наблюденій надъ природой человѣка, и непримиримые противники его доктрины не могутъ не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ былъ глубокимъ знатокомъ человѣческой природы и что въ его возрѣніи на людскія страсти есть много вѣрныхъ и тонкихъ замѣчаній. И дѣйствительно, можно не соглашаться съ его пессимистическимъ взглядомъ на человѣческую природу, но во всякомъ случаѣ должно признать, что человѣкъ, какъ его намъ рисуетъ Макиавелли—не продуктъ умозрѣнія, а слѣпокъ съ природы.

Другое возраженіе, дѣлаемое утилитаризму, сводится къ тому, что польза, какъ начало постоянно мѣняющееся и зависящее отъ субъективнаго пониманія отдѣльныхъ лицъ, не можетъ служить надежнымъ мѣриломъ нравственности. Но, по Макиавелли, мѣрило нравственности не субъективное пониманіе пользы, а воплотившіеся въ общественномъ строѣ объективныя начала, на стражѣ которыхъ стоитъ карающій Богъ. Макиавелли ви-

дить въ сѣненіи личнаго сужденія главное условіе нравственнаго порядка: общественная жизнь должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы человѣкъ находилъ уже кодексъ нравственныхъ правилъ готовымъ и чтобы ему ничего другаго не оставалось, какъ безропотно преклоняться передъ авторитетомъ этихъ правилъ.

Критики утилитаризма утверждаютъ, что теоріи, исходящія изъ начала пользы, проповѣдуютъ и узаконяютъ эгоизмъ. Но Макиавелли этого упрека во всякомъ случаѣ сдѣлать нельзя. Онъ, напротивъ, признаетъ въ эгоизмѣ источникъ всего того зла, которое преслѣдуетъ человѣчество, и видитъ въ борьбѣ противъ эгоизма главную воспитательную задачу государства. И все его ученіе есть не что иное, какъ рядъ правилъ, долженствующихъ сдерживать эгоистическія влеченія людей и обуздывать ихъ въ интересахъ общаго блага.

Но ученіе Макиавелли вызываетъ на другія возраженія, которыя не столько касаются основныхъ началъ его ученія, сколько ихъ обоснованія и развитія.

Между ученіемъ Макиавелли о нравственности и его взглядомъ на природу человѣка существуетъ непримиримое противорѣчіе. Добродѣтель заключается, по Макиавелли, въ дѣятельной любви общаго блага. Человѣкъ же Макиавелли—узкій эгоистъ, обуреваемый страстями, лишенный способности воодушевляться идеальными благами, дѣйствующій подъ напоромъ страстей, возбуждаемыхъ случайными впечатлѣніями. Откуда возьмется у такого человѣка способность воодушевляться любовью общаго блага, служить вѣрою и правдою своему отече-

ВОЗРѢН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛ. 313
ству и видѣть въ благѣ цѣлаго высшее мѣрило своихъ поступковъ?

Макиавелли возлагаетъ на государство трудную задачу перевоспитанія человѣка. Но эта задача—задача неразрѣшимая и причина тому не только человѣческая природа, но и тѣ ограниченныя воспитательныя средства, которыми располагаетъ государство. Воспитательная дѣятельность государства сводится къ тому, что оно предупреждаетъ и пресѣкаетъ вредныя послѣдствія эгоистическихъ влеченій: оно не касается источника зла, а мѣшаетъ лишь этому злу выступать наружу. Государство Макиавелли не проникаетъ въ глубь человѣка, не прививаетъ ему новыхъ привычекъ, которыя заглушили бы собою эгоистическія влеченія; въ благоустроенномъ государствѣ, какъ его намъ рисуетъ Макиавелли, граждане не становятся лучше, а лишь не имѣютъ случая давать воли своимъ страстямъ. Человѣкъ въ государствѣ остается узкимъ эгоистомъ, государство лишь связываетъ его по рукамъ и ногамъ и лишаетъ его возможности грѣшить.—Такой педагогическій пріемъ могъ бы оказать еще нѣкоторое вліяніе на человѣка, если бы Макиавелли признавалъ силу привычки. Но человѣкъ, по его возрѣнію, не имѣетъ прошедшаго и живетъ лишь настоящимъ: сила привычки не развиваетъ въ немъ склада мыслей и чувствъ, которыя оставались бы неизмѣнными среди измѣнчивости внѣшней обстановки. А если природа человѣка дѣйствительно такова, то и воспитательный трудъ государства—трудъ напрасный, и какими бы условіями государство не обставляло че-

ловѣка, онъ всегда останется тѣмъ же несправимымъ эгоистомъ, какимъ его создала природа.

Любовь общаго блага можно назвать добродѣтелью лишь въ томъ случаѣ, если она дѣлается устойчивымъ чувствомъ, независимымъ отъ внѣшнихъ случайныхъ впечатлѣній. Но Макиавелли самъ сознается, что та любовь, на которую способенъ человѣкъ — чувство совершенно инаго рода. Любовь, по его воззрѣнію, есть не что иное, какъ привязанность, обусловливающаяся личными мотивами, не что иное, какъ плата за полученные благодѣянія; и эта любовь продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока человѣкъ испытываетъ на себѣ тѣ пріятныя ощущенія, которыми она была вызвана. Вотъ почему Макиавелли и требуетъ, чтобы государство надѣляло гражданъ благодѣяніями, ради которыхъ они могли бы любить государство. Но развѣ такая любовь, обусловливающаяся полученными благодѣяніями и продолжающаяся лишь до тѣхъ поръ, пока граждане испытываютъ на себѣ эти благодѣянія, можетъ воодушевлять гражданъ къ подвигамъ и служить основаніемъ общежитія? Развѣ такая любовь общаго блага есть та гражданская добродѣтель Римлянъ, которую восхваляетъ Макиавелли и въ которой онъ видитъ источникъ величія Рима?

Макиавелли требуетъ, чтобы религія содѣйствовала развитію въ людяхъ гражданскихъ добродѣтелей. Но религія, по Макиавелли, такое же внѣшнее и искусственное учрежденіе, какъ и государство; сущность ея заключается не въ проповѣдуемыхъ ею правилахъ, а во внѣшнихъ обрядахъ. Она воздѣйствуетъ на людей

ВОЗВРЪНІИ, МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 315

не силою убѣжденій, а внѣшними принудительными средствами. Значеніе ея сводится къ тому, что она окружаетъ носителей власти таинственностью и заставляетъ народъ уважать въ нихъ не простыхъ смертныхъ, а избранниковъ божіихъ, устами которыхъ глаголетъ божество. Государственная власть, опирающаяся на религію, пользуется бѣльшимъ авторитетомъ, и народъ преклоняется передъ издаваемыми ею законами, какъ передъ повелѣніями, исходящими отъ сверхъестественнаго существа. Незримое таинственное существо, волю котораго провозглашаютъ носители политической власти, возбуждаетъ въ людяхъ страхъ, а страхъ есть именно то чувство, которымъ всего легче воздѣйствовать на людей и держать ихъ въ повиновеніи. Религія, по Макиавелли, не что иное, какъ политическое орудіе, долженствующее придать повелѣніямъ государственной власти бѣльшій авторитетъ. Возбуждая въ людяхъ страхъ передъ карающей силою божества, она сдерживаетъ дурныя страсти и заставляетъ людей безропотно подчиняться законамъ гражданскаго общежитія. Религія, такимъ образомъ, внутренняго человѣка не касается, а препятствуетъ лишь дурнымъ страстямъ выступать наружу ¹²⁷).

Возвръніемъ Макиавелли на природу человѣка объясняется и то, что онъ не признаетъ за воспитаніемъ въ семьѣ и школѣ, за наукою и искусствомъ вліянія на нравственный складъ человѣка: эти факторы не могутъ воздѣйствовать на человѣка, не умѣющаго хранить уроки прошедшаго и воодушевляться идеальными благами.

Сводя итогъ всему предшествующему изложенію, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Макиавелли не отрицаетъ нравственности, какъ утверждаютъ одни писатели, и не считаетъ политику областью, въ которой нравственныя правила были бы неприменимы, какъ утверждаютъ другіе; онъ, напротивъ, первый изъ писателей новаго времени выяснилъ то тѣсное взаимодѣйствіе, которое существуетъ между политическимъ бытомъ народа и его нравственнымъ складомъ. Макиавелли является отцомъ тѣхъ моральныхъ теорій, которыя отрицаютъ самобытность нравственныхъ началъ и учатъ, что моральныя понятія обуславливаются, съ одной стороны, эгоистической природою человѣка, съ другой—потребностями общежитія и той внѣшней обстановкой, среди которой живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Источникъ же заблужденій Макиавелли, возлагающаго на одно государство перевоспитаніе человѣка и вооружающаго это государство одними внѣшними, принудительными средствами, заключается въ его ложномъ возрѣніи на государство и на природу человѣка.

4. МАКИАВЕЛЛИ—ЗАЩИТНИКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ.

Эпоха возрожденія была тѣмъ временемъ, когда абсолютная монархія торжествовала побѣду, когда на развалинахъ феодальнаго быта возникали новыя политическія тѣла, объединявшія обширныя территоріи въ компактыя и сильныя своимъ единствомъ государства. И всѣ лучшіе умы стояли на сторонѣ этого новаго порядка и видѣли въ усиленіи государственной власти потребность времени.

Боденъ проповѣдуетъ абсолютизмъ и видитъ въ усиленіи королевской власти единственный исходъ изъ междуусобій и безурядицъ, раздиравшихъ Францію. Гвичардини, выросшій въ демократической Флоренціи, является самымъ страстнымъ врагомъ народнаго правленія и требуетъ, чтобы государственная власть находилась или въ рукахъ сильной и могущественной аристократіи или въ рукахъ монарха; онъ прямо заявляетъ, что если бы ему пришлось выбирать между демократіей и монархіей, онъ бы предпочелъ послѣднюю. Макіавелли видитъ въ усиленіи и сосредоточеніи государственной власти единственный якорь спасенія для несчастной Италіи; говоря объ испорченности своего отечества, онъ указываетъ на Италію и Францію, гдѣ эта испорченность смягчается тѣмъ, что во главѣ этихъ государствъ стоитъ сильное правительство; въ разрозненности Германіи онъ признаетъ причину ея бесплія и хвалитъ государственный строй Франціи, въ которой королевская власть сдерживаетъ властолюбіе дворянъ и поддерживаетъ въ странѣ миръ и спокойствіе. Въ Ломбардіи, Неаполѣ, Романьѣ и папской области лишь князь по его мнѣнію, въ состояніи поддержать порядокъ, а Италію лишь военная диктатура можетъ спасти отъ ужасовъ иностраннаго владычества. Во Флоренціи условія политической жизни таковы, что въ ней можетъ упрочиться республиканскій строй, но лишь подъ однимъ условіемъ, а именно, если выступитъ мудрый и благонамѣренный законодатель, который, проникнутый любовью къ своему отечеству и чуждый всякихъ всекорыстныхъ плановъ, возьметъ на себя дѣло пере-

устройства государства на республиканскихъ началахъ. Но Макиавелли не скрываетъ, что такое—преобразование трудный подвигъ и сомнѣвается, чтобы нашелся человекъ, которому было бы по силамъ разрѣшить такую задачу. Въ своей исторіи Флоренціи онъ беспощадно бичуетъ ошибки и увлеченія республиканцевъ и раскрываетъ недостатки демократическаго строя и какъ бы отчаивается остановить то роковое движеніе, которое влечетъ его отечество въ объятія тираніи.

Если бы Макиавелли былъ лишь сыномъ своего вѣка, если онъ, стоя въ самомъ круговоротѣ политической жизни, не сумѣлъ бы сохранить безпристрастнаго взгляда спокойнаго изслѣдователя, то и онъ былъ бы увлеченъ общимъ теченіемъ политической жизни, то и онъ признавалъ бы въ началѣ власти главное если не единственное основаніе всякой благоустроенной политической жизни, то и онъ видѣлъ бы въ народѣ лишь невѣжественную толпу, а въ народоправствѣ источникъ и корень всего зла, прѣслѣдующаго человечество. Но Макиавелли не только откликался на потребности своего времени, но и умѣлъ изслѣдовать политическую жизнь безо всякихъ предвзятыхъ мнѣній и вникать въ природу социальныхъ отношеній, не смущаясь злобою дня. И благодаря именно тому, что ему удалось стать на эту точку зрѣнія, онъ и сумѣлъ понять и оцѣнить значеніе политической свободы и обосновалъ свой взглядъ на республику, какъ наилучшую государственную форму, доводами, которые не утратили значенія и по сіе время и сохранять это значеніе, пока дѣло свободы еще будетъ нуждаться въ

защитникахъ. Мы показали въ другомъ мѣстѣ въ чемъ заключаются эти доводы; напомнимъ здѣсь только читателю, что всѣ они обусловливаются возрѣніемъ Макіавелли на воспитательную задачу государства. Человѣкъ, по Макіавелли, внѣ государства, самая беспомощная и жалкая тварь. Лишь государство вооружаетъ его орудіями борьбы съ враждебными ему силами природы и съ своими страстями; лишь въ государствѣ человѣкъ научается отличать добро отъ зла, обуздывать свои влеченія, уважать интересы другихъ, любить своихъ ближнихъ, свою родину, преклоняться передъ Божествомъ, дорожить идеальными благами и видѣть въ служеніи общему благу свое высшее назначеніе. На это перевоспитаніе человѣка возможно лишь въ свободномъ государствѣ, ибо лишь въ немъ могутъ быть осуществлены условія, прививающія человѣку тѣ качества, которыя возвышаютъ его надъ остальной тварью и дѣлаютъ его царемъ природы и владыкою міра. Тиранія же можетъ поддерживать лишь внѣшній порядокъ, но порядокъ, убивающій въ человѣкѣ его лучшія стороны и низводящій его на степень безсловеснаго животнаго.

Къ этимъ положеніямъ сводятся политическія убѣжденія Макіавелли и мы можемъ теперь, познакомившись въ предшествующихъ отдѣлахъ съ задачею и методою его политическихъ трактатовъ, приступить къ разрѣшенію вопроса объ отношеніи «*Discorsi*» къ «*Il Principe*», вопроса, изслѣдованіе котораго покажетъ, что авторъ «*Князя*» и въ книгѣ, посвященной тираніи, остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Сравнивая эти два трактата, прежде всего бросается въ глаза ихъ различіе по содержанію и по распредѣленію матеріала. «*Il Principe*»—трактатъ о тираніи, написанный по заранѣе обдуманному плану въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. «*Discorsi*» же не что иное, какъ рядъ размышленій о различныхъ вопросахъ политики по поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ первыхъ десяти главъ Тита Ливія «*Il Principe*»—монографія, изслѣдующая частный вопросъ, «*Discorsi*»—сочиненіе, въ которомъ Макиавелли изучаетъ всѣ явленія политической жизни, доступныя его наблюденію.

Другое важное различіе между этими двумя политическими трактатами заключается въ томъ, что въ «*Il Principe*» личность Макиавелли скрывается за объективнымъ изслѣдованіемъ политическаго вопроса, между тѣмъ какъ въ «*Discorsi*» эта личность выступаетъ передъ нами во весь ростъ. Изслѣдуя въ «*Князь*» тиранію, Макиавелли воздерживается отъ всякой оцѣнки ея достоинствъ и недостатковъ. Если въ «*Разсужденіяхъ*» онъ опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ тиранія необходима, и указываетъ на тѣ условія, которыми она вызывается, на то вліяніе, которое она оказываетъ на политическую и нравственную жизнь народовъ, то въ «*Князь*» онъ не касается этихъ вопросовъ, которые могли бы выяснить его субъективное отношеніе къ тираніи, а изслѣдуетъ лишь, какими средствами вводится и поддерживается тиранія. Въ «*Il Principe*» Макиавелли изучаетъ, а не проповѣдуетъ, онъ нигдѣ не высказываетъ своихъ политическихъ убѣжденій и его субъективное отношеніе

выставляемымъ имъ правиламъ, остается скрытымъ. Лишь въ послѣдней главѣ онъ выступаетъ изъ своей роли безпристрастнаго изслѣдователя и раздражается великолѣпнымъ воззваніемъ, обращеннымъ къ Лаврентію Медичи—изгнать варваровъ изъ Италіи. Въ «*Discorsi*» Макиавелли не только изслѣдуетъ, но и проповѣдуетъ; онъ является передъ нами не только тонкимъ наблюдателемъ, глубокимъ мыслителемъ, остроумнымъ изслѣдователемъ, но и человѣкомъ, воодушевленнымъ любовью къ своему отечеству, проникнутымъ сознаніемъ о всеисцѣляющей силѣ политической свободы, защитникомъ республики, краснорѣчивымъ ходатаемъ народа, врагомъ деспотизма, беспощадно бичующимъ тирановъ и угнетателей народа. Это различіе между «*Il Principe*» и «*Discorsi*» отражается и на языкѣ этихъ двухъ трактатовъ. Между тѣмъ какъ книга о «*Князь*» написана спокойнымъ тономъ научнаго изслѣдованія и нигдѣ не звучитъ захватывающей за душу нотки, то въ «*Discorsi*» прорывается нерѣдко то крикъ негодованія, то порывъ восторга. Но этотъ пафосъ Макиавелли не имѣетъ ничего искусственнаго и рассчитаннаго. Читая его краснорѣчивыя страницы, посвященныя изложенію преимущества свободнаго правленія, невольно чувствуешь, что онъ прямо вымѣлился изъ его благородной души. И каждый разъ, когда ему приходится противопоставлять политическую свободу деспотизму, его рѣчь согрѣвается и чѣмъ болѣе онъ увлекается этимъ вопросомъ, тѣмъ шире и величавѣе течетъ огненный потокъ его воодушевленной рѣчи.

Несправедливо поэтому мнѣніе ученыхъ, утверждаю-

щихъ, будто Макиавелли измѣняетъ въ «*Князь*» своему республиканскому образу мыслей и является защитникомъ тираніи. Въ книгѣ, посвященной Лаврентію Медичи, онъ не могъ измѣнять своимъ политическимъ убѣжденіямъ, уже по той простой причинѣ, что онъ въ этомъ политическомъ трактатѣ никакихъ политическихъ убѣжденій не высказываетъ, а выставляетъ лишь правила, которыми долженъ руководствоваться тиранъ, воздерживаясь отъ всякой оцѣнки этихъ правилъ.

Но Макиавелли въ «*Князь*» не только не измѣняетъ политическимъ убѣжденіямъ, выраженнымъ въ «*Разсужденіяхъ*», но и излагаетъ въ нихъ тѣ же самыя правила, которыя онъ предлагаетъ въ «*Discorsi*», разсуждая о тираніи.

Макиавелли выставляетъ въ «*Il Principe*» общее правило, что князь, вынужденный прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, долженъ стараться покончить съ ними сразу. Тоже самое правило мы встрѣчаемъ и въ 45 гл. I кн. «*Discorsi*». Жестокія мѣры, которыя Макиавелли совѣтуетъ въ «*Il Principe*» новому князю, подчиняющему своей власти свободный городъ, мы находимъ перечисленными цѣликомъ и въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ въ 26 гл. I кн. «*Discorsi*». Въ 9 гл. «*Князя*», Макиавелли, говоря о тираніи, возникшей изъ борьбы партій, развиваетъ мысль, что князь, обязанный своимъ возвышеніемъ народу, легче можетъ упрочить свою власть, чѣмъ тиранъ, завладѣвшій престоломъ при помощи дворянъ. Макиавелли совѣтуетъ поэтому тирану, желающему основать свою власть на прочныхъ основаніяхъ, опираться

на народъ. Тотъ же самый совѣтъ Макиавелли предлагаетъ тирану въ 40 гл. «*Discorsi*». Князь для поддержанія своей власти долженъ, во-первыхъ, поддерживать порядокъ страхомъ наказанія, во-вторыхъ, не раздражать понапрасно народа, въ третьихъ, стараться приобрести расположеніе народа. Эти совѣты Макиавелли предлагаетъ тирану въ «*Il Principe*» и ихъ же мы встрѣчаемъ въ 16, 26 и 40 гл. I кн. и въ 4 гл. III кн. «*Discorsi*». Итакъ, между «*Il Principe*» и «*Discorsi*» не только не существуетъ никакого противорѣчія во взглядахъ, но и всѣ тѣ политическіе совѣты, которые Макиавелли предлагаетъ въ «*Князь*», мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ мѣстахъ «*Discorsi*», которыя посвящены тираніи.

Если Макиавелли въ «*Il Principe*» развиваетъ лишь подробнѣе взгляды, изложенные имъ въ «*Discorsi*» и онъ въ книгѣ, посвященной тираніи, не измѣняетъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, то тѣмъ не менѣе остается необъясненнымъ тотъ фактъ, что писатель, державшійся республиканскаго образа мыслей и всей душою преданный политической свободѣ, написалъ книгу о тираніи.

Объяснить этотъ фактъ — задача послѣдующаго изложенія.

Въ новѣйшей литературѣ о Макиавелли можно считать установившимся слѣдующее воззрѣніе на отношеніе «*Discorsi*» къ «*Il Principe*» и на тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ Макиавелли въ этихъ двухъ сочиненіяхъ.

Макиавелли былъ искреннимъ республиканцемъ, но видя, что свободный государственный строй неосуществимъ въ современной ему Италіи, пришелъ къ убѣж-

денію, что единственное средство спасти Италію отъ конечной гибели — неограниченная власть абсолютнаго монарха. И вотъ, дабы указать этому тирану тотъ путь, слѣдуя по которому, онъ могъ бы упрочить свою власть на твердыхъ основаніяхъ, объединить Италію въ одно крѣпкое государство и изгнать иноземцевъ изъ ея предѣловъ, Макиавелли пишетъ своего «*Князя*» — руководство тирану, будущему спасителю Италіи. Но абсолютная монархія, объединившая Италію, не есть конечная цѣль Макиавелли. Тиранъ уготовляетъ лишь почву, на которой долженъ возрости новый, свободный государственный строй — республика. И для грядущихъ поколѣній, которымъ выпадаетъ счастливая доля — собирать жатву, посѣянную тираномъ и пользоваться выгодами республиканскаго строя, Макиавелли пишетъ свои «*Разсужденія о первыхъ десяти главахъ Тита Ливія*». И тотъ и другой трактатъ преслѣдуютъ практическія цѣли, но цѣли, которыя могутъ быть осуществлены лишь одна за другой.

Если первая часть этого плана, приписываемаго Макиавелли, и ничего невозможнаго въ себѣ не заключаетъ и можно допустить, что Макиавелли считалъ лишь князя способнымъ внести порядокъ въ разъединенную Италію и изгнать иноземцевъ, то вторая часть этого плана до такой степени не практична, что, приписывая его Макиавелли, нужно отказаться отъ мнѣнія, будто трезвый взглядъ и политическій смыслъ были его отличительными чертами. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно предположить, чтобы тиранъ пользующійся такими средствами, которыя указаны въ «*Il Principe*»

подавляющій всякую свободу въ странѣ и основывающій свою власть на беспощадномъ угнетеніи народа, чтобы такой тиранинъ, обновилъ бы государственную жизнь Италіи и расчистилъ бы ей путь къ политической свободѣ. Но если бы и нашелся князь, который воспользовался бы своею властію лишь для того, чтобы внести виѣшній порядокъ въ страну, то можетъ ли, спрашивается, народъ, прошедшій школу деспотизма, стать сразу свободнымъ и поддерживать порядокъ, созданный тираномъ? Разслабленному политическимъ рабствомъ народу едва ли по силамъ такая задача. Исторія учитъ, что политическая свобода выпадаетъ лишь на долю тѣхъ народовъ, которые сами завоевываютъ ее себѣ, даромъ же она никому недостается....

Очевидно, что этотъ планъ возрожденія Италіи, приписываемый Макіавелли, не достоинъ серьезнаго политика. Но этимъ еще не доказано, что Макіавелли не имѣлъ его: и у трезваго писателя нерѣдко встрѣчаются мысли, поражающія насъ своею непрактичностью. Дабы показать несостоятельность разбираемаго нами возрѣнія, мы должны поэтому рассмотреть, вѣжеться ли приписываемый Макіавелли планъ съ его политическими взглядами и убѣжденіями.

Господствующее въ литературѣ возрѣніе на отношеніе «*Discorsi*» къ «*Il Principe*» покоится на томъ ложномъ предположеніи, будто Макіавелли выставляетъ въ своихъ политическихъ трактатахъ лишь правила, не посредственно приложимыя къ жизни и приспособленныя къ особеннымъ условіямъ политической жизни Италіи, и что онъ будто бы преслѣдуетъ ими лишь практическія

326 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ исторіи полит. ученій. цѣли. Мы же показали, что Макиавелли на ряду съ практическими правилами выставляетъ и чисто теоретическія положенія и что онъ не только предлагаетъ совѣты своимъ соотечественникамъ, но и изслѣдуетъ государственную жизнь вообще. Это вытекаетъ какъ нельзя яснѣе изъ изученія его «*Discorsi*», теоретическій характеръ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но что и «*Князь*» не есть практическое руководство, а теоретическое изслѣдованіе, въ этомъ убѣждаетъ насъ сравненіе «*Il Principe*» съ «*Discorso sopra il Riformarlo stato di Firenze*». Этотъ послѣдній трактатъ имѣетъ цѣлью указать папѣ Льву на тѣ средства, съ помощью которыхъ онъ могъ бы ввести во Флоренціи устойчивый государственный порядокъ. Макиавелли начертываетъ здѣсь проэктъ конституціи, которая, по его воззрѣнію, всего болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ политическаго быта Флоренціи. Этотъ трактатъ показываетъ намъ, какъ Макиавелли писалъ сочиненія, въ которыхъ онъ не изслѣдовалъ теоретическихъ вопросовъ, а предлагалъ практическіе совѣты. Макиавелли начинаетъ «*Discorso sopra il Riformar lo Stato di Firenze*» съ изслѣдованія причинъ недолговѣчности конституцій, смѣнявшихся во Флоренціи въ короткій промежутокъ времени. Затѣмъ онъ задается вопросомъ: какая изъ государственныхъ формъ всего болѣе соотвѣтствуетъ данному состоянію Флоренціи и отвѣчаетъ, что условія ея общественнаго и политическаго быта таковы, что одна республика способна успокоить умы, удовлетворить потребностямъ и желаніямъ народа и обезпечить порядокъ въ городѣ. Въ послѣдней части

трактата онъ подробно объясняетъ намъ, какъ должна быть устроена эта республика и излагаетъ самый обстоятельный и подробный проэктъ республиканской конституціи. Макиавелли остается здѣсь въ предѣлахъ своей задачи: онъ не пускается въ разсужденія объ общихъ вопросахъ политики и не изслѣдуетъ государственныхъ учрежденій другихъ странъ, а говоритъ лишь о государственномъ бытѣ своего роднаго города и постоянно имѣетъ въ виду особенныя условія политической жизни Флоренціи. Если бы Макиавелли преслѣдовалъ въ «*Il Principe*» такую же практическую цѣль, если бы онъ въ этомъ трактатѣ поставилъ себѣ задачею снабдить совѣтами будущаго властителя Италіи, то онъ слѣдовалъ бы той же системѣ изложенія и той же методѣ, т. - е., ограничился бы изслѣдованіемъ политической жизни своего отечества и указалъ бы, къ какимъ средствамъ долженъ прибѣгнуть князь, намѣревающійся объединить Италію, и говоря объ этихъ средствахъ, принялъ бы во вниманіе данное политическое состояніе своего отечества. Между тѣмъ мы въ «*Il Principe*» ничего подобнаго не видимъ. Макиавелли разсуждаетъ въ этомъ трактатѣ о всѣхъ видахъ княжества, доступныхъ его наблюденію, ни одному изъ нихъ не даетъ предпочтенія и говоря о тѣхъ разнообразныхъ политическихъ средствахъ, которыми вводятся княжества, указываетъ и на такія, которыя не могли имѣть никакого практическаго значенія для Италіи.

До насъ дошло, кромѣ того, прямое свидѣтельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что «*Il*

Principe» есть теоретическое изслѣдованіе, а не практическое руководство будущему владыкѣ Италіи. Въ письмѣ къ Веттори, выдержки изъ котораго мы привели выше, мы читаемъ слѣдующее: «Помня слова Данте, что не было бы знанія, если бы слышанное не запоминалось, я записалъ все то, чему я научился въ бесѣдѣ съ древними и составилъ маленькое сочиненіе de principatibus, гдѣ я изслѣдуя эту матерію и разсматриваю, что такое княжество, сколько существуетъ родовъ княжествъ, какими средствами они приобрѣтаются и поддерживаются и вслѣдствіе какихъ причинъ ихъ теряютъ». Изъ этихъ словъ, которыми Макиавелли опредѣляетъ ту цѣль, которую онъ преслѣдуетъ въ «*Il Principe*» какъ нельзя яснѣе вытекаетъ, что задача «*Князя*» не предлагать практическихъ совѣтовъ кому бы то ни было, а изслѣдовать природу княжества и выставить общія правила, примѣнимыя не только въ Италіи, но вездѣ, гдѣ существуютъ княжества.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что «*Il Principe*» не практическое руководство, а теоретическое изслѣдованіе.

Но господствующее въ новѣйшей литературѣ воззрѣніе на отношеніе «*Discorsi*» къ «*Il Principe*» не только поκειται на ложномъ предположеніи, будто «*Il Principe*» написанъ въ назиданіе Лаврентію Медичи, но и противорѣчитъ всему тому, что Макиавелли говоритъ о тираніи и о ея вліяніи на народныя нравы.

Макиавелли видитъ въ тираніи ненормальный политическій строй, но тѣмъ не менѣе считаетъ эту государственную форму необходимой при извѣстныхъ условіяхъ.

И важнѣйшее изъ этихъ условій—испорченность нравовъ; и когда разъ эта испорченность проникла въ страну, она дѣлается жертвою анархіи и лишь желѣзная рука тирана можетъ спасти ее отъ конечной гибели. Тиранъ возстановляетъ порядокъ тѣмъ, что подавляетъ силою всѣ анархическія стремленія, которыя грозятъ государству разрушеніемъ. Если у народа неиспорченнаго порядокъ поддерживается страхомъ Божиимъ, уваженіемъ къ закону, сознаниемъ гражданскихъ обязанностей, то у народа испорченнаго, подпавшаго подъ власть тирана, этотъ порядокъ поддерживается желѣзной волей тирана и его неумолимымъ мечемъ. «Тамъ, гдѣ нѣтъ страха Божія, говоритъ Макиавелли, тамъ государство должно или пасть или быть поддерживаемо княземъ, который замѣняетъ собою недостатокъ религіи»¹²⁸). «По всѣмъ этимъ причинамъ, говоритъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, возникаетъ трудность или невозможность поддерживать или вновь основать республику въ испорченныхъ городахъ. И если тѣмъ не менѣе представляется необходимость основать или поддерживать въ нихъ республику, то нужно приблизить ее скорѣе къ королевству, чѣмъ къ народоправству, дабы люди, которые, благодаря высокоумію, не могутъ быть улучшены закономъ, были бы по крайней мѣрѣ сдерживаемы королевскою властію»¹²⁹). «Гдѣ нѣтъ честности, замѣчаемъ Макиавелли, тамъ ничего хорошаго ожидать нельзя, какъ нельзя ожидать его въ странахъ, въ которыя въ наше время проникла испорченность. И къ такимъ странамъ принадлежитъ прежде всего Італія,

но и Франція и Испанія уже заражены испорченностію. И если въ этихъ двухъ послѣднихъ странахъ мы не замѣчаемъ безпорядковъ, то и дѣло возникающихъ въ Италіи, то объясняется это, тѣмъ, что онѣ имѣютъ короля, который поддерживаетъ въ нихъ единеніе не только своей личной энергіей, но и учрежденіями еще неиспорченнаго правительства» ¹³⁰). И такъ, князь въ испорченномъ государствѣ не возстановляетъ чистоту нравовъ, не оживляетъ гражданскихъ добродѣтелей, не возвращаетъ народу той нравственной силы, безъ которой, по возрѣнію Макиавелли, свободный строй не можетъ удержаться, а поддерживаетъ лишь единеніе и внѣшній порядокъ. Народъ остается все тотъ же, князь не возстановляетъ чистоты нравовъ, а лишь предупреждаетъ и пересѣкаетъ тѣ послѣдствія нравственной испорченности, которыя расшатываютъ внѣшній порядокъ. Но нравы подъ властію князя не только не улучшаются, но еще болѣе развращаются. Народъ, говоритъ Макиавелли, который долгое время жилъ подъ властію князя обращается въ дикаго звѣря, котораго можетъ укротить лишь новое ярмо ¹³¹). Тиранія, по возрѣнію Макиавелли, не преддверіе свободы, а могила свободы. И Макиавелли выражаетъ эту мысль въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ: «Народъ, въ который проникла испорченность, не можетъ не только короткое время, но ни одного мигновенія прожить на свободѣ» ¹³²). «Нужно считать несомнѣнной истиной, что народъ, живущій подъ властію князя если даже этотъ князь будетъ уничтоженъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, никогда не

можетъ возвратиться къ свободѣ, а одинъ князь будетъ вытѣснять другаго; безъ избранія же новаго князя такой народъ никогда не успокоится, если только не выступитъ князь, добродѣтель котораго, соединенная съ силою, не поддержитъ въ немъ свободу, но эта свобода будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока живъ этотъ человѣкъ»¹³³). Если, такимъ образомъ, народъ испорченный, подпавшій подъ власть князя не можетъ, по возрѣнію Макиавелли, возвратиться къ свободѣ и авторъ «Князя» считалъ италіанскій народъ такимъ именно испорченнымъ народомъ, то Макиавелли и не могъ видѣть въ объединеніи Италіи подъ властію князя путь къ свободѣ и къ возрожденію своего отечества. Но Макиавелли и не считалъ такое объединеніе Италіи возможнымъ и вовсе не мечталъ объ италіанской монархіи. Мы уже привели выдержки изъ 55 гл. I кн. «*Discorsi*», въ которой Макиавелли прямо заявляетъ, что въ Римской Области, въ Неаполѣ, Ломбардіи и Романьѣ существуютъ совершенно иныя условія, чѣмъ въ Тосканѣ, что въ первыхъ странахъ, кишашихъ дворянами, порядокъ можетъ быть поддержанъ лишь королевскою властью, между тѣмъ какъ во Флоренціи, Сіенѣ и Луккѣ—республика единственно возможная государственная форма. И въ другихъ мѣстахъ Макиавелли выражаетъ убѣжденіе, что республика всего болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ политическаго быта Флоренціи. Мы имѣемъ, наконецъ, трактатъ, который всецѣло посвященъ доказательству того, что одна республика можетъ осчастливить Флоренцію, внести устойчивость въ ея государственный строй, обезпечить ей

332 мѣсто, занимаемъ. Макиавелли въ истор. полит. ученій. покой и благоденствіе. А мы показали выше, что Макиавелли интересуютъ не столько судьбы Италіи, сколько интересы Флоренціи и что онъ обсуждалъ общеталіанскую политику лишь съ точки зрѣнія этихъ интересовъ. Если же это такъ, то Макиавелли и не могъ желать объединенія Италіи подъ властію князя, ибо это объединеніе уничтожило бы самостоятельность Флоренціи и ея политическую свободу, которой Макиавелли дорожилъ всего болѣе. Писатели, утверждающіе, что Макиавелли желалъ объединенія Италіи подъ властію князя, ссылаются на послѣднюю главу «*Il Principe*». Въ этой заключительной главѣ авторъ «*Князя*» говоритъ, что Лаврентія Медичи ждетъ великій подвигъ, если онъ только сумѣетъ стать на высоту своей задачи. Стоитъ ему только поднять знамя освобожденія отечества и вѣрные сыны Италіи, имя которымъ легионъ, послѣдуютъ за нимъ.— Затѣмъ Макиавелли предлагаетъ Лаврентію Медичи организовать національное войско, состоящее исключительно изъ Италіанцевъ. Иностранныя войска, побѣждавшія италіанскія, не смотря на ихъ несомнѣнныя достоинства, имѣютъ и важныя недостатки. Испанцы — хорошіе пѣхотницы, но они не выдерживаютъ напора швейцарской конницы, швейцарская же конница всегда уступала поле сраженія испанской пѣхотѣ. Вотъ этими то недостатками и долженъ воспользоваться будущій освободитель Италіи и организовать войско, которое соединяло бы достоинства иностранныхъ войскъ, не имѣя ихъ недостатковъ. Италіанцы, взятые въ отдѣльности, отличаются силою, ловкостію, смѣтливостію, если же войска, состоявшія

пъзъ Италіанцевъ, терпѣли пораженія, то только потому, что они не имѣли хорошаго организатора. Этимъ то организаторомъ и долженъ явиться Лаврентій Медичи, онъ долженъ создать италіанское, національное войско, стать во главѣ его и изгнать варваровъ изъ Италіи. — Если бы Макіавелли мечталъ объ объединеніи Италіи, то онъ въ этой главѣ объяснилъ бы намъ, какими средствами можетъ быть введена монархія и въ чемъ должно заключаться ея устройство. Между тѣмъ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о политическомъ объединеніи Италіи, а говоритъ лишь о реорганизаціи ея военныхъ силъ. Очевидно, что Макіавелли считалъ ближайшей задачей италіанской политики — изгнаніе иностранцевъ, что онъ считалъ такую задачу лишь по силамъ князю, который объединилъ бы военныя силы Италіи, организовалъ бы національное войско и съ его помощью очистилъ бы родную почву отъ иноземныхъ полчищъ. Князь, о которомъ идетъ рѣчь въ послѣдней главѣ «*Il Principe*» — не монархъ единой Италіи, не реформаторъ ея государственнаго быта, а военный диктаторъ.

Если Макіавелли не мечталъ объ единой италіанской монархіи, то что могло побудить его — написать книгу, посвященную изслѣдованію княжества?

Читатель, познакомившійся съ нашимъ изложеніемъ политическаго ученія флорентинскаго секретаря, знаетъ, что князь, по возрѣнію Макіавелли, необходимый элементъ во всякомъ обществѣ, не исключая и республики. Кроме того, князю, по возрѣнію Макіавелли, было открыто широкое поле дѣятельности въ Италіи: онъ долженъ

былъ организовать національное войско и изгнать иноземцевъ изъ Италіи, преобразовать государственныя учрежденія Флоренціи, очистить Романью отъ мелкихъ тирановъ, внести порядокъ въ Ломбардію, Неаполь, Римскую Область. Политическая жизнь Италіи нуждалась, такимъ образомъ, не только въ республиканскихъ, но и въ монархическихъ учрежденіяхъ и вотъ почему Макиавелли изслѣдуетъ не только государственное устройство республикъ, но и пишетъ книгу, всецѣло посвященную изученію княжества, вотъ почему онъ предлагаетъ совѣты не только республиканцамъ, но и князьямъ. Мы показали выше, что всѣ правила, изложенныя въ «*Il Principe*», встрѣчаются уже въ его посольскихъ донесеніяхъ. Они сложились у Макиавелли еще тогда, когда онъ слѣдилъ за дѣятельностію Людовика XII и императора Максимилиана, Цезаря Борджіа, Пандолофо Петруччи и Паоло Больони. Въ письмѣ же къ Веттори онъ говоритъ, что его «*Il Principe*» можетъ служить доказательствомъ тому, что тѣ 15 лѣтъ, которые онъ провелъ на государственной службѣ, не пропали даромъ¹³⁴). Макиавелли подводитъ, слѣдовательно, въ «*Il Principe*» лишь итогъ своимъ наблюденіямъ надъ политическимъ бытомъ тѣхъ княжествъ, который онъ изучилъ еще будучи посланникомъ.

И такъ, Макиавелли пишетъ «*Il Principe*» съ цѣлью во-первыхъ, подлѣпиться своими личными наблюденіями надъ политикою тѣхъ князей, съ которыми онъ столкнулся на пути своей служебной дѣятельности, во-вторыхъ, съ цѣлью изслѣдовать ту государственную форму,

ВОЗВРЪН. МАКІАВ., ОКАЗ. ВЛІЯН. НА ДАЛ. ХОДЪ ПОЛ. МЫСЛИ. 335
которая въ виду политическаго состоянія Италіи, имѣла
для него особенный интересъ.

Макиавелли, такимъ образомъ, своею книгою, посвященной изслѣдованію княжества, платитъ дань своему вѣку. Но что онъ не сочувствовалъ этой государственной формѣ, видно уже изъ того, что онъ, такъ краснорѣчиво распространяющійся въ «*Discorsi*» о преимуществахъ свободнаго строя, въ «*Il Principe*» ни единымъ словомъ не упоминаетъ о достоинствахъ единовластія. Очевидно, что княжество никакихъ достоинствъ въ его глазахъ не имѣетъ, и что онъ видитъ въ немъ лишь неизбежное средство, спасающее народъ отъ политической смерти. И всякому, изучившему со вниманіемъ сочиненія флорентинскаго секретаря, нетрудно замѣтить, что онъ говоритъ въ «*Il Principe*» о тирапіи съ внутреннимъ омерзеніемъ. Онъ съ какимъ то злорадствомъ указываетъ на всѣ тѣ жестокія мѣры, которыми поддерживается эта ненавистная ему государственная форма. И доказывая, что князь, силою вещей принужденъ прибѣгать къ обману, къ огню и мечу для упроченія своей власти, что онъ лишь тогда спокойно владѣетъ престоломъ, когда граждане утратили всѣ тѣ качества, которыми дорожить нравственно развитой человѣкъ, что князь, воодушевленный и наилучшими намѣреніями, превращается на княжескомъ престолѣ, воздвигнутомъ на развалинахъ свободнаго строя, въ изверга, а народъ, подпавшій подъ иго тирана, въ безсловесное стадо,—раскрывая всѣ эти неизбежныя послѣдствія деспотизма, Макиавелли выставляетъ на позоръ всему грядущему

человѣчеству тирановъ, пользующихся этими орудіями зла не ради спасенія народа отъ политической смерти, а изъ тщеславія и любви къ власти.

И какія чувства воодушевляли Макиавелли, когда онъ писалъ свою книгу, видно изъ того мѣста его «*Исторіи Флоренціи*», въ которомъ онъ повѣдалъ намъ тайну своего сердца, восклицая: «Можетъ ли существовать для государства болѣзни, болѣе пагубной политическаго рабства? И какое лекарство необходимѣе излечивающаго государство отъ политическаго рабства? Лишь тѣ войны справедливы, которыя необходимы, лишь то оружіе священо, на которомъ покоится послѣдняя надежда. А что можетъ быть для насъ необходимѣе свободы, и какое оружіе священнѣе разрывающаго цѣпи политическаго рабства?» ¹³⁵).



ПРИМѢЧАНІЯ.

ВВЕДЕНИЕ.



1) *Periès Oeuvres de Machiavel Paris 1823 T. I; Artaud Machiavel, son génie et ses erreurs Paris 1832. Mohl Geschichte u Litteratur der Staatswissenschaften. Erlangen. 1858 T. III.*

2) *Botero Della Ragione di Stato; Gianotti Libro della repubblica de' Viniziani; Vita ed azioni di Girolamo Savorgnano; Discorso sopra il fermare il Governo di Firenze l'anno 1527; Discorso intorno alla forma della repubblica di Firenze; Della repubblica Fiorentina; Discorso delle cose d'Italia; Discorso sopra il riordinare la repubblica di Siena; Uberto Foglietta La Repubblica di Genova; Scipione Ammirato Discorsi sopra Cornelio Tacito, Bartolomeo Cavalcanti Trattati sopra gli ottimi reggimenti delle repubbliche antiche e moderne Francesco Sansovino Del Governo et amministrazione di diversi Regni e Repubbliche così antiche come moderne.*

3) Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio (Opere inedite di Francesco Guicardini Firenze 1857 T. I) стр. 69, 70, 61 и 62.

4) Тамъ же стр. 26, 27.

5) Тамъ же стр. 12, 16.

6) Тамъ же стр. 43—47; 52, 53, 54—59.

7) Тамъ же стр. 22, 23, 24; 42, 43, 66, 67.

8) *Polus Apologia ad Carolum V super libro de unitate Ecclesiae 1744. Elogia Doctorum Virorum ab auorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium Authore Paulo Iovio Novocomense, episcopo Nucерino Antverpiae 1557; Hieronymi Osorii Lusitani De nobilitate civili libri II; ejusdem de nobilitate christiana libri II Florentia 1552. Antonii Possevinii e societate Iesu judicium de Nuae milites, Galli Ioannis Bodini, Nicolai Machiavelli et Antemachiaelli quibusdam scriptis. Lugduni 1594 и мн. др.*

9) См. между прочимъ *Possevinus* стр. 131, 134; *Osorius* стр. 201, 218,

10) *Possevinus*: Diximus alibi non defuisse Machiauello ingenium et acumen, sed defuisse pietatem et *usum rerum*. *Iovius*: Qui non miretur in hoc Machiauello tantum valuisse naturam, ut in nulla vel certe mediocri literata cognitione, ad justum recte scribendi facultatem, pervenire potuerit... Constat eum, sicuti ipse nobis fatebatur a Marcello Virgilio.... Graecae atque Latinae linguae flores accepisse, quos scriptis suis insereret.

11) *Polus* и *Iovius* напр.

12) *Possevinus*: Sceleratum satanum organum (срр. 129) *Osorius*: impurus scriptor atque nefarius (срр. 199).

13) *Possevinus*.

14) *Possevinus* и *Bozius* De imperio virtutis, sive imperia pendere a viris virtutibus, non a simulatis. Coloniae 1598.

15) *Gentillet* Discours sur les moyens de bien gouverner et maintenir en paix un Royaume ou autre Principauté... Contre Nicolas Machiavel florentin Genève 1579.

16) Тамъ же стр. 4.

17) Тамъ же стр. 5.

18) Тамъ же стр. 18.

19) Тамъ же стр. 5.

20) Тамъ же стр. 6.

21) Тамъ же стр. 10.

22) Тамъ же стр. 11.

23) Тамъ же стр. 12.

24) Тамъ же стр. 11.

25) Тамъ же стр. 10.

26) Тамъ же. Отдѣлъ III.

27) Mohl стр. 550 прим. 1.

28) Фридриха Великаго Antimachiavel въ его Oeuvres T. VIII; *Mazeres* De Machiavel et de l'influence de sa doctrine sur les opinions, les moeurs et la politique de la France pendant la revolution. Paris 1816.

29) Le Prince de Nicolas Machiavel Trad. par A. N. *Amelot de la Houssaye* Amsterdam. 1683.

30) Le Prince de Nicolas Machiavel traduit d'italien en françois par *Guillaume Cappel*. 1553.

31) *Ioh. Friderici Christi* de Nicolo Machiavello libri tres. Lipsiae 1731.

32) *H. Conringius* Animadversiones politicae in Machiavelli principem Helmstadt 1686.

33) *Gentilis*. De legationibus.

34) *Rousseau* Contrat social.

- 35) *Alfieri* Del Principe e delle lettere.
- 36) *Tiraboschi* Storia della litteratura italiana T. VII.
- 37) Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles.
- 38) Geschichte der philosophischen Moral—Rechts und Staats—Lehre.
- 39) Reformateurs et publicistes de l'Europe.
- 40) Zur Kritik der neueren Geschichtsschreiber въ его собраніи сочиненіи.
- 41) Historische Schriften.
- 42) Kleinere historische Schriften.
- 43) Введение къ Oeuvres de Machiavel trad. par *Guiraudet*; Paris 1803.
- 44) стр. 156; 171—174.
- 45) стр. 129—147, 148.
- 46) стр. 280—300; 315, 316.
- 47) Въ новѣйшее время появился цѣлый рядъ новыхъ сочиненіи о Макиавелли: *Twesten Machiavelli*. Berlin. 1868 *Detluf*. Essai sur les oeuvres de Machiavel. 1868. *Giuda Machiavelli e le sue opere* Firenze. 1874. *Amico* La vita di Nocolo Machiavelli Commentari Storico—critici sulla vita pubblica e privata. Firenze 1876 *Francesco Nitti* Machiavelli Nella vita e nelle dottrine Napoli 1876. *Villari* Machiavelli e il suo tempo. Firenze. 1878. Заслуживаютъ вниманія лишь послѣднія два сочиненія. Виллари и Нитти поставили себѣ цѣлью — изучить жизнь Макиавелли и объяснить его воззрѣнія условіями времени и тѣми впечатлѣніями, которыя онъ испытывалъ на пути своей служебной дѣятельности. Въ вышедшихъ пока частяхъ, Нитти разсматриваетъ біографію Макиавелли до 1512, а Виллари до 1506. Критической оцѣнки ученія Макиавелли мы не находимъ пока ни у того, ни у другаго. О книгѣ Виллари см. выше Предисловіе.



ЧАСТЬ I.

- 1) Dell' Asino d' Oro, мѣсяцъ VIII стихъ 42.
- 2) Тамъ же ст. 40, 41.
- 3) Тамъ же ст. 16, 17, 18.
- 4) Тамъ же ст. 19.
- 5) Тамъ же ст. 20, 21.
- 6) Тамъ же ст. 22.
- 7) Тамъ же ст. 31,

- 8) Тамъ же ст. 32, 33, 34.
 9) Тамъ же ст. 44.
 10) Тамъ же ст. 45.
 11) Тамъ же ст. 39.
 12) Тамъ же ст. 50.
 13) Discorsi кн. I гл. 2.
 14) Тамъ же гл. 2.
 15) Тамъ же гл. 11 и 12.
 16) Dell' Asino d' Oro пѣснь V, ст. 30, 31, 34, 35.
 17) Тамъ же ст. 13, 14.
 18) Тамъ же ст. 20, 21.
 19) Тамъ же ст. 15, 18, 19.
 20) Discorsi кн. I, гл. 2.
 21) Dell' Asino d' Oro ст. 27, 28, 32, 33 и 34.
 22) Тамъ же ст. 35 Storie florentine кн. V, § 1.
 23) Il Principe гл. 25.
 24) Discorsi кн. II, гл. 29.
 25) Тамъ же кн. II, гл. 29.
 26) Il Principe гл. 25.
 27) Dove gli uomini hanno poca virtù, la fortuna dimostra assai la potenza sua (Discorsi кн. II, гл. 30).
 27*) Тамъ же кн. III, гл. 31.
 27***) Ma per venire a quelli che per propria virtù e non per fortuna, son diventati principi, dico che li più eccellenti sono Moisè, Ciro, Romulo, Teseo e simili.... Ed esaminando le azioni e vita loro, non si vedrà che quelli avessino altro dalla fortuna che l'occasione, la quale detto loro materia di potervi introdurre quella forma che a lor parse (Il Principe гл. 6).
 28) Discorsi кн. II, гл. 5.
 29) Тамъ же кн. I, гл. 1 и 2.
 29*) См. ниже стр. 66—69.
 30) Discorsi кн. I, гл. 6.
 30*) Тамъ же кн. I, гл. I, Ср. также Storie florentine кн. I.
 30**) Тамъ же кн. I, гл. 11.
 30***) Тамъ же кн. I, гл. 17.
 31) E veramente meravigliosa cosa è a considerare, a quanta grandezza venne Atene per ispazio di cento anni, poichè la si liberò dalla tirannide di Pisistrato. Ma sopra tutto meravigliosissima cosa è a considerare, a quanta grandezza venne Roma, poichè la si libero da' suoi Re. La cagione è facile ad intendere; perchè non il bene particolare ma il bene commune è quello che fa grandi le città....

Onde ne nasce che gli uomini a gara pensano ai privati ed a pubblici commodi; e l'uno e l'atro viene meravigliosamente a crescere (Discorsi кн. II, гл. 2). E benchè molte volte, per suffragi pubblici e liberi, si sia dato ampla autorità a pochi cittadini di potere riformarla; non pertanto mai ordinata a commune utilità, ma sempre a proposito della parte loro: il che ha fatto non ordine, ma maggiore disordine in quella città (Тамъ же кн. I, гл. 49). Nondimeno, per non lasciare questa parte indecisa dico, come in un cittadino che viva sotto le leggi d'una repubblica, credo sia più laudabile e meno pericoloso il procedere di Manlio; perchè questo modo tutto è in favore del pubblico, e non riguarda in alcuna parte all'ambizione privata; perchè per tale modo non si può acquistare partigiani, mostrandosi sempre aspro a ciascuno, ed amando solo il ben commune; perchè chi fa questo, non s'acquista particolari amici, quali noi chiamiamo, come di sopra si disse, partigiani. Talmentechè, simil modo di procedere non può esser più utile nè più desiderabile in una repubblica; non mancando in quello l'utilità pubblica, e non vi potendo essere alcun sospetto della potenza privata (Тамъ же кн. III, гл. 22). La cagione perchè tutti questi governi sono stati defettivi, è che le riforme di quegli sono state fatte non a soddisfazione del bene commune, ma a corroborazione e securtà della parte (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). Ср. также Стorie florentine кн. III, § 1 и кн. III, § 5 и ниже стр. 117—121 и 123.

32) Discorsi кн. I, гл. 10.

33) Тамъ же кн. I, 27.

33*) Тамъ же кн. I, гл. 30.

34) Il Principe гл. 6.

35) Тамъ же гл. 6.

36) Discorsi кн. I, гл. 58.

37) Тамъ же кн. I, гл. 40.

38) Тамъ же кн. I, гл. 46.

39) Тамъ же кн. II, гл. 27.

40) Тамъ же кн. I, гл. 37.

41) Тамъ же кн. II, Введение.

42) Erano adunque i Fiorentini distratti da due diversi passioni, e dalla voglia d'aver Lucca, e dal timore della guerra con il duca. Vinse non di meno, come sempre intervien, il timore (Storie florentine кн. V, гл. 14). Gli uomini sono spinti da due cose principali o dalle amore, o dal timore (Discorsi кн. III, гл. 22). Odiando gli uomini le cose o per timore o per invidia (тамъ же кн. II, Введение). Gli uomini offendono o per paura, o per odio (Il Principe гл. 7).

43) II Principe гл. 3.

44) Тамъ же гл. 7.

45) Discorsi кн. I, гл. 9.

46) II Principe гл. 17.

47) Discorsi кн. I, гл. 3.

48) Если, говоритъ Макиавелли, не отнимать у людей ихъ имущество и чести, то они большаго и не требуютъ (II Principe гл. 19). Отнятіе имущества, замѣчаетъ Макиавелли въ другомъ мѣстѣ, всего болѣе оскорбляетъ людей и князь долженъ остерегаться лишать ихъ этихъ благъ (Discorsi кн. III, гл. 6). Изъ приведенныхъ мѣстъ можно сдѣлать лишь то заключеніе, что люди дорожатъ столькоже имуществомъ, сколько и честью; но мы можемъ указать на другія, въ которыхъ Макиавелли прямо заявляетъ, что матеріальныя блага цѣнятся людьми всего выше. Передавая подробности о борьбѣ, возникшей въ Римѣ по поводу аграрныхъ законовъ, Макиавелли заключаетъ свой рассказъ словами: Изъ этого видно, на сколько люди дорожатъ имуществомъ болѣе чѣмъ почетомъ (Discorsi кн. I, гл. 37). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣзче: Люди помирятся скорѣе со смертію отца, чѣмъ съ потерей имущества (II Principe гл. 17).

49) См. ниже стр. 53—58.

50) Discorsi кн. I. гл. 5, Agli uomini non basta ricuperare il loro, che vogliono occupare quello d'altri e vendicarsi (Storie florentine кн. III, § 11). E tanto sono mossi più gli uomini dalla speranza dello acquistare, che dal timore del perdere; tanto è più prontà la molli tudine ad occupare quello d'altri, che al guardare il suo (тамъ же кн. IV, § 18).

51) Ancorchè, per la invida natura degli uomini, sia sempre stato pericoloso il ritrovare modi ed ordini nuovi, quanto il cercare acque e terre incognite (Discorsi кн. I. Введеніе). Odiando gli uomini le cose o per timore o per invidia (тамъ же кн. II. Введеніе). Egli fu sempre, e sempre sarà, che gli uomini grandi e rari in una repubblica nei tempi pacifichi sono negletti; perchè per la invidia che s'ha tirato dietro la riputazione che la virtù d'essi ha dato loro, si truova in tali tempi assai cittadini che vogliono, non che esser loro eguali, ma esser loro superiori (тамъ же кн. III, гл. 16).

52) Perchè se uno uomo è offeso grandamente o dal pubblico o dal privato, e non sia vendicato secondo la soddisfazione sua; se c'vive in una repubblica, cerca ancora con la rovina di quella vendicarsi; se c'vive sotto un principe, ed abbia in se alcuna generosità, non si acquieta mai, in fino che in qualunque modo si vendichi contra di

lui, ancora che egli vi vidisse dentro il suo proprio male (тамъ же кн. II, гл. 28). Fuora di queste necessità, la roba è l'onore sono quelle due cose che offendono più gli uomini che alcun'altra offesa, e dalle quali il principe si debbe guardare: perchè e' non può mai spogliare uno tanto, che non gli resti un coltello da vendicarsi (тамъ же кн. III, гл. 6).

53) E la natura degli uomini è così obbligarsi per li beneficii che essi fanno, come per quelli che essi ricevano (II Principe гл. 10. Gli uomini quando hanno bene da che credono aver male, si obbligano più beneficatore loro (тамъ же гл. 9).

54) Тамъ же гл. 17.

55) Тамъ же гл. 17.

56) Discorsi кн. III, гл. 12.

57) Тамъ же кн. I, гл. 1.

58) Тамъ же кн. I, гл. 3.

59) Тамъ же кн. I, гл. 42.

60) Тамъ же кн. I, гл. 11, 12, 13.

61) II Principe гл. 6.

62) См. стр. 50 и прим. 56, 57 и 58.

63) Il quale disordine nelle repubbliche ha causato di molte rovine; perchè quelli cittadini che immeritamente si veggono sprezzare, e conoscono che e' ne sono cagione i tempi facili e non pericolosi, s'ingegnano di turbargli, movendo nuove guerre in pregiudizio della repubblica. E pensando quali potessino essere i rimedi, ce ne trovo due: l'uno *mantenere cittadini poveri, acciochè con le ricchezze senza virtù non potessino corrompere nè loro nè altri* (Discorsi кн. III, гл. 16. Noi abbiamo ragionato atrove, come la più util cosa che si ordini in un viver libero è che si mantenghino i cittadini poveri. E benchè in Roma non apparisca quale ordine fusse quello che facesse questo effetto, avendo, massime, la legge agraria avuta tanta oppugnatione; nondimeno per esperienza si vidde, che dopo quattrocento anni che Roma era stata edificata, v'era una grandissima povertà; nè si può credere che altro ordine maggiore facesse questo effetto, che vedere come per la povertà non t'era impedita la via a qualunque grado ed a qualunque onore, e come s'andava a trovare la virtù in qualunque casa l'abitasse..... Dove si vede due cose notabilissimi: l'una la povertà, e come vi stavano dentro contenti, e come bastava a quelli cittadini trarre della guerra onore, e l'utile tutto lasciavano al pubblico. Perchè, s'egli avessero pensato d'arrichire della guerra, gli sarebbe dato poca briga, che i suoi campi fussino stati guasti. L'altra è, considerare la generosità dell'animo di quelli cittadini, i

quali preposti ad uno esercito, saliva la grandezza dell'animo loro sopra ogni principe; non stimarano i re, non le repubbliche; non gli sbigottiva nè spaventara cosa alcuna; e tornati dipoi privati, diventavano parchi, umili, curatori delle piccole facultà loro, ubbidienti ai magistrati, reverenti alli loro maggiori: talchè pare impossibile che uno medesimo animo patisca tanta mutazione. Durò questa povertà ancora insino ai tempi di Paulo Emilio, che furono quasi gli ultimi felici tempi di quella Republica, dove un cittadino che col trionfo suo arricchì Roma, nondimeno mantenne povero sè. Ecotanto si stimara ancora la povertà, che Paulo nell'onorare chi s'era portato bene nella guerra, donò a un suo genero una tazza d'ariento, il quale fu il primo ariente che fusse nella sua casa. E potrebbe con un lungo parlare mostrare quali migliori frutti produca la povertà che la ricchezza e come l'una ha onorato le città, le provincie, le sette; e l'altra l'ha rovinata; se questa materia non fusse stata molte volte da altri uomini celebrata (Discorsi КН. III, гл. 25). Le repubbliche bene ordinate hanno a tenere ricco il pubblico, e il loro cittadini poveri (тамъ же КН. I, гл. 37). Sparta, come ho detto, essendo governata da un Re e da uno stretto Senato, potette mantenersi così lungo tempo, perchè essendo in Sparta pochi abitatori, ed avendo tolta la via a chi vi venisse ad abitare, ed avendo prese le leggi di Licurgo con riputazione, le quali osservando, levavano via tutte le cagioni de' tumulti, poterono vivere uniti lungo tempo: perchè Licurgo con le sue leggi fece in Sparta più equalità di sostanze, e meno equalità di grado; perchè quivi era una eguale povertà, ed i plebei erano manco ambiziosi, perchè i gradi della città si distendevano in pochi cittadini, ed erano tenuti discosto dalla plebe, nè gli nobili col trattargli male dettero mai loro desiderio di avergli (тамъ же КН. I, гл. 6).

⁶⁴) Тамъ же КН. III, гл. 28).

⁶⁵) Тамъ же КН. III, гл. 16. L'altra cagione è, che quelle repubbliche dove si è mantenuto il vivere politico ed incorrotto, non sopportano che alcuno loro cittadino nè sia, nè viva ad uso di gentiluomo: anzi mantengono infra loro una pari equalità ed a quelli signori e gentiluomini che sono in quella provincia sono inimicissimi; e se per caso alcuni porvengono loro nelle mani, come principi di corrutella e cogione di ogni scandalo, gli ammazzano. E per chiarire questo nome di gentiluomini quale c' sia dico che gentiluomini sono chiamati quelli che ociosi vivono de proventi delle loro possessioni abbondantemente, senza avere alcuna cura o di coltivare, o di alcuna altra necessaria fatica a vivere. Questi tali sono perniciosi in ogni repubblica ed in ogni provin-

cia; ma più perniciosi sono quelli che, oltre alle predette fortune, comandano a castella, ed hanno sudditi che ubbidiscono a loro. Di questi due sorti di uomini ne sono pieni il regno di Napoli, terra di Roma, la Romagna e la Lombardia. Di qui nasce che in quelle provincie non è mai stata alcuna repubblica, nè alcuno vivere politico; perchè tali generazioni di uomini sono al tutto nemici di ogni civiltà. Ed a volere in provincia fatte in simil modo introdurre una repubblica, non sarebbe possibile; ma a voler e riordinare, se alcuno ne fusse arbitro, non arebbe altra via che farvi un regno (тамъ же кн. I, гл. 55). Prima perchè a volere che un cittadino possa offendere e pigliarsi autovità istraordinaria, conviene qu'egli abbia molte qualità le quali in una repubblica non corrotta non puo mai avere: perchè gli bisogna essere ricchissimo, ed avere assai aderenti e portigiani, i quali non può avere, dove le leggi si osservano (тамъ же кн. I, гл. 34). См. также мѣста, приведенныя въ 63, замѣчаніи, въ особенноти Discorsi кн. III, гл. 25,

66) Discorsi кн. I, гл. 2, 20, 24; см. ниже 67. прим.

67) E la ragione è questa, che nessuna repubblica bene ordinata, non mai cancellò i demeriti con gli meriti de' suoi cittadini; ma avendo ordinati i premii ad una buona opera e le pene ad una cattiva, ed avendo premiato uno per aver bene operato, se quel medesimo opera dipoi male, lo gastiga, senza avere riguardo alcuno alle sue buone opere. E quando questi ordini sono bene osservati, una città vive libera molto tempo; altrimenti, sempre rovinerà presto. Perchè, se ad un cittadino che abbia fatto qualche egregia opera per la città si aggiunge, oltre alla riputazione che quella cosa gli arreca, una audacia e confidenza di potere, senza temer pena, fare qualche opera non buona, diventerà in brieve tempo tanto insolente, che si risolverà ogni civiltà. E ben necessario, volendo che sia temuta la pena per le triste opere, osservare i premii per le buone; come si vede che fece Roma. E benchè una repubblica sia povera, e possa dare poco, debbe di quel poco non astenersi; perchè sempre ogni piccolo dono, dato ad alcuno per ricompenso di bene ancora che grande, sarà stimato, da chi lo riceve, onorevole e grandissimo (Discorsi кн. I, гл. 24). Il vivere libero propone onori e premii, mediante alcune oneste e determinate cagioni e fuori di quelle non premia nè onora alcuno (тамъ же кн. I, гл. 16). См. тамъ же кн. III, 28, кн. I, 20. Vera cosa è che alcune divisioni nucono alla repubblica, ed alcune giovano: quelle nucono, che sono dalle sette e da' partigiani accompagnate; quelle giovano, che senza sette e senza partigiani si mantengono. Non potendo adunque provvedere uno

fondatore di una repubblica, che non sieno inimicizie in quella, ha da provèdere almeno che non vi sieno sètte: e per cio è da sapere, come in due modi acquistano riputazione i cittadini nelle città, o per vie pubbliche, o per modi privati. Publicamente s'acquista, vincendo una giornata, acquistando una terra, facendo una legazione con sollecitudine e con prudenza, consigliando la repubblica saviamente e felicemente; per modi privati si acquista, beneficiando questo e quell' altro cittadino, difendendolo da' magistrati, sovvenendolo di danari, tirandolo immeritamente agli onori, e con giuochi e doni pubblici gratificandosi la plebe. Da questo modo di procedere nascono le sètte ed i partigiani; e quanto questa riputazione così guadagnata offende, tanto quella giova, quando ella non è con le sette mescolata; perchè l' e fondata sopra un bene commune, non sopra un bene privato. E benchè ancora dai cittadini così fatti non si possa per alcuno modo provvedere che non vi sieno odii grandissimi; non di meno, non avendo partigiani, che per utilità propria gli seguitino, non possono alla repubblica nuocere, anzi conviene che giovino; perchè è necessario per vincere le loro prove, si voltino all' esaltazione di quella e particolarmente osservino l'uno l'altro, acciochè i termini civili non si trapassino (Storie fiorentine KH. VII, § 1).

68) E per discorrere questa cosa più particolarmente, dico che una repubblica senza cittadini riputati non può stare, nè può governarsi in alcun modo bene. Dall' altro canto, la riputazione de cittadini è cagione della tirannide delle repubbliche. E volendo regolare questa cosa bisogna talmente ordinarsi, che i cittadini sieno riputati di riputazione che giovi, e non nuoca alla città ed alla libertà di quella. E pero si debbe esaminare i modi con a quali ei pigliano riputazione; che suo in effetto due: o pubblici o privati modi. Pubblici sono: quando uno, consigliando bene, e operando meglio in beneficio commune, acquista riputazione. A questo onore si debbe aprire la via ai cittadini, e proporre premii ed ai consigli ed all' opere, talchè se n'abbino ad onorare e soddisfare. E quando queste riputazioni prese per queste vie siano schiette e semplici, non sanno mai pericolose: ma quando le sono prese per vie private, che è l'altro modo preallegato, sono pericolosissime ed in tutto nocive. Le vie private sono, facendo beneficio a questo ed ad quell' altro privato, con prestargli danari, maritargli le figliuole difendendolo dai magistrati, e facendogli simili privati favori i quali si fanno gli uomini partigiani, e danno animo a che è così favorito di poter corrompere il pubblico e sforzar le leggi. Debbe pertanto, una repubblica bene ordinata aprire le vie, come è detto, a chi cerca favori per vie pubbliche e

chiuderle a chi li cerca per vie private; come si vide che fece Roma: perche in premio di chi operava bene per il pubblico, ordino i trionfi e tutti gli altri onori che la dava ai suoi cittadini; ed in danno di chi sotto varii colori per vie private cercava di farsi grande ordino l'accusa (Discorsi кн. III, гл. 28). Perchè e' nucono alle repubbliche i magistrati che si fanno e l'autaritati che si danno per vie straordinarie non quelle, che vengono per vie ordinarie (тамъ же кн. I, гл. 34).

69) Vedesi, pertanto, come nelle repubbliche è questo disordine, di fare poca stima de' valentuomini ne' tempi quieti. La qual cosa gli fa indegnare in due modi: l'uno per vedersi mancar del grado loro; l'altro per vedersi fare compagni e superiori uomini indegni e di manco sufficienza di loro. Il quale disordine nelle repubbliche ha causato di molte rovine; perchè quelli cittadini che immeritamente si veggono sprezzare, e conoscono che e' ne sono cagione i tempi facili e non pericolosi, s'ingegnano di turbargli, movendo nuove guerre in pregiudizio della repubblica. E pensando quali potessino essere i rimedi, ce ne trovo due: l' uno, mantenere i cittadini poveri, acciocchè con le ricchezze senza virtù non potessino corrompere nè loro nè altri; l' altro, di ordinarsi in modo alla guerra, che sempre si potesse far guerra, e sempre s'avesse bisogno di cittadini riputati, come fa Roma ne' suoi primi tempi. (тамъ же кн. III, гл. 16.)

70) Discorsi кн. II, гл. 2. (См. прим. 78). Dell. Asino d' Oro п'бчу V ст. 34—42.

71) Credo che il maggiore bene, che si faccia e il più grato a Dio è quello, che si fa alla sua patria (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). *Cosimo*: Quali cose sono quelle, che voi vorreste introdurre simili all' antiche? *Fabrizio*: Onorare e premiare le virtù, non dispregiare la povertà, stimare i modi e gli ordini della disciplina militare, constringere i cittadini ad amore l'uno l'altro, a vivere senza sette, a stimare meno il privato che il pubblico. (Dell' arte della Guerra кн. I). См. также Стorie Fiorentine кн. § 5. Discorsi кн. II, гл. 2; кн. III, гл. 8.

72) См. ниже прим. 108.

73) Nè potrete a questo male trovare rimedio; perchè quelli signori possono fare la loro signoria sicura che hanno pochi nimici, i quali tutti o con la morte o con l'esilio è facile spegnere: ma negli universali odj non si trova mai sicurtà alcuna; perchè tu non sai donde ha a nascere il male; e chi teme di ogni uomo, non si può mai assicurare di persona; e se pure tenti di farlo, ti aggravi nei

pericoli, perchè quelli che rimangono, si accendono più negli odj, e sono più parati alla vendetta. Che il tempo a consumare i desiderj della libertà non basti, è certissimo; perchè s'intende spesso quella essere in una città da coloro riassunta, che mai la gustarono, ma solo per la memoria che ne avevano lasciata i padri loro l'amavano; e perciò, quella recuperata, con ogni ostinazione e pericolo conservano; e quando mai i padri non l'avessino ricordata, i palagi pubblici, i luoghi de'magistrati, l'insegne de'liberi ordini la ricordano; le quali cose conviene che sieno con massimo desiderio da'cittadini cognosciute. *Storie Fiorentine* кн. 2, § 34. Ср. также *Discorsi* кн. II, гл. и прим. 141, 142 и 143.

74) См. стр. 48 и 49.

75) *Discorsi* кн. II, гл. 2 и места, приведенные въ прим. 73, 144, 145, 146.

76) Тамъ же кн. гл. 2. (См. ниже прим. 78). *Dell Asino d' Oro* II. V ст. 34—42.

77) См. выше прим. 63 и 65. *Discorsi* кн. I, гл. 1, 3, 6. кн. III, гл. 16. *Dell Asino d' Oro* II. V ст. 32, 33.

78) Pensando dunque donde posse nascere, che in quelli tempi antichi, i popoli fossero più amatori della libertà che in questi; credo nasca da quella medesima cagione che fa ora gli uomini manco forti: la quale credo sia la diversità della educazione nostra dalla antica, fondata nella diversità della religione nostra dalla antica. Perchè avendoci la nostra religione mostra la verità e la vera via, ci fa stimare meno l'onore del mondo: onde i gentili stimandolo assai, ed avendo posto in quello il sommo bene, erano nelle azioni loro più feroci..... La religione antica, oltre di questo, non beatificava se non gli uomini pieni di mondana gloria: come erano capitani di eserciti, e principi di repubbliche. La nostra religione ha glorificato più gli uomini umili e contemplativi, che gli attivi. Ha dipoi posto il sommo bene nelle umiltà, abiezione, nello dispregio delle cose umane: quelli' altra lo ponera nella grandezza dello animo, nella fortezza di corpo, ed in tutte le altre cose, atte a fare gli uomini fortissimi. E se la religione nostra richiede che abbi in te fortezza, vuole che tu sia atto a patire più che a fare una cosa forte. Questo modo di vivere, adunque, pare che abbi renduto il mondo debole, e datolo in preda agli uomini scelerati; i quali sicuramente lo possono maneggiare, reggendo come la università degli uomini, per andare in paradiso pensa più a sopportare le sue battiture che a vendicarle (*Discorsi* кн. II, гл. 2).

79) Тамъ же кн. I, гл. 16, 24, 29. кн. III, гл. 28.

- 80) Тамъ же кн. I, гл. 1.
 81) См. выше стр. 54 и 62.
 82) Тамъ же кн. I, гл. 1 и 6.
 83) Тамъ же кн. I, гл. 1.
 84) Тамъ же кн. I, гл. 1. кн. II, гл. 3.
 85) Тамъ же кн. I, гл. 1 и 6. кн. II, гл. 3.
 86) См. выше стр. 25 и сл.
 87) Тамъ же кн. I, гл. 6.
 88) Тамъ же кн. I, гл. 1.
 89) Тамъ же кн. I, гл. 1. кн. II, гл. 3.
 90) Тамъ же кн. I, гл. 11.
 91) Тамъ же кн. I, гл. 39.
 92) См. выше прим. 30.
 93) Тамъ же кн. II, Введение.

94) Gli uomini sono molto più presi dalle cose presenti; che dalle passati; e quando nelle presenti ei trovano il bene, vi si godono e non cercano altro (Il Principe гл. 24). Nè credino, che sia vero che gli uomini facilmente ritornino al modo del vivere vecchio e consueto: perchè questo si verifica quando il vivere vecchio piacesse più del nuovo; ma quando e' piace meno non si torna se non forzato (Discorso sul Riformar lo Stato di firenze).

95) См. выше стр. 59.

96) E se straordinarii vizi non lo (т. е. наследственнаго князя) fanno odiare, è ragionevole che naturalmente sia ben voluto da' suoi, e nell' antichità e continuazione del dominio sono spente le memorie e le cagioni delle inovazioni; perchè sempre una mutazione lascia lo addentellato per la edificazione del l'atra (Il Principe гл. II).

97) E a posseder gli securamente basta aver spenta la linea del principe che li dominava; perchè nelle altre cose matenendosi loro le condizioni vecchie, e non vi essendo disformità di costumi gli uomini si vivono quietamente (тамъ же гл. 3). Perchè gli uomini usi a vivere in un modo, non lo vogliono variare; e tanto più veggiendo il male in viso, ma avendo ad essere loro mostro per conjetture (Discorsi кн. I, гл. 18).

98) Qualunque diventa principe o d'una città o d'uno stato e tanto più quando i fondamenti suoi fussino deboli e non si volga o per via di regno o di republica alla vita civile, il migliore rimedio che egli abbia a tenere quel principato, è, sendo egli nuove principe fare ogni cosa di nuovo in quello stato: come è nelle città fare nuovi governi con nuovi nomini; fare i poveri ricchi, come fece David quando ei diventó Re: qui esurientes implevit bonis, et divites di-

misit inanos; edificare oltra di questo nuove città, disfarre delle fatte, cambiare gli abitatori da un luogo ad un altro (Discorsi I, 26).

⁹⁹⁾ Talchè si vede certo, che di quel che si die un populo circa la mala o buona dispozion'sua, si debe tenere non gran conto, quando tu sia ordinato in modo da poterlo mantenere, s'egli è ben disposto s'egli è mal disposto da potere provvedere che non ti offenda. Questo s'intende per quelle male disposizioni che hanno i popoli, nate da qualunque altra cagione, che o per avere perduto la libertà, o il loro principe stato amato da loro, e che ancora sia vivo, perchè le mae disposizioni che nascono da queste cagioni sono sopra ogni cosa formidabili, e che hanno bisogno di grandi rimedi a frenarle: l'altre sue indisposizioni fieno facili, quando ci non abbia capei a che refuggire (тамъ же кн. I, гл. 57) Perchè quello stato che si muta, nacque con violenza o non; eperchè quando e'nasce con violenza, conviene nasca con ingiuria di molti, è necessario poi, nella rovina sua, che gli ingiurati si vogliono vendicare; e da questo desiderio di vendetta nasce il sangue e la morte degli uomini (тамъ же кн. III, гл. 7).

¹⁰⁰⁾ См, прим. 111.

¹¹¹⁾ Colui che desedera o che vuole riformare uno stato d'una città, a volere che sia accetto, e poterlo con satisfazione di ciascuno martenere, è necessitato a ritenere l'ombra almanco de'modi antichi; accio che a'popoli non paia avere mutato ordine; ancora che in fatto gli ordini nuovi fussero al tutto alieni di passate (тамъ же кн. I, гл. 25).

¹⁰²⁾ См. выше стр. 66.

¹⁰³⁾ Le repubbliche avere il moto loro tardo, farà che le porrano sempre più a risolversi, che il principe e per questo porrano più a rompere la fede di lui (Discorsi кн. I, гл. 59).

¹⁰⁴⁾ Discorsi кн. I, гл. 57. См. прим. 108. I desiderii de'popoli liberi, rade volte sono perniziosi alla libertà, perchè e' nascono o da essere oppressi, o da suspizione di avere a essere oppressi (тамъ же кн. I, гл. 4). Dico ch'ei debbe esaminare prima quello che il populo desidera, e troverà sempre ch'ei desidera due cose: l'una vendicarsi contro a coloro che sono cagione che sia servo; l'altra di riavere la sua libertà.... Ma quanto all'altro popolare desiderio di riavere la sua licertà, non potendo il principe satisfargli, debbe esaminare quali cagioni sono quelle che gli fanno desiderare d'essere liberi; e troverà che una piccola parte di loro desidera d'essere libera per comandare; mai tutti gli altri che sono infiniti desiderano la libertà per vivere securi (тамъ же кн. I, гл. 16). Altre a questo

non si può con onestà soddisfare a' grandi, e senza ingiuria d'altri; ma sibbene al popolo: perchè quello del popolo è più onesto fine che quel de' grandi, volendo questi opprimere, e quello non essere oppresso (Il Principe II. 9). E qualunque volta alla università degli uomini non si taglie nè robba, nè onore, vivono contenti (Il Principe 19).

¹⁰⁵) Perchè li assai uomini non si accordano mai ad una legge nuova che riguardi uno nuovo ordine nella città, se non è mostro loro da una necessità che bisogni farlo (Discorsi I, II. 2). E veramente, mai non fu alcuno ordinatore di leggi straordinarie in uno popolo, che non ricorresse a Dio; perchè altrimenti non sarebbero accettate: perchè sono molto bene conosciuti da uno prudente, i quali non hanno in se ragioni evidenti da potergli persuadere ad altri (тамъ же кн. I, 11)... Incrudelità degli uomini, i quali non credano in verità una cosa nuova, se non ne veggono nata esperienza ferma (Il Principe II. 6).

¹⁰⁶) I popoli sono tanto superiori nel mantenere le cose ordinate, ch'egli aggiungono senza dubbio alla gloria di coloro che l'ordinano... Vedesi un popolo cominciare ad avere in orrore una cosa e molti secoli stare in quella opinione: il che non si vede in uno principe (Discorsi II. I, II. 58).

¹⁰⁷) E senza dubbio, se si considera il fine de'nobili e delli ignobili, si vedrà in quelli desiderio grande di dominare, ed in questi solo desiderio di non essere dominati; e, per conseguente, maggiore volontà di vivere liberi, potendo meno sperare d'usurparla che non possono li grandi: talchè essendo i popolani proposti a guardia d'una libertà, è ragionevole ne abbino più cura, e non la potendo occupare loro, non permettino che altri la occupi (тамъ же кн. I, II. 5).

¹⁰⁸) Ma quanto alla prudenza ed alla stabilità, dico, come uno popolo è più prudente, più stabile e di miglior giudizio che un principe. E non senza cagione si assomiglia la voce d'un popolo a quella di Dio: perchè si vede una opinione universale fare effetti meravigliosi ne' pronostichi suoi: talchè pare che per occulta virtù ei prevegga il suo male e il suo bene (Discorsi II. I, II. 58). E li popoli, come dice Tulio, benchè siano ignoranti, sono capaci della verità (тамъ же кн. I, II. 4).

¹⁰⁹) Credo ancora, che si possa conchiudere, che mai un uomo prudente non debbe fuggire il giudizio popolare nelle cose particolari, circa le distribuzioni de gradi e delle dignità: perchè solo in questo il popolo non si inganna; e se si inganna qualche volta fia si raro, che s'ingannerano più volte i pochi uomini che avessino a fare simili

distribuzioni (МАМЪ ЖЕ КИ. I, ГЛ. 47) Vedesi ancora, nelle sue elezioni ai magistrati fare di lunga migliore elezione che uno principe; nè mai si persuaderà ad un popolo, che sia bene tirare alla dignità uno uomo infame e 'di' corrotti costumi: il che facilmente e per mille vie si persuade ad un principe (ТАМЪ ЖЕ КИ. I, ГЛ. 58).

¹¹⁰⁾ Perchè, così come molti non sono atti ad ordinare una cosa, per non conoscere il bene di quella, causato dalle diverse oppinioni che sono fra loro (ТАМЪ ЖЕ КИ. I, ГЛ. 9). Ed esaminando donde possa procedere questo, credo proceda cho gli uomini nelle cose generali s'ingannano assai, nelle particolari non tanto (ТАМЪ ЖЕ КИ. I, ГЛ. 47).

¹¹¹⁾ La prima, che l'popolo molte volte, ingannato da una falsa immagine di bene, desidera la rovina sua; e se non gli e fatto capace, come quello sia male, eguale sia il bene, da alcuno in chi esso abbia fede, si pone in le repubbliche infiniti pericoli e danni. E quando la sorte fa che il popolo non abbi fede in alcuno, come qualche volta occorre, sendo stato ingannato per lo addietro o dalle cose o dagli uomini; si viene alla rovina di necessità.... Pertanto, considerando quello che facile a quello che è difficile persuadere da un popolo, si può fare questa distinzione: o quel che tu hai a persuadere rappresenta in prima fronte guadagno, o perdita; o veramente pare partito animoso, o vile: quando nelle cose che si mettono innanzi al popolo, si vede guadagno, ancora che vi sia nascosto sotto perdita; e quando e'paia animoso, ancora che vi sia nascosto sotto la rovina della repubblica, sempre sara facile persuaderlo alla moltitudine: e così' fià sempre difficile persuadere quelli partiti, dove apparisce o viltà o perdita, ancorachè vi fusse nascosto sotto salute e guadagno (ТАМЪ ЖЕ КИ. I, 53). Lo universale degli uomini si pasce così di quel che pare, come di quello che è, anzi molte volte si muovono più per le cose che paiono, che per quelle che sono (КИ. I, ГЛ. 25).

¹¹²⁾ Dei quali editti, da prima per coloro contra a chi é venivano, si fu fatto beffe; dipoi, quando si appressi il tempo dello ubbidire, tutti ubbidirono. E Tito Livio dice queste parole: Ex ferocibus universis, singuli metu suo obedientes fuere. E veramente, non si può mostrare meglio la natura d'una moltitudine in questa parte che si dimostri in questo testo. Perchè la moltitudine è audace nel parlare molte volte contra alle deliberazioni del loro principe; dipoi come veggono la pena invisibile non si fidando l'uno del altro, corrono ad ubbidire. (ТАМЪ ЖЕ КИ. I ГЛ. 57).

¹¹³⁾ Qualunque legge le cose fatte dalle repubbliche troverà in tutte qualche specie di ingratitudine a suoi cittadini (ТАМЪ ЖЕ КИ. I, ГЛ. 27) СМ. ПРИМ. 115.

¹¹⁴) Il Principe гл. 17, Discorsi кн. I, гл. 16 и 57.

¹¹⁵) Quanto agli errori per mantenersi libera, sono, intra gli altri questi di offendere quei cittadini, che la dovrebbe premiare, aver sospetto di quelli in cui dovrebbe confidare (тамъ же кн. I, гл. 29).

¹¹⁶) Non e meraviglia ancora che i popoli hanno vendetti istraordinarii contra a quelli che gli hanno occupata la libertà (тамъ же кн. II гл. 2). Dove, nondimeno, il principe farsi temere in modo, che se non acquista l'amore, e fugga l'odio; perché può molto bene stare insieme essere temuto e non odiato: il che farà sempre che s'ategna dalla robba de suoi cittadini e de suoi sudditi, e dalle donne loro. E quando pure gli bisognasse procedere contro dl sangue di qualcuno farlo quando vi sia giustificazione conveniente e causa manifesta: ma soprattutto astenersi dalla robbe d'altri: perchè gli uomini dimenticano più presto la morte del padre, che la perdita del patrimonio (Il Principe гл. 17) см. Discorsi кн. I, гл. 16.

¹¹⁷) Тамъ же кн. I, гл. 54.

¹¹⁸) Perché essendo in quelli (т.-е. дворянахъ) più vedere e più astuzia, avanzano sempre tempo per salvarsi, e cercano gradi con quello che sperano che vinca (Il Principe гл. 9).

¹¹⁹) Discorsi кн. I, гл. 5, см. выше прим. 107 Notasi adunque, per questo testo, in prima esser nato in Roma questo inconveniente di creare questa tirannide per quelle medesime cagioni, che nascono la maggiore parte delle tirannidi nelle città: e questo è da troppo desiderio del popolo d'esser libero, e da troppo desiderio de' nobili di comandare (тамъ же кн. I, гл. 40). La potenza de Tribuni della plebe nelle città di Roma fu grande, e fu necessaria, perchè altrimenti non si sarebbe potuto por freno all'ambizione della Nobilità, la quale arebbe molto tempo innanzi corrotta quella Repubblica, che la non si corruppe (тамъ же кн. III, гл. 11).

¹²⁰) См. стр. 53—58 и ниже прим. 175.

¹²¹) Discorsi кн. I, гл. 9. См. ниже прим. 122. Тамъ же кн. I, гл. 17. I principi sono superiori a popoli nelle ordinare leggi, formare vite civili, ordinare statuti et ordini nuovi (тамъ же I, гл. 58). Perché a volergli rinovare a poco a poco conviene che ne sia cagione uno prudente, che veggia questo inconveniente assai discosto, e quando c'nasce (тамъ же кн. I, гл. 18). E quanto a questi, conviene che nasca o da una legge la quale spesso rivegga il conto agli uomini che sono in quel corpo, o veramente da uno uomo buono che nasca fra loro, il quale con gli suoi essempli e con le sue opere virtuose, faccia il medesimo effetto che l'ordine (тамъ же кн. III, гл. 1).

122) Debbe (т. е. князь организаторъ) in tanto esser prudente e virtuoso, che quella autorità che si ha presa, non là lasci ereditaria ad un altro: perchè essendo gli uomini più proni al male che al bene, potrebbe il suo successore usare ambiziosamente quello che da lui virtuosamente fusse stato usato. Oltre di questo, se uno è atto ad ordinare, non è la cosa ordinata per durare molto, quando la rimanga sopra le spalle d'uno; ma si bene, quando la rimane alle cura di molti, e che a molti sia il mantenerla. (Тамъ же кн. I, гл. 9). См. тамъ же кн. I, гл. 34. См. 128. стр.

123) Тамъ же кн. I, гл. 9 прим. 126. E perché i principi sono di corta vita, conviene che quel regno manchi presto, secondo che manca la virtù d'esso. Donde nasce che i regni i quali dependono solo dalla virtù d'uno uomo, sono poco durabili, perchè quella virtù manca con la virtù di quello; e rade volte accade che la sia rinfrescata con la successione, come prudentemente Dante dice: Rede volte risurge per li rami l'umana probitate: e questo vuole qualche la dà, perchè da lui si chiami (тамъ же кн. I гл. 11). E certamente si può stimare, che se Roma sortiva per terzo suo Re un uomo che non sapesse con le armi renderle la sua riputazione, non arebbe mai poi, o con grandissima difficoltà, potuto pigliare piede, nè fare quelli effetti ch'ella fece. E così, in mentre ch'ella visse sotto i Re, la portò questi pericoli di rovinare sotto un Re o debole o tristo.. Poiche Roma ebbero cacciati i Re, mancò di quelli pericoli i quali di sopra sono detti che la portava, succedendo in lei uno Re o debole o tristo. Perchè la somma dello imperio si ridusse ne'consoli, i quali non per eredità o per inganni o per ambizioni violenta, ma per suffragi liberi venivano a quello imperio, ed erano sempre uomini eccellentissimi (тамъ же кн. I, гл. 19 и 20).

124) См. выше стр. 61.

125) Al contrario interviene quando vi è uno principe; dove il più delle volte quello che fa per lui, offende la città; e quello che fa per la città, offende lui. Non può ancora le città che egli acquista, sottometterle o farle tributarie a quella città di che egli è tiranno: perchè il farla potente non fa per lui; ma per lui fa tenere lo stato desgiunto e che ciascuna terra e ciascuna provincia ricanosca lui Talchè di suoi acquisti, solo egli ne profitta, e non la sua patria (тамъ же кн. II, гл. 2). Le crudeltà delle moltitudine sono contra ei temono che'occupe il ben commune, quelle d'un principe sono contra a che ei temono che occupi il bene proprio (тамъ же кн. I, гл. 58).

126) Ma come dipoi si cominciò a fare il principe per successione

e non per elezione, subito cominciarono li eredi a degenerare dai loro antichi; e lasciando l' opere virtuose, pensavano che i principi non avessero o fare altro che superare li altri di sontuosità e di lascivia e d' ogni altra qualita deliziosa (тамъ же кн. I, гл. 2 см. слѣд. примѣчаніе).

127) Un principe sciolto dalle leggi, sarà ingrato, vario ed imprudente più che uno popolo.... E se nelle cose gagliarde o che paiano utili, come di sopra si dice, egli erra; molte volte erra ancora un principe nelle sue proprie passioni, le quaii sono molte più che quello de' papoli.... Perchè ad un popolo licenzioso e tumultuario, gli può da un uomo buono esser parlato, e facilmente può essere ridotto nella via buona: ad un principe cattivo non è alcuno che possa parlare, nè vi è altro rimedio che il ferro. Da che si può far coniezione della importanza della malattia dell' uno e dell' altro: chè se a curare la malattia del popolo bastano le parole, ed a quella del principe bisogna il ferro, non sarà mai alcuno che non giudichi, che dove bisogna maggior cura, siano maggiori errori (тамъ же кн. I, гл. 58).

128) E se la sorte facesse che vi surgesse un tirannò virtuoso, il quale per animo e per virtù d' arme ampliasse il dominio suo, non ne risulterebbe alcuna utilità a quella repubblica, ma a lui proprio: perchè e' non può onorare nessuno di quelli cittadini che siano valenti e buoni, che egli tiranneggia, non volendo avere ad avere sospetto di loro. (Тамъ же кн. II, гл. 2. Dell' Arte della guerra кн. II, (мѣсто приведено въ прим. 143).

129) Il Principe гл. 23. Discorsi кн. I, гл. 58.

130) стр. 36—41.

131) стр. 69—78.

132) стр. 63—69.

133) Discorsi кн. I, гл. 2.

134) Discorso sul Riformar lo Stato di Firenze.

135) Discorsi кн. I, гл. 33 и 34.

136) См. ниже прим. 169.

137) Ne ei è altra via da fuggire questi mali, che fare in modo che gli ordini della città per loro medesimi possino stare ferme; e staranno sempre fermi, quando ciascheduno vi averà sopra le mani; e quando ciascuno saperrà quello ch'egli abbi a fare ed in che gli abbi a confidare; e che nessuno grado di cittadino, o per paura di sè o per ambizione, abbi a desiderare innovazione (Discorso sul Riformar la stato di Firenze).

138) E se Fabio fusse stato re di Roma, poteva facilmente per

dere quella guerra; per chè non avrebbe saputo variare col procedere suo, secondo che variavano i tempi: ma sendo nato in una repubblica, dove erano diversi cittadini e diversi umori, come la ebbe Fabio, che fu ottimo ne'tepi debiti a sostenere la guerra, così ebbe poi Scipione ne' tempi atti a vincerla. Di qui nasce, che una repubblica ha maggior vita, ed ha più lungamente buona fortuna che un principato; perchè la può meglio accomodarsi alla diversità de' temporali, per la diversità di cittadini che sono in quella, che non può un principe. Per chè un uomo che sia consueto a procedere in un modo, non si muta mai come é detto; e conviene di necessità, quando si mutano i tempi disformi a quel suo modo, che rovini (Discorsi KH. III, r. 9). Il che tanto più debbe fare una repubblica, avendo il modo della allegere non solamente due successioni, ma infinite principi virtuosissimi, che sono l'uno dell'altro successori; la quale virtuosa successione fia sempre in ogni repubblica bene ordinata (тамъ же KH. I, r. 20) см. прим. KH. I, r. 16.

¹³⁹) È facil cosa è conoscere donde nasca né popoli questa affezione del vivere libero; perchè si vede per esperienza, le cittadi non avere mai ampliato nè di dominio nè di ricchezza, se non mentre son state in libertà.... La cagione è facil ad intendere: perchè non il bene particolare, ma il bene comune è questo che fa grandi le città.... Non è meraviglia adunque, che gli antichi popoli con tanto e dio perseguitassino i tiranni ed amassino il vivere libero.... Perchè tutte le terre e le provincie che vivono libere in ogni parte, come di sopra disse, fanno i progressi grandissimi. Perchè quivi si vede maggiori popoli, per essere i matrimoni più liberi, e più desiderabili da gli uomini: perchè ciascuno procrea volentieri quelli figliuoli che crede potere nutrire, non dubitando che il patrimonio gli sia tolto, chè e' conosce non solamente che nascono liberi e non schiavi, ma che possono mediante la virtù loro diventare principi. Vegonvisi le ricchezze moltiplicare in maggiore numero, e quelle che vengono dalla celtura, e quelle che vengono dalle arti. Perchè ciascuno volentieri moltiplica in quella cosa, cerca di acquistare quei beni, che crede acquistati potersi godere. Onde ne nasce che gli uomini a gara pensano ai privati ed a pubblici comodi, e l'unol'atro viene meravigliosamente a crescere (тамъ же KH. II, r. 2). Vedesi le città, dove i popoli sono principi, fare in brevissimo tempo augmenti eccessivi, e molto maggiori che quelle che sempre sono state sotto un principe: come fece Roma dopo la cacciata de're, ed Atene da poi che la si liberò da Pisistrato (тамъ же KH. I, r. 58).

¹⁴⁰) È senza dubbio, questo bene comune non è osservato se non

nelle repubbliche, perchè tutto quello che fa a proposito suo, si eseguisce (тамъ же кн. II, гл. 2).

¹⁴¹⁾ E' si è di sopra discorso, come un tristo cittadino non può male operare in una repubblica che non sia corrotta.... Pertanto io non credo che sia essemplio in questa istoria più atto a mostrare la bontà di tutti gli ordini di quella Repubblica, quantò è questo; vegghendo che nessuno di quella città si mosse a difendere un cittadino d'ogni virtù, e che pubblicamente e privatamente aveva fatte moltissime opere laudabili. Perchè in tutti loro poté più l'amore della patria, che nessuno altro rispetto, e considerarono molto più ai pericoli presenti che la lui dipendavano, che ai meriti passati: tanto che con la morte sua e'si libirarono. E Tito Livio dice: Hunc exitum habuit vir, nisi in libera civitate natus esset, memorabilis (тамъ же кн. III, гл. 8).

¹⁴²⁾ См. выше прим. 79.

¹⁴³⁾ Nelle repubbliche escono più uomini eccellenti, che de' regni perchè in quelle più delle volte si onora la virtù, ne' regni si teme onde ne nasce ehe nell'una gli uomini virtuosi si nutriscono, nell'altri si spergono (Dell' Arte della guera кн. II) Discorsi кн. II, гл. 2.

¹⁴⁴⁾ Il vivere libero propongono onori e premii, mediante alcune oneste e determinate cagioni, e fuori di quelle non premia nè onora alcuno; e quando uno ha quelli onori e quelli utili, che gli pare meritare non confessa avere obbligo con coloro, che lo rinumerano (Discorsi кн. I, гл. 16).

¹⁴⁵⁾ Тамъ же кн. I, гл. 20. кн. II, гл. 2. кн. III, гл. 25.

¹⁴⁶⁾ Discorsi кн. III, гл. 1.

¹⁴⁷⁾ Non c', adunque, la salute di una repubblica od'uno regno avere uno principe, che prudamente governi mentre vive, ma uno che l'ordini in modo, che morendo ancora si mantenga (тамъ же кн. I, гл. 12). Talchè felice si può chiamare questa repubblica, la quale sortisce uno uomo sì prudente, che le dia leggi ordinati in modo, che senza avere bisogno di coreggerle, possa vivere sicuramente sotto quelle.. E, pel contrario, tiene qualche grado d'infelicità quella città, che, non si sendo abbatutta ad uno ordinatore prudente, è necessitata da sè medesima riordinarsi: e di queste ancora è più infelice quella che è più discosto dall'ordine; e quell è più discosta, che con suoi ordini è al tutto fuori del dritto cammino, che la possi condurre al perfetto e vero fine: perchè quelle che sono in questo grado, è quasi impossibile che per qualche accidente si rassettino. Quelle altre che, se le non hanno l'ordine perfetto, hanno

preso il principio buono, atto a diventare migliori, possono per la occorrenza delli accidenti diventare perfette (тамъ же кн. I, гл. 2).

148) E debbessi pigliare questo per una regola generale: che non mai o di rado occorre che alcuna repubblica o regno sia da principio ordinato bene, o al tutto di nuovo fuori delli ordini vecchi riformato, se non è ordinato da uno; anzi è necessario che uno solo sia quello che dia il modo, e dalla cui mente dipenda qualunque simile ordinazione. Però uno prudente ordinatore d'una repubblica, e che abbia questo animo di volere giovare non a se, ma al bene comune, non allo sua propria successione, ma alla comune patria, debbe ingegnarsi di avere l'autorità solo; nè mai uno ingegno savio reprendere alcuno di alcuna azione istraordinaria, che per ordinare un regno o costituire una repubblica usasse (тамъ же кн. I, гл. 9).

149) Тамъ же кн. III, 1 и 22.

150) Тамъ же кн. I, гл. 49.

151) Тамъ же кн. I, гл. 11.

152) Тамъ же кн. I, гл. 16.

153) Io credo che non sia fuori di proposito, nè disforme dal soprascritto discorso, considerare se in una città corrotta si può mantenere lo stato libero, sendovi; o quando e non vi fusse, se vi si può ordinare. Sorpa la qual cosa dico, come gli è molto difficile fare o l'uno o l'altro (тамъ же кн. I, гл. 18).

154) См. выше прим. 119.

155) Colui, che vuole fare dove sono assai gentiluomini una repubblica, non la può fare se prima non gli spegni tutti (тамъ же кн. I, гл. 55). A voler creare una repubblica in Milano, dove è grande inegualità di cittadini, bisognerebbe spegnere tutta quella nobiltà e ridurla ad una equalità con gli altri. (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze).

156) Quanta difficoltà sia ad uno popolo, uso a vivere sotto un principe, preservare dipoi la libertà, se per alcuno accidente l'acquista, come l'acquistò Roma dopo la cacciata de Tarquini; lo dimostrano infiniti esempi che si leggono nelle memorie delle antiche istorie. E tale difficoltà è ragionevole; perchè quel popolo è non altrimenti che uno animale bruto, il quale, ancora che di feroce natura e silvestre, sia stato nudrito sempre in carcere ed in servitù, che dipoi lasciato a sorte in una campagna libero, non essendo uso a pascersi, nè sapendo le latebre dove si abbia a rifuggire, diventa preda del primo, che cerca rincatenarlo. Questo medesimo interviene ad uno popolo, il quale sendo uso a vivere sotto i governe d'altri, non sapendo ragionare ne delle difese e offese pubbliche, non cog-

noscendo i principî ne essendo conosciute da loro, ritorna presto sotto un giogo, il quale il più delle volte è più grave che quello che per poco innanzi si aveva levato d'un su'l collo: e trovasi in questa difficoltà, ancora che la materia non sia in tutto corrotta; perchè in uno popolo dove in tutto è entrata la corruzione, non può, non che piccol tempo, ma punto vivere libero (Discorsi КН. I, гл. 16). E debbesi presupporre per cosa verissima, che una città corrotta che vive sotto un principe, ancora che quel principe con tutta la sua stirpe si spenga, mai non si può ridurre liberà, anzi conviene che l'un principe spenga l'altro; e senza creazione d'un nuovo signore non si posa mai, se già la bontà d'uno, insieme con la virtù, non la tenessi liberà; ma durerà tanto quella libertà, quanto durerà la vita di quello (ТАМЪ ЖЕ КН. I, гл. 17).

157) Quanto sia difficile, nello ordinare una repubblica, provvedere a tutte quelle leggi che la mantenghino libera, lo dimostra assai bene il processo della Repubblica romana: dove non ostante che fussino ordinate di molte leggi da Romolo prima, dipoi da Numa, da Tullo Ostilio e Servio, ed ultimamente dai dieci cittadini creati a simile opera; nondimeno sempre nel maneggiare quella città si scoprivano nuove necessità, ed era necessario creare nuovi ordini: come intervenne quando crearono i Censori, i quali furono uno di quelli provvedimenti che aiutarono tenere Roma libera, quel tempo che la visse in libertà. Perchè, diventati arbitri de' costumi di Roma, furono cagione potissima che i Romani differissero più a corrompersi. (ТАМЪ ЖЕ КН. I, гл. 49).

158) Стр. 49—63.

159) Discorsi КН. I, гл. 6. См. прим. 63 и 65.

160) ТАМЪ ЖЕ КН. III, гл. 25.

161) ТАМЪ ЖЕ КН. I, гл. 33. Ср. ТАМЪ ЖЕ Storie Florentine КН. III, гл. 5. Le città, e quelle massimamente che non sono bene ordinate, le quali sotto nome di repubblica ei amministrano, variano spesso i governi e stati loro, non mediante la libertà e la servitù, come molti credono, ma mediante la servitù e la licenza: perchè della libertà solamente il nome dai ministri della licenza, che sono i popolani, e da quelli della servitù, che sono i nobili, è celebrato, desiderando qualunque di costoro non essere nè alle leggi nè agli uomini sottoposto. Vero è che quando pure avviene (che avviene rade volte) che, per buona fortuna della città, surga in quella uno savio, buono e potente cittadino, dal quale si ordinino leggi, per le quali questi umori de'nobili e de'popolani si quietino, o in modo si restringhino che male operare non possino; allora è che quella

città si può chiamar libera, e quello stato si può stabile e fermo giudicare: perchè, sendo sopra buone leggi e buoni ordini fondato, non ha necessità della virtù di un uomo, come hanno gli altri, che lo mantenga. Di simili leggi ed ordini molte repubbliche antiche, gli stati delle quali ebbono lunga vita, furono dotate: di simili ordini e leggi sono mancate e mancano tutte quelle, che spesso i loro governi dallo stato tirannico al licenzioso, e da questo a quell'altro hanno variato e variano; perchè in essi, per i potenti nemici che ha ciascuno di loro, non è, nè puote essere alcuna stabilità: perchè l'uno non piace agli uomini buoni, l'altro dispiace ai savj; l'uno può far male facilmente, l'altro con difficoltà può far bene; nell'uno hanno troppa autorità gli uomini insolenti, nell'altro gli sciocchi; e l'uno e l'altro di essi conviene che sia dalla virtù e fortuna di un uomo mantenuto, il quale, o per morte può venir meno, o per travagli diventare inutile. (Тамъ же кн. IV, § 1).

162) Ed in una repubblica non vorebbe mai accader cosa, che coi modi straordinari s'avesse a governare. Perchè, ancora che il modo istraordinario per allora facesse bene, nondimeno lo esempio fa male; perchè si mette una usanza di rompere gli ordini per bene, che poi sotto quel colore si rompono per male. Talchè mai fia perfetta una repubblica, se con le leggi non ha provvisto a tutto, ed ad ogni accidente posto il rimedio, e dato il modo a governarlo. E però, conchiudendo, dico che quelle repubbliche le quali negli urgenti pericoli non hanno refugio o al Dittatore o a simili autorità, sempre ne gravi accidenti rovinerano. (Discorsi кн. I, гл. 34).

163) Тамъ же кн. I, гл. 7.

164) Тамъ же кн. I, гл. 18.

165) Тамъ же кн. III, гл. 1.

166) Тамъ же кн. I, гл. 8 и 18.

167) Del governo della città di Lucca.

168) Тамъ же и Discorso sul Riformar lo stato di Firenze.

169) Эти условия заключаются, впервыхъ въ контролъ народа (Discorsi кн. I, гл. 5 и 40) ввторыхъ въ взаимномъ контролъ должностныхъ лицъ (Тамъ же кн. I, гл. 50 и кн. III, гл. 11).

170) Discorso sul Riformar lo stato di Firenze и Del governo della città di Lucca.

171) Discorsi кн. I, гл. 50 Discorso sul Riformar lo stato di Firenze.

172) Discorsi кн. I, гл. 33 и 34.

173) Тамъ же кн. I, гл. 34.

174) См. ниже стр. 100 и 101.

175) См. ниже стр. 101 и 102.

176) См. выше прим. 119.

177) E che colui che dove è assai equalità vuole fare uno regno o uno principato, non lo potrà mai fare se non trae di quella equalità molti di animo ambizioso ed inquieto, e quelli fa gentiluomini in fatto, e non in nome, donando loro castella e possessioni, e dando loro favore di sustanze e d'uomini; acciochè, posto in mezzo di loro, mediante quelli mantenga la sua potenza; ed essi, mediante quello, la loro ambizione; e gli altri sono constretti a sopportare quel giogo che la forza, e non altro mai, può far sopportare loro (Discorsi кн. I, гл. 55).. E per il contrario, a volere un principato in Firenze dove è una grandissima equalità, sarebbe necessario ordinarvi prima la inequalità, e farvi assai nobili di castella e ville, i quali insieme con il principe tenessino con l'armi e con l'aderenzie loro soffocata la città e tutta la provincia. Perchè un principe solo spogliato di nobiltà non può sostenere il pondo del principato, però è necessario che infra lui e l'universale sia un mezzo che l'aiuti sostenerlo (Discorso sul Riformar la città di Firenze).

178) Conosci ancora nelle lezioni delle istorie, qualli danni i popoli e le città ricevino per la servitù... Dimòdochè, subito che nasce una tirranide sopra un viver libero il manco male che ne resulti a quelle città, è non andare più innanzi, nè crescere più in potenza o in ricchezze; ma il più delle volte, anzi sempre, interviene loro, che le tornano indietro.... Il contrario di tutte queste cose segue in quelli paesi che vivono servi, e tanto più mancano del consueto bene, quanto è più dura la servitù. (Discorsi кн. II, гл. 2).

179) Discorsi кн. I, гл. 10.

180) Il Principe гл. 3 и 5.

181) Тамъ же гл. 9.

182) См. прим. 153, 156 и 185.

183) Ed ha ad intendere questo Vostra Santità, che in tutte le città dove è grande equalità di cittadini non vi si può ordinare principato se non con massima difficoltà: perchè, a voler creare una repubblica in Milano, dove è grande inequalità di cittadini, bisognerebbe spegnere tutta quella nobiltà e ridurla ad una equalità con gli altri; perchè tra di loro sono tanto straordinari, che le leggi non bastano a reprimerli, ma vi bisogna una voce viva ed una potestà regia che gli reprima. (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze) Dove manco il timore di Dio, conviene che o quel regno rovini, o che sia sostenuto dal timore d'un principe, che supplisca a' defetti della religione (Discorsi кн. I, гл. 11). Dove la materia è corotta, le leggi bene ordinate non giovano, se già le non

son mosse da uno che con una estrema forza le facci osservare (ТАМЪ ЖЕ КН. I, ГЛ. 17). Da tutte le soprascritte cose nasce la difficoltà, o impossibilità, che è nelle città corrotte mantervi una repubblica, o a crearella di nuovo. E quando pure la vi si avesse a creare o a mantenere, sarebbe necessario ridurla più verso lo stato regio, che verso lo stato popolare; *accioche quelli uomini i qualli dalle leggi, per la loro insolenzia, non possono essere corretti, fussero da una podestà quasi regia in qualche modo frenati.* (ТАМЪ ЖЕ КН. I, ГЛ. 18). *Dove è tanto la materia corrotta che le leggi non bastino a frenarla, vi bisogna ordinare insieme con quelle maggior forza; la quale è una mano regia, che con la potenza assoluta ed eccessiva ponga freno alla eccesiva ambizione e corruttela de'potente* (ТАМЪ ЖЕ КН. I, ГЛ. 55).

184) E veramente, dove non è questa bontà, non si può sperare nulla di bene; come non si può sperare nelle provincie che in queste tempi si veggono corrotte: come è la Italia sopra tutte le altre; ed ancora la Francia e la Spagna di tale corruzione ritengono parte. E se in quelle provincie non si vede tanti disordini quanti nascono in Italia ogni dì, deriva non tanto dalla bontà de'popoli, la quale in buona parte è mancata; quanto dallo avere uno re che gli mantiene uniti non solamente per la virtù sua, ma per l'ordine di quelli regni, che ancora non sono guasti (ТАМЪ ЖЕ КН. I, ГЛ. 55).

185) Qualunque diventa principe o d'una città o d'uno stato, e non si voglia o per via di regno o di repubblica alla vita civile; il migliore rimedio che egli abbia a tenere quel principato, è, sendo egli nuovo principe, fare ogni cosa di nuovo in quello Stato.... Sono questi modi crudelissimi, e nemici d'ogni vivere, ma solamente christiano, ma umano; e debbegli qualunque uomo fuggire, e volere piuttosto vivere privato, che diventar Re con tanta rovina degli uomini: nondimeno, colui che non vuole pigliare quella prima via del bene, quando si voglia mantenere, conviene che entri in questo male (ТАМЪ ЖЕ КН. I, ГЛ. 26). Quanto ad innovare questi ordini ad un tratto, quando ciascuno conosce, che non sono buoni, dico che questa inutilità, che facilmente si conosce, è difficile a riccorreggerla: perchè a fare questo, non basta usare termini ordinari essendo i modi ornari cattivi; ma è necessario venire allo istraordinario, come è alla violenza ed all' armi, e diventare innanzi ad ogni cosa principe di quella città, e poterne disporre a suo modo. E perchè li riordinare una città al vivere politico presuppone uno uomo buono, ed il diventare per violenza principe di una repubblica presuppone un uomo cattivo; per questo si troverà che radissime volte accagia, che

uno uomo buono voglia diventare principe per vie cattive, ancorachè il fine suo fusse buono; e che uno reo divenuto principe, voglia operare bene, e che gli caggia mai nell'animo usare quella autorità bene, che egli ha male acquistata. (Тамъ же кн. I, гл. 18). Perchè tale corruzione e poca attitudine alla vita libera, nasce da una *inequalità che è in quella città: e volendola ridurre equale, è necessario usare grandissimi straordinari; i quali pochi sanno o vogliono usare, (тамъ же кн. I, гл. 17)*. Ed è una regola verissima, che quando si comanda cose aspre, conviene con asprezza farle osservare: altrimenti, te ne troveresti ingannato. Dove è da notare, che a voler essere ubbidito, è necessario saper comandare e a comandare le cose forti, conviene esser forte; e quello che è di questa fortezza e che le comanda, non può poi con dolcezza farle osservare (Тамъ же кн. III, гл. 22). Vero è ch'io giudico infelici quelli principi, che per assicurare lo Stato loro hanno a tenere vie straordinarie, avendo per nemici la moltitudine: (тамъ же кн. I, гл. 16). Il che dipende da un'altra necessità naturale ed ordinaria, quale fa che sempre bisogna offendere quelli di chi si diventa nuovo principe, e con gente d'arme, e con infuite altre ingiurie che si tira dietro il nuovo acquisto. Dimodochè ti trovi aver inimici tutti quelli che tu hai offesi in occupare quel principato; e non ti puoi mantenere amici quelli che vi t'hanno (Discorso sul Riformar lo Stato di Firenze). Quali opere volete voi che siano le vostre, che contrappesino alla dolcezza del vivere libero, o che facciano mancare gli uomini dell' desiderio delle presenti condizioni? Non, se vio aggiugnessi a questo imperio tutta la Toscana, e se ogni giorno tornassi in questa città trionfante de' nimici nostri; perchè tutta quella gloria non sarebbe sua, ma vostra, e i cittadini non acquisterebbero sudditi, ma conservi, per i quali si vedrebbero nella servitù raggravare. E quando i costumi vostri fussero santi, i modi benigni, i giudicj retti, a farvi amare non basterebbero: e se voi credessi che bastassino, v'ingannereste; perchè a uno consueto a vivere sciolto ogni catena pesa, ed ogni legame lo strigue; ancora che trovare uno stato violento con un principe buono sia impossibile, perchè di necessità conviene, o che diventino simili, o che presto l'uno per l'altro rovinino. Voi avete dunque a credere, o di avere a tenere con massima violenza questa città, alla qual cosa le cittadelle, le guardie, gli amici di fuori molte volte non bastano; o di essere contento a quella autorità che noi vi abbiamo data: a che noi vi confortiamo, ricordandovi che quel dominio è solo durabile, che è volontario; nè vogliate, accecato da un poco d'ambizione, condurvi in luogo, dove non

potendo stare, nè più alto salire, siate, con massimo danno vostro e nostro, di cader necessitato. Storie Fiorentine кн. II, § 34.

186) См. стр. 76—78.

187) II Principe гл. 3.

188) Тамъ же гл. 9.

189) См. прим 185 и 158.

190) II Principe гл. 8.

191) Тамъ же гл. 3.

192) Тамъ же гл. 6.

193) Тамъ же гл. 3.

194) Тамъ же гл. 3.

195) Тамъ же гл. 3.

196) Тамъ же гл. 4.

197) См. выше стр. 74 и 75.

198) Тамъ же гл. 5. См. такъ же Storie florentine кн. II, § 34

(письмо это приведено выше прим. 185.

199) II Principe гл. 7.

200) Тамъ же гл. 8.

201) Тамъ же гл. 9.

202) См. прим. 208.

203) II Principe гл. 10.

204) Тамъ же гл. гл. 14.

205) Discorsi кн. III, гл. 19 и 22. II Principe. гл. 17.

206) Тамъ же 9 и 4.

207) Тамъ же гл. 22.

208) Тамъ же гл. 23.

209) Discorsi кн. I, гл. 16, 17, 40. кн. III, гл. 19. II Principe гл. 16 и 17. Vivevano adunque i cittadini pieni di indegnazione, veggendo la maestà dell stato rovinata, gli ordini guastil le leggi annullate, ogni onesto vivere corrotto, ogni civii modestia spenta; perchè coloro che erano consueti a non vedere alcuna regal pompa, non potevano senza dolore quello d'armati satelliti a piè e a cavallo, circondato riscontrare. Per che, veggendo più d' appresso la loro vergogna, erano colu che massimamente odiavano di onorare necessitati: a che si aggiugneva il timore, veggendo le spesse morti e le continove taglie, con le quali impoveriva e consumava la città. I quali sdegni e paure erano dal duca cognosciute e temute; non di meno voleva dimostrare a ciascuno di credere essere amato. Onde occorre che, avendogli rivelato Matteo dt Morozzo, o per gratificarsi quello, o per liberar sè dal pericolo, come la famiglia de' Medici con alcuni altri aveva contra di lui congiurato, il duca, non

solamente non ricercò la cosa, ma fece il rivelatore miseramente morire: per il qual partito tolse animo a quelli che volessino dalla salute sua avvertirlo, e lo dette a quelli che cercassino la sua rovina. Fece ancora tagliare la lingua con tanta crudeltà a Bettone Cini, che se ne morì, per aver biasimate le taglie che ai cittadini si ponevano [1343]: la qual cosa accrebbe ai cittadini lo sdegno, e al duca l'odio; perchè quella città, che a fare ed a parlare di ogni cosa e con ogni licenza era consueta, che gli fussino legate le mani, e serrata la bocca, sopportare non poteva. Crebbono adunque questi sdegni in tanto e questi odj, che, non che i Fiorentini, i quali la libertà mantenere non sanno, e la servitù patire non possono, ma qualunque servile popolo arebbono alla recuperazione della libertà infiammato: onde che molti cittadini e di ogni qualità, di perder la vita, o di riavere la loro libertà. *Storie Fiorentine* кн. III, § 36.

²¹⁰⁾ Volendo un principe manteneri lo stato, è spesso forzato a non esser buono; perchè, quando quella univèrsità, o popolo, o soldati, o grandi, che sieno della quella tu giudichi per mantenerti aver bisogno, è corrotta, ti convien seguire l'umor suo, e satisfarle; e allora le buone opere ti sono inimiche (*Il Principe* гл. 19).

²¹¹⁾ Тамъ же гл. 15.

²¹²⁾ Тамъ же гл. 18.

²¹³⁾ См. выше прим. 111.

²¹⁴⁾ Тамъ же гл. 21.

²¹⁵⁾ Тамъ же гл. 21.

²¹⁶⁾ Тамъ же гл. 15.

²¹⁷⁾ Тамъ же гл. 15.

²¹⁸⁾ Тамъ же гл. 18.

ЧАСТЬ II.

1) Письмо отъ 10 Юля 1514 г.

2) Письмо отъ 20 Декабря 1514 г.

3) Письмо отъ 10 Декабря 1513 г.

4) Введение къ I кн. *Discorsi*. (Переводъ Герье).

5) Введение къ III кн. *Discorsi*.

6) *Storie florentine* кн. V § 1. (Раздѣленіе книгъ на параграфы находимъ въ повѣстномъ изданіи сочиненій Макиавелли Р. Fanfani и L. Passerini.

- 7) Il Principe гл. 25 и 26. Discorsi кн. III, гл. 10 кн. I, гл. 12.
- 8) Storie florentine кн. V § 1. Discorsi кн. II, гл. 30. ---
- 9) Storie florentine кн. III § 5.
- 10) Discorsi кн. II, гл. 20.
- 11) Il Principe гл. 12. Discorsi кн. I, гл. 43 Dell' Arte della guerra кн. I.
- 12) Rapporto delle Cose della Magna fatto questo di 17 giugno 1508.
- 13) Тамъ же.
- 14) Discorso sopra le cose d'Alemanga e sopra l'imperadore.
- 15) Legazione X al duca Valentino письмо отъ 13 Ноября 1502 г.
- 16) Тамъ же письмо отъ 27 Октября 1502 г.
- 17) Тамъ же письмо отъ 3 Ноября 1502 г.
- 18) Тамъ же письмо отъ 26 Декабря 1502 г.
- 19) Тамъ же письмо отъ 8 Января 1503 г.
- 20) Legazione XX presso la Corte di Roma письмо отъ 11 Ноября 1503 г.
- 21) Legazione X al duca Valentino письмо отъ 9 Октября 1502 г.
- 22) Тамъ же письмо отъ 8 Ноября 1502 г. тамъ же письмо отъ 3 Ноября 1502 г.
- 23) Legazione a Pandolfo Petrucci письмо отъ 27 Юня 1503 г. Legazione XX Seconda presso la Corte di Roma письмо отъ 6 Сентября 1506 г. Legazione XXIV all' Imperadore Massimiliano in Germania письмо отъ 8 Февраля 1508 г.
- 24) Тамъ же письмо отъ 29 Ноября 1507 г.
- 25) Legazione XX seconda presso la Corte di Roma письмо отъ 26 Сентября 1506 г.
- 26) Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati.
- 27) Legazioni XIII, a Pandolfo Petrucci письмо отъ 17 Юля 1505 г.
- 28) Тамъ же письмо отъ 23 Юля 1505 г.
- 29) Legazione XXI, a Mantova per affari col Imperadore письмо отъ 7 Декабря 1509 г.
- 30) Legazione X al duca Valentino письмо отъ 8 Ноября 1502 г.
- 31) Тамъ же отъ 13 Ноября 1502 г.
- 32) Тамъ же отъ 20 Ноября 1502 г.
- 33) Rittratti delle cose della Francia.
- 34) Della natura de Francesi.
- 35) Rapporto delle cose della Magna.
- 36) Ribellione della Valdichiana e di Arezzo Scritti inedite di Niccolò Machiavelli illustrati da Giuseppe Canestrini. Legazione IX, Comissione al campo contro Arezzo.

- 37) Il principe м. 19.
 38) Discorsi кн. I, гл. 3.
 39) Тамъ же кн. м.
 40) Тамъ же кн. I, гл. 40.
 41) Discorso sopra il Riformar lo stato di Firenze.
 42) Discorsi кн. I, гл. 33.
 43) Письмо отъ 8 Мая 1498.
 44) Письмо отъ 8 Мая 1498.
 45) I Decenali ad Almano Salviati.
 46) Legazione (V) prima alla Corte di Francia.
 47) Legazione IV, Commissione in Campo contro i Pisani e Spedizione contra Pisa del 1409 e del 1504 (въ Scritte inedite, изд. Canestrini).
 48) Legazione VII, a Siena Pandolfo Petrucci; Legazione XII, a Siena a Pandolfo Petrucci, per la seconda volta; Legazione XVI, a Gianpooło Baglioni.
 49) Legazione X al duca Valentino in Romagna Legazione XI, allo stesso; Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nell'ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo; il signor Pagolo e il duca di Gravina, Orsini.
 50) Legazione XIII, alla Corte di Roma. Ср. такъ же. Dispacci di Giustiniani (изд. Villari) Т. II.
 51) См. прим. 46.
 52) Ср. Burckhard Cultur der Renaissance in Italien т. I.
 53) Discorsi I, кн. гл. 10.
 54) Storie fiorentine кн. V, § 1.

ЧАСТЬ III.

1) Ricordi politici e civile (Opere inedite Т. I). Это—рядъ сентенцій, которыя обозначены въ изданіи сочиненій Гвичардини Canestrini цифрами, на которыя мы и указываемъ въ нашихъ ссылкахъ. 126, 213.

2) Тамъ же 20, 30, 31, 35, 274, 332.

3) Тамъ же 6, 23, 208, 218 318, 343, 372, 332.

4) Тамъ же 207, 211.

5) Тамъ же 92.

6) Тамъ же 253.

7) Тамъ же 123, 124.

- 8) Тамъ же 254. Ср. также 159, 160.
- 9) Тамъ же 346. Ср. также 28.
- 10) Тамъ же 61, 150, 218.
- 11) Тамъ же 19, 27, 41, 61, 62, 120, 122, 134, 150, 151, 157, 170, 192, 196, 203, 224, 263, 264, 282, 285, 307, 309.
- 12) Тамъ же 30.
- 13) Тамъ же 41.
- 14) Тамъ же 133, 153, 199, 246, 267, 273.
- 15) Тамъ же 342.
- 16) Del reggimento di Firenze libri due (Opere inedite T. II) ст. 22. Ricordi 172.
- 17) Тамъ же 163, 282.
- 18) Тамъ же 98, 118, 223, 233.
- 19) Тамъ же 133, 164, 177, 218, 224, 225, 240, 241.
- 20) Тамъ же 140, 184, 197, 204, 335, 345, 378, 397.
- 21) Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio стр. 6—10.
- 22) Del Reggimento di Firenze libre due.
- 23) Ricordi 48, 315.
- 24) Тамъ же 114.
- 25) Тамъ же 211.
- 26) Тамъ же 21, 93, 131, 175.
- 27) Тамъ же 342.
- 28) Тамъ же 5, 173.
- 29) Considerazioni стр. 41, 42.
- 30) Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Гл. VI.
- 31) Введение въ Republicque и кн. IV гл. 6.
- 32) Il Principe гл. 16.
- 33) Discorsi кн. I Введение.
- 34) Тамъ же кн. I гл. II.
- 35) Тамъ же кн. I гл. 39.
- 36) Тамъ же кн. III гл. 43.
- 37) Тамъ же кн. I гл. 39.
- 38) Тамъ же кн. I гл. 18.
- 39) Il Principe гл. 25.
- 40) Discorsi кн. I гл. 1.
- 41) Zeitschrift für Völkerpsychologie T. II стр. 397. *Lazarus* Das Leben der Seele T. II стр. 252. *Rottenburg* Vom Begriff des Staates T. I. стр. 35 и 36.
- 42) *Slein* Die vollziehende Gewalt T. I стр. 3 и 5.
- 43) Тамъ же стр. 8 и 9. Критическую оцѣнку органическаго

ученія о государствѣ см. *Krieken* Von d. s. organischen Staats theorie. *Gerber* Grundsätze des deutschen Staatsrechts *Gumplovicz* Philosophisches Staatsrecht.

44) *Frantz* Die Naturlehre des Staates als Grundlage der Staats wissenschaften стр. 179—185.

45) *Paul Janet*. Histoire de la science politique T. II стр. 27.

46) Тамъ же стр. 14.

47) Тамъ же стр. 15.

48) Тамъ же стр. 13.

49) Тамъ же стр. 30.

50) *Ferrari* Machiavel, juge des revolutions de notre temps стр. 6.

51) Тамъ же ст. 7.

52) Тамъ же стр. 9.

53) *Quinet* Revolutions d'Italie стр. 95, 96, 97.

54) Тамъ же стр. 99.

55) Тамъ же стр. 101.

56) Тамъ же стр. 101—104—108.

57) *Matter* Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles стр. 73, 75, 77.

58) Тамъ же стр. 78, 79.

59) *Ad Franck* Reformateurs et publicistes d' Europe стр. 300, 301, 304, 305.

60) Тамъ же стр. 309, 334, 335.

61) *Bluntschli* Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik стр. 10.

62) См. выше стр. 25—36.

63) II Principe гл. 7.

64) См. выше стр. 41—49.

65) См. выше стр. 52—63.

66) Discorsi кн. I, гл. 2.

67) Тамъ же кн. I, гл. 12.

68) Тамъ же кн. I, гл. 55.

69) См. выше стр. 97 и 98.

70) Discorsi кн. I, гл. 10.

71) Discorsi кн. I, гл. 16, 17, 18, 27, 40, 41, 55; II, 23, III, 45.

72) Discorsi кн. I, гл. 9, 11, 16, 17, 18, 26, 34, 35, 40 55; кн. II, гл. 13, 23; кн. III, гл. 2, 3, 4, 5, 40, 41. II Principe гл. 3, 5, 6, 7, 8, 9.

73) Discorsi кн. I, гл. 9.

74) Тамъ же кн. III гл. 41.

75) II Principe гл. 17.

- 76) Discorsi кн. III гл. 3.
 77) Тамъ же кн. I гл. 43.
 78) Тамъ же кн. I гл. 37.
 79) Blunshli Die Lehre vom modernen Staat T. III Politik als Wissenschaft стр. 17, 18
 80) Тамъ же стр. 21.
 81) Чичеринъ Исторія политическихъ ученій Т. I стр. 313.
 82) Holtzendorf Principien der Politik стр. 160.
 83) *Helvetius*. De l'Esprit Discours—III, ch. 9:
 84) Тамъ же, D. III, ch. 9, 10, 11, 12, 13.
 85) Тамъ же, D. II, ch- 2, 7.
 86) Тамъ же, D. II, ch. 2.
 87) Тамъ же, D. II, ch 5.
 88) Тамъ же, D. II, ch. 8, 9.
 89) Тамъ же, D. II, ch. 7.
 90) Тамъ же, D. II, ch. 6, 11, 13, 14.
 91) Тамъ же, D. II, ch. 15, 16, 23, 24.
 92) Тамъ же, D. II, ch. 16, 24.
 93) Тамъ же, D. III, ch. 7.
 94) Тамъ же, D. III, ck. 16, 18, 25, D. II, 21.
 95) Тамъ же, D. III, ch. 18—22.
 96) Тамъ же, D. III, ch. 23, 24
 97) *Système de la nature*. I partie, ch. 6, 9, 15.
 98) Тамъ же, I p., ch. 9, 15.
 99) Тамъ же, I p., ch. 15, 16.
 100) Тамъ же, I, p., ch. 15.
 101) Тамъ же, I, p., ch. 9, 14, 15, 16, 17.
 102) Тамъ же, I p., ch. 15.
 103) *Bentham*. Deontology, p. I, ch. 1, 2, 3.
 105) Тамъ же, I, ch. 4.
 106) Тамъ же, p. I, ch. 1.
 107) Тамъ же, p. I, ch. 1, 5.
 108) Тамъ же, p. I, ch. 8.
 109) Тамъ же, p. I, ch. 4, 11, 14.
 110) Тамъ же, p. I, ch. 2.
 111) Тамъ же, p. I, ch. 8, 15.
 112) Тамъ же, p. I, ch. 7, 8.
 113) *Mill*. Utilitarism.
 114) *Clavel*. *Morale positive*. Введеніе.
 115) Тамъ же, ч. I, гл. 2, II, 1.
 116) Тамъ же, II, 1.

- 117) Тамъ же, I, 2.
 118) Тамъ же, I, 2..
 119) Тамъ же, I, 2, II, 1.
 120) Тамъ же I, 2.
 121) Тамъ же, II, 3.
 122) Тамъ же, II, 4.
 123) Тамъ же, Введение, I, 2; I, 3.
 124) Тамъ же, I, 2; III, 2.
 125) Тамъ же, III, 1, IV, 1.
 126) *Lesky*. Sittengeschichte Europa's T. I, гл. 1; *Hartmann*.
 Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins, стр. 589 и сл. *Умчеринъ*.
 Исторія политическихъ ученій Т. III, отд. II, 4; отд. IV, 3.
 127) *Discorsi*, кн. I, гл. 11, 12, 13 и 14.
 128) *Discorsi* кн. I, гл. 11.
 129) Тамъ же кн. I, гл. 18.
 130) Тамъ же кн. I, гл. 55.
 131) Тамъ же кн. I, гл. 16.
 132) Тамъ же кн. I, гл. 16.
 133) Тамъ же кн. I, гл. 17.
 134) Письмо къ Веттори 14 Декабря 1513 г.
 135) *Storie Fiorentine* кн. V, § 8.



ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
стр.		
22	послѣдующимъ	слѣдующимъ
»	ученія	пзученія
119	побѣдой партіи	побѣдой одной партіи
127	не знаетъ	не знаешь
145	общества	отечества
286	существованія ⁹⁹⁾	существованія
287	желанія ¹⁰⁰⁾	желанія ⁹⁹⁾
»	услуги ¹⁰¹⁾	услуги ¹⁰⁰⁾
289	раболѣпіе ¹⁰²⁾	раболѣпіе ¹⁰¹⁾
290	толпы ¹⁰³⁾	толпы ¹⁰²⁾
304	человѣку ¹²⁴⁾	человѣку ¹²²⁾

